

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№4–2 2023 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

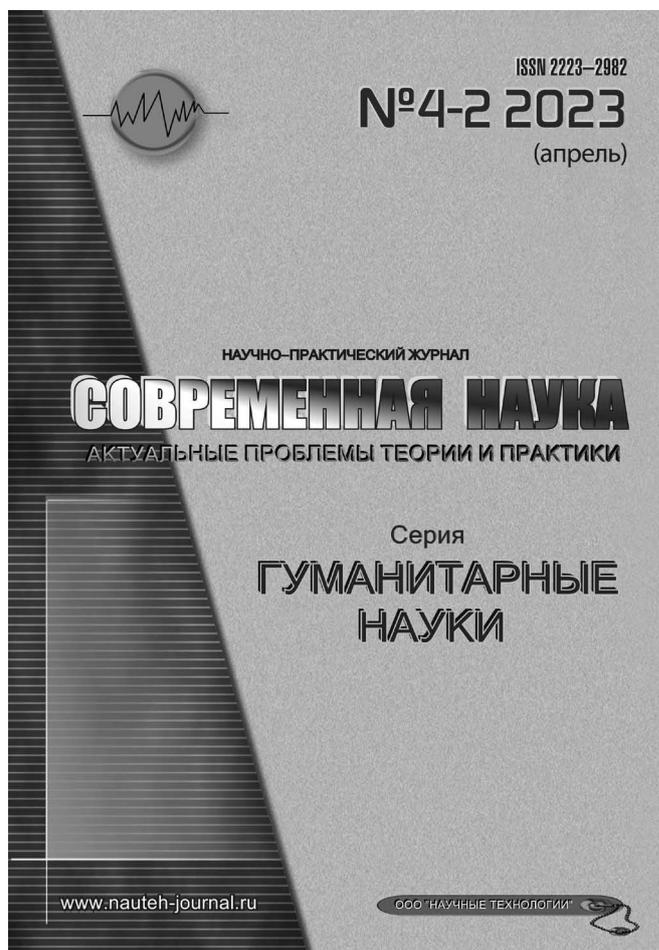
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №4-2 (апрель) 2023 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 13.04.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Балдин П.П., Дворковая М.В., Куренкова Е.А. – Феномен «прибыльщиков» в политике российского государства начала XVIII в.

Baldin P., Dvorkovaya M., Kurenkova E. – The phenomenon of "profiteers" in the politics of the Russian state at the beginning of the XVIII century 7

Галеева Н.Ф., Файзрахманов Р.Р. – Реконструкция родословной ишан хазрата Х.И. Исмагилова – имама мечети деревни Татарские Шуруты
Galeyeva N., Fayzrakhmanov R. – Reconstruction of ishan-hazrat H.I. Ismagilov's genealogy – imam of the Tatar Shuruty village mosque 10

Григорьева Н.А., Логачёва Н.В. – Исторический опыт развития нотоиздательской деятельности в России второй половины XIX- нач. XX вв. в условиях конкурентных отношений
Grigorieva N., Logacheva N. – Historical experience in the development of music publishing in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries in a competitive environment 16

Казамбиева П.М. – Аварское ханство: интеграция в состав Дагестанской области
Kazambieva P. – Avar khanate: integration into the Dagestan region 19

Каримов Т.Т. – К вопросу формирования и развития башкирского сословия (по материалам VII ревизии Бирского и Стерлитамакского уездов Оренбургской губернии)
Karimov T. – On the question of the formation and development of the Bashkir estate (by the materials of the VII revision of the Birsky and Sterlitamak district of the Orenburg province)..... 25

Каримов Т.Т. – О переводах в башкирское сословие в Уфимском уезде Оренбургской губернии (по материалам VII ревизии)
Karimov T. – About transfers to the Bashkir estate in the Ufa district of the Orenburg province (by the materials of the VII revision)..... 30

Шляхов А.В. – Историческая память о Первой мировой войне на страницах журнала «Вопросы истории» (на примере 1953 года)
Shlyakhov A. – Historical memory of the First world war on the pages of "Questions of history" journal (based on the example of 1953) 35

Шляхов А.В. – Методология анализа исторической памяти о Первой мировой войне на страницах отечественных исторических журналов (на примере журналов «Борьба классов» и «Исторический журнал» в 1934 и 1944 годах)
Shlyakhov A. – Methodology of historical memory analysis of the First world war on the pages of Russian historical journals (based on the example of magazines "Class struggle" and "Historical journal" in 1934 and 1944)..... 39

Ярцев С.В. – Иоанн Златоуст и особенности распространения христианства в Северном Причерноморье в условиях особого этнокультурного взаимодействия в регионе
Yartsev S. – John Chrysostom and the peculiarities of the spread of Christianity in the Northern Black Sea region in the context of special ethno-cultural interaction in the region 45

Педагогика

Антипов О.В., Гежа Р.В., Карсека Л.С. – Проблемы преподавания физической культуры в общеобразовательных учреждениях России
Antipov O., Gezha R., Karseka L. – Problems of teaching physical culture in general educational institutions of Russia..... 58

Беленкова Ю.С. – Особенности и трудности изучения русского языка как иностранного <i>Belenkova Yu.</i> – Features and difficulties of learning Russian as a foreign language 62	Келазева Е.А., Пискова Д.М., Родионова А.И. – Вариации развития двигательных возможностей мальчиков 11-12 лет <i>Kelazeva E., Piskova D., Rodionova A.</i> – Variations in the development of motor abilities of boys aged 11-12..... 88
Богданова Ю.З., Мухамадиева Д.М. – Роль ментальных карт в процессе обучения <i>Bogdanova Yu., Mukhamadieva D.</i> – The role of mental maps in learning 65	Ли Яцзюань, Сергеева М.Г. – Исследование изменения роли учителей в цифровую эпоху <i>Li YaJuan, Sergeeva M.</i> – A study on the changing role of teachers in the digital age 95
Булах К.В., Тартышева Н.А., Тартышева А.В., Петьков В.А. – Наставничество в профессиональном становлении молодых специалистов: эволюция представлений, форм и средств <i>Bulakh K., Tartysheva N., Tartysheva A., Petkov V.</i> – Mentoring in the professional development of young specialists: the evolution of ideas, forms and means..... 69	Миронова А.В., Рыкова Е.А. – К вопросу о расстройствах аутистического спектра: классификация, основные симптомы и причины их возникновения <i>Mironova A., Rykova E.</i> – On the issue of autism spectrum disorders: classification, main symptoms and causes of their occurrence 99
Ван Юньдун, Панкова Т.Н., Курклинская Э.Ю., Абдуллаева З.Р., Фадеева Н.В. – Динамика развития тенденций и роль технологий в дистанционном обучении <i>Wang Yu., Pankova T., Kurklinskaya E., Abdullayeva Z., Fadeeva N.</i> – The dynamics of trends and the role of technology in distance learning..... 73	Павловская Е.А. – Обучение иностранных учащихся русскому языку для специальных целей (LSP) на начальном этапе <i>Pavlovskaya E.</i> – Teaching foreign students Russian for Special Purposes (LSP) at the initial stage 102
Герасименко Т.Л., Шульженко А.А. – Обучение студентов ИТ направлений работе с профессионально-ориентированным иноязычным текстом <i>Gerasimenko T., Shulzhenko A.</i> – Teaching students of information technology to work with a professionally- oriented foreign language text..... 78	Рахматов А.И. – Использование рукоборцем тактического достижения успеха в поединке над соперниками <i>Rakhmatov A.</i> – The use of a hand wrestler in the tactical achievement of success in a duel over an opponent..... 105
Дерзян В.Е. – Моделирование профилактики личностной беспомощности в начальной школе <i>Derzyan V.</i> – Modelling prevention of personal helplessness in primary school 81	Скопа В.А., Степанов Е.С. – Религиозное образование как основа формирования духовно-нравственных ценностей учащихся <i>Skopa V., Stepanov E.</i> – Religious education as a basis for the formation of spiritual and moral values of students 111
Динейкина Е.В., Мейер Л.Х. – Дискуссия как эффективный метод формирования и развития общекультурных компетенций студентов <i>Dineikina E., Meier L.</i> – Discussion as an effective method of formation and development of students general cultural competencies 84	Слепак Е.В. – Зачем развивать креативное мышление в образовательной среде <i>Slepak E.</i> – Why develop creative thinking in an educational setting 115

Юсупова Т.Г. – Особенности иноязычного образовательного процесса на средней ступени в общеобразовательной школе
Yusupova T. – Features of the foreign language educational process at the secondary level in a comprehensive school 118

ФИЛОЛОГИЯ

Абдуллина Л.Р., Лукина М.С. – Прагмастилистические особенности новогодних обращений президента
Abdullina L., Lukina M. – Pragma-stylistic features of the president's new year's addresses. 121

Бакуменко О.Н. – Репрезентация концептосферы «погодные явления» в англоязычном лексиконе В. Набокова (на материале «Speak, Memory»)
Bakumenko O. – Representation of the concept sphere "Weather phenomena" in V. Nabokov's English lexicon 124

Голикова Т.О. – Семантическая природа признаков имен
Golikova T. – Semantic nature of attributive names 128

Денисова О.И. – К вопросу о функционально-семантическом поле категории модальности долженствования в испанском языке: структуры *deber+infinitivo* и *necesitar+infinitivo* (на материале испанского газетного дискурса)
Denisova O. – On the question of the functional-semantic field of the modality of obligation in the Spanish language: *deber+infinitivo* and *necesitar+infinitivo* (based on the Spanish newspaper discourse) 134

Иванов Н.В., Черемисова Е.А. – Особенности использования лексических и стилистических средств в художественном тексте и их роль в создании языковой картины мира (на примере произведения Нэнси Митфорд «The Blessing»)
Ivanov N., Cheremisova E. – Features of the use of lexical and stylistic means in a literary text and their role in creating a linguistic picture of the world (based on the example of Nancy Mitford's work "The Blessing") 137

Кобякова Н.Н. – Лингвокогнитивные модели фразеосемантического поля «Речевая деятельность» в современном русском языке
Kobyakova N. – Linguocognitive models of the phraseosemantic field "speech activity" in modern Russian 142

Кучинская Е.А. – Образная когезия и лингвостилистические особенности ее выражения в рассказе Д. Голсуорси «Timber»
Kuchinskaya E. – Figurative cohesion and linguistic stylistic features of its expression in D. Galsworthy's short story "Timber" 146

Ли Хуаньхуань – Особенность семантики и употребления предлога временной протяженности «в течение» в лингвокогнитивном аспекте
Li Huanhuan – The peculiarity of the semantics and use of the preposition of temporal extension "during" in the linguocognitive aspect. 151

Лю Цинян – Субъективная и авторская модальности: соотношение понятий
Liu Qingyang – Subjective and authorial modality: the relationship of concepts 155

Мусаева А.Г. – Проблема отчуждения и самоидентификации постколониальной феминистской прозы
Musayeva A. – The problem of alienation and self-identification in post-colonial feminist prose 158

Семенова О.Ф. – Культура отмены – новая дискурсивная практика: социокультурный аспект
Semenova O. – Cancellation culture is a new discourse practice: socio-cultural aspect 162

Серебренникова Н.Г. – Использование понятия «поэтема» при анализе художественного текста
Serebrennikova N. – The use of the concept of "poeteme" in the analysis of a literary text 168

Солопий Д.К., Богоявленская Ю.В. – Виртуально-игровые реалии в компьютерных играх «Rome: Total War» и «Total War: Medieval 2»
Solopii D., Bogoyavlenskaya Yu. – Virtual gaming realias in computer games "Rome: Total War" and "Total War: Medieval 2" 171

Ху Сяюсюй – Союз «все равно как» в лексикографическом аспекте
Hu Xiaoxu – Conjunction "vse ravno kak" in the lexicographic aspect178

Цыбенова О.А. – Монгольская языковая картина мира и некоторые трудности перевода общественно-политического текста
Tsybenova O. – The Mongolian language picture of the world and certain difficulties in translating a socio-political text.182

Чижикова С.Н. – Психолингвистические аспекты аудирования иноязычной речи при обучении иностранному языку
Chizhikova S. – Psycholinguistic aspects of listening to foreign speech in teaching a foreign language187

Ян Лэй – Функционирование феминитивов в русском языке
Yang Lei – The functioning of femininitives in the Russian language190

Информация

Наши авторы. Our Authors.....194

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....196

ФЕНОМЕН «ПРИБЫЛЬЩИКОВ» В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НАЧАЛА XVIII В.

THE PHENOMENON OF "PROFITEERS" IN THE POLITICS OF THE RUSSIAN STATE AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY

*P. Baldin
M. Dvorkovaya
E. Kurenkova*

Summary: The reform of Peter I in the field of taxation is one of the most interesting phenomena in the history of Russia. This reform is closely connected with the formation of the system of state control bodies in the Peter the Great era, which was expressed in the activities of the fiscal system. The tax policy of Emperor Peter led, in turn, to the birth of the position of "profiteers" – a group of officials thinking about how to replenish the treasury of the state. The authors of this article, based on historical documents, are trying to investigate the history of the formation of the position of a profiteer and the specifics of the work of this category of Peter's officials.

Keywords: Peter I, financial management system, fiscal, profiteer, taxes, taxation.

Балдин Павел Павлович

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
baldin.p@mail.ru

Дворковая Марина Васильевна

кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»;
marinadvorkovaya@yandex.ru

Куренкова Евгения Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
kurenkovagane@mail.ru

Аннотация: Реформа Петра I в области налогообложения – одно из самых интересных явлений в истории России. Эта реформа тесным образом связана с формированием в петровскую эпоху системы органов государственного контроля, получившей свое выражение в деятельности фискалитета. Налоговая политика императора Петра привела, в свою очередь, к рождению должности «прибыльщиков» – группы чиновников, думающих о том, как пополнить казну государства. Авторы данной статьи на основе исторических документов пытаются исследовать историю становления должности прибыльщика и специфику работы данной категории петровского чиновничества.

Ключевые слова: Петр I, система финансового управления, фискал, прибыльщик, налоги, налогообложение.

Годы правления Петра I – удивительная эпоха в истории России. И не только потому, что это время знаменательно изменениями во всех областях жизни российского общества; реформами, затрагивающими внешнюю и внутреннюю политику России. Уникальность петровской эпохи обеспечивает появление ранее невиданных в государстве должностей, которые ввел император, стараясь обеспечить в стране порядок и законность.

Для Петра I как царя-реформатора огромное значение имели «преобразования в сфере государственного аппарата, в структуре которого одно из ведущих мест занимали финансовые органы. Финансовый аппарат, как и армия, стал для Петра тем краеугольным камнем, который определяет сущность государства и его дальнейший путь развития» [1].

Первая попытка усилить финансовое управление была сделана еще в 1713 году, когда назрела необходимость создания механизма сбора налогов. Но только в 1718 году в России была учреждена Камер-коллегия, «начавшая функционировать в 1721 г. Согласно регламенту Камер-коллегии, утвержденному 11 декабря 1719 года, ее главная обязанность состояла в надзирании и прав-

лении над всеми окладными и неокладными доходами. Иными словами, Камер-коллегия управляла сборами пошлин, недоимок, исполнением натуральных повинностей» [5, с. 268].

Создание нового, финансового, государственного аппарата требовало расширения штата и создания новых должностей. Так, указом от 17 марта 1714 года в России была учреждена должность фискала, который должен был а) пресекать «всякие преступления указам» и «всякие взятки и кражу казны, и прочее, что ко вреду государственному интересу быть может, какого б оно имени не было» [5, с. 115]. Но еще раньше была «во славу государства Российского» учреждена должность «прибыльщика», в задачу которого входило пополнение государственной казны за счет новых источников доходов.

Историки свидетельствуют, что в деятельности Петра I прослеживается одна «закономерность – отказ от обычного способа увеличения источников государственной казны, а именно, от введения общих для всех дополнительных податей» [7, с. 45]. Доходы, на которые делал упор император, были косвенного характера.

Еще в 1699 году А.А. Курбатов, советник Петра по во-

просам финансов и администрирования, а в то время всего лишь крепостной дворецкий сподвижника императора Б.П. Шереметева, указал российскому Самодержцу средство для увеличения государственных доходов, которым, по его мнению, должно было стать установление новых косвенных налогов. Эта идея пришла ему в голову во время заграничной поездки путешествия 1697-1698 гг., в которой А.А. Курбатов сопровождал своего хозяина. С острова Мальта он вывез проект гербовой бумаги, только что изобретенной на Западе, сообщив императору, что после реализации этого проекта в России и «налог на нее ввести можно». 23 января 1699 года после прочтения письма Курбатова Петр I сделал распоряжение об исполнении его мысли и, как замечает летописец петровского времени, князь Куракин, «с того числа начали умножаться прибыли», а Курбатов, как первый в России прибыльщик был щедро награжден государем и пожалован в дьяки Оружейной палаты» [6, с. 57].

В скором времени первый «прибыльщик» стал исполнять и обязанности фискала. Обнаружение «кражи казны», как и установление новых налогов, тоже давало «прибыль» государству. В 1704 году А.А. Курбатов начал крупное дело о продаже фальшивого (воровского) серебра. В том же году, по доносу, он уличил богатых купцов Шустовых в неправильном показании о размерах своего имущества, за что получил от Петра крупную награду.

Итак, «прибыльщики» пополняли государственную казну за счет введения новых налогов и сборов. По сути дела, они придумывали, изобретали новые налоги, хотя и брали иногда в качестве образцов примеры из западной практики.

Федор Салтыков, один из наиболее рьяных для своего времени «прибыльщиков», писал Государю: «Во всяком городе, в его уезде, в нарочитых селах и при монастырях уездных, в церковные их праздники следует учинить уреченное число торговщ, смотря по великости того уезда, а быть тем торговищам дня по три, а не больши, чтобы поселяне, живущие окрест тех мест, не были в праздности от своих работ; и когда такие торговища учинятся, прибыль будет нарочитая в таможенных и в кабацких сборах» [6]. «Земля наша обширна и богата», - писал Салтыков и от всего – «от виноделия» и «сеяния табака», от «заводов шелковых парчей» и «суконных заводов», от «рыбных промыслов» и «дверинных ловлей» – можно извлечь финансовую выгоду, облажив налогом «всякое предприятие» [6].

А.А. Курбатов указывал на «присоединение соляного собора, который, чрез верноусердное особликое смотрение, может произыти в немалое, пред нынешним, казны кабинетной пополнение» [6].

Предложений от «прибыльщиков» исходило много и

со временем были учреждены: «налоги на рыбную ловлю, на мельницы, а также поземельный, померный (с мер и весов), хомутовый, шапочный, сапожный, с извозчиков, пчелиный, банный, с найма домов, с печей, с дров, с арбузов, огурцов, с бород и усов, свадебный налог, брачный налог на инородцев и т.д.» [3, с. 257].

«Прибыльщики, - пишет В.О. Ключевский, - проявили большую изобретательность. Из перечня придуманных ими налогов, «выданных прибылей», как тогда говорили, видим, что они устроили генеральную облаву на обывателя, особенно на мелкого промышленника, мастерового и рабочего. В погоне за казенной прибылью они доходили до виртуозности, до потери здравого смысла, предлагали сборы с рождений и браков... Дивиться надо, как могли... прибыльщики проглядеть налог на похороны» [4, с. 834]. «Работа прибыльщиков, - продолжает далее историк, - любопытна тем, что вскрывает одно из основных правил финансовой политики Петра: требовать невозможного, чтобы получить наибольшее из возможного» [4, с. 837].

В то время были созданы «специальные канцелярии (банная, рыбная, постоялая, медовая и др.), подчинявшиеся главной канцелярии. Общее число этих мелких сборов превышало 30. Важным источником государственных доходов стали казенные монополии на соль, табак, мел, деготь, дубовые гробы и т.д.» [3, с. 257]. Был введен и так называемый подворный налог: посадский, дворцовый, помещичий, церковный и т.п.

Когда «подворное» налогообложение изжило себя, то государство перешло к подушному налогу, имеющему уравнительный характер. Известно «Донесение об уравнительном платеже» (1714) Алексея Нестерова, который писал Петру, что нужен такой налог, от которого никто не сможет укрыться – ни приказчик, ни сам сборщик налогов. «Если учинить уравнительный платеж, то все будут довольны и платить станут без доимок, со всякою охотою, что один перед другим, как большие, так и меньшие, и никому не будет обидно» [6, с. 59].

По мнению Д.А. Смирнова, «принцип подушного обложения был наиболее знаменитым принципом петровской эпохи. В условиях постоянного поиска новых источников доходов применение данного принципа, существенно отличающегося от подворного, стало объективно-закономерным условием. Это было связано с влиянием долговременного процесса, постепенного увеличения и расширения потребностей государства; развитием способов и средств, направленных на удовлетворение этих потребностей» [7, с. 46].

«Взятие подушной подати было возложено на Военную коллегию, поскольку подушная подать направлялась на содержание армии и флота. Плательщиками

этого налога были все разряды крестьян (зависимые, черносошные, бобыли), посадские люди и купцы» [2, с. 62]. Тяжесть подушного налогового гнета была существенной, а временами и невыносимой. С его введением «помещики увеличили размеры оброков. А на государственных крестьян, не плативших помещичьих податей, казна ввела дополнительные налоги» [3, с. 258]. Таким образом, положение всех категорий крестьянства значительно ухудшилось.

Но, несмотря на всю тяжесть, которую несли собираемые в России налоги, налоговая политика императорского двора, как считают историки, была обусловлена

внешней и внутренней политикой государства. Уникальность созданной Петром I налоговой системы состоит еще и в том, что она была продумана, сформирована на основе правовых принципов и закреплена законодательно, т.е. правовыми актами. Таким образом, именно право являлось основным социальным регулятором политики Петра I в области налогов и сборов. Система управления финансами, созданная Петром I, «обладающая такими необходимыми качествами, как стабильность и динамизм, отвечала основным потребностям абсолютистского государства и с середины 30-х годов до второй половины XVIII в. не подвергалась изменениям» [1, с. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакин Д.В. Финансовый аппарат России в конце XVII - первой половине XVIII в. (Организационно-правовое строительство): Автореф. дисс. ... канд. юр. Н. – М., 1998. – 25 с.
2. Башашкина Г.Ю. История налогообложения. Налогообложение в России до 1917 года // Транспортное дело России. – 2017. – № 4. – С. 61-63.
3. Исаев И.А. История государства и права России. – М.: Юристъ, 2004. – 797 с.
4. Ключевский В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА!КНИГА», 2019. – 1197 с.
5. Законодательство Петра I. 1696-1725 годы / Сост. В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2014. – 528 с.
6. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. – С.-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1897. – 244 с.
7. Смирнов Д.А. Реформирование и совершенствование принципов налогообложения в эпоху Петра I // Общество и право. – 2012. – № 5 (42). – С. 44-50.

© Балдин Павел Павлович (baldin.p@mail.ru), Дворковая Марина Васильевна (marinadvorkovaya@yandex.ru),
Куренкова Евгения Алексеевна (kurenkovagane@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный университет просвещения

РЕКОНСТРУКЦИЯ РОДОСЛОВНОЙ ИШАН ХАЗРАТА Х.И. ИСМАГИЛОВА – ИМАМА МЕЧЕТИ ДЕРЕВНИ ТАТАРСКИЕ ШУРУТЫ

Галеева Наиля Фазыловна

сотрудник центра генеалогических исследований

«Семь поколений», г. Казань

13nelia31@mail.ru

Файзрахманов Рузаль Рафисович

независимый исследователь, г. Казань

shai_murza@mail.ru

RECONSTRUCTION OF ISHAN-HAZRAT H.I. ISMAGILOV'S GENEALOGY – IMAM OF THE TATAR SHURUTY VILLAGE MOSQUE

**N. Galeeva
R. Fayzrakhmanov**

Summary: The article is devoted to the genealogy and reconstruction of the generational description of Hasan Ismagilov's family, who for many years had been an imam-khatib in the village of Tatar Shuruty (nowadays in Komsomolskoye district of the Republic of Chuvashia). The authors, based on various kinds of information, present and describe a detailed genealogical scheme of the family. The article includes unpublished materials: memoirs of villagers, documents and letters of family members.

Keywords: genealogy, generational description, Buinsk uезд, cultural heritage, register book, census records.

Аннотация: Статья посвящена генеалогии и реконструкции поколенной росписи рода Хасана Исмагиловича Исмагилова, который на протяжении многих лет занимал должность имам-хатыйба деревни Татарские Шуруты Комсомольского района Республики Чувашия. Авторы на основе различного рода информации представляет и описывают подробную родословную схему рода. Статья включает ранее неопубликованные материалы: воспоминания жителей, документы и письма представителей рода.

Ключевые слова: генеалогия, поколенная роспись, Буинский уезд, культурное наследие, метрическая книга, ревизская сказка.

В 1995 году в деревне Татарские Шуруты Комсомольского района Чувашской Республики состоялось торжественное открытие новой мечети, построенной на средства жителей деревни и меценатов. Дата открытия была не случайна – в этот год жители отмечали 90-летие со дня смерти известного в округе ишан хазрата Хасана Исмагилова. Мечеть также была названа в его честь – «Хасан ишан».

В июле 2022 года в деревне, в рамках 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией и 30-летия открытия мечети в деревне прошел круглый стол «Жизнь и деятельность ишан хазрата Хасана Измаилова» и форум «Духовно – нравственное воспитание подрастающего поколения на основе сохранения исторического наследия».

В чем же причина такого внимания к данной персоне? Основными причинами можно назвать тесную связь хазрата Хасана Исмагилова с религиозной общиной деревни и его званием ишана.

Ишан – суфийское религиозное звание, которое имеют духовные наставники тарикатов. Ишаны вправе передавать свои знания ученикам – мюридам. Ишаном в суфийской традиции может стать любой мусульманин,

достигшим определённого уровня просвещённости. Однако существуют и такие суфийские школы, в которых ишанами именуют исключительно потомков Пророка Мухаммада или его ближайших сподвижников. Подобная практика породила появление целых династий ишанов, которые существуют и в наши дни [17].

Помимо этого, стоит отметить, что сын Хасана Идиятулла Хасянов также был имамом деревни Татарские Шуруты. Свидетельство Центрального Духовного Управления Мусульман России было получено им 03 января 1925 г. «Дано сие Центральным Духовным Управлением Мусульман России гр. дер. Шурут, Батырского уезда Чувашской области Идиятулле Хасянову в том, что он, Хасянов в качестве избранного в установленном порядке прихожанами 1 соборной мечети дер. Шурут, Батырского / бывше Буинского / уезда Чувашской области был подвергнут в присутств. оренбург. магомеданского Дух. собрания, испытанию в должном знании правил шариата и согласно постановлению сего Управления, состоявшегося 3-го января 1925 года в силу п.7-го, §8 Устава Духовной организации Мусульман России, утвержден в звании имама вышеозначенной мечети, вследствие чего ему, Хасянову вменяется в священную обязанность пребывать в строгом послушании постановлениям Съезда

Мусульман, вести себя как то приличествует духовной особе, как учителю и наставнику своей духовной паствы, быть верным и искренним служителем Ислама, дабы своим рачительным служением вере и заботой о своих духовных чадах стяжать уважение и почитание всех и каждого».

Этот документ по сей день хранится в семье потомков Идиятуллы Хасянова. Однако он не был единственным ему выданным. В метрической книге деревни Татарские Шуруты Буинского уезда Симбирской губернии за 1916 год указано, что Идиятулла сын муллы Хасана получил указ о назначении его имам хатыйбом в январе 1911 года за №558. Документы мечети хранятся у него [3. Л. 527 об.].

Согласно записи в метрической книге за 1909 год, имам мечети Исмагилов Идиятулла Хасанович родился 2 мая 1880 года Утвержден в качестве имама 7 июля 1905 года за № 1873. Знания получил в мечети города Казани у Касыйм хазрата. Метрики ведутся с 1833 года и хранятся у имама Хасана Исмагилова. Однако в этой же записи есть приписка – по причине кончины хатыйба графа осталась открытой [4. Л. 245 об.].

Метрическая книга деревни Татарских Шурут за 1907 год имеет следующую запись: мулла Идиятулла сын Хасана Исмагилова родился 2 мая 1880 года. Утвержден в качестве имам-хатыйба 7 июля 1905 года за № 357. Образование получил в Казани в Апанаевском медресе у Касыйма хазрата. Метрики хранятся у Хасана Исмагилова [5. Л. 88 об.].

То есть Идиятулла Хасанович родился 2 мая 1880 года. В 1905 году он получил указ о назначении имамом, в 1911 вновь стал имам хатыйбом, а в 1925 году после установления советской власти получил свидетельство нового образца.

В октябре 1931 года Хасянов Идиятулла Хасанович

был обвинен по ст.58 п.10 УК РСФСР, ст.58 п.11 УК РСФСР. Осудившим органом выступило особое Совещание при Коллегии ОГПУ. Приговор: Хасянова из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п. сроком на 3 года, считая срок с 14 апреля 1931 г. Реабилитирован он был только 27 июня 1989 г. В документе значится иной год его рождения: 1878 [18].

Точную дату его удалось установить благодаря метрической книге деревни за 1880 год [6. Л. 113].

Дата рождения в метрике совпадает с записями в формулярах метрических книг деревни за разные года.

Стоит обратить внимание, что в графе отец написано: мулла Хасан сын муллы Исмагила. Значит Идиятулла Хасянов был муллой уже в третьем поколении. В ходе изучения метрических книг деревни Татарские Шуруты Буинского уезда, хранящихся в Государственном архиве Республики Татарстан удалось выявить дополнительные сведения о семье Хасана Исмагиловича. Документы за некоторые годы в архиве не имеются, в связи с этим полностью выявить все факты, касающиеся данной семьи, не удалось.

В изученных документах выявлены сведения о 5 сыновьях и 3 дочерях Хасана Исмагилова. Согласно одной из записей у нее была еще дочь Бибахадича, запись о рождении которой выявить не получилось. Не удалось выявить и факт о рождении еще одного сына – Валимухаммеда, скончавшегося в 1892 году в возрасте 28 лет. Из пяти сыновей, к сожалению, в младенчестве погибают двое: Гатаулла и Гиниятулла. Согласно сведениям, сохранившимся в семье, у Хасана Исмагилова были также дочери Ркия, Бибилайта и Разия, метрики которых найти не удалось.

Так же становится известно, что у Хасана Исмагиловича было две жены. Записи о разводе или смерти первой жены, ровно, как и женитьбе на второй найти не удалось.

Перевод со старотатарского языка.

Метрическая книга деревни Татарские Шуруты Буинского уезда Симбирской губернии

[о рожденных]

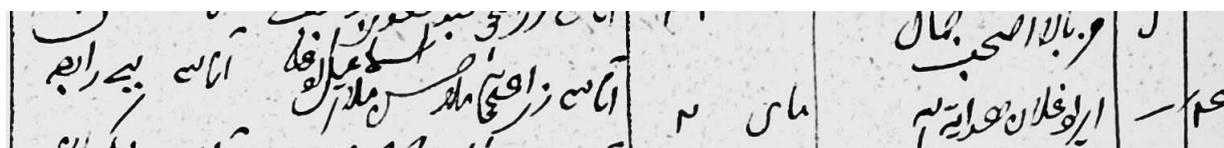
Запись № 4

Хидиятулла.

Родился 2 мая 1880 года.

Отец земледелец мулла Хасан сын муллы Исмагила.

Мать Бибирабига

Вероятнее всего жены были из других деревень.

Первая жена, Бибирабага Мухаметзяновна родила Бибигайшу (28 октября 1876 г.), Бибисару (14 июля 1877 г.), Идиятуллу (2 мая 1880 г.), Гиниятуллу (8 сентября 1882 г. - 18 ноября 1883 г.), Гатауллу (28 января 1887 г. - 19 августа 1887 года). Вторая жена Махизямал Хуснетдиновна родила сына Лотфуллу (14 июня 1893 г. - 28.11.1894 г.).

Согласно записям о смерти, 28 января 1892 года от боли в груди скончался 28-летний Валимухаммед, сын муллы Хасана Исмагиловича. Судя по этой записи, Валимухаммед родился в 1864 году, но документы деревни Татарские Шуруты за этот год в архиве отсутствуют. 23 марта 1872 года в возрасте 4 лет умерла от оспы Бибихадича Хасановна. Запись о ее рождении также не найдена в связи с отсутствием метрической книги 1868 год (предположительный год его рождения).

Но что можно узнать о самом ишане Хасане Исмагилове? Исходя из факта, что, как выяснилось ранее, хранение метрических книг переходит от Хасана Исмагиловича к его сыну Идиятулле между 1909 и 1911 годом, а в книге за 1909 год указано: «По причине кончины хатыйба графа осталась открытой», он умер в 1908-1909 годах. По воспоминаниям Бадретдина Шамсутдиновича Сираева, записанным 6 мая 1983 года Ф.К. Алимовой и переписанным автором, в 1910-1912 годах в мечети был произведен ремонт. Ремонтники были из другой деревни. Привезли бревна. Их установили под нижние ряды мечети, которая к тому времени уже подкосилась. Так её выравнивали. Обшили. Из Бахтигельдино прибыли люди для покраски. На центральной речке подготовили краску. Сделали крышу. В это время муллой был Идиятула, его отца в живых уже не было [15].

За мечетью расположено старое кладбище деревни, на котором находится могила Хасана Исмагилова. На плите указаны даты: 1842-1905. Но со слов нынешнего имама деревни Шафигуллы Зинатулловича Наскаева старое кладбище долгое время находилось в запусте-

нии. От могил остались только небольшие возвышенности. Русло реки расширилось и часть могил обрушилось на берег. После открытия мечети в 1995 году прихожане огорожили часть кладбища. Могила Хасана Исмагилова нашли по ориентирам в виде старых высоких берез и поставили плиту с примерными датами жизни.

Б.Ш. Сираев говорил, что Хасан бабай умер примерно в 1908 году. В это время земля была слишком сырая и в его могилу залилась вода. Сверху положили брезент. Шахси бабай и Таматук бабай вычерпывали воду из могилы, прежде чем туда положить Хасан бабая. Ранее умерла его жена, она была похоронена там же. На кладбище в центре деревни, за березовыми кустами. Позже на их могилы посадили деревья. Эти две старые березы растут до сих пор [15].

Точная дата смерти Хасана Исмагиловича была найдена в метрической книге д. Татарские Шуруты за 1909 год [7. Л. 251 об.].

Помимо точной даты смерти эта запись дает возможность установить примерный год его рождения (1831) и имя бабушки – Джагфар (Ягъфар, Яфар).

Но откуда был род Хасана Исмагилова? В метрической книге деревни Татарские Шуруты за 1907 год указано, что родившийся 22 марта 1832 года имам-хатыйб деревни Шуруты мулла Хасан сын муллы Исмагила утверждён в качестве имам-хатыйба в декабре 1862 года. Номер указа неизвестен. Образование получил в медресе в городе Буинске у Габдельвахида (фамилия неразборчива – прим. авторов). После этого обучался у муллы Габдельнасыра хазрата [5. Л. 88 об.].

В пользу версии о том, что Хасан Исмагилов родился в деревне Татарские Шуруты говорят и некоторые исследователи. Он родился 15 сентября 1832 году. После получения начального образования в мусульманской школе своей деревни долгое время учился в Буинском медресе. Вероятно, здесь же он достиг духовного про-

Перевод со старотатарского языка.

Метрическая книга деревни Татарские Шуруты Буинского уезда Симбирской губернии

[об умерших]

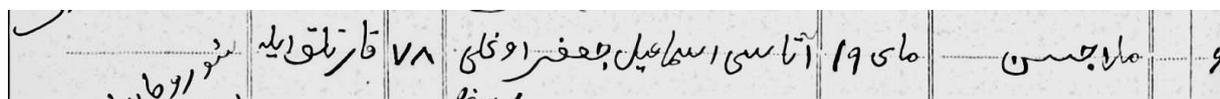
Запись № 6

Муллы Хасан.

Скончался 19 мая 1909 года в возрасте 78 лет.

Отец Исмагил Джагфарович

Причина: старость

светления и стал ишаном накшбандийского тариката. Наставник и руководитель медресе, выходец из его родной деревни Шуруты, известный богослов Габдулнасыр Мухаммадаминов (1816-1886), в 1863 году отправляет его приходским имамом для наведения порядка, как одного из лучших своих шакирдов (был утвержден на должность 25 декабря 1863 г) [1].

Поиск сведений в ревизских сказках деревни Татарские Шуруты за 1816, 1834, 1850 и 1858 года дал следующие результаты. Во-первых, Габдулнасыр Мухаммадаминов согласно ревизиям, действительно являлся уроженцем д. Татарские Шуруты. Он записан 2-летним сыном Амина Сайтова в семье под номером 17 в ревизии за 1816 год. Значит Габдулнасыр Мухаммадаминов родился в 1814 году. Во-вторых, сведений о Хасане Исмагилове и его предках не обнаружено, что говорит о том, что он был родом из другой деревни.

Среди жителей деревни также сохранились сведения, что он был приезжим. Со слов Б.Ш. Сираева известно, что муллой в деревне был Хамбик бабай. Он прибыл из села Ишлеи. Сыном Хамбик бабая был Сирай. Сыном Сирай бабая был Шамсетдин. А от него родился Бадретдин.

Сирай бабай хотел стать муллой, но деревня была маленькая, доход не позволял. Раз Сирай бабай не стал муллой, приехал человек из Бикшика. Мулла «Ындыр» был без указа. Дедушки его прогнали.

После него муллой стал Хасан. Он был родом из Алгиша (почерк неразборчив, чернила выцвели – прим. авторов). Деревня была маленькая, поэтому в мечеть приходили и жители деревни Именьево. Приход был один [15].

В письме, написанном внуком Хасана Исмагилова – Хасяновым Худзятот Идиатуллоевичем (родился 12 декабря 1929 г.) 25 декабря 1965 года на память сыну Марсу и дочери Гузяль и сохранившему у потомков говорится,

что Хасан Исмагилович был блондином среднего роста. Направлен из ТАССР из Альшыки в качестве духовного проповедника в деревню Татарские Шуруты. До его прихода в деревне было крестьянство, которое работало на своем клочке земли. В основном люди были темные, неграмотные. С приходом нашего деда, купец из Буинска (ТАССР) на свои средства построил мечеть, со всеми внутренними достатком, минаретами (минарет был снесен в 1939 году). Это сооружение в своё время сыграло важное место или роль в деле просвещения неграмотного населения. Сюда начали приходиться на вероучение из Чкалова, Долгого Острова, Именева и Урмаева [15].

Изучение ревизских сказок деревни Альшихово, а также населенных пунктов: Старые и Новые Ишли, Буинск, Татарский Саплык, Альшеево, Татарские Сугуты, Долгий Остров и Именево результатов также не дал.

Как уже говорилось ранее, Хасан Исмагилович получил указ имам-хатыйба 7 декабря 1862 года. Согласно другим сведениям, мулла Хасан Исмаилов, имам-хатиб, медарис, был утвержден в 1883 г. [2. С. 62]. Поиск указа в фондах Национального архива Республики Башкортостан (фонд Оренбургского магометанского духовного собрания) также не принес положительных результатов.

Неожиданно, дополнительные сведения о Хасане Исмагиловиче были найдены в записи о рождении его сына Гатаулы [8. Л. 445].

В этой записи указано место рождения Хасана Исмагиловича: деревня Нижний Наратбаш. Ныне это село Буинского района Республики Татарстан, расположенное в 4 км к северо-востоку от города Буинск. Расстояние между деревнями Татарские Шуруты и Нижний Наратбаш около 100 км.

В ходе изучения Ревизской сказки 1858 года февраля 12 дня Симбирской губернии Буинского уезда Старостуденецкого Приказа деревни Нижних Наратбаш о лашма-

Перевод со старотатарского языка.

Метрическая книга деревни Татарские Шуруты Буинского уезда Симбирской губернии

[о родине]

Запись № 3

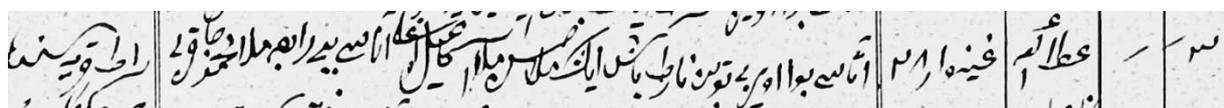
Гатаулла.

Родился 28 января 1887 года.

Отец Буинского уезда из деревни Нижний Наратбаш мулла Хасан сын муллы Исмагила

Мать Бибирабига дочь муллы Мухаммедзяна.

Родился в деревне Шурут.

нах [9. Лл. 120 об. -122] удалось найти Хасана, сына «Исмаила Яфарова» в семье под № 13.

В семье значатся: Измаиль Яфаровъ 59 ½ лет. Его сыновья: Хасянь 24 ½ лет. Хусеинъ 21 ½ лет. Гайнильгыбат 8 лет. Гайнильгалимъ 4 лет. Гайнулъхаят 2 лет. Измаила Яфарова вторая жена Хуббениса Шамшетдиновна 25 ½ лет. Его дочь Сазида 16 ½ лет.

В соседних дворах записаны родные дядья Хасана Исмагиловича Ибрагим и Ахметжан Яфаровы с семьями.

В Ревизской сказке деревни Нижних Наратбаш Буинского уезда Симбирской губернии 31 августа 1850 года о служилых татарах [10. Лл. 10 об. - 13] в записи №12 записан дедушка Хасана Исмагиловича Яфар Аширов. Согласно записи, он умер в 1844 году (в 1834 году ему было 67 лет). В семье записаны дети Яфара Аширова от первой жены: Ибрагим 53 лет, Измаил 52 лет, Хасян умер в 1847 году (в 1834 ему было 25 лет). От второй жены: Мухамет, умер в 1850 году (в 1834 году было 8 лет), Фахардин 19 лет, Ахметжан 17 лет, Шарафетдин 15 лет, Хуснетдин 13 лет, Фатыма 9 лет. Сыну Измаила Яфарова Хасану 17 лет.

В Ревизской сказке деревни Нижних Наратбаш Буинского уезда Симбирской губернии от 15 апреля 1834 года о татарах, находящихся в лашманской повинности [11. Лл. 192 об. - 193]. Яфар Аширов 67 лет записан с семьей под №11. Здесь указано, что его от первой жены сын Ибрагим 37 лет являлся указным муллой. Ибрагим Яфарович является родным дядей Хасана Исмагиловича. Он и сам указан в метрике: «Яфара Аширова от первой жены второй сын Измагил 36 лет. Измагилова жена Фатыма 27 лет. Измагил сын Хасян 1 года». То есть Хасан Исмагилович был примерно 1833 года рождения.

Ревизская сказка от июля 1816 года Буинского уезда Симбирской губернии Ахметовской волости деревни Нижних Наратбаш о татарах, находящихся в лашмановской повинности [12. Л. 115 об.] позволяет уточнить имя матери Исмагила Яфаровича. У его отца Яфара Аширова было на тот момент три жены: 1-я Шарниса 45 лет, 2-я Махмиба 29 лет, 3-я Магри 20 лет. Исмагил 18 лет указан сыном от первой жены.

Ревизская сказка Симбирского наместничества Буинской округи деревни Нижних Наратбаш от 16 апреля 1795 года служилых татар [13. Лл. 287-288] содержит сведения о Яфаре Аширове, записанном в семье своего отца Ашира Муслимова 59 лет, который в свою очередь значится вдовы Арасьи Дюсеевой, умершей в 1790 году (в 1782 году ей было 54 года). В записи также есть сведения о семьях братьев Яфара - Башира и Усмана Муслимовых.

Ревизская сказка Симбирского наместничества Буинской округи деревни Нижних Наратбаш от 24 июня 1782 года служилых татар [15. Лл. 155-156] позволяет уточнить сведения о датах жизни дедушки Яфара Муслима Акаева – умер в 1768 году, в 1762 году ему было 59 лет, значит годы его жизни 1703-1768. Его жене Разье Дюсеевой, дочери ясачного татарина Буинской округи деревни Сиушевы 54 года.

Аширу Муслимову на момент переписи 46 лет, значит он 1736 года рождения. Первой его жене Саляхе Мурадалиной дочери ясачного татарина из Буинской округи починка Адаф – Тулумбаева 39 лет. Их сыну Яфару 16 лет.

Самая ранняя изученная Ревизская сказка деревни Нижних Наратбаш Свияжского уезда от 9 июня 1762 года приписанных к Казанской адмиралтейской конторе татар [16. Лл. 367 об. -366] содержит сведения о семье Муслима Акаева 59 лет. Сведений о его предках установить не удалось.

Таким образом, в ходе изучения различных архивных документов, воспоминаний односельчан и семейного архива потомков, удалось выяснить место рождения и реконструировать родословную известного мусульманского деятеля, ишан хазрата Исмагилова Хасана Исмагиловича.

Хасан – 22.03.1832 – 19.05.1909.

Исмагил – 1798 г.р.

Джагфар / Яфар – 1767-1844 гг.

Ашир – 1736 г.р.

Муслим – 1703 – 1768 гг.

Акай – около 1670 г.р.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амишов Р.И. Из истории деятельности мусульманского духовенства Чувашии конца XIX - начала XX века: Жизнь Хасан Ишан Исмагилова. [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://clck.ru/33ec2V> (дата обращения 21.02.2023)
2. Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии: Чебоксары: изд. «Чувашия», 1997, 160 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-2780. Оп. 1. Д. 36.
4. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 204. Оп. 177. Д. 1051.
5. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 204. Оп. 177. Д. 983.
6. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 204. Оп. 177. Д. 208.

7. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 204. Оп. 177. Д. 1051.
8. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 204. Оп. 177. Д. 383.
9. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 156. Оп. 2. Д. 621.
10. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 156. Оп. 2. Д. 379.
11. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 156. Оп. 2. Д. 144.
12. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 156. Оп. 2. Д. 83.
13. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 156. Оп. 2. Д. 17.
14. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 156. Оп. 2. Д. 4.
15. Полевые материалы автора. Галеева Н.Ф. Запись от 12.02.2023.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2999.
17. Титулы, саны и звания в исламе. Открытый список. [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://clck.ru/33eekE> (дата обращения 10.02.2023)
18. Хасянов Идиятула Хасянович. Открытый список. [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://clck.ru/33FtKj> (дата обращения 18.02.2023)

© Галеева Наиля Фазыловна (13nelia31@mail.ru), Файзрахманов Рузаль Рафисович (shai_murza@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Казань

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ НОТООИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧ. XX ВВ. В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORICAL EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF MUSIC PUBLISHING IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES IN A COMPETITIVE ENVIRONMENT

**N. Grigorieva
N. Logacheva**

Summary: The article, which continues a series of publications by the authors on the history of publishing in Russia in the 19th-20th centuries, examines the features of the development of music publishing in a competitive environment. Based on diverse sources, the role of music publishing houses in shaping the musical environment of Russian society is analyzed. Their importance in the formation of a separate market sector is noted. A comprehensive analysis of the factors that determined the development of music publishing in Russia in the context of non-price competition is carried out. The main priorities of the domestic music publishing activity in the period under study are determined and characterized. The rivalry of private music publishing houses with the Court Singing Chapel for the right to publish spiritual compositions is characterized. The specifics of problems in the field of music publishing in Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries are determined.

Keywords: music publishing activity, competition, musical works.

Григорьева Наталья Анатольевна

доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов»
grigoryeva-na@rudn.ru

Логачёва Наталья Вячеславовна

кандидат исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов»
logacheva-nv@rudn.ru

Аннотация: В статье, которая продолжает серию публикаций авторов по истории издательской деятельности в России XIX-XX вв., рассматриваются особенности развития нотоиздательской сферы в условиях конкурентных отношений. На основе разноплановых источников анализируется роль нотоиздательства в формировании музыкальной среды российского общества. Отмечается их значение в формировании отдельного сектора рынка. Проводится комплексный анализ факторов, определивших развитие нотоиздательской сферы России в контексте неценовой конкуренции. Определены и охарактеризованы основные приоритеты отечественной нотоиздательской деятельности в исследуемый период. Охарактеризовано соперничество частных нотоиздательств с Придворной певческой капеллой за право издавать духовные сочинения. Определена специфика проблем в сфере нотоиздательской деятельности в России во второй половине XIX- нач. XX вв.

Ключевые слова: нотоиздательская деятельность, конкуренция, музыкальные произведения.

Реформы 1860-х гг. в России не только обозначили вектор модернизации государства, но и оказали заметное влияние на все сферы жизни общества, включая музыкальное искусство, нотоиздательскую деятельность и индивидуальное творчество деятелей культуры [1; 2; 3; 4; 5]. Именно в этот период нотоиздательская деятельность стала привлекательной в качестве самостоятельной сферы бизнеса, что обусловило ее двойственность. С одной стороны, масштаб нотоиздательской деятельности свидетельствовал об уровне культурного развития российского общества. Однако ее становление происходило в условиях конкурентной борьбы на основе столкновения не только экономических целей и идеологических принципов.

В соответствии с законами рынка в этот период появляется большое количество нотных издательств, которые стараются занять рыночную нишу. Особое влияние конкуренция оказала на практику формирования долго-

срочных договорных отношений с авторами, публикующими свои произведения только в определенных издательствах, на стремление к расширению спектра издательских услуг и, в конечном итоге, на организационную культуру или реноме каждого нотного издательства.

В рассматриваемый период активно развивалась т.н. неценовая конкуренция, ориентированная на совершенствование качества продукции и условий ее продажи, «сервизации» сбыта [6]. Повышение качества достигалось как за счет совершенствования технических характеристик нотной продукции, так и за счет улучшение приспособляемости нотных изданий к нуждам читателя. Рассмотрим данные аспекты подробнее.

Владельцы некоторых крупных издательств пытались превратить свои нотные магазины в известные музыкальные салоны, где можно было бы не только проводить бесплатные концертные вечера, но и информиро-

вать публику о новинках издательств. Таким образом многие нотные магазины России превращались в центры музыкального искусства, что влияло и на повышение спроса на нотную продукцию.

Существенную прибыль нотоиздательствам приносило тиражирование популярных романсов и народных песен, развлекательной музыки, которые предлагались на дешевой бумаге и по низким ценам, но пользовались высоким спросом. Именно за счет доходов от их издания удавалось удовлетворять художественные потребности небольшой группы профессиональных музыкантов, где были востребованы различные оркестровые партитуры, издававшиеся небольшими тиражами на высококачественной бумаге, по довольно высокой цене [7, с. 14].

Только крупные нотоиздательства могли формировать сбалансированную издательскую политику и на доход от продажи откровенно конъюнктурных произведений расширять производство и публиковать классические произведения отечественных и западноевропейских композиторов [8].

На результаты неценовой конкуренции оказывали влияние и новые сферы деятельности, за которые нотоиздательства зачастую были вынуждены открыто бороться.

Одним из самых ярких примеров являлось соперничество частных нотоиздательств с Придворной певческой капеллой за право издавать духовные сочинения.

Последняя была наделена этим правом императорским указом с 1814 г., когда Д.С. Бортнянскому, как директору Придворной певческой капеллы, вменялось в обязанность цензурировать всей духовной музыки: «Все, что ни поется в церквах по нотам, должно быть печатанное и состоять или из собственных сочинений Директора Придворного хора, действительного статского советника Бортнянского, или других известных сочинителей, но сих последних сочинения непременно должны быть печатаны с одобрения г. Бортнянского ...» [9, с.184]. Такое положение полностью отвечало интересам Русской Православной церкви, что неоднократно подтверждалось решениями Священного Синода [10, с.10].

Впервые нарушение монополии Придворной певческой капеллы произошло в 1879 г., когда нотоиздательством П.И. Юргенсона была выпущена «Литургии св. Иоанна Златоуста» П.И. Чайковского тиражом 500 экземпляров. Об их востребованности свидетельствует тот факт, что несмотря на немедленную реакцию директора Придворной певческой капеллы Н.И. Бахметева, обратившегося и к обер-прокурору Синода, и к министру народного просвещения, нераспроданными к тому моменту оставались всего 143 экземпляра «Литургии».

Аргументация Н.И. Бахметева состояла в утверждении, что «все без исключения входящие в Литургию песнопения не молитвенно-церковного напева» и не могут быть исполнены в храмах. В свою очередь П.И. Юргенсон настаивал на том, что результаты предварительного цензурирования канонического текста «Литургии» положительны и это хороший прецедент для изменения традиций нотоиздательской деятельности в сфере церковной музыки.

Благодаря стараниям адвоката Д.В. Стасова победа П.И. Юргенсона в данном конфликте имела далеко идущие последствия: речь шла не только о возвращении в продажу оставшихся экземпляров «Литургии Св. Иоанна Златоуста» и соответствующем решении Святейшего Синода «...разрешить оное к печатанию и выпуску в свет без всякого предварительного дозволения на то Директора Придворной Певческой Капеллы и что за сим вышеупомянутое духовно-музыкальное сочинение [Литургии Св. Иоанна Златоуста], как разрешенное Московским Духовно-цензурным Комитетом к печатанию и выпуску в свет на законном основании, не могло быть изъято из обращения по распоряжению Директора Придворной Певческой Капеллы ...» [11]. Данный конфликт, разрешенный в судебном порядке в пользу частного нотоиздательства, вызвал широкий резонанс в обществе [12]. Кардинальное изменение традиционного порядка издания духовных музыкальных произведений свидетельствовало о практической реализации принципа свободы не только творчества, но и предпринимательства в России.

Через несколько лет, в 1887 г., был создан специальный комитет по отбору церковнопевческих сочинений как компромиссное разрешение противоречий между частными нотоиздательствами и Придворной Певческой Капеллой. В последующее десятилетие данные противоречия были разрешены настолько, что с 1896 г. крупные издательства получили права на распространение изданий Капеллы. Кроме того, одним из результатов разрешенного конфликта стало издание двух с половиной тысяч музыкальных произведений духовной тематики до 1918 года.

Опыт развития нотоиздательской деятельности в России второй половины XIX – нач. XX вв. свидетельствовал об усилении конкуренции в данной сфере, что приводило к поиску новых инструментов и форм воздействия на издательскую сферу в целом. Очевидно, что сформировать на рынке большое количество предложений от нотоиздательств-конкурентов было невозможно, их спектр ограничивался запросами общества и возможностями формирующейся индустрии. В связи с этим борьбу за новые сферы деятельности нотоиздательств целесообразно рассматривать как эффективный прием конкуренции и одно из средств самосохранения в условиях рыночных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дергачева Л.Д. и др. Очерки русской культуры XIX века. В 2-х т. - М.: МГУ, 1998.
2. История русской музыки. В 10 т. Т. 7: 70-80-е годы XIX века. Ч. 1 / [Ю.В. Келдыш, Л.З. Корабельникова, Т.В. Корженянец и др.]. - М.: Музыка, 1994.
3. Никитина Л.Д. История русской музыки-М.: «Академия», 1999.
4. Рапацкая Л.А. История русской музыки: От Древней Руси до «серебряного века» - М.: «ВЛАДОС», 2001.
5. Розанова Ю.А. История русской музыки. Вторая половина XIX века. П.И. Чайковский-М.: «Музыка», 1981.
6. Орлова М.В. Модели неценовой конкуренции в современной экономике // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. №3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-netsenovoy-konkurentsii-v-sovremennoy-ekonomike> (дата обращения: 30.03.2023).
7. Музыкальное издательство П. Юргенсона в Москве: 1861 -1911. — М., 1998. С.14.
8. Коллекция редких нотных изданий. Областная библиотека им. Н.К. Крупской. Оренбург. Путь доступа: <http://orenlib.ru/index.php?dn=article&id=99&to=art>.
9. Ковалев К.П. Бортнянский / Жизнь замечательных людей. — М., 1998. С. 184.
10. Левашев Е.М. Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825 - 1917: исторический очерк, нотография, библиография. — М., 1994. С. 10.
11. РГАЛИ. Ф. 1261. Оп. 3. Ед. хр. 158.
12. Логачева Н.В. Творческое становление и деятельность П.И. Юргенсона// Вестник РУДН, серия История России. 2016. №2. С.73-81.

© Григорьева Наталия Анатольевна (grigoryeva-na@rudn.ru), Логачёва Наталья Вячеславовна (logacheva-nv@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

АВАРСКОЕ ХАНСТВО: ИНТЕГРАЦИЯ В СОСТАВ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Казамбиева Патимат Магомедхабибовна

помощник проректора по учебной работе, Дагестанский
государственный медицинский университет,
Махачкала, Россия
patimat-kazambieva@yandex.ru

AVAR KHANATE: INTEGRATION INTO THE DAGESTAN REGION

P. Kazambieva

Summary: In the given article, the authors aim to analyze the process of integration of ethnocultures in the Caucasus into the Russian state on the example of the Avar Khanate, as well as the difficulties of creating a single administrative entity on the territory of Dagestan. The policy aimed at forming a mass of pro-Russian representatives of feudal circles in Dagestan society has been actively undertaken since the beginning of the nineteenth century. Of course, the largest and most politically significant fiefs in Dagestan, along with others, was the Avar Khanate which had a great influence on the political events taking place at the time under study and was generally associated with Russia, Iran and Turkey that sought to establish their dominance in Dagestan. The fact is that all appeals of the Avar khans to the tsarist authorities in the Caucasus or directly to the royal court were met with great eagerness and were not rejected, besides were encouraged by gifts and awards. The Khan's power, which had become an "alien element in the Russian state organism," from the very formation of the Dagestan region was considered as a means of maintaining "calm and order" in the newly conquered population and was put under the control of the Russian administration.

The Avar Khanate has an ancient history, starting from Serir (originated in the VI century) and ending with the Avar Khanate and eventually the Avar district as part of the Russian Empire.

Keywords: Avar Khanate, military administration, viceroyalty, Caucasus, highlanders, dominion, naib, khan, shamkhal, utsmiy, norms of law, adats, military-national administration, Uma Khan of Avar, Bahu-bike.

Аннотация: В предлагаемой статье авторами поставлена цель проанализировать процесс интеграции этнокультур на Кавказе в Российское государство на примере Аварского ханства, а также сложности создания на территории Дагестана единого административного образования. Политика, направленная на формирование в Дагестанском обществе массы пророссийски настроенных представителей феодальных кругов, активно предпринималась с начала XIX в. Безусловно, наиболее крупными и имеющими большой политический вес феодальными владениями наряду с другими в Дагестане являлось Аварское ханство, которое оказывало большое влияние на происходившие в изучаемое время политические события и в целом было связано с Россией, Ираном и Турцией, стремившихся установить свое господство в Дагестане. Дело в том, что все обращения аварских ханов к царским властям на Кавказе или непосредственно к царскому двору встречались с большой охотой, не отвергались, а, более того, поощрялись подарками и наградами. Ханская власть, ставшая "чужеродным элементом в российской государственном организме", с самого образования Дагестанской области рассматривалась как средство поддержания "спокойствия и порядка" во вновь покоренном населении и была поставлена под контроль российской администрации.

Аварское ханство имеет древнюю историю, начиная от Серира (возникло в VI веке) и заканчивая Аварским ханством и в итоге Аварским округом в составе Российской империи.

Ключевые слова: Аварское ханство, военная администрация, наместничество, Кавказ, горцы, владычество, наибоство, хан, шамхал, уцмий, нормы права, адаты, военно-народное управление, Ума-хан Аварский, Баху-бике.

Утверждение российской власти в Дагестане означало, прежде всего покорение местных народов, и военные методы занимали здесь одно из основных средств. По словам Н.Ф. Дубровина, план «усмирения» горцев был основан на той главной мысли, что единственным средством к достижению этой цели признана, как-то иначе и быть не могло, сила «оружия» [6, с.28]. на подавление вспыхнувшего освободительного движения горцев Дагестана и Чечни были брошены части Кавказского корпуса. Военное покорение Северо-Восточного Кавказа Р.А. Фадеев называет «штурмом гигантской крепости», в пределах которой, в кавказских горах, «сосредоточилась вся энергия старинного мусульманства» [26, с.11]. в разгар военных действий район борьбы «разрезал край на две части, образуя в середине зону, занятую неприязненными нам племенами горцев, где не только жизнь, но даже переезд были безопасны», - отмечали

российские военные [8, с.5]. главной целью ставилось полное подавление движения Шамиля и ликвидация имамата. Российское военное командование, выполняя эту задачу, создало систему военных флангов, войсковых округов и кордонных линий как плацдармов для ведения войны. В 1839 году Кавказская линия была разделена на правое и левое крыло, последнее делилось на 3 пространства – кумыкское, лезгинское и чеченское. В 1846 году была учреждена должность военного губернатора в Дербенте; создана лезгинская кордонная линия, включившая в себя земли Верхнего Дагестана.

Однако надо отметить, что уже в 30-40 –е годы XIX века в кругах кавказской администрации, а затем и в Петербурге обсуждался вопрос об организации управления «покоренными народами». Преобладали две основные точки зрения: сделать опору на внедрение на

Кавказе общероссийских законов в области управления и суда, либо положить в основу российской власти в крае военную администрацию, опирающуюся на армию, при сохранении внутренней самостоятельности «туземных правителей» и «туземных форм судостройства» [28, с.48].

В 1844 году на Кавказе было учреждено наместничество, и наместник совмещал должность командующего отдельным Кавказском корпусом. Еще в 1842 году возник вопрос о создании на территории Дагестана единого административного образования. В Совете Главного управления в Закавказском крае был составлен проект образования Дагестанской области, который в доработанном виде был рассмотрен в 1845 году во вновь созданном Кавказском комитете в Петербурге [20, с.5]. Однако император нашел этот проект преждевременный «ввиду военных действий в Дагестанской области», хотя в целом отнесся к нему положительно [17, с.2].

Создание Дагестанской области в 1845 году было практически невозможно из-за непрерывных военных действий в Северном и Нагорном Дагестане, где еще в 1841 году была введена должность командующего войсками [23, с.6]. Военные действия не велись в Южном Дагестане, где предполагалось образовать Южно-Дагестанскую область, поручив исполнение должности дагестанского областного начальника командующему войсками в Южном Дагестане [13, с.233]. Однако в 1846 году было составлено новое положение о разделении Закавказского края и образована Дербентская губерния при совмещении должностей военного губернатора и командующего войсками [13, с.233-234]. Фактически российские власти пытались реализовать идею внедрения общероссийских органов управления.

После пленения Шамиля «вновь покоренные территории» были разделены на три части, одна из которых присоединена к левому крылу Кавказской линии (с февраля 1860 года - Терская область), другая - к Прикаспийскому краю, третья - к Лезгинской кордонной линии, и это административное деление с самого начала рассматривалось как временное [13, с. 233-234].

Разработка конкретного проекта была проведена под руководством наместника Кавказского князя А.И. Барятинского, который получил от императора самые широкие полномочия по управлению краем и в конце 1858 года представил свой план преобразований – «Положение о Главном управлении и Совете наместника», по которому администрация Кавказа, по словам известного кавказского историка С. Эсадзе, «приняла характер как бы особого Кавказского министерства» [33, с.48]. Предложения наместника о «системе управления покорными горцами» складывались еще с 1856 года, а затем были изложены в «Записке о внутрен-

нем состоянии Кавказа» и Отчете за 1857-1859 годы [13, с. 233-234]. Для того, чтобы покорение Кавказа было прочным, необходимо, по мнению Барятинского, «чтобы вместе с успехом оружия принимались теперь же меры для уничтожения в покоряемых народах и коренного нравственного начала, нам враждебного, то есть мюридизма». Причем этот результат необходимо достичь «естественным путем» - восстанавливать высшее сословие там, где «сохраняются следы его» и создавать там, где оно не существует, что позволит утвердить адат, закрепляющий сословные различия, раздробить общины, лишить их единства [7, с.277-279].

Непосредственное участие в организации новой системы управления кавказскими горцами принимал и начальник Главного штаба Кавказской армии Д.А. Милютин, позднее ставший военным министром России. Формируя основные задачи такого управления, он писал: «Чтобы горцы терпеливо несли иго царского владения - необходимо одно условие, - то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев, образа жизни, мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев, как материальными, так и нравственными» [14, с.10-11]. Для того чтобы понять, как представляли интересы горцев в высших военных и правительственных кругах России, приведем слова Н.Ф. Дубровина, который так характеризует образ жизни «туземного населения»: «Воинственный дух» гостеприимство, буйная свобода и произвольное употребление оружия составляют отличительную черту их характера... гражданское устройство и мирная жизнь не были тогда известны племенам Дагестана» [1, с.590]. Отсюда делался вывод о необходимости создания такого управления «покоренными горцами», которое опиралось бы на военную силу. В среде горцев нужна была администрация, «главная цель которой заключалась не столько в водворении гражданственности и преследовании культурных задач, сколько в умении удержать население в повиновении и, в случае необходимости, быстро и решительно... подавить восстание» [17, с.2]. Народные обычаи и религиозные убеждения при этом не должны были выходить за рамки «политической благонадежности» и противоречить «основным нравственным принципам» [28, с.151]. Для того чтобы согласовать «русское владычество» и интерес горцев, Милютин выступил за создание «территориальной системы военного управления» [4, с.39-40].

Практическое воплощение такая система управления находила уже в ходе военных операций российских войск в Дагестане, когда местные военные начальники округов и флангов сосредоточивали в своих руках и «гражданскую власть» над населением завоеванных земель напрямую или через утвержденных, или признанных «местных правителей», помощниками которых назначались русские офицеры [8, с.4].

В основу проекта Барятинского – Милютина лег принцип так называемого «военно-народного управления», название которого затем прочно закрепилось и в значении «системы административных органов по управлению горцами Кавказа» и в значении «принципа управления туземными племенами». Прообраз такого управления наместник видел в созданном Чечне в 1852 году «народном суде-мехеме», возглавлявшийся русским офицером, но состоявшем из «влиятельных чеченцев», получавших содержание от правительства.

Сущность «военно-народной системы» высшие чины кавказской администрации во главе с А.И. Барятинским видели в следующем:

«Туземное население» Дагестана управляется не по законам империи, а по «народным обычаям и особым постановлениям»;

Суд над «туземцами» принадлежит местным «народным судам» и отправляется под надзором местной военной власти не по законам империи, «а по адату, в некоторых случаях - по шариату и по особым постановлениям».

Каждый административный начальник является в то же время и начальником всех войск, расположенных в его округе, отделе или области и имеет право «высылать вредных жителей в распоряжение начальника области и употреблять против жителей оружие в случаях, не терпящих отлагательств» [25, с.437].

Сохраняя и поддерживая высшее сословие - ханов, шамхалов, уцмиев, беков, российские власти рассчитывали снизить влияние духовенства и тем самым - религиозной идеологии, которая сплотила горцев на борьбу с завоеванием. Оценивая такую модель колониального «военно-народного управления», надо отметить, что глубинные общественные основы жизни горцев и русского общества того времени, играли здесь, конечно же, не последнюю роль. Российская империя сама еще была далека от «просвещенного общества», которое противопоставлялось кавказским горцам - она представляла собой абсолютную монархию, большинство населения которой - крестьянство находилось в крепостной зависимости, вся система социальных отношений строилась на господстве дворянского сословия. Однако в стране уже сложилось передовое общественное направление, представители которого выступали за проведение реформ, направленных на отмену крепостного права, развитие рыночных отношений, введение независимой судебной системы и местного самоуправления. В Дагестане сельские общины и владения управлялись с помощью веками складывавшихся норм обычного права (адатов), которые представляли собой правила поведения, добровольно принимаемые большинством населения, но отличались крайним разнообразием. Мусульманство

всегда играло большую роль в жизни горцев, а возникшее в начале XIX века освободительное движение духовно объединило большую часть дагестанцев на основе тезиса о невозможности для мусульманина подчиняться кому-либо, кроме Всевышнего, и необходимости строго следовать только нормам шариата – религиозным правилам общественной жизни.

После подавления освободительного движения горцев российские власти понимали, что ввести общероссийские законы и органы управления и взять под полный контроль горные районы будет невозможно из-за неизбежного возобновления военных столкновений. Поэтому создание «военно-народного управления» являлось для них наиболее приемлемой формой власти, которая позволяла постепенно проникать в среду горского населения, резко не разрушая обычного, повседневного уклада его жизни и убеждая его в выгоды мирного хозяйственного развития, но вместе с тем ограничивая непримиримые исламские течения и резко пресекая любые попытки новых выступлений с помощью военной силы. Передача военным начальникам административной надзорной власти над населением способствовала реализации этой политики. На Кавказе такое, по словам Фадеева, «народное самоуправление, основанное на ясно определенных правах, с устранением духовного влияния, охраняет спокойствие края больше, чем тысячи штыков» [27, с.87]. «Военно-народное управление» делало возможным обеспечение относительно мирного развития края после окончания кровопролитной войны. Вместе с тем какие-либо «добровольные отношения» между жителями Дагестана и российскими властями, особенно в первые годы после завоевания, были невозможны, они были скорее «пограничными» между войной и миром, военная сила оставалась одним из основных аргументов имперской политики.

В Дагестане в целом и в Аварии в частности действовало специальное Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом от 5 апреля 1860 г. По новому положению страна получила статус отдельной области Кавказского края Российской империи, которая делилась на 4 военных отдела и 2 гражданских управления: Северный, Южный, Средний и Верхний Дагестан. Управление Дагестанской области делилось на военное с местным населением и управление ханское и гражданское. Вся полнота административной власти принадлежала начальнику Дагестанской области, которому было «специально вменено держать народ в повиновении и пользоваться при этом в необходимом случае военными силами». Окружное управление составляли начальники округа, его помощник, военное управление, окружной суд (из депутатов от народа, кадия и делопроизводителя), врач или фельдшер. Округа делились на наибства. Наибами, как правило, назначались представители дагестанских национальностей из числа гор-

цев-офицеров. Любое неподчинение властям каралось силой оружия, преданием военному суду, высылкой в административном порядке. Начальники отделов и округов должны были осуществлять строгий надзор «за расположением умов населения, за деятельностью судов, раскладкой повинностей и т.д. Сельское управление было основано на необходимости приспособления его к потребностям местной администрации. Сохранялись сельский сход (джамаат), сельский старшина, сельский кадий и суд» [30, с.140].

Царская администрация довольно широко практиковала использование местных юридических и административных институтов, но вкладывала в них совершенно иное социальное содержание. Оказав сильное давление, царскому режиму удалось оформить отказ ханов от власти как «добровольный» шаг. В 1863 г., наряду с остальными, было ликвидировано Аварское ханство, а в 1867 г. и Мехтулинское ханство.

В начале XIX в. к Александру I обращался с просьбой о принятии в подданство Ума-хан Аварский. Однако это ханство не было принято в подданство России ввиду смерти хана. Преемник его продолжил переговоры с Россией, и 3 октября 1802 г. Александр I дал согласие принять Авария в подданство России. А в начале 1803 г. Султан-Ахмед-хан в Хунзахе в торжественной обстановке «в собрании многих знаменитых подвластных» и в присутствии кап. Мещерякова дал клятву на подданство, принял и утвердил «собственноручным подписанием и печатью хана» текст присяги, прочтенный и обнародованный «приличным образом» [9, с.196].

В 1828 г. Авария была официально разделена между сыновьями Баху-бике Абу-Султан-Нуцалом и Сурхай-ханом. Им были присвоены чины полковника русской службы с жалованьем 2 тыс. руб. В 1830 г. после того, как Абу-Султан-Нуцал отстоял Хунзах в борьбе с восставшими горцами под руководством Гази-Магомеда, главком на Кавказе ген. Паскевич вручил подарки, знамя и грамоту на ханство над всей Аварией Абул-Султан-Нуцалу. Сурхай-хан сошел с политической арены. Но в 1834 г. они оба были убиты Гамзат-беком вместе с Баху-бике и другими ханскими родственниками [30, с. 355-356.]. Ханом Аварии был утвержден второй племянник Ума-хана Аслан-хан – правитель Казикумухского и Кюринского ханства. После смерти Аслан-хана в 1835 г. ханом Аварии стал его сын Нуцал-ага, скончавшийся в том же году. Аварским ханом был назначен брат Нуцал-аги Магомед-Мирза, который вскоре отказался от власти. В 1836 г. ханом Аварии был утвержден брат бывшего аварского хана Султан Ахмед-хана Мехтулинский Ахмед-хан, правивший в первые годы вместе с Хаджи-Мурадом. В.1843 г. Ахмед-хан умер. Для управления Аварией было создано управление во главе со старшиной прапорщиком Айтбером. Общий надзор над управлением осуществлял

начальник хунзахской крепости. В том же году Авария подпала под власть Шамиля. Однако со временем в силу конъюнктурных интересов было принято решение восстановить Аварское ханство [5, с.3-4]. В отношении ген.-адъют. Барятинского от 9 августа 1859 г. председателю Кавказского комитета Орлову о восстановлении Аварского ханства записано «...Из отзыва моего от 2-го августа за № 259. в. с. известно о восстановлении Аварского ханства и назначении аварским ханом флигель-адъютанта е. в. ротмистра Ибрагим-Хана. Находя при настоящих обстоятельствах полезным восстановить ханскую власть везде, где еще сохранились остатки ханского управления, я имею честь сообщить об этом в. с. для испрошения высочайшего г. и. соизволения на утверждение ханом кюринским нынешнего правителя этого владения свиты его величества ген.-м. Юсуф Бека [22, д.372]. Территориально Дагестанская область образовывалась как «особый отдел в составе Кавказского края» и включала в себя бывший Прикаспийский край, за исключением Кубинского уезда (отошедшего к Бакинской губернии), и общества горцев на правом берегу Андийского Койсу, ранее состоявшие в ведении командующего войсками на Лезгинской кордонной линии. «Земли по левому берегу Андийского Койсу», - говорилось в Указе, - «временно остаются присоединенными к Терской области» [21].

Система управления Дагестанской области разделялась на военное и «гражданское» управление. Военное управление включало управление войсками, управление «туземными племенами» и управление автономными владениями. Территория области делилась на 4 военных отдела: Северный, Южный, Средний и Верхний Дагестан [11, с.172.]. В 1860 году в составе Дагестанской области было образовано 6 округов, из которых 2 - Губнибский и Бежитский не имели должности начальника округа, а управлялись военными начальниками Средне-го и Верхнего Дагестана соответственно (§21).

Округа, в свою очередь, делились на наибства во главе с наибями, которые наделялись распорядительной и полицейской властью (§34). В управление автономными владениями входили шамхальство Тарковское, ханство Мехтулинское, Кюринское и Аварское, а также владетели Даргинского и Кайтаго-Табасаранского округов. Они сохраняли власть над местным населением «на особых правах»: утверждались российскими властями, лишались права применять смертную казнь и обязывались помогать «военно-народной администрации», состоя в непосредственном ведении командующего войсками области (§ 31 Положения от 5 апреля 1860 г.). Для «надлежащего контроля» за их деятельностью вводилась должность помощника из русских обер-офицеров, имеющих при себе военную канцелярию (§24).

Ханство Мехтулинское, состоявшее из 13 селений, расположенных в бассейне реки Манас, также было со-

хранено при образовании области и еще в октябре 1959 года император утвердил ханом Мехтулинским Решид-хана взамен Ибрагим-хана, ставшего правителем Аварии [1, с. 21]. Ханство Аварское создавалось также из земель, входивших в него до 1843 года. Авария состояла из 4 обществ: Хунз, Хедолал, Нака-Хиндалял и Тлурутли [5, с. 16.]. Само ханство было восстановлено по инициативе Барятинского в августе 1859 года, когда император утвердил ханом Аварским Ибрагим-хана Мехтулинского [1, с.48]. Позднее, когда из «вновь покорившихся земель» в составе Прикаспийского края было образовано «временное управление», Аварское ханство вошло в состав последнего. По Положению от 5 апреля 1860 года, согласно штатам, Аварское ханство разделилось на 3 наибства: Хунзахское, Цатанихское и Каратинское [29, с. 33].

И, наконец, общества Карата, Богулял, Цунта-Ахвах и Бахлух составили по Положению от 5 апреля 1860 года отдельное управление, во главе которого был поставлен Аварский хан (§7).

Хотя и провозглашалась самостоятельность шамхала и ханов, они все же были поставлены под контроль военных начальников отделов, о чем свидетельствует специальная Инструкция о правах и обязанностях последних в отношении жителей шамхальства и ханств [13, с. 276-277]. Им поручалось «иметь строгий надзор за расположением умов» жителей шамхальства и ханств, а также немедленно принимать военные меры в случае нарушения спокойствия «от опасности извне или от волнения», которое может возникнуть в этих владениях (§ 2). Военные начальники отделов получали право давать распоряжения о сборе и направлении конной и пешей милиции, о направлении жителей на разработку дорог «по военным обстоятельствам» и усилении военных мер «средствами от жителей шамхальства и ханств» (§ 3). Таким образом, власть правителей ограничивалась, вскоре после образования области власти взяли курс на постепенное введение по всему Дагестану «единообразных органов управления», то есть ликвидацию феодально-политических владений [9, с. 26]. В Отчетах начальника области, а затем и наместника указано, что уже с начала 1862 года хан Ибрагим «стал впадать в болезненное состояние», совершать самоуправные действия, что привело к «рас-

стройству его умственных способностей», хотя, как отмечает наместник, Ибрагим-хан ранее отличался «полной преданностью видам правительства и благоразумным управлением» [16, с.6]. А.П. Карцев в упомянутом выше письме к Барятинскому сообщал, что Ибрагим-хан «мало подает надежды на достижение той цели, которую Ваше Сиятельство имели, вводя его в ханы» [18, с.419]. За расправу хана с жителями, подозреваемыми им в заговоре против себя, ему был объявлен «Высочайший выговор», после чего хан стал выражать крайнее неудовольствие на правительство. Начальник области князь Меликов вызвал хана в Темир-Хан-Шуру, куда тот прибыл 14 июня 1862 года. Временное управление Аварским ханством было поручено подполковнику Катину [17, с.30]. В марте 1863 года вновь назначенный великий князь-наместник распорядился отрешить Ибрагим-хана от власти в Аварии и удалить его из Дагестана «на службу в войска Кубанской области»; 22 мая 1863 года император утвердил решение наместника с учреждением в Аварии окружного управления и суда, а в январе 1864 года наместник утвердил штаты управления Аварского округа с сохранением прежнего деления на наибства. Новый округ был открыт 2 апреля 1864 года [13, с.282-283].

Начало административно-территориальному устройству Дагестана положило утвержденное царем Александром II 5 апреля 1860 г. «Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом». В состав Дагестанской области вошел бывший Прикаспийский край без Кубинского уезда и весь горный Дагестан, при этом территория равнинного Дагестана между реками Терек и Сулак была включена в состав Терской области как Кумыкский округ, с 1868 г. переименованный в Хасавюртовский округ. Дагестанская область была разделена на четыре военных отдела: Северный, Средний, Южный и Верхний Дагестан [2, с.111].

Таким образом, в 1864 г. был образован Аварский округ из упраздненного Аварского ханства. С завершением создания округов 20 апреля 1867 г. ханства и ханская власть в Дагестане были ликвидированы. Так завершилась политическая история Серира-Аварского ханства в Дагестане.

ЛИТЕРАТУРА

1. АКАК. - Т. 12. - Док. 1063; Записка о преобразовании военно-народных управлений. - С. 21.
2. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II. С. 48.;
3. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965. С. 138.;
4. Губаханова Р.А. Национальная политика России в Дагестане во второй половине XIX века (организация управления) // Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ, ф. 3, оп. 1, д. 230, л. 39-40.
5. Дагестанский сборник. - выпуск 1. - отдел 2. - С. 16.
6. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. - СПб, 1871. - Кн. 1. - С. 28.

7. Записка А.И. Барятинского о внутреннем состоянии Кавказа. // Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. - Т. 2. - М., 1890. - С. 277-279;
8. Записка о преобразовании военно-народных управлений Кавказского края // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф.1, оп. 1, д. 326а, л. 5.
9. Зиссерман А. История 80-го пехотного кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). СПб. 1881. Т.2 С. 17.; Фридрих Б. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. Махачкала, 1996. С. 26.
10. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). Ессентуки, 1999. С. 30.;
11. Косвен М.О. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 172.;
12. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. 2. С. 307
13. Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Т. III. Ч. I. 1805–1839.
14. Милютин Д.А. Дневник 1873-1875. Т. 1. - М., 1949. - С. 10-11.
15. Отчет генерала-фельдмаршала князя А. И. Барятинского за 1857-1959 годы // АКАК. - Т. 12. - С. 1257-1290.
16. Отчет Наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказской армией л. 6.
17. Памятная книжка Дагестанской области - Темир-Хан - Шура, 1895. - С. 2.
18. Письмо начальника Главного Штаба Кавказской Армии А. П. Карцова - С.419.
19. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб. 1888. Т.3. Выпуск 1. С. 111
20. Проект образования Дагестанской области // Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ. - ф. 1, оп.1, д. 317, л. 5.
21. ПСЗ// Собрание второе. Т. 35. Отд. первое. №36026.
22. РГИА, ф. 1268, оп. 10, 1859 г., д. 188, л. 2. Опубликовано АКАК, т. XII док. 372.
23. Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ. - ф. 1, оп. 1, д. 317, л. 6.
24. Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 2007. С. 155.
25. Утверждение русского владычества на Кавказе. - Т. 12 /под ред. генерал-майора В.А. Потто. - Тифлис, 1901. - С. 437.
26. Фадеев Р. А. 60 лет Кавказской войны- Т. 1. - Ч. 1. - С. 11.
27. Фадеев Р. А. Собр. соч. - Т. 1. - СПб, 1889. - С. 87.
28. ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 1. Д. 65. Л. 3,4;
29. ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 33 оборот.;
30. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 987. Л. 4-5 оборот; Полиевктов М.А. Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила-Готлиба-Георга Гмелина. // Известия Кавказского историко-археологического института. Т. 3. С. 140
31. ЦГА РД. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 30. Л. 151.
32. ЦГИА ГССР. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. Л. 3; Д. 2231. Л. 196.
33. Эсадзе С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе // Кавказский календарь на 1913 год. - Тифлис, 1912. - С. 48.

© Казамбиева Патимат Магомедхабибовна (patimat-kazambieva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ БАШКИРСКОГО СОСЛОВИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ VII РЕВИЗИИ БИРСКОГО И СТЕРЛИТАМАКСКОГО УЕЗДОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Каримов Тагир Тимергазимович,

Кандидат исторических наук, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru

ON THE QUESTION OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE BASHKIR ESTATE (BY THE MATERIALS OF THE VII REVISION OF THE BIRSKY AND STERLITAMAK DISTRICT OF THE ORENBURG PROVINCE)

T. Karimov

Summary: In the article, based on the revision materials of two counties, the little-studied issues of the formation and development of the bashkir estate are explored. It is noted that during the inter-revision period, a large group of tatars of the meshcheryak estate of different teams and villages was included in the "bashkirs". In addition to them, the bashkir estate grew numerically at the expense of other categories (for example, "kyrgyz"). A less common way of transferring to this estate was the adoption of tatars by patrimonials. As a rule, reckoning from one class to another was carried out by order of the Orenburg military governor. The introduction of new facts into scientific circulation will help overcome subjectivity and tendentiousness in covering issues of ethnicity, the history of settlements and land volosts.

Keywords: bashkir class, v. Bilgish, v. Burikazganovo, v. Ismagilovo, v. Kuyanovo, v. Mryasevo, v. Nagadak, v. Old Bagazy, v. Sultanmuratovo, v. Khalilovo, v. Yumaguzino, v. Yakupovo, v. Yalangachevo, v. Yanurusovo, v. Yanybekovo.

Аннотация: В статье по ревизским материалам двух уездов исследуются малоизученные вопросы формирования и развития башкирского сословия. Отмечается, что в межревизский период большая группа татар мешчeryакского сословия разных команд и деревень была причислена в состав «башкирцев». Кроме того, башкирское сословие численно росло и за счет других категорий (например, «киргизов»). Менее распространенным способом перевода в данное сословие являлось усыновление вотчинниками татар. Как правило, причисление из одного сословия в другое производилось по распоряжению Оренбургского военного губернатора. Введение в научный оборот новых фактов поможет преодолеть субъективность и тенденциозность при освещении вопросов этничности, истории поселений и поземельных волостей.

Ключевые слова: башкирское сословие, д. Бильгиш, д. Буриказганово, д. Исмагилово, д. Куяново, д. Мрясево, д. Нагадак, д. Старые Багазы, д. Султанмуратово, д. Халилово, д. Юмагузино, д. Якупово, д. Ялангачево, д. Янурсово, д. Яныбеково.

Наступивший после падения Казани национально-религиозный и колониальный гнет со стороны Русского государства привел к миграции значительной части населения бывшего ханства в Восточное Закамье и Приуралье. На новых территориях государства с первой половины XVII в. начинается оформление вотчинных прав на землю с выдачей документов (владенных и оберегательных памятей), формируется институт припуска. С тех пор имеющие здесь вотчинные земли население бывшего ханства и наследники Ногайской Орды в лице местных татар стали именоваться «башкирцами». Они и малочисленные кочевники-башкиры Южного Урала составили основу нового сословия государства. Кроме того, в состав башкирского сословия вплоть до VII ревизии активно вливались разные этнические группы населения (казахи и др.), часть которых подверглась ассимиляции.

Вопросы формирования башкирского сословия всегда были в центре нашего внимания, частично они отразились в многочисленных статьях и книгах. В одной статье мы особо указали на факт, как татарин д. Балтачево Зюрейской дороги Казанского уезда в XVII в. оформился в башкирское сословие и получил тарханство [6, с. 21]. В книгах по истории д. Катаево современного Бакалинского района Республики Башкортостан на основе архивного документа было показано, что предок одного влиятельного вотчинника-«башкирца» Киргизской поземельной волости в 1737 г. назван татаринном [4, с. 261; 5, с. 7]. Последняя книга также содержит резкую критику коллективного труда «Кыргыз» [2] за искажение этнической истории татар региона и стремление навязать чуждое башкирское самосознание. Неоднородность национального состава вотчинников подчеркивается в статье «Как марийцы стали башкирами-вотчинниками и продавали земли» [3]. Рассматриваемая тема в некоторой

степени освещалась и в других наших статьях и книгах.

Данная статья имеет цель показать, что процесс формирования башкирского сословия продолжался и в XIX в., что численность населения этого сословия по-прежнему росла главным образом за счёт татар. После принятия закона 1855 г. термином «башкир» («новобашкир») стало именоваться также население тептярского сословия (татары, марийцы и др.), переведенное под командование Башкирского войска. Дальше башкирское сословие не претерпело изменений, что дает нам повод говорить об его окончательном формировании.

Актуальность тщательного изучения данного вопроса заключается в том, что из-за его малоизученности имеется существенный пробел в знании. Если взять труды отдельных башкирских учёных, то многочисленные факты перехода в башкирское сословие они игнорируют, а вопроса о сословности стараются избегать; более того, умышленно преподнося сословие как этнос, искажают историю. С образованием Башкиро-мещеряцкого войска (1798 г.; с 1855 г. Башкирского войска) формирование и развитие башкирского сословия шло под контролем губернаторской власти, о чём убедительно свидетельствуют изложенные ниже факты.

Переходим к рассмотрению материалов VII ревизии по Бирскому уезду. В 1816 г. семья «мещеряка» д. Алангачево (ныне Ялангачево Балтачевского района РБ) Абдулзелила Махмутова (в другом источнике – Абдулмазит; 5 рев. душ) «по предписанию главного начальства» была переведена («перечислена») в 10-й башкирский кантон. Всего в данной деревне насчитывалось 29 душ муж. и 30 душ жен. пола душ (10 дворов) татар мещеряцкого сословия, входящие в команду старшины Шарипа Ахметова 4-го кантона «Мещеряцкого войска» [7, л. 223 об.-225]. «Башкирцами» какой деревни стали А. Махмутов и члены его семьи, об этом источник не сообщает.

Данный неудобный факт о превращении «мещеряка» в «башкирца» в литературе замалчивается, а о населении д. Ялангачево один автор пишет следующее: «В 1816 г. в 9-дворной деревне мишарей было 29 душ, тептярей 6 душ м. п. К VIII ревизии стало мишарей – 69, тептярей – 16 человек. Деревня состояла из 12 домов. 159 жителей при 26 дворах показано Х ревизией 1859 г. В 1920 г. мишари и татары в количестве 719 человек жили в 133 домах» [1, с. 207]. В данных сведениях обнаруживается существенный изъян: пропущены «из лашман» служилые татары (5 дворов; 20 душ муж. и 22 души жен. пола в 1834 г.), перешедшие в д. Ялангачево из д. Смаил Малмыжского уезда Вятской губернии после VII ревизии [13, л. 510-513].

Другой источник позволяет точно определить, что вышеназванный «мещеряк» д. Ялангачево А. Махмутов перешёл в д. Халилово (ныне Караидельского района РБ)

«по повелению главного начальства [...] в башкирское звание (выделено нами – авт.) 1813 года». В 1816 г. его семья состояла из 5 душ муж. и 8 душ жен. пола, а всего в данной деревне насчитывалось 169 чел. «башкирцев». В 1834 г. в д. Халилово представителей башкирского сословия было 257 (142 души муж. и 113 душ жен. пола), в 1859 г. – 359 чел. (178 и 181 соответственно в 38 дворах) [7, л. 400 об.-401; 14, л. 132-137, 199-200; 16, л. 311 об.-314; 17, л. 441 об.-442]. Здесь обращено внимание на данные по ревизиям 1834 и 1859 гг. потому, что они корректируют сведения из неизвестных источников у ранее цитированного автора (у него 231 и 346 чел. соответственно) [1, с. 480].

Таким образом, оба документа VII ревизии свидетельствуют о факте причисления татарина мещеряцкого сословия в «башкирцы» по распоряжению «главного начальства» (т. е. военного губернатора Оренбургской губернии).

Также по распоряжению начальства в число «башкирцев» д. Багазино (ныне Старые Багазы Караидельского района РБ) в 1814 г. была записана семья «мещеряка» команды старшины Ахмета Шарипова 4-го мещеряцкого кантона Абулхаира Зайтова (всего 2 души муж. и 1 душа жен. пола) из д. Мавлютово (ныне деревня Мишкинского района РБ). С учётом этой семьи, всего в данной деревне насчитывалось 145 чел. башкирского сословия (в т. ч. юртовый старшина Шафей Мустафин, который 18 марта 1813 г. «произведен в 14 класс» и имел 4 жен в возрасте от 70 до 20 лет) [7, л. 432 об., 438 об.-439].

Менее распространенный случай зафиксирован в д. Бильгишево (ныне Бильгиш Аскинского района РБ). Указной мулла Мухамметкарим Ибрагимов взял «в приемыши» братьев Абдулнасыра и Яхьи Абдулмазитовых (10 и 6 лет), не имевших своего «дома и родственников». Напротив их имён написано следующее: «причисленные по повелению вышняго начальства из солдатских малолетков и с татар в башкирское звание (выделено нами – авт.) 1815-го года». Всего в данной деревне в 1816 г. проживало 46 душ муж. и 42 души жен. пола (12 дворов) лиц башкирского сословия команды старшины Шафея Мустафина [7, л. 492 об., 493 об.-494].

В д. Тартышево (ныне Бирского района РБ) семья «мещеряка» Сеитбаттала Мустафина (5 душ муж. пола) «по предписанию начальства» в 1814 г. «отчислена» в команду старшины Бикташа Амирханова 9-го башкирского кантона в д. Якупово. В первой деревне татар мещеряцкого сословия осталось 5 душ муж. и 11 душ жен. пола (2 двора). Оттуда же указной азанчей Динмухаммет Даутов «перечислен по указу губернского правления в д. Иликову к соборной мечети азанчеем в 1813 г.» [8, л. 113 об.-114].

Однако другой документ VII ревизии сообщает, что Сеитбаттал Мустафин (50 лет) стал «башкирцем» д. Якупово (ныне Кушнаренковского района РБ) Уфимского уезда в составе команды юртового старшины Шамсутдина Сагитова 8-го башкирского кантона в 1815 г. («из мещеряков 4-го мещеряцкого кантона д. Туртушево Бирского уезда», подчеркивает его прежнее сословие источник). В данной деревне «башкирцев» насчитывалось лишь 13 душ муж. и 9 душ жен. пола (5 дворов; кроме С. Мустафина, это были Ахмер Абдулзялилов, братья Якуп, Валиша и Зиганша Абдуллины) [12, л. 504-506].

В списке «башкирцев» д. Куяново (ныне село Краснокамского района РБ) последними зафиксированы семьи Абдулвахита Хабибуллина и Ибрагима Дильмухамметова, всего 2 души муж. и 3 души жен. пола. О них говорится, что «причислены по предписанию начальства Вятской губернии Сарапульского уезда из деревни Аргызу (ныне г. Агрыз РТ. – авт.) **из ясашных татар в башкирцы** (выделено нами – авт.) в 1815 году». С учётом данных татар численность населения башкирского сословия д. Куяново Бирского уезда составила 200 душ муж. и 195 душ жен. пола (62 двора) [8, л. 283 об.-284].

Таким образом, вышеназванные факты по дд. Ялангачево, Багазино, Билгишево, Куяново, Тартышево, Халилово Бирского уезда Оренбургской губернии свидетельствуют, что в состав «башкирцев» влились в основном татары мещеряцкого сословия. Перевод ясачных татар в башкирское сословие зафиксирован только в одном случае.

Переход большой группы татар мещеряцкого сословия в «башкирцы» наблюдается и в Стерлитамакском уезде. Ниже рассмотрим отдельные примеры.

В д. Бирюказганово (ныне с. Буриказганово Стерлитамакского района РБ) «мещеряк» 2-го мещеряцкого кантона Мухамметгали Адильшин в 1813 г. «перечислен по повелению Г[осподина] военного губернатора в 9-й башкирский кантон» [9, л. 180 об.]. Данный источник четко указывает, что перевод из одного сословия в другое осуществлялся по распоряжению Оренбургского военного губернатора.

«По предписанию г[осподина] Оренбургского военного губернатора» в состав «башкирцев» д. Яныбеково (ныне Староянбеково Кармаскалинского района РБ) в 1812 г. была причислена семья Абдрахима Ситдикова (4 души муж. и 6 душ жен. пола с учетом скончавшейся в 1813 г. главы семьи) из 1-го мещеряцкого кантона («Верхоуральский уезд»). В результате численность населения башкирского сословия составила 63 души муж. и 73 души жен. пола (27 дворов) [10, л. 23 об.-25].

Позже вторым фактором увеличения численности

«башкирцев» д. Яныбеково стало причисление в 1825 г. выходцев «из-за границы» Мухтасипа Давлетбаевича Сабакова и Баделя Абызгильдина, о которых сообщает историк А.З. Асфандияров. Он же пишет, что «к X ревизии 1859 г. башкир-вотчинников насчитывалось 60 душ мужского пола, башкир-припущенников – столько же. Всех было 120 мужчин и 108 женщин при 40 дворах» [1, с. 179]. Однако автор не счёл нужным сообщить сведения о проживании в тот период большой группы населения тептярского сословия, которая ещё в 1850 г. состояла из 30 душ муж. и 27 душ жен. пола (7 дворов) [15, л. 460 об.-461]. Возможно, «башкирами-припущенниками» он назвал «тептярей», ставших после перевода в Башкирское войско (1855 г.) «башкирцами».

Вернемся к документам VII ревизии Стерлитамакского уезда. В д. Солта[н]мратово (ныне с. Султанмуратово Аургазинского района РБ) «мещеряки» команды старшины Янышева братья Абдулгфар и Абдулвахит Абдулханнановы в 1813 г. перешли в д. Балыклыкул (ныне Аургазинского района РБ). Однако позже (1816 г.) они же были «выключены в 7-й башкирский кантон», т. е. стали «башкирцами». Об этом сообщается в ревизской сказке д. Балыклыкул, где татар мещеряцкого сословия в 1816 г. насчитывалось 69 душ муж. и 66 душ жен. пола [11, л. 64 об., 65 об.-66].

Из рассматриваемой д. Солта[н]мратово «мещеряк» команды юртового старшины Исхака Нигматулловича Янышева Тимербулат Бикташев был «переведен в 1815 г. в 9-й башкирский кантон». И, наоборот, походный старшина Сабит Сагитов, хорунжий Абдрафик Абдрахимов и Абдулкарим Абдулзелилов со своими семьями были «причислены из 9-го башкирского кантона в 1812 году», а малолетние племянники Терзимы Тер[е]гулова Шамсутдин и Сиразетдин Зайнетдиновы из того же кантона – в 1813 г. С учетом этих и других изменений, в д. Солта[н]мратово в 1816 г. насчитывалось 229 душ муж. и 218 душ жен. пола татар мещеряцкого сословия [11, л. 84 об., 85 об., 87 об., 88 об.].

Изменения в сословности жителей наблюдаются и в д. Исмаилово (ныне с. Исмагилово Аургазинского района РБ). «Мещеряк» команды юртового старшины Юсупа Муксинова 2-го мещеряцкого кантона Мударис Губайдуллин в 1816 г. был переведен в 7-й башкирский кантон [10; л. 530 об.]. Как и в предыдущем случае, сведений о том, в какой деревне он стал «башкирцем», не сообщается.

С вышеназванной деревней связано весьма любопытное и крайне редкое явление, которое ранее наблюдалось и в д. Солта[н]мратово. Походный сотник 9-го башкирского кантона Мухамметкарим Муртазин (40 лет) из д. Ибраево в 1813 г. был причислен к «мещерякам» д. Исмаилово. Вслед за ним из того же кантона в 1816 г.

перешёл Рахматулла Баишев (33 года) [10; л. 531 об.], но о его прежней деревне не говорится.

Следует заметить, что переход «башкирца» в «мещеряки» также свидетельствует о полном отсутствии каких-либо ментальных различий между татарами двух сословий. Более того, между ними наблюдаются тесные родственные отношения, что мы не раз отметили при анализе метрических книг [4].

Перед VII ревизией список «башкирцев» д. Мрясево (ныне с. Старомрясово Давлекановского района РБ) пополнили сразу 4 хозяйства «киргизов» (Илчибая Нурлыбаева, Кулбая Утяпова и других). О них написано, что **«причислены по предписанию 2-на Оренбургского военного губернатора ис киргизцов 1815 года (выделено нами – авт.)»**. Это способствовало заметному росту численности «башкирцев» в межревизийский период: к 1816 г. душ муж. пола стало 142 (в 1811 г. было 109) [10, л. 10 об.-11].

В списке «башкирцев» вышеназванной д. Мрясево в числе первых зафиксированы кантонный помощник 14-го класса Усман Ибрагимов (скончался в 1813 г.) и его сыновья кантонный помощник и юртовой старшина 14-го класса Лукман (32 года), походный старшина Мигран (10), а последним – семья Абдрахима Усманова (64) с женой Биби[фатхией] (25) и сыновьями Абдулнасыром (34), Камалетдином (3) и Хуснутдином (1) [10, л. 1 об.-2, 11 об.-12]. Здесь у Абдрахима пропущен 8-летний сын Ахмет[зян], который будет показан в следующей VIII ревизии в возрасте 26 лет. Из сведений IX ревизии по д. Мрясево следует, что Абдрахим скончался в 1836 г. в возрасте 84 лет, у него осталась жена Фатхия Абдрашитовна (60 лет в 1850 г.) с многочисленными детьми и внуками.

Именно этому человеку посвящены следующие слова одного автора: *«В этой деревне прожил часть своей жизни и здесь был похоронен татарский поэт Габдрахим Гусманович Утыз Имяни (1754—1834). По словам видного учёного и просветителя Рызы Фахретдинова, Габдрахим родился в д. Утыз Имяни Чистопольского уезда. Возвращаясь по пути из Средней Азии, он остановился в д. Мрясево в семье кантонного начальника Лукмана Усмановича Ибрагимова, для которого Габдрахим стал приемным сыном вместо пропавшего без вести родного сына. В итоге рожденный мишаром Габдрахим ушел из этой жизни настоящим башкиром (выделено нами – авт.), – завершает свой рассказ о нем Р. Фахретдинов. Здесь же обосновались и сыновья поэта. Если проследить содержание ревизских бумаг, то можно утвердительно сказать, что у Лукмана Ибрагимова не было сына по имени Абдрахим, а был родной старший, уже умерший, брат. Поэтому Лукман не мог усыновить поэта, а признал его как брата, тем более тот был старше на 30 лет. Здесь интересен сам факт жительства поэта среди уршак-*

минских башкир. Творчество Габдрахима Утыз Имяни способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению культур двух народов» [1, с. 469-470].

Таким образом, кроме «киргизов», список «башкирцев» д. Мрясево Уршак-Минской поземельной волости пополнил выходец из д. Утыз-Имян (ныне село Черемшанского района РТ) Чистопольского уезда Казанской губернии Абдрахим Усманов, известный как Абдрахим Утыз-Имяни. Произошло это тогда, когда учёный-богослов вернулся из Афганистана. Именно для причисления в привилегированное «башкирское звание» зрелый и известный Абдрахим мог быть формально усыновлен кантонным чиновником (в данном случае таким лицом являлся бы кантонный помощник 14-го класса Усман Ибрагимов) и стал Усмановым. Возможно, он был усыновлен в зрелом возрасте, потому что его семья отдельно показана в самом конце ревизского списка, а не рядом с семьей чиновника в начале списка. Авторитетный кантонный чиновник оказал добрую услугу, добившись причисления в состав «башкирцев» д. Мрясево Уршак-Минской поземельной волости известного учёного-богослова.

Вернемся к архивным документам. В д. Нугазаково (ныне Нагадак Аургазинского района РБ) родной брат указного муллы Хабибуллы Давлетбакиева «мещеряк» Асадулла в 1813 г. был **«выключен в 9-й башкирский кантон** (выделено нами – авт.)» [11, л. 57 об.]. «Башкирцем» какой деревни он стал, об этом источник не сообщает.

В д. Енурусово (ныне с. Янурусово Ишимбайского района РБ) семьи «мещеряков» указного муэдзина Абдулхалика Абдрашитова, мудариса Абдулкадыра Абдрашитова, мухтасипа Нигматуллы Зубейдуллина, Зубейдуллы Ишмухамметова (сам он скончался в 1812 г.), Габдрашита Махмутова (скончался в 1813 г.), Абдуллатифа Абдрашитова, Губейдуллы Абдрахимова, Габдуссаляма Галиева (всего 21 душа муж. и 18 душ жен. пола; 8 дворов) в 1814 г. были переведены в команду Нигматуллы Рафикова 7-го башкирского кантона (Стерлитамакский уезд) [11, л. 358 об.-360]. «Башкирцами» какой деревни они стали, об этом источник не дает сведений.

В «башкирцы» д. Юмагузино (ныне Стерлибашевско-го района РБ) в 1815 г. была причислена семья муэдзина Самигуллы Ишимратова (всего 5 душ обоего пола), «мещеряка» команды старшины Абдулханнана Солта[н]мратова 2-го мещерякского кантона из д. Халилево. С учетом этого перехода населения башкирского сословия стало 28 душ муж. и 33 души жен. пола (в т. ч. хорунжий Курмангул Юмагузин (скончался в 1811 г.), сотник Нигматулла и есаул Мягди Юмагузины) [11, л. 680 об.-682].

Итак, вышеизложенные факты по дд. Бюриказаново,

Яныбеково, Солта[н]мратово, Исмаилово, Мрясево, Енурусово, Юмагузино, Нугазаково Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии указывают, что «мещеряки» составляли абсолютное большинство перешедших в «башкирцы». Лишь в одной деревне зафиксировано причисление в башкирское сословие «киргиза».

Знание этих и других сведений помогает полнее представить процесс формирования и развития башкирского сословия, основные черты которого начали четко проявляться с начала XVII в. Этот длительный историче-

ский процесс шел на территории поземельных волостей и регулировался главным образом по инициативе местной власти. Рассмотренные нами ревизские материалы показали, что именно губернаторская власть решала, кто может иметь статус «башкирца». Вопрос о лишении данного статуса также относился к компетенции этой власти. Если на начальном этапе формирования сословия «башкирцем» именовался только вотчинник, то с образованием Башкиро-мещеряцкого войска (с 1855 г. Башкирского войска) – широкий круг населения поземельных волостей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
2. История башкирских родов. Кыргыз. Том 10. Уфа, 2015. 808 с.
3. Каримов Т.Т. Как марийцы стали башкирами-вотчинниками и продавали земли //Восточное Закамье как один из очагов этногенеза и культуры татарского народа: Материалы Межрегиональной научнопрактической конференции, посвященной 90-летию Актанышского района и 310-летию основания Актаныша. Казань, 2020. С. 222-228.
4. Кәрим, Таһир Тимергазим улы. Жүде бабаңы бел, катайлым: Башкортстанның Бакалы районы Катай авылы нәселләре тарихы: / Таһир Кәрим. Казан, 2020. 383 с. (на татарском языке).
5. Кәрим, Таһир Тимергазим улы. Уткәннәрен бел Катайның: Башкортстанның Бакалы районы Катай авылы тарихы / Таһир Кәрим. Казан, 2018. 223 с. (на татарском языке).
6. Кәримов Т.Т. Баулы авылы тарихыннан. Из истории Бавлов //Баллы елга буенда. На медовой реке (на татарском и русском языках). Казан, 1996. С. 17-28.
7. Национальный архив Республики Башкортстан (НА РБ). Фонд И-138. Опись 2. Дело 165.
8. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 166.
9. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 303.
10. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 309.
11. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 310.
12. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 371.
13. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 544.
14. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 548.
15. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 656.
16. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 741.
17. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 747.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПЕРЕВОДАХ В БАШКИРСКОЕ СОСЛОВИЕ В УФИМСКОМ УЕЗДЕ ОРЕНБУГСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ VII РЕВИЗИИ)

Каримов Тагир Тимергазимович

Кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш.
Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru

ABOUT TRANSFERS TO THE BASHKIR ESTATE IN THE UFA DISTRICT OF THE ORENBURG PROVINCE (BY THE MATERIALS OF THE VII REVISION)

T. Karimov

Summary: The article discusses the numerous facts of adding "meshcheryaks" and other categories of the population to the bashkir estate by orders of the Orenbursk military governor. The fact of the first use in the census of 1816 of the phrase "bashkir estate" deserves special attention. Among the new "bashkirs" "meshcheryaks" prevailed, which contributed to an even greater increase in the proportion of tatars in the bashkir estate.

Keywords: v. Akbashevo, v. Baitalli, v. Bakaevo v. Bikkulovo, v. Kurmashevo, v. Musino, v. Sabanakovo, v. Salzigutovo, v. Sintashevo, v. Ugusevo, tatars of bashkir estate.

Аннотация: В статье рассматриваются многочисленные факты причисления в башкирское сословие «мещеряков» и других категорий населения по распоряжениям Оренбургского военного губернатора. Отдельного внимания заслуживает факт первого применения в переписи 1816 г. словосочетания «башкирское сословие». Среди новых «башкирцев» преобладали «мещеряки», что способствовало еще большему увеличению удельного веса татар в составе башкирского сословия.

Ключевые слова: д. Акбашево, д. Байталлы, д. Бакаево, д. Биккулово, д. Курмашево, д. Мусино, д. Сабанакново, д. Сальзигутово, д. Сынташево, д. Угузево, татары башкирского сословия.

Населенные пункты в поземельных волостях имели специфическую сословную структуру. Именно им была характерна привилегированная сословная группа вотчинников, именуемая в источниках «башкирцами» («башкирами»). Она привлекала разные категории населения Оренбургской губернии возможностью улучшить земельную обеспеченность, что стало особенно актуальной в связи с проведением Генерального размежевания земель в России (после размежевания волостных земель вотчинники получали от 40 до 60 десятин на душу VII ревизии). Во многом этим объясняются многочисленные факты перехода в башкирское сословие, которые мы рассмотрим ниже.

В д. Мусино Уфимского уезда 8-го башкирского кантона в 1812 г. перешла семья указного муллы Г. Мухамметаминева (7 чел.). До этого она относилась к команде мещеряцкого старшины Ишмухамметова и жила в д. Бузовьязово Стерлитамакского уезда. С учётом этой семьи «башкирское» население д. Мусино в 1816 г. составило 76 душ муж. и 75 душ жен. пола (25 дворов) [6, л. 25 об.-26].

Следует обратить внимание, что мулла был включен в список «башкирцев», а не «мещеряков», хотя в рассматриваемой деревне в 1816 г. последних насчитывалось 31 душа муж. и 44 души жен. пола (7 дворов; в т. ч. кантонный помощник и юртовой старшина Хисамутдин

Баширов), состоящие в команде старшины Хисамутдина Баширова 3-го мещеряцкого кантона Уфимского уезда. Кроме них, там же отдельно зафиксированы «мещеряки» численностью 283 души муж. и 274 души жен. пола (80 дворов; в т. ч. юртовой старшина Абдулла Таравутов, старшинский помощник и юртовой сотник Музафар Яхин, мулла и учитель Абдулхасан Абдулзеллилов, мухтасип и учитель Абдулгфар Абдулхалилов, «имам и мугин и учитель» Гисматулла Хайбуллин), но относящиеся к команде юртового старшины Абдуллы Таравутова 3-го мещеряцкого кантона Уфимского уезда [4, л. 46-47 об., 136-147]. Мы полагаем, что во всех трех ревизских документах речь идет об одной и той же деревне Мусино. Наличие сразу 3 учителей в составе духовенства указывает на традиции татарского просветительства.

В ревизской сказке 1816 г. д. Биккулово (ныне Чишминского района РБ) сообщается, что Габдулнасыр Сеитбатталов (18 лет; в списке зафиксирован под №4) и его брат Габдулкадыр (10) «перешли [из] 3-го мещеряцкого кантона из деревни Тигирменево и переименовались башкирцами (выделено нами – авт.) в 1815 году». В конце ревизского списка д. Биккулово зафиксированы семьи Бикташа Юлдашева, Кутлугузи Бикташева, Файзуллы Ижбулдина, Кучарбая Сеймаскулова, перечисленные туда же в 1813 г. из д. Новое Ябалаклы [6, л. 27 об.-28]. Об их сословности на момент перехода источник не сообщает, однако в ревизской сказке д. Новое Ябалаклы они

зафиксированы «башкирцами» [6, л. 529 об.-530 об.].

Другая ревизская сказка 1816 г. д. Биккулово «ведомства 8-го башкирского кантона» подтверждает рассматриваемые сведения: в числе 25 душ муж. и 29 душ жен. пола «башкирцев» зафиксированы братья Сеитбаталовы, но в семье Валита Алламуратова. Валит – сын отставного сотника Алламурата Минлигулова (72 года), в списке зафиксирован под вторым номером, первым идёт его сын Абдулла в качестве юртового сотника [7, л. 55 об.-56 об.].

Заметим, что вышеназванная д. Тигирмень территориально относилась к Бирскому уезду, где под названием «Тагирменево» в 1850 г. зафиксированы «мещеряки» 3-го мещеряцкого кантона численностью 163 души муж. и 151 душа жен. пола (59 дворов) [10, л. 542 об.-543]. Есть еще «Тыгирменево» того же уезда с населением 34 души муж. и 37 душ жен. пола (13 дворов) в 1816 г. команды кантонного начальника 14 класса Давлетбая Юсупова 10-го башкирского кантона. Мы не стали выяснять, идёт ли речь об одной и той же деревне. Кстати, кантонный начальник и юртовой старшина Д. Юсупов являлся уроженцем д. Халилево Бирского уезда и «в 14-й класс произведен 1813 года марта 18» [2, л. 394 об., 410 об.-412].

«**Вышедшей из плену киргиссов** (выделено нами – авт.)» Шукурбай Искендеров (26 лет) в 1815 г. был включён в список «башкирцев» д. Сабанаково Уфимского уезда (ныне Мечетлинского района РБ) «по повелению главного начальства». В то же время деревню покинули семьи старшинского помощника Ибниамина Буртанова, Буртана Абдулвагапова, Мурсабая Буртанова, Кагармана Габдулвагапова, юртового есаула Юсупа Албудина, перешедшие в 1812 г. «по повелению господина Оренбургского военного губернатора князя Волконского» в д. Сальюготово [6, л. 118 об.-122].

В том же 1815 г. «башкирцем» д. Сальюготово (ныне Сальзигутово Мечетлинского района РБ) Уфимского уезда стал «**вышедшей из плену от киргисъ** (выделено нами – авт.)» Тыкый Буранов (25 лет), где зафиксирован в качестве «приёмыша» юртового есаула Юсупа Албу-

дина. Кстати, семья последнего и других выходцев из д. Сабанаково здесь названы как причисленные «по повелению главного начальства» [6, л. 126 об.]. Получается, что «главным начальством», как правило, именовался Оренбургский военный губернатор.

Вышеназванные Ибниамин Буртаков[ич] Абдулвагапов («старшинской помощник зауряд есаул»), Ягуда и Мурзабай Буртаковы, Кагарман Абдулвагапов, Юсуп Альбудин, «принятый во двор» последнего Такый Буранов (ему 43 года) зафиксированы также в ревизской сказке 1834 г. д. Сальюготово, где в тот период насчитывалось 68 душ муж. и 61 душа жен. пола «башкирцев» команды юртового старшины Исламгула Усманов[ича] Клычбаева 8-го башкирского кантона [9, л. 78 об.-79 об., 82 об.-83].

Вернемся к сведениям по д. Сабанаково. О ней А.З. Асфандияров сообщает следующее: «В 1812 г. 5 семей перешли на жительство в д. Сальзигутово. В деревню были приняты казахи-припущенники Шукурбай Искандеров, Иштук Юртбагисhev; Давлетшины Давлетбай (его сын Суярбай), Умуртбай, Мухамметрахим; Бунтубай Мартабин, Тока Буранов» [1, с. 555].

Ранее по ревизским сведениям 1816 г. мы говорили о причислении в «башкирцы» только «киргиза» Шукурбая Искандерова. Получается, что автор имел дополнительные сведения, которые увеличивают численность перешедших в башкирское сословие казахов. Кроме Ш. Искандерова и Т. Буранова, все они могли перейти до переписи 1811 г., поэтому VII ревизия каких-либо сведений об их причислении не сообщает. Последний («Тока Буранов») никогда не был зафиксирован в списке д. Сабанаково, поэтому его следует рассматривать только как жителя д. Сальзигутово.

Большое количество фактов о переходе в башкирское сословие зафиксировано в ревизских сказках самих «мещеряков». В д. Акбашево (ныне Верхнее Акбашево, Среднее Акбашево и Нижнее Акбашево Кушнаренковского района РБ) семья Фейзуллы Бектемирова (4 рев. души по данным 1811 г.) переведена «по дозволению военного губернатора в 8-й **башкирско[е] сословие** (вы-

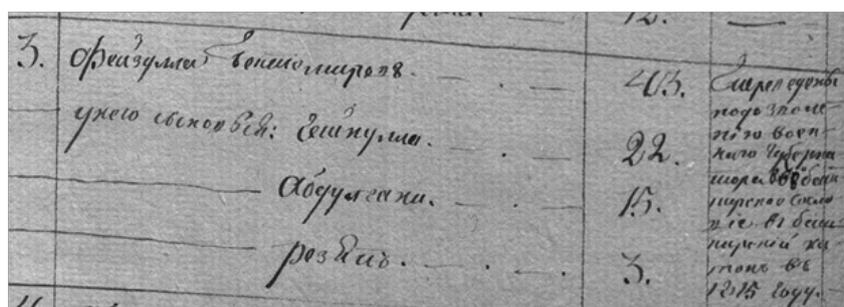

Рис. 1. Факт первого применения словосочетания «башкирское сословие» в материалах VII ревизии (НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 370. Л. 202 об.)

делено нами – авт.) в башкирской кантон в 1815 году» [5, л. 202 об.-203]. Юридический термин «сословие» здесь мы особо выделили потому, что он употребляется крайне редко, обычно его синонимами в рассматриваемых нами документах являются слова «звание» и «род».

Как видим, переписчик четко сообщает, что семья «мещеряка» в 1815 г. по распоряжению военного губернатора была причислена в башкирское сословие с переводом в 8-й башкирской кантон. В графе напротив семьи другого жителя (Сагита Сулейманова; 4 рев. души по сведению 1811 г.) данной деревни он избежал повторения слова «сословие» и прямо указал, что «переведены 8-го башкирского кантона в число башкирцев (выделено нами – авт.) в 1814 году, жительствуют же в одной д.:». Всего в данной деревне насчитывалось 16 душ муж. и 16 душ жен. пола (8 дворов) татар мещеряцкого сословия команды юртового старшины Абдулгания Рахимкулова 3-го мещеряцкого кантона [5, л. 203 об.-204].

В д. Сынташево (ныне Ново-Сынташево и Старо-Сынташево Благоварского района РБ) список «башкирцев» пополнила семья Абдулвагапа Тупеева (всего 5 чел., в т. ч. его 10-летний сын Абдуллатиф), которые значатся как «отпущенные на волю (выделено нами – авт.) отставным есаулом Арасланбеком Черкес[с]ким из крестьян ево Уфимского уезда из деревни Агардов в 1815 году» и причисленные по «повелению» Оренбургского военного губернатора. В результате «башкирцев» стало 29 душ муж. и 34 души жен. пола (10 дворов). К ревизской сказке юртовой старшина Шамсутдин Сагитов «татарским письмом руку приложил» [6, л. 310 об.-311].

К этим сведениям нужно добавить, что 23-м «башкирским» двором в д. Сынташево 21-го башкирского кантона в 1859 г. зафиксирована большая семья (12 чел.) Абдуллатифа Абдулвагапова (ему 52 года) [11, л. 824 об.-826], сына вышеназванного А. Тупеева. В данной деревне татары мещеряцкого сословия составляли большинство населения.

Отпущенные на волю также наблюдаются в д. Агарды (ныне село Благоварского района РБ). Вышеназванный Арасланбек Черкес[с]кий отпустил на волю еще одного своего крестьянина – бездетного Мукая Бузюмова (56 лет; с ним же жена Гульзабига, 19), который стал «башкирцем» «по повелению Оренбургского военного губернатора» в 1816 г. По распоряжению последнего здесь же «башкирцами» стали Курманай Ибрагимов и члены его семьи (4 души муж. и 4 души жен. пола), которые получили вольную от помещика Николая Ивановича Тимашева из д. Тюрюштамак Белебеевского уезда [6, л. 513 об.-514].

Хотя вольные хлебопашцы являлись менее значимым фактором при формировании башкирского сословия, все же он должен быть принят во внимание при исследо-

вании проблемы. Обращает внимание фамилия известного русского помещика-благотворителя Н.И. Тимашева (1755-1821), имевшего татарские корни и значительную часть жизни проживавшего в мусульманском окружении (благодаря его стараниям в 1812 г. в Казани был издан переведенный на русский язык общетюркский лиро-эпический дастан «Куз-Курпяч»). Известно, что его женой была княжна Феодосья Петровна Бекович-Черкесская (татарское имя Фатима; правнучка Давлет-мурзы). Он овдовел рано (в 40 лет) и больше не женился [12].

«Башкирцами» д. Бакаево (ныне село Кушнаренковского района РБ) стали братья Хаилбашир и Хаилназ Имангуловы, которые «по начальственному повелению перечислены одной же деревни Бакаевой из мещеряков 3-го мещеряцкого кантона в 1812 году» и числятся «примышами» Динмухаммета Буранголова, перешедшего сюда из д. Новое Купаево Белебеевского уезда в 1811 г. С учетом этого перехода «башкирцев» в д. Бакаево в 1816 г. стало 57 душ муж. и 51 душа жен. пола (21 двор) во главе с юртовой старшиной Шамсутдиным Сагитовым [6, л. 318 об.-319]. Азанчий Хайриназ Имангулов (40 лет) в ревизском списке «башкирцев» 1834 г. д. Бакаево зафиксирован предпоследним. Всего в данном списке показано 71 душа муж. и 65 душ жен. пола (28 дворов) [8, л. 174 об.-175].

В д. Шарыпово (ныне с. Шарыпово Кушнаренковского района РБ) молодой татарин мещеряцкого сословия Абдулфаттах (12 лет по ревизии 1811 г.; сын ахуна Абдулкадыра Сулейманова) «в 1815 году по повелению Г. Оренбургского военного губернатора отчислен в 8 башкирский кантон в деревню Угузеву» [5, л. 389 об.]. И в этом случае перечисление в состав башкирского кантона означало изменение сословности: Абдулфаттах стал «башкирцем».

Изучение ревизской сказки «мещеряков» д. Угузево (ныне Кушнаренковского района РБ) Уфимского уезда показало, что в 1815 г. семьи походного есаула Абдулгара Салимуллина и Абдулкарима Килмухамметова (все-го 6 рев. душ по сведению 1811 г.) «отчислены в 8-й башкирский кантон». Всего здесь жили 186 душ муж. и 174 души жен. пола татар мещеряцкого сословия (53 двора; в т. ч. 2 семьи, переселившиеся в 1814 г. из д. Дюсмеево Уфимского уезда) [5, л. 408 об.-409]. Вышеназванные семьи в 1816 г. вошли в список населения башкирского сословия той же д. Угузево под предпоследними номерами в количестве 8 душ муж. и 8 душ жен. пола и показаны как причисленные «из мещеряцкого [в] 8-й башкирский кантон на службу [с] 1816 года». Всего здесь «башкирцев» стало 19 душ муж. и 15 душ жен. пола (6 дворов) [6, л. 497 об.-498].

Отметим, что сведения X ревизии позволяют полнее представить численность и состав населения по сосло-

виям. В 1859 г. в д. Угузеве зафиксировано 367 душ муж. и 356 душ жен. пола (124 двора) «башкирцев» 8-й юрты 24-го башкирского кантона, которые делились на «[башкир] из мещеряков» и «[башкир] из башкир». К последним относились лишь 38 душ муж. и 28 душ жен. пола (13 дворов), в том числе потомки вышеупомянутых Абдулгарафа и Абдулкарима (например, Шагиахмет Абдулгарафов (46 лет), Ахметгарей Абдулгарафов (44)). Один крестьянин «башкирец» был **«исключен из башкирского звания»** (выделено нами – авт.) с 1 июля 1863 года» [11, л. 168 об., 171 об., 208 об.-209], поэтому осталось наличных 12 дворов. Последний факт говорит о том, что с переходом в православие новокрещеный человек терял свою сословность, т. е. «башкирское звание».

Переходим к другим деревням. В д. Курмашево (ныне с. Старокурмашево Кушнаренковского района РБ) семья «мещеряка» Зюбеира Мавлютова (3 рев. души по сведениям 1811 г.) из команды старшины Абдулганиа Рахимкулова 3-го мещеряцкого кантона в 1816 г. выбыла «по ордеру» военного губернатора в д. Асаново (ныне село Уфимского района РБ) 8-го башкирского кантона. По итогам VII ревизии татар мещеряцкого сословия в д. Курмашево насчитывалось 154 души муж. и 179 душ жен. пола (44 двора) [5, л. 181 об.-182]. Имеется также аналогичный 2-й список VII ревизии, который зафиксировал 149 душ муж. и 173 души жен. пола (45 дворов; в т. ч. двор не бывшего Зюбеира Мавлютова) [4, л. 113 об.].

Следует сказать, что возникновение д. Курмашево связано с именем Расмекея Бакаева, который со своими одноотчинниками припустил в 1714 г. служилых татар Курмаша Байтимерова, Юсупа Сулеева и других, чтобы «поселитца усадьбой 20 дворами» [1, с. 378]. В самой деревне архивные сведения никогда не фиксировали население башкирского сословия (только в переписи 1859 г. «башкирами» названы «мещеряки» (91 двор) и «тептяри» (17) [11, л. 1056-1100]), вплоть до 1917 года она развивалась как татарская, поэтому появление большой прослойки «башкир» («согласно переписи 2002 года, преобладающие национальности – башкиры (54 %), татары (44 %)», так гласит «Википедия» [13]) вызывает сильное удивление.

Наибольшую численность переведенных в башкирское сословие татар наблюдаем в д. Байталлы (ныне Кушнаренковского района РБ) Уфимского уезда. В 1815 г. сразу 45 душ муж. пола (13 дворов) «мещеряков» команды Бикташа Амирханова 3-го мещеряцкого кантона «по повелению» Оренбургского военного губернатора были переименованы в «башкирцы» (**«именованием в башкирцы»**) (выделено нами – авт.; так сказано в источнике) своей деревни. Назовем глав домохозяйств: Зулкарней Имангулов, Абдулхаир Зулкарнеев, [Г]абидулла Абдуллин, Абдулхалик Мянеев, Сейфулла Субханкулов, Сейфулмулюк Субханкулов, Хамит Мухамметшарипов,

Ибрагим [Г]абитов, [Г]абит Шарипов, Мулласалим Сайтов, Абдулсалим Сайтов, Зюбеир Имангулов. До этого здесь обитали только две «башкирские» семьи братьев Бурангуловых (8 чел. обою пола в 2 дворах). В итоге татар башкирского сословия в 1816 г. стало 51 душа муж. и 40 душ жен. пола (15 дворов), а к 1834 г. увеличилось до 69 и 63 соответственно (14 дворов; в т. ч. дети Зайнуллы Бурангулова и Зулкарней Имангулова) [6, л. 197 об.-200; 8, л. 60 об.-65]. Кроме них, здесь же в 1816 г. учтено 89 (?) душ муж. и 92 души жен. пола (23 двора; в т. ч. Ибрагим Биктимеров, Хурамша Рахманкулов, Абдулгараф Гумеров) татар мещеряцкого сословия команды старшинского помощника Ибрагима Бактимирова) [4, л. 32-36].

Отдельной ревизской сказкой в той же д. Байталлы показана семья «мещеряка» Нигьматуллы Кутлюярова, состоящая из 5 душ муж. и 2 души жен. пола. В источнике сообщается, что он «прибыл на принадлежащую собственную землю онагожь уезда из деревни Дюсметевой, где и по скаске 6-й ревизии значился» [5, л. 208 об.-209]. Кроме этих двух основных сословий (башкирского и мещеряцкого), в деревне жили «тептяри» и служилые татары.

Вызывают недоумение сведения А.З. Асфандиярова, который сообщает, что «в 1815 г. сюда были припущены еще две семьи мишарей - Зайнуллы Бурангулова (сыновья – Фахретдин, Гайнетдин), его братьев Гайнуллы и Шамсутдина. [...] В 1816 г. здесь проживало 8 башкир, 192 мишаря, 8 тептярей. По VIII ревизии 1834 г. было 143 башкира-припущенника, 20 тептярей, 196 мишарей. [...] Советская перепись 1920 г. ошибочно показала 1012 байталловцев башкирами; башкиры составляли до этого меньше половины всех жителей» [1, с. 379].

Возникает вопрос: на каком основании автор говорит о припуске в 1815 г. «мещеряка» Зайнуллы Бурангулова и его братьев (источник не указан). Ведь и во второй ревизской сказке 1816 г. д. Байталлы о припуске кого-либо не говорится, а Зайнулла и Шамсутдин Бурангуловы зафиксированы там не «мещеряками», а по-прежнему «башкирцами». В этом списке «башкирцев» команды старшины Шамсутдина Сагитова 8-го башкирского кантона вместе с семьями Бурангуловых также видим новых «башкирцев» из числа «мещеряков» (Надырша Валишин, Зулкарней Имангулов, Габиудулла Абдуллин, Абдулхалик Минеев, Абдулгараф Абдрахимов, Сейфулла Субханкулов, Сейфулмулюк Субханкулов, Хамит Мухамметшарипов и др.; всего 56 душ муж. и 42 души жен. пола) [7, л. 39 об.-41]. При сравнении обоих ревизских списков видим полное совпадение большинства имён.

А теперь обратим внимание на то, что «башкир д. Старые Каратяки Дуванейской волости Казбулат Бурчаков 4 сентября 1719 г. дал договорную запись о припуске на свою вотчину служилого татарина Кильмамета Уразильдина,

уже проживающего в д. Байталлы, которого «в прошлых годах Казбулат припустил на свою землю ... в той вотчине поселитца усадьбою, где похочет, и пашня пахать, и сено косить, зверя и птицу и рыбу ловить, и борти вновь делать, и хмель щипать. И владеть ему и детям ево в той вотчине пахотными землями и санными покосы и всякими угодьи со мною, Казбулатом, вечно. А с той вотчины со всяких угодьев в помощь великому государю в ясак платить, ему, Кильмаметю, и детям ево по 2 куницы на всякий год беспереводно». В самом деле, он как «мещеряк» был припущен в 1716 г. Однако не купчая на землю, а договорное письмо было оформлено о его припуске» [1, с. 379].

Мы полагаем, что именно это сохранившееся «договорное письмо» о припуске, которое обязывало припущенника платить куничный ясак наравне с другими «башкирцами», стало основанием для перевода большой группы

байталловцев-«мещеряков» в башкирское сословие в 1815 г. Получается, что вышеназванный автор пропустил очень важное событие в истории деревни.

Итак, по материалам VII ревизии Уфимского уезда Оренбургской губернии наблюдаются многочисленные факты перевода татар мещеряцкого сословия в «башкирцы». Кроме них, в башкирское сословие также были причислены представители других категорий населения («киргизы», вольные хлебопашцы). Основной причиной причисления в состав «башкирцев» населения разных категорий следует назвать высокий уровень обеспеченности вотчинников поземельных волостей (именно они именовались «башкирцами») угодьями, что позволяло рассчитывать на преимущество при распределении земли по числу ревизских душ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
2. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Фонд И-138. Опись 2. Дело 165.
3. НА РБ. Ф. И-138. Оп.2. Д. 310.
4. НА РБ. Ф. И-138. Оп.2. Д. 363.
5. НА РБ. Ф. И-138. Оп.2. Д. 370.
6. НА РБ. Ф. И-138. Оп.2. Д. 371.
7. НА РБ. Ф. И-138. Оп.2. Д. 374 а.
8. НА РБ. Ф. И-138. Оп.2. Д. 456.
9. НА РБ. Ф. И-138. Оп.2. Д. 571.
10. НА РБ. Ф. И-138. Оп.2. Д. 644.
11. НА РБ. Ф. И-138. Оп.2. Д. 726.
12. Пономарев В.К. Тимашевы и Оренбуржье. История рода Тимашевых. [электронный ресурс]. URL: https://56.мвд.рф/upload/site58/document_news/019/441/785/Rodoslovnaya_Timashevy.pdf (дата обращения: 09.02.2023).
13. Старокурмашево [электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Старокурмашево> (дата обращения: 09.02.2023).

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» (НА ПРИМЕРЕ 1953 ГОДА)

Шляхов Алексей Владимирович

Соискатель, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
shlavl@yandex.by

HISTORICAL MEMORY OF THE FIRST WORLD WAR ON THE PAGES OF "QUESTIONS OF HISTORY" JOURNAL (BASED ON THE EXAMPLE OF 1953)

A. Shlyakhov

Summary: This article presents some results of a study on the transformation of the historical memory of the First World War in Russia. The object of the study is the First World War in Russia; subject – publications about the First World War on the pages of 12 issues of the journal "Questions of History" for 1953; the goal is to review views on the First World War on the pages of the magazine during the specified period. It is concluded that in 1953 stories related to the First World War were presented on the pages of the journal *Voprosy istorii* on an ongoing basis. It is considered how these stories were reflected in terms of the terminology used, content, political aspects and methodology.

Keywords: historical memory, historiography of the First World War, transformation of the historical memory.

Аннотация: В настоящей статье представлены отдельные результаты исследования, посвященного трансформации исторической памяти о Первой мировой войне в России. *Объект* исследования – *Первая мировая война* в России; *предмет* – публикации о Первой мировой войне на страницах 12 номеров журнала «Вопросы истории» за 1953 год; *цель* – рассмотрение взглядов на Первую мировую войну на страницах журнала в указанный период. *Делается вывод* о том, что в 1953 году сюжеты, связанные с Первой мировой войной, были представлены на страницах журнала «Вопросы истории» на постоянной основе. Рассматривается, как данные сюжеты были отражены с точки зрения используемой терминологии, содержания, политических аспектов и методологии.

Ключевые слова: историческая память, историография Первой мировой войны, трансформация исторической памяти.

В 2024 году исполнится 110 лет с начала Первой мировой войны, что предположительно обусловит дополнительное внимание к вопросам, связанным с историографией одного из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в мировой истории.

В настоящей статье рассматривается, каким образом на страницах журнала «Вопросы истории» была отражена историческая память о Первой мировой войне в 1953 году (год смерти И.В. Сталина, 50-летнего юбилея II съезда РСДРП, вступления Д. Эйзенхауэра в должность Президента США, соглашения о перемирии в Корейской войне, испытания первой в СССР водородной бомбы).

К числу источников, которые формировали и (или) формируют историческую память о Первой мировой войне в России, могут быть отнесены зафиксированные свидетельства очевидцев (письма, дневники), материалы делопроизводства, нормативные акты, мемуары, художественная проза, поэтические произведения, театральные постановки, научные работы (в том числе монографии, диссертационные исследования), материалы личных фондов историков, исторические и неисторические журналы, живопись, архитектура, кино, материалы периодической печати, видеоигры, телеграм-каналы и

многие другие источники.

Журнал «Вопросы истории» является одним из важных источников формирования исторической памяти о Первой мировой войне в России.

При этом для целей статьи принимается определение исторического источника как объективированного результата творческой деятельности человека, как реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением [1, 2].

На основе «сплошного» анализа статей из номеров журнала «Вопросы истории» за 1953 год из многочисленных публикаций выбирались те, где затрагивалась проблематика, связанная с Первой мировой войной.

Анализ содержания журнала «Вопросы истории» за 1953 год свидетельствует, что на страницах 12 номеров журнала было размещено 212 публикаций (содержание номера и технические исправления при подсчете числа публикаций во внимание не принимались). При этом как минимум в 8 из 12 номеров журнала «Вопросы истории» содержались публикации, подпадающие под предмет

нашего исследования (67 %), а из 212 публикаций тематика 13 публикаций была связана с Первой мировой войной (6 %). Соответственно, в среднем в каждом номере имелось около 1 публикации, которая подпадает под предмет нашего исследования (Таблица 1).

Таблица 1.
Историческая память о Первой мировой войне на страницах журнала «Вопросы истории» в 1953 году.

Год	Номер журнала	Общее количество публикаций (без учета содержания и технических исправлений)	Количество публикаций в журнале, подпадающих под предмет исследования	%
1953	1	11	1	9
	2	14	–	–
	3	16	1	6
	4	11	–	–
	5	17	–	–
	6	19	1	5
	7	19	–	–
	8	21	2	10
	9	20	3	15
	10	23	1	4
	11	18	2	11
	12	23	2	9
Среднее число публикаций в номере, подпадающих под предмет исследования				1,1

Результаты анализа публикаций [3–15] в 1953 году свидетельствуют о следующем.

В 1953 году в журнале «Вопросы истории» Первая мировая война характеризовалась как «мировая война», «мировая война 1914 – 1918 годов», «империалистическая война», «империалистская война», «первая империалистическая война», «первая мировая война 1914 – 1918 годов», «первая мировая империалистическая война» и «первая мировая война».

При этом Первая мировая война трактовалась как «кровавая мировая бойня», «кровавая четырехлетняя империалистическая война», «преступная война ради бизнеса и захвата территорий»; как «эпоха кризиса для империализма», «всесильный режиссер» и «могучий ускоритель» революции (со ссылкой на В.И. Ленина); как событие, ослабившее мировую систему капитализма и ускорившее политическое и экономическое развитие страны, а также превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический.

В качестве причины Первой мировой войны называ-

лись противоречия между германским и английским империализмом (также говорилось о роли американского империализма).

В качестве виновников Первой мировой войны назывались Германия (юнкерство, магнаты финансового капитала) и западные империалистические державы, в т.ч. Англия и США.

При этом делался акцент на том, что нельзя отождествлять немецкий народ с немецкими господствующими классами и преуменьшать роль «западных империалистических держав» в подготовке Первой мировой войны; критиковалась точка зрения о том, что Россия и славянские народы на Балканах и в Австро-Венгрии были главными виновниками войны, а США не имели к возникновению войны никакого отношения.

С точки зрения мотива вступления России в Первую мировую войну, отмечалось, что к 1914 году в основном капитале русских акционерных банков преобладал капитал Антанты, а за военные годы увеличилась доля американского капитала. При этом высказывалось мнение о том, что Россия вступила в войну неподготовленной, и, по сравнению с Англией, Францией, Германией и Австро-Венгрией, российское народное хозяйство пострадало в наибольшей степени.

Память о Первой мировой войне связывалась с различными группами явлений, имен и историко-политических процессов.

Во-первых, память о Первой мировой войне связывалась с именами политических и военных деятелей (например, В. Вильсон; Д.Л. Джордж, У. Черчилль, Ж. Клемансо, М. Гофман, К. Ладзари, Ф. Турати; А. Трумбич, Ш. Осуски, В.И. Ленин, И.В. Сталин).

Во-вторых, память о Первой мировой войне связывалась с различными историческими событиями, а также политическими явлениями, процессами и институтами (например, февральская и октябрьская революция 1917 года в России; создание Тройственного союза – Германия, Австро-Венгрия и Италия и франко-русского союза; Антанты; русско-германские отношения накануне войны, русско-болгарские отношения в начале войны и англо-русские противоречия в Персии в период войны; деятельность большевиков (Петроград, Кубань, Черноморье, Екатеринослав, Харьков); опубликование большевиками межгосударственных договоров и соглашений; деятельность болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков); деятельность социалистической партии Италии; лозунги о превращении войны империалистической в войну гражданскую и о поражении «своего» правительства в империалистической войне; антивоенные настроения: братание и дезертирство солдат, призывы к восстанию против «своих» правительств, появление в публичных местах и государ-

ственных учреждениях Российской империи антивоенных рисунков и надписей, в т.ч. общенного характера; антивоенные настроения в Италии, обогащение крупных итальянских банков и монополий; Черноморские проливы; теория «удара ножа в спину»; подводная война; продовольственный и финансовый кризис в России; продовольственный, топливный кризис и рост спекуляции в Италии; Брестские переговоры).

Говорилось о том, что создание в 1884 году франко-русского союза было ответом на создание в 1882 году Тройственного союза.

Отмечалось негативное влияние Первой мировой войны на народное хозяйство европейских государств (например, в Италии – ухудшение финансового положения страны; в Австро-Венгрии – дезорганизация народного хозяйства, свертывание производства и торговли, истощение продовольственных и экономических ресурсов в условиях важности российского рынка для нормального функционирования Австро-Венгрии). При этом подчеркивалось, что Соединенные Штаты после Первой мировой войны стали центром финансового могущества, и это обусловило экономическую и политическую экспансию американских монополий по всему миру.

В-третьих, память о Первой мировой войне связывалась с военными сражениями и операциями (например, Дарданелльская операция (Галлиполийское сражение) (февраль 1915 – январь 1916 года); Салоникский фронт (1915 – 1918 годы); Весеннее наступление германской армии (март – июль 1918 года), Стодневное наступление Антанты (август – ноябрь 1918 года).

В-четвертых, память о Первой мировой войне связывалась с международными договорами (документами) и нормативными правовыми актами (например, Лондонский договор 1915 года; Указ от 25 июня 1916 года о мобилизации «инородческого» населения Астраханской губернии, Сибири и Средней Азии для работ по устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии, в т.ч. мнение о том, что данный указ стал непосредственной причиной Среднеазиатского восстания 1916 года; Декрет о мире; Брестский мир; заявление Д.Л.Джорджа от 5 января 1918 года о целях Великобритании в Первой мировой войне; Версальский мирный договор).

Наконец, память о Первой мировой войне связывалась с восстаниями и забастовками (например, Среднеазиатское восстание 1916 года, Туринское восстание 1917 года; Январская всеобщая забастовка 1918 в Австро-Венгрии).

Проводились различные группы параллелей, связанные с событиями Первой мировой войны.

Во-первых, проводилась параллель между Первой

мировой войной и событиями, явлениями, процессами после Первой мировой войны и до текущего момента (например, параллель между Первой и Второй мировыми войнами: действия германских милитаристов и германского генерального штаба; идеологическая подготовка обеих войн, в т.ч. идеологема «жизненного пространства для немцев»; стремление к исторической реабилитации германского милитаризма после поражения Германии в обеих войнах; параллель между созданием милитаристических и националистических концепций во времена Пангерманского союза, фашистской Германии и ФРГ).

Во-вторых, проводилась параллель между событиями Первой мировой войны и возможными будущими событиями, явлениями, процессами (например, параллель между Первой, Второй и возможной Третьей мировыми войнами с точки зрения идеологического обоснования «жизненного пространства для немцев»).

Давалась положительная оценка деятельности большевиков и коммунистической партии, в т.ч. лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Негативным образом оценивались идеологемы «удара ножа в спину», «войны упущенных возможностей» и «жизненного пространства для немцев»; фигура В.Вильсона и его «14 пунктов»; Парижская мирная конференция; Версальский мирный договор и тезис об односторонней ответственности Германии за развязывание Первой мировой войны.

Приводилась точка зрения о проведении царским правительством перед Первой мировой войной политики национального и колониального угнетения по отношению к нерусским народам.

Высказывалось мнение о каторжной военной дисциплине и исключительно тяжелых условиях труда на военных предприятиях Италии во время Первой мировой войны.

С методологической точки зрения, высказывалось мнение об ангажированности и недостоверности «буржуазных» исторических исследований (например, подвергалась критике книга английского военного историка Бэзила Генри Лиддела Гарта «Правда о войне»), а также подвергалось критике применение идеи цикличности исторического процесса в целом и к Первой мировой войне в частности.

При этом давалась положительная оценка работе по истории международных отношений на Дальнем Востоке в период с 1870 по 1945 годы (Г.Н. Войтинский, А.Л. Гальперин, А.А. Губер, А.М. Дубинский, Е.М. Жуков, Л.И. Зубок, А.Л. Нарочницкий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Источниковедение: учеб. пособие / [И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольская, Р.Б. Казаков и др.]; отв. ред. М.Ф. Румянцев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 90.
2. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. С. 38.
3. Андреев В.К. «История Албании» для IV класса начальной школы. //
4. Вопросы истории. 1953. № 10. С. 128-133.
5. Василькова А.И. Экономическая платформа большевистской партии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 42-59.
6. Волков Ф.Д., Кирилин И.А., Севостьянов П.П. Полезная книга по истории международных отношений. // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 130-137.
7. Ерусалимский А.С. О некоторых попытках реабилитации германского империализма в современной реакционной историографии. // Вопросы истории. 1953. № 8. С. 94-115.
8. Кирова К.Э. Массовое движение в Италии против империалистической войны летом 1917 года. // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 68-85.
9. Клеванский А.Х. И.С.Гаек. Легенда о Вильсоне в истории Чехословацкой республики. // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 137-142.
10. Муравьев А.В., Шелестов Д.К. Дипломные истории СССР выпускников Московского государственного университета. // Вопросы истории. 1953. № 9. С. 157-159.
11. Писарев Ю.А. Подъем массового революционного движения народов Югославии в 1918 – 1919 годах. // Вопросы истории. 1953. № 9. С. 20-37.
12. Пospelов П.Н. Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского
13. Союза. // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 12-27.
14. Слѣзкин Л.Ю. Из истории англо-американского империалистического соперничества в Южной Америке (1931 – 1932). // Вопросы истории. 1953. № 9. С. 38-58.
15. Черняев А.С. Революционный подъем рабочего движения в Англии в 1917 – 1920 годах и предательство лейбористских лидеров. // Вопросы истории. 1953. № 1. С. 61-48.
16. Якунин А.Ф., Кулиев О.К. Восстание 1916 года в Средней Азии. // Вопросы истории. 1953. № 3. С. 33-49.
17. Перечень диссертаций, авторам которых присуждена ученая степень кандидата исторических наук в 1952 году. // Вопросы истории. 1953. № 8. С. 176-189.

© Шляхов Алексей Владимирович (shlavl@yandex.by).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛОВ «БОРЬБА КЛАССОВ» И «ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ» В 1934 И 1944 ГОДАХ)

Шляхов Алексей Владимирович

Соискатель, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
shlavl@yandex.by

**METHODOLOGY OF HISTORICAL
MEMORY ANALYSIS OF THE FIRST
WORLD WAR ON THE PAGES OF RUSSIAN
HISTORICAL JOURNALS (BASED ON
THE EXAMPLE OF MAGAZINES "CLASS
STRUGGLE" AND "HISTORICAL JOURNAL"
IN 1934 AND 1944)**

A. Shlyakhov

Summary: This article presents some results of a study on the transformation of the historical memory of the First World War in Russia on the pages of domestic historical journals in the period from 1926 to 1953. The object of research is the First World War in Russia; subject - publications about the First World War on the pages of 4 issues of the magazine "Struggle of Classes" for 1934 and 6 issues of the magazine "Historical Journal" for 1944; the goal is to consider, using the example of the "anniversaries" of the beginning of the First World War, the methodological scheme for analyzing the historical memory of the First World War on the pages of these journals. The conclusion is made about the possibility of applying to the plots related to the First World War, a single "three-block" scheme, which makes it possible to identify different facets of the historical memory of the First World War.

Keywords: historical memory, historiography of the First World War, methodology, transformation of the historical memory.

Аннотация: В настоящей статье представлены отдельные результаты исследования, посвященного трансформации исторической памяти о Первой мировой войне в России на страницах отечественных исторических журналов в период с 1926 по 1953 годы. *Объект* исследования – Первая мировая война в России; *предмет* – публикации о Первой мировой войне на страницах 4 номеров журнала «Борьба классов» за 1934 год и 6 номеров журнала «Исторический журнал» за 1944 год; *цель* – рассмотрение на примере «юбилейных» дат начала Первой мировой войны методологической схемы анализа исторической памяти о Первой мировой войне на страницах указанных журналов. *Делается вывод* о возможности применения к сюжетам, связанным с Первой мировой войной, единой «трехблочной» схемы, которая дает возможность выявления разных граней исторической памяти о Первой мировой войне.

Ключевые слова: историческая память, историография Первой мировой войны, методология, трансформация исторической памяти.

Методология анализа исторической памяти о Первой мировой войне представляется важным аспектом соответствующих «мемориальных» исследований. В настоящей статье представлена методологическая схема, которая была выработана в ходе выполнения соответствующего диссертационного исследования, посвященного трансформации исторической памяти о Первой мировой войне на страницах журналов на страницах журналов «Историк-марксист», «Борьба классов», «Исторический журнал» и «Вопросы истории» (1926–1953 гг.). В рамках статьи указанная методологическая схема была применена к анализу статей из «юбилейных» номеров журналов «Борьба классов» (1934 год) и «Исторический журнал» (1944 год), т.е. в годы

20-летия и 30-летия начала Первой мировой войны соответственно. Применение данной схемы предполагает рассмотрение исторической памяти о Первой мировой войне в терминологической, содержательной и политической плоскостях.

Анализ содержания журнала «Борьба классов» за 1934 год свидетельствует, что на страницах 10 номеров журнала (сдвоенные номера считались как один номер) была размещена 221 публикация (содержание номера и технические исправления при подсчете числа публикаций во внимание не принимались). При этом как минимум в 4 номерах журнала содержались публикации, подпадающие под предмет нашего исследования (40 %),

а из 221 публикации тематика 13 публикаций была связана с Первой мировой войной (6 %) (Таблица 1). Соответственно, в среднем в каждом номере имелось около 1 публикации, которая подпадает под предмет нашего исследования. Аналогичный анализ по «Историческому журналу» за 1944 году показывает, что на страницах 8 номеров журнала (сдвоенные номера считались как один номер) было размещено 123 публикации, тематика 8 из которых была связана с Первой мировой войной (7 %), а сама война была представлена в публикациях на страницах 6 номеров журнала (75 %), т.е. в среднем в каждом номере имелась около 1 публикации, которая подпадает под предмет нашего исследования (Таблица 2).

Результаты анализа публикаций [1–13] в 1934 году свидетельствуют о следующем.

В 1934 году в журнале «Борьба классов» Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война», «империалистская война», «империалистическая война 1914 года», «империалистическая война 1914 – 1918 годов», «война 1914 года», «война 1914 – 1918 годов», «мировая война», «всемирная война», «мировая война 1914 – 1918 годов», «мировая империалистическая война», которая обусловила февральскую и октябрьскую революцию в России.

В качестве главной причины Первой мировой войны назывались империалистические противоречия, борьба за рынки и передел мира.

При этом высказывалось мнение о том, что буржуазные политики намеренно вводили рабочий класс в заблуждение относительно целей Первой мировой войны, а Германия стала использовать события Первой мировой войны в качестве средства формирования милитаристского сознания немецкого населения.

Кроме того, между намерениями империалистических государств накануне Первой мировой войны (война как способ передела мира и ликвидации революционного движения) и обострением политических противоречий в 1930-е годы (вероятность новых войн) проводилась логическая параллель.

В качестве одного из центров пересечения империалистических противоречий накануне Первой мировой войны назывался Дальний Восток (высказывалось мнение о том, что Германии был выгоден рост русско-японского соперничества в Манчжурии из-за наличия сообщений о предстоящей мировой войне, однако Япония смогла преодолеть германофильские настроения и сделала ставку на Антанту; говорилось о том, что накануне Первой мировой войны Российская империя активно готовилась к военным действиям и осуществляла на Дальнем Востоке агрессивную политику; утверждалось,

что японо-американские, англо-японские, англо-американские и русско-японские противоречия в послевоенный период сделали Дальний Восток центром мировой империалистической борьбы).

Таблица 1.

Историческая память о Первой мировой войне на страницах журнала «Борьба классов» за 1934 год.

Год	Номер журнала	Общее количество публикаций (без учета содержания и технических исправлений)	Количество публикаций в журнале, подпадающих под предмет исследования	%
1934	1	23	1	4
	2	17	–	–
	3	17	1	6
	4	17	–	–
	5-6	25	1	4
	7-8	47	–	–
	9	20	10	50
	10	17	–	–
	11	19	–	–
	12	19	–	–
Среднее число публикаций в номере, подпадающих под предмет исследования				1,3

Таблица 2.

Историческая память о Первой мировой войне на страницах журнала «Исторический журнал» за 1944 год.

Год	Номер журнала	Общее количество публикаций (без учета содержания и технических исправлений)	Количество публикаций в журнале, подпадающих под предмет исследования	%
1944	1	19	1	5
	2-3	18	–	–
	4	15	2	13
	5-6	17	1	6
	7-8	13	1	8
	9	11	1	9
	10-11	12	–	–
	12	18	2	11
Среднее число публикаций в номере, подпадающих под предмет исследования				1

При этом при общей критике «империалистического милитаризма» и «военного патриотизма» отдельным образом критиковалась точка зрения о «военной ответственности» Германии накануне и в период Первой мировой войны, в т.ч. в части трактовки Германией своего положения в 1914 году (изоляция и враждебное славяно-французское окружение Германии); высказывалось мнение о том, что политика Германии во время Первой мировой войны носила аннексионистский характер.

В качестве виновников Первой мировой войны назывались правящие классы Германии, России, Франции, Англии и Сербии.

Утверждалось, что иностранные государства осуществляют подготовку к новой мировой войне, исход которой решат авиация и химия.

С точки зрения памяти о Первой мировой войне как о целостном событии говорилось о взаимосвязи военного успеха и надежной (не обязательно многочисленной) боевой силы; о том, что английская и французская тактика военных действий уступала немецкой; о том, что в военные годы в Германии имел место рост стачечного движения; о том, что февральская революция стала началом конца Первой мировой войны.

Память о Первой мировой войне связывалась с политическими событиями и процессами (например, «предательство идеи революции» вторым интернационалом); военными сражениями и операциями (например, битва при Вердене, битва на Сомме, битва при Аррасе, Ютландское сражение, Кильское восстание 1918 года); деятельностью политиков и организаций (например, антивоенная деятельность Карла Либкнехта и Розы Люксембург, лозунг Ленина о превращении империалистической войны в войну гражданскую, критика деятельности военно-промышленных комитетов); трудностями нелегальной работы большевиков (например, бытовые трудности, связанные с квартирным кризисом); крупными художественными произведениями, повествующими о разочаровании человека в войне и в жизни (например, роман французского писателя Луи-Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи», роман американской писательницы Перл Бак «Земля»).

Кроме того, память о Первой мировой войне связывалась с забастовками рабочих Путиловского завода (приводилась точка зрения о том, что рабочие Путиловского завода, за исключением политически «отсталых слоев», были против Первой мировой войны, однако даже отсталые слои теряли первичный патриотический запал в связи с тяжелыми условиями работы, а также ростом заболеваемости и числа несчастных случаев; высказывалось мнение о том, что рабочие Путиловского завода были разочарованы в фигуре царя, осознавали

чуждость Первой мировой войны интересам трудящихся, а также восприняли лозунг о превращении империалистической войны в войну гражданскую благодаря ужасам войны, тяжелому экономическому положению и работе большевистской организации завода; говорилось о том, что путиловское движение расшатывало устои царской монархии).

Подходы по формированию иностранными государствами исторической памяти о Первой мировой войне подвергались критике (подход по формированию памяти о Первой мировой войне как оборонительной войне для Англии, Германии, Франции и России; подход по формированию в Германии памяти о Первой мировой войне как о событии, в котором Германия потерпела неудачный исход не из-за своей военной слабости, а из-за предательства со стороны социалистов и интернационалистов; подход по формированию у немцев сознания собственной непобедимости за счет преувеличенного внимания к Первой мировой войне в целом и к военной доблести немцев в частности; восприятие Версальского мирного договора как договора, направленного против основ немецкого государства; восприятие немецкой революции 1918 г. как результата большевистского влияния).

Лозунг Ленина о превращении империалистической войны в войну гражданскую по-прежнему получал положительную оценку (в т.ч. утверждалось, что отношение к Первой мировой войне на региональном уровне находилось в русле идей Ленина о недопустимости оборонческих настроений), однако подчеркивалось, что СССР стала для рабочих «пролетарским отечеством», и поэтому между «пораженческими» лозунгами большевиков во время Первой мировой войны и подготовкой СССР к защите от военных угроз в последующих войнах нет логического противоречия.

В целом период Первой мировой войны трактовался как наименее изученный период в советской историографии.

Результаты анализа публикаций [14–21] в 1944 году свидетельствуют о следующем.

В 1944 году в «Историческом журнале» Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война», «европейская война», «война 1914 года», «империалистическая война 1914 – 1918 годов», «война 1914 – 1918 годов», «мировая война», «мировая война 1914 – 1918 годов», «первая мировая империалистическая война», «первая мировая война 1914 – 1918 годов», «первая мировая война».

При этом Первая мировая война трактовалась как «пора неслыханных барышей для торгово-спекулятив-

ных элементов».

В качестве причины Первой мировой войны назывались противоречия между капиталистическими государствами, стремившимися к переделу мира (в т.ч. империалистическая политика государств, основанная на принципе «Ты можешь воровать на одном конце улицы, потому что я украл на другом»).

В качестве виновника Первой мировой войны называлась Германия (германский империализм, поставивший перед собой цель мирового господства); политика Германия трактовалась как наиболее реакционная.

Приводилась точка зрения о том, что Россия была не готова к Первой мировой войне.

Память о Первой мировой войне связывалась с различными группами явлений, имен и историко-политических процессов.

Во-первых, память о Первой мировой войне связывалась с именами политических, военных, дипломатических и финансовых деятелей 19 и 20 веков (например, Отто фон Бисмарк, Хельмут фон Мольтке-старший; Вильгельм II, Николай II, Георг V, Франц Иосиф I, Альфонсо XIII, Густав V, Кристиан X, Карл I, Альберт I; Томас Вудро Вильсон, Раймонд Пуанкаре, Дэвид Ллойд Джордж, Герберт Генри Асквит; Пауль фон Гинденбург, Эрих Людендорф, Хельмут фон Мольтке-младший, Эрих фон Фалькенхайн, Теобальд фон Бетман-Гольвег, Альфред фон Тирпиц, Август фон Макензен, Герман фон Куль, Иоганн Генрих фон Бернсторф, Филипп Эйленбург, Эрнст Людвиг, Маттиас Эрцбергер, Артур Циммерман, Готлиб фон Ягов; Мария Александровна Васильчикова, Александра Фёдоровна, Мария Фёдоровна, Максимилиан Баденский, Анатолий Павлович Ливен, Анатолий Васильевич Неклюдов, Владимир Борисович Фредерикс, Михаил Васильевич Алексеев, Борис Владимирович Штюрмер, Александр Дмитриевич Протопопов, Василий Николаевич Крупенский, Сергей Дмитриевич Сазонов; Жозеф Жоффр, Фердинанд Фош, Жозеф Мари Огюст Кайо, Жюль Камбон, Жан Жорес; Сесил Артур Спринг Райс, Эдуард Грей, Эдвард Мандел Хауз, Оттокар Чернин; Сикст Бурбон-Пармский; Юань Шикай, Сунь Ятсен; Макс Варбург, Арнольд Рехберг, Ханс Нильс Андерсен; Поль Эйшен; Павел Петрович Скоропадский).

При этом говорилось о необходимости «размежевания» исторической памяти о русском генералитете, а именно выделении из общей массы наиболее способных генералов, чтобы все положительное, что было в армии, не приписывалось бы «всему верховному командованию, которое не имело заслуг».

Во-вторых, память о Первой мировой войне связыва-

лась с различными историческими событиями, а также политическими явлениями, процессами и институтами (например, дипломатическая игра Японии, Германии, Англии, Франции, США и России на дальневосточном направлении; предвоенные кризисы и военные конфликты – марокканский кризис 1905 года, марокканский кризис 1911 года, боснийский кризис 1908 – 1909 годов, итало-турецкая война 1911 – 1912 годов, балканские войны 1912 – 1913 годов, июльский кризис 1914 года).

При этом говорилось о сложном характере международных отношений в ходе Первой мировой войны (например, осторожное отношение к японскому ультиматуму Китаю 1916 года («двадцать одному требованию») со стороны Англии, США, Франции и России из-за опасений сближения Японии с Германией; начало Первой мировой войны как крупнейшее событие для стран Дальнего Востока, которое японские правящие круги рассчитывали использовать при реализации своих территориальных интересов в Китае и на островах Тихого океана).

В-третьих, память о Первой мировой войне связывалась с войнами, военными сражениями, военными операциями и военными доктринами (например, русско-японская война; японский ультиматум Китаю 1916 года («двадцать одно требование»); Битва на Марне 1914 года, Восточно-Прусская операция 1914 года, Варшавско-Ивангородская операция 1914 года, Галицийская битва 1914 года, Битва при Вердене 1916 года, операция Юго-Западного фронта русской армии под командованием А.А. Брусилова в 1916 году, Ютландское сражение 1916 года, Битва на Сомме 1916 года, Битва при Пашендейле 1917 года; морские операции России в Балтике и на Черном море; военные идеи Хельмута фон Мольтке 1871 года; план Шлиффена).

При этом делался акцент на поражениях немецкой армии, на успешных действиях русской армии либо на помощи со стороны русской армии (например, поражение Германии в Битве на Марне 1914 года; вторжение русских армий в Восточную Пруссию в ходе Восточно-Прусской операции 1914 года; занятие значительных территорий в результате победы российской армии в Галицийской битве 1914 года; наступательная операция Юго-Западного фронта русской армии под командованием А.А.Брусилова в 1916 году; безрезультатность подводной войны; наступление Германии в 1918 году как «игра ва-банк» и попытка «перехитрить историю»; план Шлиффена и крах стратегии молниеносной войны).

В-четвертых, память о Первой мировой войне связывалась с международными договорами (например, англо-русская конвенция 1907 года, секретный союзный договор России и Японии 1916 года; Брестский мирный договор, который трактовался как проявление империалистической политики Германии; Первое компьенское

перемирие 1918 года; Версальский мирный договор, который трактовался как следствие близорукой германской политики),

Наконец, память о Первой мировой войне отдельным образом связывалась с ролью русского народа в разгроме Германии в Первой мировой войне.

Проводились различные группы параллелей, связанные с событиями Первой мировой войны.

Во-первых, проводилась параллель между событиями Первой мировой войны и прошлыми событиями (например, параллель между Первой мировой войной и франко-прусской войной 1870 – 1871 годов; между немецкой военной стратегией в период второй половины 19 века и в период Первой мировой войны).

Во-вторых, проводилась параллель между Первой мировой войной и текущими событиями (например, параллель между попытками Германии времен Первой мировой войны расколоть Антанту и попытками фашистской Германии расколоть фронт объединенных наций; между «погоней Германии за мировым господством» в Первой мировой войне и при интервенции в СССР; между попытками Германии оправдать военные неудачи в периоды двух мировых войн – «сокращение очертаний фронта» во время Первой мировой войны и «эластичная оборона» во время Второй мировой войны; между немецкой армией времен Первой мировой войны и Второй мировой войны – с акцентом на «пруссачество», «немецкую военщину» и «немецкую солдатню»; между фигурами Вильгельма II и Гитлера; между применением пыток к русским военнопленным во время Первой мировой войны и истреблением русского населения во время Великой отечественной войны; между стойкостью русского народа в период двух мировых войн; между действиями венгров в ходе Первой мировой войны и действиями финнов во время Второй мировой войны; косвенная параллель между немецкой военной стратегией в период Первой мировой войны и в период Второй мировой войны – с акцентом на непонимание немецкими военачальниками методики ведения современной им войны и с особым акцентом на роль русской армии в общем военном успехе).

Наконец, проводилась параллель между событиями Первой мировой войны и возможными будущими событиями (например, параллель между Первой и Второй мировой войнами, в т.ч. в части прогноза о поражении фашистской Германии по аналогии с поражением гогенцоллернской Германии).

Кроме того, проводились аналогии между крупными сражениями Первой мировой войны на Западном фронте (Битва на Сомме, Битва при Вердене) и Сталинград-

ской битвой.

Давалась положительная оценка действиям русской армии в тяжелых условиях противостояния «австро-германским полчищам» (в том числе действиям по срыву плана Шлиффена); сопротивлению Бельгии; вступлению Англии в Первую мировую войну; вступлению США в Первую мировую войну.

Негативным образом оценивалась политика Германии (критика нарушения бельгийского нейтралитета, критика формулы Теобальда фон Бетман-Гольвега «нужда не знает заповедей»), а также несогласованность действий Антанты и позиция Румынии при вступлении в Первую мировую войну (в том числе отсутствие выгоды для России от участия Румынии в войне).

Приводилась точка зрения о том, что в период Первой мировой войны германская дипломатия была подчинена требованиям военного командования, и чем сложнее становилось положение Германии на фронтах, тем активнее становились попытки Германии предпринять маневры по внесению разлада в военно-дипломатический фронт союзников (соответственно, акцентировалась внимание на попытках дипломатического давления Германии на Россию, неудаче немецкого военного и дипломатического наступления и попытках Германии расколоть единство Антанты).

Высказывалось мнение о том, что, несмотря на развитие техники, главная роль принадлежит человеку, морально-политическое состояние которого определяет исход войны.

С методологической точки зрения, говорилось о работах иностранных дипломатических деятелей (книга министра иностранных дел Японской империи Кикудзиро Исии «Дипломатические комментарии», книга английского дипломата Гарольда Никольсона «Дипломатия», книга итальянского дипломата Луиджи Марескотти «Дипломатическая война»).

Таким образом, на примере анализа соответствующего материала в журналах «Борьба классов» и «Исторический журнал» в «юбилейные» годы с начала Первой мировой войны (1934 и 1944 годы) представляется возможным использование «трехблочной» схемы, а именно рассмотрение исторической памяти о Первой мировой войне в терминологической, содержательной и политической плоскостях. Данный подход позволяет выявлять разные грани исторической памяти (определение понятия – причины – виновники – исторические параллели – положительная и отрицательная характеристики – противопоставление – методология – иные особенности), что способствует структурированию результатов анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангаров А. Грэвс. За дымовой завесой. Перевод с английского. Огиз. М., 1934, 303 стр. // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 89-91.
2. Баевский Д. Борьба большевиков против империалистической войны 1914-1918 гг. // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 1-10.
3. Вилланд Г. Германский химический завод Лойна. // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 52-57.
4. Гопнер С. Под знаменем Ленина-Сталина вперед к победе мирового Октября. // *Борьба классов*. 1934. № 1. С. 8-17.
5. Добротвор Н. «Заря Поволжья» (Самара, «Рабочий журнал» 1914 г.). // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 28-31.
6. Ландер К. Самарская организация большевиков в начале мировой войны. // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 25-27.
7. Мительман М., Глебов. «Путиловец» в годы империалистической войны. // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 38-44.
8. Попов А., Штих Е. Дальний Восток накануне империалистической войны. // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 32-37.
9. Соколова А. О преподавании истории в фашистской Германии. // *Борьба классов*. 1934. № 5-6. С. 63-76.
10. Сталь Л. Работа парижской секции большевиков среди французских работниц в 1914 – 1926 гг. // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 17-24.
11. Фридлянд Ц. Поджигатели войны. // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 91-92.
12. Шток Е. Рабочее движение в Германии в 1914 – 1918 гг. // *Борьба классов*. 1934. № 9. С. 45-51.
13. От редакции. Революционное движение в капиталистических странах во время и после мировой войны. Книга для чтения. Т. 1. Империалистическая война (1914-1918). Под ред. Зайделя Г., Райского Л., Фенделя И. Ленпартиздат, 1933. 418 стр. Тираж 25390 экз. // *Борьба классов*. 1934. № 3. С. 142.
14. Боровой С. Одесса (К 150-летию со дня основания). // *Исторический журнал*. 1944. № 5-6. С. 41-49.
15. Войтинский Г. Международные отношения на Дальнем Востоке в годы первой мировой войны. // *Исторический журнал*. 1944. № 4. С. 3-17.
16. Голант В. «Зверства немцев в войну 1914-1918 гг.» (из документов первой мировой войны). Лениздат, 1943., 114 стр. Никитин М.Н., Вагин П.И. Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. По материалам и документам из оккупированных районов и городов Ленинградской области. Лениздат, 1943., 176 стр. // *Исторический журнал*. 1944. № 12. С. 84-85.
17. Манусевич А. Попытки Германии расколоть Антанту в первый период мировой войны 1914 – 1918 гг. // *Исторический журнал*. 1944. № 7-8. С. 43-50.
18. Манфред А. Жан Жорес (К тридцатилетию гибели – 1914 – 1944). // *Исторический журнал*. 1944. № 9. С. 52-62.
19. Нотович Ф. Военный разгром и капитуляция Германии в 1918 году. // *Исторический журнал*. 1944. № 1. С. 64-72.
20. Паротькин И. Великая битва под Сталинградом. // *Исторический журнал*. 1944. № 4. С. 3-17.
21. Сидоров А. Таленский Н.А. Первая мировая война (1914 – 1918 гг.) (боевые действия на суше и на море). Госполитиздат. 1944. 126 стр. 2 р. 50 к. // *Исторический журнал*. 1944. № 12. С. 75-78.

© Шляхов Алексей Владимирович (shlavl@yandex.by).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

ИОАНН ЗЛАТОУСТ И ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В УСЛОВИЯХ ОСОБОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНЕ¹

Ярцев Сергей Владимирович

Д.и.н., доцент, профессор, Тульский государственный педагогический университет им Л.Н. Толстого
s-yartsev@yandex.ru

JOHN CHRYSOSTOM AND THE PECULIARITIES OF THE SPREAD OF CHRISTIANITY IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE CONTEXT OF SPECIAL ETHNO-CULTURAL INTERACTION IN THE REGION

S. Yartsev

Summary: The article is devoted to the complex topic of the persecution of the Archbishop of Constantinople John Chrysostom at the beginning of the 5th century and the spread of Christianity in the Northern Black Sea region at the specified time. Based on a thorough analysis of written and some material sources, the author comes to the conclusion that John Chrysostom sought to establish his people in the Christian communities of the Northern Black Sea region on the territory of which, in the event of an aggravation of the internal political situation, his supporters could hide. One of the measures of his religious policy, however, was to activate the cult of the martyr St Phocas, who suffered innocently during the persecution of Christians. Thus, John tried to evoke associations among his compatriots with the godless campaign of his persecution that had begun in the empire. In this regard, according to the author of the study, it is necessary to refer to the beginning of the spread of the St. Phocas cult in the Northern Black Sea region with the escape of the supporters of the exiled archbishop. This cult was best suited to intensify the process of spreading Christianity among the peoples of the Northern Black Sea area. According to the author, both the Greeks and representatives of the Iranian, Turkic and Germanic peoples who lived here could see at the heart of this cult a reflection of their own pre-Christian ideas in the field of the mythological universe associated with the worship of the forces of nature, including the water principle, as the primary source of life on earth. It is possible that the main symbol of the new cult was the anchor, a Christian symbol of salvation. The unusual shape of this anchor, however, may have been the result of some element of pre-Christian local culture being stylised for it. To the local Greeks, it may therefore have resembled the trident of Poseidon, while to the barbarians – a plant ornament or even a tamga, thus evoking associations with the world tree, linking heaven, earth and the underworld. Such a well-thought-out and successful adaptation of non-Christian symbols and elements of pagan culture to the Christian worldview, apparently, was able to ensure the rapid and phenomenal success of the cult of St. Phocas, not only among the population of the ancient cities of the Northern Black Sea region, but

Аннотация: Статья посвящена сложной теме гонений на архиепископа Константинополя Иоанна Златоуста в начале V в. и проблеме распространения христианства в Северном Причерноморье в указанное время. На основании тщательного анализа письменных и некоторых материальных источников, автор приходит к выводу, что Иоанн Златоуст стремился утвердить своих людей в христианских общинах Северного Причерноморья на территории которых, в случае обострения внутривнутриполитической ситуации, можно было бы укрыться его сторонникам. При этом одним из мероприятий его религиозной политики, стала активизация в империи культа безвинно пострадавшего в период гонения на христиан мученика св. Фоки. Тем самым Иоанн пытался вызвать ассоциации у соотечественников с начавшейся в империи жестокой кампанией по своей травле. В этой связи, по мнению автора исследования, начало распространения в Северном Причерноморье культа св. Фоки, необходимо связывать с бегством сюда сторонников отправленного в ссылку архиепископа. Кроме того, данный культ лучше всего подходил для активизации процесса распространения христианства среди народов Северного Причерноморья. По мнению автора, как греки, так и представители живших здесь иранских, тюркских и германских народов, в основе данного культа могли видеть отражение собственных дохристианских представлений в области мифологического мироздания, связанных с поклонением силам природы, в том числе и водному началу, как первоисточнику жизни на земле. Не исключено, что основным символом нового культа стал якорь – христианский символ спасения. Однако необычная форма такого якоря, могла быть результатом стилизации под него, какого-то элемента дохристианской культуры местных народов. Поэтому местным грекам он мог напоминать, тот же трезубец Посейдона, а варварам растительный орнамент или даже тамгу, тем самым вызывая ассоциации с мировым деревом, связывающим небо, землю и подземный мир. Такая хорошо продуманная и успешная адаптация нехристианских символов и элементов языческой культуры к христианскому мировоззрению, по-видимому, и смогла обеспечить быстрый и феноменальный успех культа св. Фоки, не только среди населения античных городов Северного Причерноморья, но и среди местных варварских народов.

Ключевые слова: Иоанн Златоуст, христианство, св. Фока, Северное Причерноморье, Херсонес, Боспор, сарматы, гунны, готы, тамги.

¹ Работа выполнена за счёт гранта РНФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

also among the local barbarian peoples.

Keywords: John Chrysostom, Christianity, St. Phocas, Northern Black Sea region, Chersonese, Bosporan Kingdom, Sarmatians, Huns, Goths, Tamgas.

Ранее мы уже не раз обращались к сложной теме участия архиепископа Константинополя Иоанна Златоуста в христианизации населения Северного Причерноморья. Основным источником здесь является текст письма святителя диаконисе Олимпиаде 404 года, в котором были и такие слова: «Дали мне знать монахи – марсийские [константинопольские – Я.С.] готы, у которых постоянно скрывался епископ Серапион, что прибыл диакон Мадурий с известием, что достойный удивления епископ Унилы, которого я недавно поставил и послал в Готию, совершивши много великих дел, умер. И прибыл Мадурий с письмами правителя готов, в которых последний просил послать к ним епископа. И вот, так как против грозящей катастрофы я не вижу никакого другого средства, чтобы поправить дело, кроме промедления и отсрочки (им ведь невозможно теперь плыть ни в Боспор, ни вообще в те страны), то ты постарайся пока задержать их по причине зимы; но не пробегими мимо этого с небрежностью, потому, что это дело весьма важное» (Joannis Chrysostomi, Epist., 14).

Опираясь на данный текст и анализируя различные доводы исследователей, мы пришли к выводу, что речь здесь может идти не о Придунавье, а о территории Боспора. Основные наши аргументы заключались в следующем. Во-первых, деятельность православного епископа Унилы, совершившего у готов-ариан «много великих дел», если их локализовывать в придунайском регионе, была невозможна. Даже в случае обращения здесь, каких-то небольших готских групп в никейское православие, массовый переход готов в католические общины в данном регионе, был невозможен. Дело в том, что такое отступление от веры, было бы сразу замечено королем готов и неминуемо наказано, так как выглядело противоборством организованному дунайскими готами арианскому просвещению своих сородичей. Однако, про это нам ничего не известно. Напомним, что последних, готы целенаправленно склоняли к преклонению перед арианским лжеучением (Iord. Get., 133). Во-вторых, территориальный характер института готского епископата, который следует из текста письма, хорошо соответствует имперской организации католической церкви, но противоречит, сложившейся к этому времени, варварской системе «племенных» епископов. В-третьих, термин «Готия» не мог применяться к терри-

ториям, захваченным к концу IV в. гуннами и тем более к Придунавью, где абсолютно неизвестен. Логичнее предположить, что название Готия сохранилось только за теми районами, где проживали готы, по ряду причин, не попавшие под прямой разгром гуннов и сохранившие относительную независимость от последних. Другими словами, речь идет о землях Боспорского царства, где могли компактно проживать готы, находившиеся не в подчиненном положении у гуннов, как на бывшей территории черняховской культуры, а в союзных отношениях с кочевниками. В-четвертых, из-за зимы невозможно было плыть туда, куда по причине установления гуннской гегемонии в степях Северного Причерноморья другим способом добраться было невозможно. Это в первую очередь Херсонес и земли Боспора, которые сохранились как самостоятельные государства. На территорию Придунавья, а также дальше в районы к северу от лимеса, вполне можно было добраться и сухопутным путем. Если бы путь в Готию лежал в этом направлении, не нужно было сетовать на невозможность отправки к готам нового епископа раньше окончания зимы и открытия морской навигации [48, с. 93–98; 64, р. 374–379]. Тем не менее, вопрос об упомянутой в письме предстоящей катастрофе, в случае невозможности отправки нового готского епископа от Иоанна, был решен нами исходя из борьбы Златоуста с арианством варваров. По мере проведения дальнейших исследований по вопросам этнического взаимодействия в этноконтактной зоне Северо-Восточного Причерноморья, данная проблема стала выглядеть гораздо сложнее, чем это представлялась нам ранее.

Из текста источника следует, что: «есть два обстоятельства, которые в особенности печалат меня, если они случатся, – чего да не будет! – во-первых, что епископ будет поставлен теми, которые совершили столько зол, и которыми быть поставляемым дело незаконное, во-вторых, что может быть избран кто-нибудь неосмотрительно. Что они не стараются о том, чтобы избрать благородного человека, ты знаешь и сама, что затем последует. Итак, чтобы не случилось ничего этого, приложи всякое старание. А если бы можно было бы без шума и тайно убежать к нам Мадурию, то этим было бы достигнуто очень многое» (Joannis Chrysostomi, Epist., 14). Очевидно, что ключевым фактором в письме Злато-

уста являются враги, совершившие множество злых дел. Следовательно, именно возможность отправки епископа от них к готам, представлялась Иоанну катастрофой какому-то важному делу.

Все вышесказанное заставляет нас вновь обратиться к некоторым обстоятельствам христианизации населения Северного Причерноморья. Действительно, после того, как Иоанна – священника и блестящего оратора из Антиохии, по совету Евтропия, назначили в 398 г. на кафедру Константинополя (Pall., V, 19; Soz., VIII, 2), он приобрел много врагов. Из таких недругов особенно выделялся Феофил Александрийский, явно имевший какие-то предубеждения против Златоуста (Soz., VIII, 2; Socr., VI, 2,6; Pall., V, 18, VIII, 3–31). Не исключено, что он хотел, чтобы эту должность занимал его человек [15, с. 57]. Ситуацию вокруг Иоанна вскоре усугубили и его преобразования в столице, призванные навести порядок в церковной организации и утвердить в ней христианские моральные принципы, основанные на скромности и аскетическом образе жизни представителей клира (Soz., VIII, 3; Socr., VI, 2,4; Pall., V; Theod., V, 28). При этом значительно была усилена трата церковных средств на благотворительность [62, р. 338–365; 15, с. 60–61], что стало все более вызывать негативную реакцию у священнослужителей давно утративших связь с народом и с реальностью (Pall., VI, 1). Активное же смещение провинившихся епископов в провинциях, еще более настроило против Иоанна распустившихся священников [15, с. 65–66]. Таким образом, искренняя любовь народа, который в своей массе стекался к Иоанну «чтобы послушать его проповеди», толкая и тесня «друг друга, желая подойти к нему поближе, чтобы яснее слышать его беседу» (Soz., VIII, 5), стала резко гармонировать с отторжением и даже ненавистью церковников, обвинивших Иоанна в гордости, жестокости и высокомерии (Soz., VIII, 9).

К сожалению, вскоре на сторону врагов Иоанна перешла и императрица Евдоксия, которая за свою жадность была обличена в одной из проповедей Иоанна [15, с. 76–78]. Это сыграло свою негативную роль в разгоревшемся вскоре скандале, между любившим деньги епископом Феофилом и египетскими монахами, так называемыми «длинными братьями» Нитрийской пустыни. Дело в том, что данный конфликт довольно быстро превратился в открытую войну уже между александрийским епископом и Иоанном (Pall., VI–VIII; Socr., VI, 7; Soz., VIII, 12). Вызванный на суд Иоанна Феофил за неподобаемое обращение с «длинными братьями», быстро примирился с последними и после подкупа нужных людей, играя на противоречиях Златоуста и императорского двора, использовал предстоящий собор уже в качестве судилища над самим Иоанном. Таким образом, в резиденции бывшего претора Руфина в начале 403 года, на собранном новом соборе, получившем название «Под дубом», Иоанн Златоуст был осужден. Ему в вину были поставлены

бесчисленные преступления, вплоть до действий, интерпретируемых в качестве государственной измены и подразумевающих смертную казнь (Pall., VIII). Несмотря на то, что «люди порицали царя и собор, а особенно Феофила и Севериана, двух главных начальников заговора», Иоанну пришлось оставить церковь (Soz., VI, 18). Однако ситуацию резко изменило землетрясение, которое произошло точно в ночь ссылки Златоуста. Испугавшись этого дурного предвестия, императрица убедила мужа Аркадия вернуть изгнанного (Soz., VI, 18). Однако Иоанн не хотел возвращаться, так как официально не был оправдан церковью [15, с. 88–90]. Видимо по причине начавшихся открытых столкновений в столице между сторонниками и противниками Иоанна, быстро перешедших в откровенную резню (Zos., V, 23), Златоуст вынужден был вернуться в Константинополь под рукоплескание любившего его народа (Soz., VIII, 18).

Тем не менее, вскоре история повторилась вновь. Иоанн снова обличил в своей проповеди императрицу, по приказу которой была отлита и поставлена на площади перед храмом Св. Софии ее статуя из серебра. Может быть Иоанну, действительно надо было «просить властителей, чтобы они прекратили игры; а он не сделал так, но употребил язык обличительный и начал порицать особ, повелевавших учредить их» (Socr., VI, 18). Иоанниты были вторично отстранены от церкви и решили праздновать Пасху 404 года в общественных банях (Socr., VI, 18). В связи с тем, что приверженцы опального архиепископа отказывались на Пасху возвращаться в церкви, которые по этой причине полностью опустели, на людей были наведены вооруженные солдаты. Они били «священников, мужей преклонного возраста, палицами по голове, и воды бассейна смешались с кровью. И вот, эта святая ночь, когда демоны падают ниц от ужаса, – превратилась в лабиринт. Здесь были женщины, прикрытые лишь легким хитоном, которые бежали со своими мужьями в страхе быть убитыми или обесчещенными. Какой-то человек шел плача, потому что его рука была сильно ранена. Еще кто-то силой волочил куда-то девушку, и каждый уносил что-нибудь драгоценное из награбленного здесь. Итак, арестованные священники и дьяконы были брошены в темницы, более уважаемые горожане были высланы из столицы. Один за другим выпускались самые различные приказы против всякого, кто посмеет возобновить общение с Иоанном» (Pall., IX).

После перехода к открытым враждебным действиям против иоаннитов, на стороне Златоуста помимо огромного количества простого народа, из верхнего эшелона церковной иерархии, должны были оказаться, по меньшей мере «40 человек из разных епархий» и даже «7 митрополитов» (Pall., VIII), которым в сложившейся ситуации нахождение на территории Восточной Римской империи стало представлять смертельную опасность. В течение двух месяцев после кровавых событий Св. Пасхи

404 года, когда Иоанн никуда не выходил, многие из его сторонников были схвачены и подвергнуты жесточайшим пыткам (Pall., X), а самого святителя дважды пытались убить (Soz., VIII, 21). При этом некоторым иоаннитам удалось бежать в Рим, откуда уже впоследствии, после высылки Златоуста, они попытались вместе с папским посольством вернуться обратно, после чего все равно были арестованы и сосланы [16, с. 219]. В этой связи константинопольский архиепископ, скорее всего, начиная еще с конца IV века, когда лишился власти фаворит императора Евтропий, пригласивший в свое время Иоанна в столицу и которого Златоуст все же попытался спасти (PG, 52, 391–914) [15, с.74], просто не мог не думать о возможных путях отступления и спасения верных ему людей, в случае своего поражения. Спаситься же можно было только в тех районах греко-римского мира, которые по причине церковного господства там иоаннитов, считались относительно безопасными. По нашему мнению, именно этой проблемой, помимо всего прочего, был озадачен Иоанн Златоуст, особенно когда события в 400–404 гг., стали приобретать угрожающий для него оборот. Учитывая особенную жестокость оппонентов, и реальную угрозу жизни своим сторонникам, Иоанн Златоуст просто не мог не осознавать всю меру личной ответственности за таких людей, доверившихся и поддержавших его в трудный период жизни святителя. При этом очевидно, что главный удар врагов архиепископа после первой ссылки теперь был направлен, в первую очередь, именно на сторонников Иоанна, с целью их полной нейтрализации в будущем. Это видно, хотя бы из того, что при очередном обострении ситуации, иоанниты полностью лишились возможности поддержать своего лидера [15, с.97] и были вынуждены, по всей вероятности, бежать.

В связи со всем вышесказанным не исключено, что некоторые действия Иоанна на поприще церковного и общественного служения в данный период, были обусловлены не только, например, борьбой святителя с арианством [23, с. 59–67; 37, с. 398–419], но и его желанием утвердить своих сторонников в местах, где можно было бы укрыться от врагов. По нашему мнению, Крымский полуостров с расположенными там государствами Херсонесом и Боспором, как нельзя лучше подходили под важную роль такого надежного укрытия. Находившиеся буквально рядом с Константинополем, они, тем не менее, были отделены от столицы морским простором и поэтому всегда являлись идеальным убежищем для различных беглецов. Тем более что в случае крайней опасности отсюда легко можно было уйти на земли соседних варварских народов и уж в любом случае спасти свою жизнь. Вот почему особое внимание процессу христианизации с опорой на ортодоксальное православное вероисповедание и Троичный догмат, здесь необходимо было уделять не только городскому античному населению, но и жителям окрестных варварских поселений,

принципиально удерживаемых в русле истинной церкви. По нашему мнению, в том числе и этим обстоятельством, объяснялся особый интерес Иоанна к христианизации боспорских готов и поддержке епископата у варваров, что довольно отчетливо следует из письма Златоуста к Олимпиаде.

Однако если в районы Северного Причерноморья в начале V в., действительно бежали некоторые сторонники Иоанна, то это, безусловно, должно было оставить какие-то следы, проясняющие картину христианизации данной части греко-римского мира. Мы считаем, что такие следы есть. Здесь, в первую очередь, необходимо обратить внимание, на крайне важную акцию Иоанна по переносу мощей св. Фоки из Синопы в Константинополь. Источники (Астерий, Барбериниевский кодекс), по-разному оценивают этого погибшего насильственной смертью человека. Не исключено, что в его образе слилось несколько мучеников, так как помимо епископа, казненного в горячей бане во времена гонений на христиан при императоре Траяне, возможно, существовал еще и Садовник (Вертоградарь), замученный в Синопе уже около 320 г. [47, с. 643–644]. Но кем бы ни был этот человек, его культ стал возрождаться именно Златоустом на волне репрессий против него [63, р. 272–284]. Время начала данной акции (упомянутые у Иоанна «βασιλεῖς» во множественном числе, стали возможны только после 9 января 400 года – день возведения императрицы Евдокии в титул Августы [32, с. 42, прим. 40]), однозначно позволяет связать предпринятые действия с той непростой ситуацией, в которой оказался сам святитель. Похоже, что проповедь о жизни и подвиге св. Фоки – покровителя моряков, странников и убогих, подготовленная и прочитанная Златоустом, как и двухдневные торжества перезахоронения его мощей в Константинополе, организованные архиепископом, должны были, в первую очередь напомнить власть предрежающим о несправедливой мученической смерти праведника, которая стала возможной именно на территории империи. Подчеркивая репутацию мученика св. Фоки, которому теперь шли поклониться сами императоры [32, с. 42], Иоанн Златоуст целенаправленно вызывал ассоциации в народе с начавшейся жестокой кампанией уже по своей травле. В этой связи, логично, что в случае бегства сторонников Иоанна в Северное Причерноморье, особенно после второй ссылки архиепископа, именно там и должен был получить развитие указанный культ, который напоминал бы верующим о страданиях теперь уже самого Иоанна.

Действительно, в указанное время на северном побережье Черного моря неожиданно появляются предметы, однозначно связанные с распространением здесь культа св. Фоки. Так, у позднеантичного приюта в Херсонесе были обнаружены керамические рельефные штампы с изображением св. Фоки и надписью «Благословение нищеприимницы святого Фоки, что в Херсонесе» [4, с. 105–

107; 47, с. 645] (один с рельефным позитивным, другой с врезным негативным изображением) (Рис. 1).

Рис. 1. Керамические рельефные штампы с изображением св. Фоки из Херсонеса (раскопки 1896 и 1963 гг.) (Сорочан 2013)

В них обычно видят печати для просфор [21, с. 354], крышки-пробки для сосудов со священной влагой [22, с. 1–9; 12, с. 87] или елея [47, с. 645], и даже переносные иконы – своеобразные амулеты-филактерии [24, с. 30; 25, с. 54–66]. На Боспоре такие предметы пока не были обнаружены, но среди находок здесь выделяются лекифы с ликами человека и рядом надписей, в том числе и «Фока». В этой связи они обычно интерпретируются, несмотря на все сложности расшифровки данных надписей [13, с. 29–32], в качестве сосудов для елея, доставленного от мест почитания св. Фоки [46, с. 20–21; 4, с. 109; 47, с. 642–647; 45, с. 96–99]. В этой связи, не исключено, что начало распространения культа св. Фоки в Северном Причерноморье необходимо связывать, помимо религиозной политики Иоанна Златоуста, еще и с деятельностью его последователей, которые после ссылки своего учителя, нашли защиту на землях Херсонеса и Боспора.

Тем не менее, не все сложные вопросы, связанные с распространением в Северном Причерноморье культа св. Фоки, можно объяснить только появлением здесь выходцев с территории Восточной Римской империи. Данный процесс явно представлял собою более сложное явление, чем мы можем себе представить. Такой вывод следует из ценнейших сведений, сохранившихся в тексте

«Похвалы священномученика Фоки» современника Златоуста епископа Амасийского Астерия, которые раскрывают данные события в совершенно особом ракурсе: «... почитание его проникло и к варварам: все крайне дикие скифы, владеющие материком за Эвксинским Понтом, обитатели стран соседних Меотийскому озеру и реке Танаиду, а так же живущие по Боспору и простирающиеся до реки Фасиса – все они чтут Садовника; различаясь от нас всеми обычаями и занятиями, они только в этом единомышленны с нами, и дикость их нравов смягчается истиною. Один владетельный царь из тех стран, сняв со своей головы венец, блестящий золотом и драгоценными камнями, и скинув военный панцирь, осыпанный драгоценностями (ибо варварское вооружение хвастливо и роскошно), послал тот и другой в виде вкладов, посвящая Богу, через Его мученика, знаки своего могущества и достоинства. Ибо очевидно, что венец был благодарственным даром за царскую власть, а панцирь – за военную силу» [21, с. 348–349; 45, с. 96]. Исходя из данного текста, следует, что культ св. Фоки для христианизации был выбран не только из-за тяжелых испытаний, выпавших на долю святого и отражающих ситуацию с самим Златоустом, а также по причине некоторого пересечения указанных верований с религиозными представлениями, как античного населения, так и местных варварских племен. В противном случае, данный христианский культ не смог бы так быстро распространиться в такой сложной этноконтактной зоне, каким представлялось в конце IV – начале V вв. Северо-Восточное Причерноморье. Дело в том, что исходя из текста, культом св. Фоки были затронуты, не только представители античного населения, но и варвары, проживающие на территории Боспора (готы?), и даже гуннские племена, кочующие в степях Приазовья. Напомним, что к этому времени процесс консолидации элит греко-римской, готской и гуннской на Боспоре, мог зайти уже слишком далеко. Еще с 369 года усилиями Валента в древнем Пантикапее – столице Боспорского царства, происходила координация римских союзников в регионе – грейтунгов, греко-римлян и гуннов (алпидзуров) [53, с. 253–255]. В дальнейшем высокие должности на Боспоре явно занимали акациры и представители аланской знати. Возможно, такая реорганизация государственного управления была связана со своеобразной платой союзным варварам, за помощь в подавлении опасного для империи мятежа [49, с. 66]. Именно тогда здесь мог появиться царь с гуннским именем Дуптун, а также другие высокопоставленные чиновники негреческого происхождения [54, с. 774–783]. Возможно с этими же событиями, необходимо связывать и появление новых северопричерноморских епархий, известных по более поздним источникам [5, с. 355].

Все вышесказанное ставит перед наукой серьезную проблему наличия в культе св. Фоки, какой-то важной специфики, имеющей значение, как для греко-римской элиты, так и для варварской знати. По-видимому, именно

данная особенность и сыграла ключевую роль, не только в распространении христианства в регионе, но и в процессе укрепления социальной полиэтничной верхушки Боспорского государства. В этой связи представляется необходимым проведение более тщательного анализа всех дошедших до нас деталей культа св. Фоки, сохранивших важную информацию об организации процесса христианизации античного населения и варваров Северного Причерноморья. Действительно, на глиняных кружках с изображением св. Фоки из Херсонеса мы видим мученика изображенным в виде моряка и стоящим в лодке, то есть именно в своем классическом иконографическом образе покровителя моряков, на который, по-видимому, и сделал акцент в своих наставлениях Иоанн. Тот факт, что в тексте Астерия Фока назван Садовником, говорит лишь о сложном синкретическом характере этого образа, который, по-видимому, только позднее в ходе углубления последнего, стал разделяться и изображаться, в том числе и в несколько другом иконографическом амплуа [31, с. 151, рис. 246].

Все исследователи изображения Фоки-мореплавателя на глиняных кружках из Северного Причерноморья, обращали внимание и на странный знак, демонстративно вынесенный на изображении сбоку от корабля со святым. Судя по занимаемому данным предметом центральному месту (на уровне святого), он имел важное значение и явно нес какую-то идеологическую нагрузку, возможно являясь символической основой религиозных представлений интересующего нас культа. Несмотря на существующие по этому поводу мнения, идентифицировать данный предмет совсем не просто. Так, например, безапелляционное утверждение, что это трезубец [32, с. 37], противоречит серьезному аргументу, что оружие Посейдона никогда не изображалось опущенным вниз [55, с. 50]. Мнение же, что перед нами якорь в виде хорошо знакомого всем христианского символа спасения [4, с. 106], не согласуется с формой изображенного знака. К сожалению, мы не можем согласиться с мнением С.Б. Сорочана [31, с. 346], что перед нами якорь V типа по классификации Герхарда Капитана [59, р. 43, fig. 8, E], так как знак с глиняного кружка с изображением св. Фоки совершенно на него не похож. На глиняном кружке есть перпендикулярная перегородка – принципиальное отличие от подобного типа Y-образного типа якорей [14, с. 36, рис. 1], а центральный отросток опущен вниз до уровня остальных двух. Это никогда не наблюдалось в якорях подобного типа, что действительно сближает данный предмет с трезубцем. Конечно, наличие круглого навершия на последнем, сразу позволяет думать, что это кольцо, за которое крепился якорь. Вот почему, учитывая к тому же общий контекст христианского изображения святого моряка, необходимо признать в данном изображении все же именно якорь, что не должно вызывать никаких сомнений. Однако под этот морской атрибут явно был стилизован какой-то предмет, представля-

ющий особую ценность, как для местных греко-римских высших социальных слоев, так и для знати варварского происхождения.

Допуская, что предметом, который пытались изобразить в виде якоря, все же являлся трезубец Посейдона (несмотря на его перевернутый вид), мы не можем обойти вниманием особенность указанного бога, который через сына Эвмолпа, являлся, с одной стороны мифическим предком боспорской династии (КБН 53, 1048), с другой, под именем Тагимасада, важнейшим божественным персонажем иранской мифологии, выступающим в качестве родоначальника царских скифов (Herod., IV, 59) [7, с. 494–498]. Не исключено, что верования, связанные с почитанием Тагимасада, восходили еще к культу общеарийского божества Йимы-Йамы [26, с. 271–276]. Учитывая, что культы природы носят универсальный характер и свойственны, в том числе и для распространяющихся в Евразии во времена Иоанна тюркских религиозных представлений, в мировоззрении тех же гуннов, один из важнейших для человека миров (средний Йер-Су), оказался также связан именно с землей-водой. При этом древность этого уровня священных духов Йер-Су – земли-воды, то есть той сферы, где непосредственно проживали люди, подтверждается китайскими хрониками [33, с. 215–216]. При этом основным связующим звеном верхнего мира (неба) и нижнего (связанного с культом предков), у тюркских народов традиционно выступало мировое дерево [36, с. 122]. Однако с почитанием его и деревьев у тюрков, не все обстояло так просто. Отдельно выделялся светлый лес: береза, лиственница, тополь, осина и темный: кедр, сосна, ель, пихта. При этом светлый лес особо активно использовался в шаманизме. Например, из березы, предохраняющей от удара молнии и по верованиям тюрков принадлежащей к верхнему небесному божеству, делались жертвенники, бубны, идолы, а сами шаманы нередко обращались к богам с березовой ветвью в руках. Однако наибольший интерес для нас представляет то обстоятельство, что тюрки особенно трепетно относились к лиственницам, имеющим необычную странную форму. В первую очередь, речь идет о деревьях с переплетенными ветками верхом или с круглым шарообразным наростом на верхушке или середине ствола. Считается, что такое дерево принадлежит шаману и к нему нельзя подходить, развязывать переплетенные ветви и уж тем более, если из одного корня выросли два или три дерева их нельзя рубить. Такие деревья самая высшая ценность и богатство земли [19, с. 131–133; 17, с. 14; 36, с. 122]. Все это является важным обстоятельством для нашего исследования, учитывая наличие тамги в тюркском мире похожей на трезубец, но с наличием кольца на верхушке среднего удлиненного отростка [27, с. 84]. Скорее всего, знаки такой формы, как и изображения тюркских шаманов в Центральной Азии и Сибири в трехрогих головных уборах [29, с. 41, рис. 11], являются отражением верований, связанных с мировым

деревом, связывающим все уровни вселенной. При этом собственно трезубец в тамге может быть оформленным не только под острым углом в виде гусиной лапки [27, с. 85], но и с помощью перпендикулярной перекладины [27, с. 90, рис. 95] (Рис. 2), что, действительно напоминает знак с глиняного кружка с изображением св. Фоки.

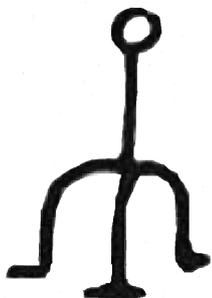

Рис. 2. Древнетюркская тамга. Аксу-Жабагылы. Урочище Каска-булак. Таласский Алатау (Самашев З., Базылхан, Самашев С. 2010)

Однако и у сарматских племен Северного Причерноморья фигурировала подобная тамга с круглым навершием на среднем отростке. Не исключено, что это было также связано с почитанием мирового дерева, образ которого был характерен и для иранских народов [53, с. 328–329]. Данный знак, хорошо известен по ажурному бронзовому диску – деталию ножен меча, по какой-то причине попавшему в качестве инвентаря в женское погребение конца I в. н.э. могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму [55, с. 168, рис. 18, 27; 56, с. 217] (Рис.3).

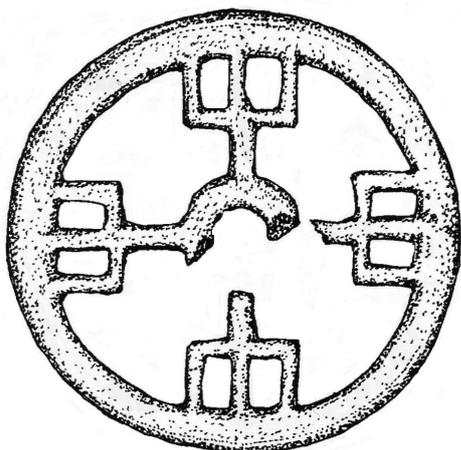

Рис. 3. Сарматская тамга на ажурном бронзовом диске (деталью ножен меча) из женского погребения конца I в. н.э. могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (Яценко: Гущина, Журавлев 2016)

При этом, тамга была оформлена по кругу (вокруг круга земного с ориентировкой на четыре стороны све-

та?) по схожему принципу аналогичного предмета с сарматского меча из Рошава-Драгове, имеющего непосредственное отношение к династии царей Фарзоя-Инисмея [61, р. 45–70]. Возможно, такое размещение знака в движении по кругу, было вызвано необходимостью выделения тамги своего легендарного родоначальника. В этом случае сарматы с тамгой в виде трезубца имели другое происхождение и не относились к династии Фарзоя-Инисмея. Районы, в которых фигурирует указанная тамга из Бельбек IV, во всяком случае, для I – начала II вв. н.э., не выходят за границы Северо-Восточного Причерноморья и Крымского полуострова, то есть не пересекаются с регионом подконтрольным кочевникам Фарзоя и Инисмея. По наблюдению С.А. Яценко родственная тамга (с небольшой добавочной черточкой) фигурирует в конце I – начале II в. н.э. на Европейском Боспоре, а полностью идентичный вариант представлен только на монетах кушанского правителя Васудевы (164/184 – 200/220 гг.), в качестве одного из вариантов его тамги [56, с. 217]. При этом данный знак на монетах изображался зубьями вверх, как и классический трезубец, который обычно фигурировал рядом в руках зороастрийского и индуистского божества. Вариант же тамги с бронзового диска из могильника Бельбек IV, но уже в виде перевернутого трезубца с немного загнутыми наружу крайними зубьями, присутствует в Азии на керамике Средней Сырдарьи [55, с. 168, рис. 18, 25] (Рис.4).

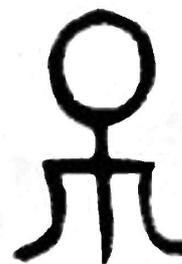

Рис. 4. Сарматская тамга на керамике Средней Сырдарьи (Яценко 2001)

Исходя из времени и районов распространения интересующей нас тамги в виде трезубца с круглым навершием, она может иметь непосредственное отношение к одной из миграционных волн аланов в Северное Причерноморье, которые как раз в этот период и выступали главными противниками клана Фарзоя-Инисмея [51, с. 39–64; 52, с. 273–285]. Тем не менее, есть предположение, что указанное противостояние в Северном Причерноморье могло закончиться в начале II в. н.э. союзом между этими двумя ведущими кланами Северного Причерноморья и разделением сфер влияния в регионе, что мог-

ло негативно отразиться на проведении восточной военной кампании императора Траяна [50, с. 22–28]. Одним из результатов заключения такого союза, возможно, стало появление в Северном Причерноморье особой тамги, нижняя часть которой состояла из опущенного зубцами вниз трезубца, верхняя же часть, из знака с круга на диске на мече из Рошава-Драгове [61, р. 48, fig. 5], хорошо известного в тюркском мире [27, с. 88, рис. 92]. Так как, на мече из Рошава-Драгове фигурирует и личный знак Инисмея, новая тамга могла отражать род потомков новой династической линии от брака между представителями кланов Фарзоя-Инисмея и аланов. Однако, судя по районам обнаружения этой новой тамги от Усть-Альмы [57, с. 104, 115, рис. 4, 38], до Пантикапея [30, с. 71–72, № 24], эти люди не покидали территорию Крыма.

Исходя из всего вышесказанного, возникает резонный вопрос: не могли ли те, кто занимался организацией культа св. Фоки в городах и поселениях Северного Причерноморья, для достижения своей цели использовать особенности религиозного мировоззрения местного античного населения и варварских народов. Не исключено, что именно веру местных жителей в божественное покровительство морского мира и всей необузданной мощи природных стихий, включая земную жизнь вместе с растительностью, решено было заменить христианским культом св. Фоки. Если это так, то тогда под якорь, размещенный рядом с изображением св. Фоки, возможно был стилизован некий знак, не только хорошо известный в регионе, но и особо почитаемый большинством населения. Разумеется, это мог быть только знак внешне похожий на якорь, но с идеологической точки зрения воспринимающийся населением не как христианский символ. Для местных греко-римлян это возможно был, хотя и перевернутый, трезубец покровителя морей, мифического предка боспорской династии. Азиатские же представители боспорской династии, определенно видели в данном знаке тамгу своего мифического родоначальника, по-видимому, связанную с целым пластом космогонических представлений, включая и веру в мировое дерево. Конечно, в последнем случае, такой знак получил признание и распространение, только после ряда заключенных союзов и династических браков, в ходе которых, по-видимому, постепенно и выделилась отдельная аланская родственная линия с тамгой, напоминающей перевернутый трезубец. В качестве неизменной нижней части, такая тамга, при широком варьировании верхней, будет еще долго фигурировать в Северном Причерноморье [55, с. 154, рис. 4, 109, 110, 111; с. 156, рис. 6, 28, 74, 846]. При этом, не исключено, что в виде перевернутого трезубца без кольцевого навершия [8, табл. XIII, 1–7, 11, 12, 14], это тот же самый знак. Правда не совсем ясно, мог ли он изображаться не в перевернутом, а в обычном виде традиционного трезубца. Тем более что именно в такой ориентации зубьями вверх, данная тамга в полном виде с круглым навершием на среднем зубце

иногда фигурирует на Боспоре [28, с. 281, 628]. В этой связи можно предположить, что указанный трезубец мог и не иметь никакого отношения к античной традиции и соответственно к символу Посейдона. Дело в том, что с одной стороны, представители этого клана действительно восходят к царям Фарзою и Инисмею и связанной с ними боспорской династии, однако, с другой стороны, имеют легендарных аланских родоначальников, верования которых отражают шаманскую практику на основе глубоких космологических представлений, в том числе и образа мирового дерева.

Однако если со стилизацией тамги, известной в мире кочевников, под христианский символический якорь на глиняных кружках, посвященных св. Фоке, еще как-то можно согласиться, учитывая их схожесть, то определить степень участия в этом процессе готов, про которых и рассказывал в своем письме Иоанн, остается трудноразрешимой задачей. Конечно, можно пойти по пути концентрации внимания на особенностях космологической картины древних германцев, связанной, как и у иранцев и тюрков, с представлениями о мировом дереве. Тем более что такое дерево Иггдрасиль имело три корня [18, с. 430] и вполне могло найти свое схематическое отражение и в системе родовых знаков готов. Однако такие готские знаки пока не выделены и отдельных исследований на эту тему не проводилось. Хотя, например, из известных на германских копьях I–II вв. н.э. знаков, не все находят аналоги в корпусе сарматских тамг, что, безусловно, должно находить свое объяснение [42, с. 72–73]. Тем не менее, сложный процесс консолидации союзников Рима (варварских элитарных групп иранцев, тюрков и германцев) вокруг боспорского трона, вряд ли предполагал слепое копирование готами династических знаков кочевников. Известно, что у правящей верхушки готов – мужчин были собственные знаки (lord. Get., 126; Eupar., 42). Однако у знатного гота – союзника гуннов, Гезимунда сына Гуннимунда (lord. Get., 247), они должны быть особыми и отличаться от знаков своих сородичей, воюющих с кочевниками. В этой связи стоит напомнить, что последний известный по монетам боспорский царь Рескупорид VI (314–342 гг.) принадлежал к известной династии центральноазиатского происхождения. Данный факт может помочь нам уточнить формы знаков, которые использовали в первой половине IV века представители указанной царской родственной линии. Обстоятельство представляется важным, так как возможно, что с людьми из этой династии через несколько десятилетий вступят в контакт, сначала подошедшие с востока гунны, а затем и появившиеся с запада союзные готы. Так, обращает на себя внимание, что помимо трезубца Посейдона, демонстративно занявшего главное место на монетах Рескупорида VI, и, по-видимому, являющимся эмиссионным символом монетного двора под покровительством данного божества [40, с. 180–181], здесь появляются и собственно династические и возможно личные тамги указанного

правителя. Так, на монете 319 г. на реверсе перед ликом императора была изображена тамга, которая без одного добавленного круга, похожа на половину тамги Инисмея [41, с. 117]. Правда, учитывая загнутые наружу отростки, она более напоминает тамгу с меча из Рошава-Драгове, которая была оформлена по кругу на ажурной пластине. На реверсе же монеты 320 г. перед ликом императора изображена вторая тамга, идентичная одной из частей симметричной тамги царя Фарзоя (двузубец) [41, с. 117]. Если допустить, что представители данной династии правили Боспором не только в первой половине, но и во второй половине IV в., а также в начале V в. н.э., то у союзных готов, находившихся в тесном (родственном?) взаимодействии с этими людьми, явно должны быть знаки, отчасти отражающие специфику тамг указанной группы знатных родственников.

В этой связи В.Ю. Юрочкин довольно удачно сопоставил приведенный выше текст епископа Амасийского Астерия, в котором фигурирует один из почитателей св. Фоки – местный правитель в золотом, осыпанном драгоценностями убранстве, с фактом распространения в указанное время на Боспоре предметов полихромного стиля («клуазоне») [45, с. 96–98]. Учитывая это ценнейшее наблюдение ученого, по нашему мнению, стоит обратить внимание на один из самых богатых мечей конца IV – первой половины V вв. н.э. из позднеантичного некрополя Боспора на Госпитальной улице. Он выполнен, возможно, столичным мастером в стилистике золотой перегородчатой инкрустации с гранатовыми вставками и зеленой пастой и на своих накладках украшен своеобразным декором [11, с. 61–62]. При этом одна из таких накладок содержит довольно любопытные орнаментальные элементы, на которых, по нашему мнению, следуют остановиться подробнее. Так, на центральном накладном украшении на указанный меч, между двумя крайними вертикальными полосами с элементами украшений в виде ряда кругов, прямо по центру друг над другом, размещены два знака, которые, по нашему мнению, выходят за рамки обычного орнамента [10, с. 9, рис. 4, 32; 11, таб. 28, № 130] (Рис.5).

Нижний знак, отдаленно напоминающий половину (вместе с кругом) тамги Инисмея, представлен в виде двузубца в вытянутом готическом стиле с плавно изогнутыми и ровными линиями зубьев. Если предположить, что данный элемент декора, все же является династическим знаком, то тогда и верхний орнамент также должен быть изображением с подобной функцией. Он располагается выше и отчасти идентичен нижнему знаку. Только в верхней части над перевернутым вниз двузубцем, вместо круга, располагается лилевидная фигура с расходящимися в сторону двумя дугообразными отростками. Изогнутые линии этих дуг настолько резко отличаются от всех остальных прямых линий указанной накладки выполненной в технике перегородчатой инкрустации,

что отрывать их от формы собственно знака, было бы ошибкой. Более того, круги этих двух знаков, с целью отличия их от кругов – элементов декора, специально выполнены в большем диаметре, что также может косвенно указывает именно на тамги, а не на фигуры орнамента. Конечно, первое с чем возникает желание сопоставить указанный орнамент и особенно лилевидную фигуру, это с элементами традиционного византийского декора растительного орнамента, выполненными, например, по типу зубчатого аканфа [39, с. 117–118]. Однако интерпретация данной детали украшения, представляется гораздо сложнее, чем, кажется на первый взгляд.

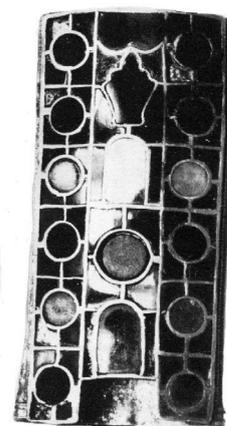

Рис. 5. Накладка на меч конца IV – первой половины V вв. н.э. из позднеантичного некрополя Боспора на Госпитальной улице (Засецкая 1993)

Конечно, если допустить, что данные фигуры все же являются элементами, отражающими родственные линии одной из боспорских династий, то обращает на себя внимание, что они отсутствуют в корпусах подобных знаков иранских и тюркских народов. Но это не должно вызывать сомнений в подлинной функции указанного элемента, так как известно, что различного вида лилевидные фигуры, начиная еще с позднеантичного времени, являются символом власти и суверенитета не кочевников, а именно древних германцев. Конечно, выяснить насколько такие фигуры имели отношения к известным коронообразным гривнам *Kronenhalsringe*, связанным, скорее всего, с древнегерманским населением и с территорией распространения латенизированных культур (в первую очередь с ясторфской) [38, с. 109; 9, с. 21], сейчас практически невозможно. Однако обращает на себя внимание, что центральный элемент этих предметов, особенно с тех гривен-корон, которые происходят с территории бассейна Десны и Днепра, отчасти напоминает по своему профилю нашу лилевидную фигуру [60, с. 19–20; 6, с. 200–203]. Во всяком случае, уже с поздней античности подобный знак располагался на каролингских и оттоновских королевских атрибутах [20, с. 446, прим. 1]. При этом заметим, что геральдические лилии

в позднее время сильно варьировались и могли приобретать самые незатейливые формы [58, р. 172, fig. 1,2,3,4]. Это косвенно может свидетельствовать в пользу изображения на накладке с боспорского меча, действительно какой-то видоизмененной, лилиевидной фигуры. Подобный растительный орнамент на украшениях и других предметах позднее будет известен и в Крыму, например на византийских застежках [3, с. 248, рис. 168, 1,2; 44, с. 280], а также в районах к северу от Причерноморья [1, с. 227, рис. 48, 36]. При этом В.С. Драчук принципиально отнес подобный декор к символическим и тамгообразным изображениям [8, с. 149, табл. XIX, 13, 17, 18]. Любопытно, но иногда на таких растительных орнаментах от центрального зубца, специально отводили в сторону два отростка [3, с. 248, рис. 168, 1,2], что сразу вызывает ассоциации с подобным ответвлением на интересующей нас фигуре с накладки с боспорского меча. Существует также мнение, что поздние изображения лилиевидных фигур являются результатом развития предшествующей моды в ювелирном искусстве на застежки в виде пчел, мух или цикад [58, р. 171]. Подобные предметы действительно найдены в Крыму и на прилегающих территориях [3, с. 154]. Однако заметим, что растительный орнамент, отчасти напоминающий лилию или же крылатое насекомое, был известен на полуострове еще с IV в. н.э. При этом авторы одной из таких находок (изображение на бронзовом перстне-печати IV в. н.э. из могильника «Севастопольский») напрямую связывают рисунок с тамгообразным знаком [34, с. 166–167, рис. 30, 1]. Последний явно был скомбинирован из двух фигур похожих на двузубцы (возможно с целью стилизации лилии под мировое дерево), что привело к появлению по два отростка с каждой стороны конечного элемента. При этом новая фигура в целом, безусловно, была стилизована под трезубец, что не вызывает сомнений. Применительно же к лилиевидной фигуре с боспорского меча, если не учитывать ее центральный верхний выступ, стоит заметить, что она также содержит по два небольших волнообразных выступа с каждой стороны. При всем внешнем различии с изображением на перстне из севастопольского могильника, данное обстоятельство может указывать на некоторую родственность указанных знаков. При этом, похоже, что именно демонстрация трезубца, даже когда под него были стилизованы растительные орнаменты, и являлась главной целью данных изобразительных трансформаций. В некоторых таких случаях, трезубцы, изображенные в виде веток растений, располагались в общем рисунке орнамента по обе стороны относительно друг друга [3, с. 273, рис. 171, 3], что указывает на отсутствие иконографической традиции четкой ориентации зубьев таких фигур. Возможно, это было связано с особенностями космологической теории северных варваров. С одной стороны мы знаем, что мировое дерево поддерживает именно три корня, с другой его сучья поднимаются выше неба, соединяя в целом девять миров. Однако последние можно воспринимать, также как

«три в кубе», то есть в виде мифологического умножения тройки в качестве символа мироздания. Во всяком случае, в Младшей Эдде упоминается именно три неба – три верхних мира [18, с. 430–433]. Судя же по тексту Старшей Эдды, число 3 и производное от него 9, действительно особо чтилось в германском мире [43, с. 285]. Мы, конечно, не знаем, насколько точно подобные изображения отражали верования народов Северного Причерноморья, особенно если предметы с орнаментами и сакральными знаками, которые они использовали, имели импортное происхождение и попадали в Северное Причерноморье издалека. Но употребление подобных изделий теми же готами, не могло происходить бездумно, так как обычай украшать свои вещи в древности никогда не был обусловлен только эстетической потребностью [35, с. 270]. Что же касается готов, то о трехчастном пространстве земного круга, ограниченным мировым Океаном, упоминает и Иордан (Iord. Get., 4). Это сразу же вызывает ассоциации с пиктограммами одной из знаменитых готских чаш из Лепесовки. Напомним, что трехчастное деление здесь секторов с пиктограммами, разделенное тремя секторами без пиктограмм, четко соответствовало еще и трем ручкам [43, с. 282].

Таким образом, Иоанн Златоуст в ходе обострения борьбы с противниками, очевидно, действительно думал о возможных путях отступления и спасения собственных сторонников в случае своего поражения. Не удивительно, что одним из мест такого спасения был выбран расположенный рядом и защищенный морем Крымский полуостров, что и обусловило стремление Иоанна, держать под личным контролем проходящий здесь процесс христианизации местного населения. Именно поэтому он стремился утвердить своих людей в местных общинах, где в случае обострения ситуации можно было бы укрыться от врагов его сторонникам. В данное время Иоанн активизировал в империи культ безвинно пострадавшего в период гонения на христиан мученика св. Фоки, который был связан с морской стихией и покровительством моряков. Необходимость в нем возникла, в том числе и с целью вызова ассоциации в империи с начавшейся кампанией по травле самого Златоуста. В этой связи, начало распространения почитания св. Фоки в Северном Причерноморье, по-видимому, необходимо связывать именно с иоаннитами, бежавшими в Крым на волне репрессий против них, и их учителя Златоуста. Следовательно, готская христианская община, которая фигурировала в письме Иоанна в контексте упоминания Боспора, скорее всего, находилась здесь же на территории позднеантичного государства или же где-то совсем рядом.

При этом указанный культ св. Фоки, как нельзя лучше подходил, для более эффективного распространения христианства среди народов Северного Причерноморья. Не случайно еще в 419 году императорами Гонори-

ем и Феодосием II были освобождены от наказания провинившиеся херсонцы, передавшие варварам секреты кораблестроения [2, с. 83]. Данное обстоятельство является ярким свидетельством того, что именно в начале Vв. морская тематика начинает выходить на первое место в хозяйственной и культурной жизни населения античных городов и окрестных варваров. При этом новый культ моряков и садоводов, явно находил параллели с верованиями живших в указанное время в Северном Причерноморье людей в области божественного покровительства морского мира и всей необузданной мощи природных стихий. Грекам он мог напоминать почитание Посейдона – божества морей и водной стихии, мифического родоначальника боспорской династии. Иранские, тюркские и германские народы, очевидно, видели в нем, какое-то отражение собственных представлений в области мифологического мироздания, связанных с поклонением силам природы, в том числе и водному началу, как первоисточнику жизни на земле. Видимо не случайно объединяющим символом нового культа стал якорь – символ христианского спасения с надеждой на будущее воскресение. Однако, его необычная форма,

отличающаяся от подлинного якоря, позволяет предположить, что под этот предмет было стилизовано изображение некоего знака, похожего на перевернутый вниз трезубец Посейдона, имеющего важное сакральное значение для живших в Северном Причерноморье народов. Не исключено, что форма такого якоря напоминала у варваров растительный орнамент или даже тамгу, тем самым вызывая ассоциации с мировым деревом, связывающим небо, землю (реальный мир людей с растительностью и водной стихией) и подземное царство предков. Все это, безусловно, облегчало задачу распространения христианства, так как при таком подходе люди находили в новой религии, знакомые узнаваемые черты своих традиционных религиозно-мифологических представлений. Такая хорошо продуманная и успешная адаптация нехристианских символов и элементов языческой культуры к христианскому мировоззрению, по-видимому, и смогла обеспечить быстрый и феноменальный успех культа св. Фоки не только среди населения античных городов Северного Причерноморья, но и среди местных варварских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–87, 175–241.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 350 с.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антика, 2017. 368 с.
4. Болгов Н.Н. Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV–VI вв. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2002. 150 с.
5. Болгов Н.Н. Северное Причерноморье от античности к средневековью (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.). Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. 516 с.
6. Воротинская Л.С. Проблема Kronenhalsringe // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Шукину / Под ред. Д.А. Мачинского. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 199–207.
7. Гуляев В.И. Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (старые проблемы – новые решения). М.: ИА РАН, 2019. 656 с.
8. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова Думка, 1975. 175 с.
9. Дробушевский А.И. Зарубинецкая культура и культура Ясторф // Европа от Латена до средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А.М.Обломского (Раннеславянский мир. Вып. 19) / Под ред. В.Е.Родинковой, О.С.Румянцевой. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 17–26.
10. Засацкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. № 158. С. 5–17.
11. Засацкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–105.
12. Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев: Институт археологии НАН Украины, 2000. 179 с.
13. Иванина О.А., Федосеев Н.Ф. К вопросу об атрибуции лекифов с изображениями святых // Тезисы научной отчетной конференции VII Музейные чтения / Под ред. Н.Ф. Федосеева. Керчь: Изд-во Керченского историко-культурного заповедника, 2012. С. 29–32.
14. Иванов С.В., Горбунов П.А. Локализация скопления средневековых якорей в акватории Судакской бухты // Парадигмы истории и общественного развития. 2019. № 15/16. С. 35–40.
15. Казенина-Пристанскова Е.Т. Золотые уста. Жизнь и труды Иоанна Златоуста. Ровно: Живое слово, 2003. 224 с.
16. Карташев А.В. Вселенские соборы. Минск: Харвест, 2008. 639 с.
17. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувин. книж. изд-во, 2006. 232 с.
18. Королев К.М. Языческие божества Западной Европы. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 800 с.
19. Кыпчакова Л.В. К вопросу о культе деревьев у алтайцев // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 3. С. 130–136.
20. Лазаревская Е.Г. Королевский герб Франции на королевских монетах XII–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2015. Т. 34. С. 446–457.
21. Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике. Несколько памятников с надписями византийской эпохи из Херсонеса Таврического // Византийский временник. 1899. Т. VI. Вып. 3–4. С. 337–369.
22. Малицкий Н.В. Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки // Материалы по русскому искусству / Под ред. А. Луначарского. Л.: Гос. русск.

- музей, 1928. Вып. 1. С. 1–9.
23. Михайлов П.Б. Святитель Иоанн Златоуст как участник арианских споров // *Альфа и Омега*. 2007. №2(48). С. 59–67.
 24. Ошарина О.В. Глиняная евлогия св. Фоки из собрания Эрмитажа // *Херсонес Таврический. У истоков мировых религий / Под ред. Л.В.Марченко. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2001. С. 29–33.*
 25. Ошарина О.В. О символическом замысле глиняной евлогии с изображением св. Фоки из собрания Эрмитажа // *Античная древность и Средние века*. 2003. Вып. 34. С. 54–66.
 26. Раевский Д.С. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // *Искусство и археология Ирана / Под ред. Б.В. Веймарна. М.: Наука «Восточная литература», 1971. С. 262–278.*
 27. Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: АБДИ «Компани», 2010. 168 с.
 28. Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь: АДФУ-Украина, 2007. 320 с.
 29. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. 488 с.
 30. Соломоник Э.И. Знаки Северного Причерноморья. Киев: Издательство Украинской ССР, 1959. 179 с.
 31. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории культуры. Ч. II. Харьков; М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. 672 с.
 32. Стародубцев Т. Свети вртлар и свети епископ: представе и поштовање светих мученика са именом Фока // *Зограф*. 2013. №37. С. 37–53.
 33. Стеблева И.В. К реконструкции древне-тюркской религиозно-мифологической системы // *Тюркологический сборник*. 1971 / Под ред. А.Н. Кононова. М.: Наука «Восточная литература», 1972. С. 213–226.
 34. Стрелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *STRATUM plus (2003–2004)*. 2005. №4. С. 27–277.
 35. Сымонович Э.А. Ориентация черняховской керамики // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1964. №116. С. 270–361.
 36. Тадышева Н.О. Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. №51. С. 118–123.
 37. Тафт Р.Ф. Богословские построения IV века в византийской анафоре святителя Иоанна Златоуста // *Православное Учение о Церковных Таинствах. V Международная Богословская Конференция Русской Православной Церкви. Том I: Таинства в целом, Крещение и Миропомазание, Евхаристия: литургические аспекты / Под ред. М. Желтова. М.: Синодальная Библейско-Богословская Комиссия, 2009. С. 398–419.*
 38. Терпиловский Р.В., Билинская Л.И. Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме // *Германия – Сарматия / Под ред. М. Казанского, О. Щегловой. Курск; Калининград: Изд-во КОИХМ, КГОМА, 2010. С. 101–111.*
 39. Хрушкова Л.Г. К дискуссии о времени строительства мангупской базилики // *МАИЭТ*. 2017. Вып. XXII. С. 107–138.
 40. Чорев М.М. «Non multa, sed multum», или дифференты на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // *Stratum plus*. 2012. №4. С. 171–200.
 41. Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV в. н.э.). М.: Институт археологии РАН, 2022. 304 с.
 42. Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
 43. Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В. «Готский путь», плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // *Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину / Под ред. Д.А. Мачинского. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 246–291.*
 44. Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: Сонат, 2017. 496 с.
 45. Юрочкин В.Ю. Святая Фока и археология позднеантичного Боспора // *Изучение и сохранение древних сакральных пространств в современном мире (к 1365-летию ссылки папы Мартина в Херсонес) / Под ред. В.В. Майко, Э.А. Хайрединовой, Т.Ю. Яшаевой. Симферополь: Антиква, 2020. С. 96–99.*
 46. Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я. Сосуды с изображением святых мучеников из Таврики // *Взаимоотношения религиозных конфессий в Многонациональном регионе: история и современность. Тезисы докладов III Крымской Международной конференции по религиоведению / Под ред. Ю.А. Бабинова. Севастополь: Вебер, 2001. С. 20–21.*
 47. Яйленко В.П. Христианские и парохристианские надписи Боспора IV – VI вв. // *Древности Боспора*. 2010. №14. С. 610–711.
 48. Ярцев С.В. Письмо константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста диаконисе Олимпиаде как важнейший источник по истории раннего христианства на Боспоре // *Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО» Тульское Образовательное Пространство*. 2018. №1. С. 93–98.
 49. Ярцев С.В. Военно-политическая стратегия императора Феодосия I в Северном Причерноморье // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. №9. С. 61–67.
 50. Ярцев С.В., Бобин Р.М. Особенности и обстоятельства Восточного похода императора Траяна // *Исторический бюллетень*. 2022. Т.5. №5. С. 22–28.
 51. Ярцев С.В., Зубарев В.Г. Римская военно-политическая стратегия в Северном Причерноморье во время правления императора Веспасиана // *Tractus Aevorum. Весна/лето 2020*. №7(1). С. 39–64.
 52. Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бобин Р.М. Восточный поход Нерона: новое решение старой проблемы // *Материалы по истории и археологии античного и средневекового Причерноморья*. 2022. №14. С. 273–285.
 53. Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Под науч. ред. А.А. Масленникова. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. 720 с.
 54. Ярцев С.В., Лебединец Н.В. Еще раз о датировке строительной надписи боспорского царя Дуптуна // *Власть истории – история власти*. 2020. Т. 6. Ч. 5. (№23). С. 774–783.

55. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
56. Яценко С.А. Знаки-тамги из некрополя Бельбек IV // Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. Ч.1. С. 216–218.
57. Яценко С.А. Заметки по планиграфии Усть-Альминского некрополя в Крымской Малой Скифии // *Stratum plus*. 2018. №10. С. 98–117.
58. Effros B. *Merovingian Mortuary Archaeology and the Making of the Early Middle Ages*. Berkeley: University of California Press, 2003. 272 p.
59. Kapitän G. Ancient anchors-technology and classification // *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*. 1984. №13(1). P. 33–44.
60. Konstantin-Hansen N. Migration i førromersk jernalder // *Kuml*. 2013. № 62. S. 9–40.
61. Negin A., Kamisheva M. Armour of the Cataphractarius from the «Roshava Dragana» Burial Mound // *Archaeologia Bulgarica*. 2018. XXII.1. P.45–70.
62. Philipsborn A. Der Fortschritt in der Entwicklung des byzantinischen Krankenhauswesens // *Byzantinische Zeitschrift*. 1961. №54. S. 338–365.
63. Van de Vorst Ch. Saint Phocas // *Analecta Bollandiana*. 1911. T. XXX. P. 252–295.
64. Yartsev S.V., Zubarev V.G., Smekalov S.L. The Christian goths at the bosporus in the 4th and 5th centuries AD // *Journal of Social Sciences Research. Special Issue*. 2018. №3. P.374–379.

© Ярцев Сергей Владимирович (s-yartsev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тульский государственный педагогический университет им Л.Н. Толстого

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ

PROBLEMS OF TEACHING PHYSICAL CULTURE IN GENERAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIA

**O. Antipov
R. Gezha
L. Karseka**

Summary: The aim of this study: to analyze the problems of physical education teaching in general education institutions of the Russian Federation. The material basis of the research was formed by the following authors: T.K. Dashkov, A.A. Ilchenko, A.I. Isakova, K. Mahmadamin, M.V. Safronova, P. Reinier, J.E. Rink. As a result, the following conclusions were made. We found the following problems: the physical education room was not seen as a classroom, because students had access to it at all times; there was no overhead cover, which exposed both students and teachers to direct sunlight; physical education was seen as an auxiliary subject of the school. In addition, the following should be noted. Measures need to be taken to mitigate the possible "burnout" of PE teachers, as well as to form a monitoring system which excludes top-down control.

Keywords: teaching, physical education, burnout, classroom, auxiliary subject, monitoring, control, school.

Антипов Олег Владимирович

к.биол.н., доцент, ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА
имени К.И. Скрябина
antipov_ov@bk.ru

Гежа Роман Валерьевич

преподаватель, ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА
имени К.И. Скрябина
gezha.r@yandex.ru

Карсека Лина Сергеевна

ст. преподаватель, ФГБОУ ВО МГАВМиБ-МВА
имени К.И. Скрябина
kls-lina@mail.ru

Аннотация: Цель настоящего исследования: проанализировать проблемы преподавания физической культуры в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации. Материальную основу исследования составили работы следующих авторов: Т.К. Дашков, А.А. Ильченко, А.И. Исакова, К. Махмадамин, М.В. Сафронова, П. Рейнир, Дж.Е. Ринк. В результате сделаны следующие выводы. Нами установлено наличие следующих проблем: помещение для занятий физкультурой не рассматривается в качестве учебного класса, так как ученики имеют к нему доступ в любое время; отсутствует верхнее покрытие помещения, в результате чего как ученики, так и преподаватели подвергаются негативному воздействию прямых солнечных лучей; физкультура понимается в качестве вспомогательного школьного предмета. Кроме того, следует отметить следующее. Необходимо принять меры, позволяющие нивелировать возможное «выгорание» преподавателей физкультуры, а также сформировать систему мониторинга, исключающую контроль «сверху вниз».

Ключевые слова: преподавание, физическая культура, выгорание, учебный класс, вспомогательный предмет, мониторинг, контроль, школа.

Необходимо говорить о том, что преподавание физической культуры в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации за последние десять лет претерпело значительные позитивные изменения, что следует связать как с введением новых Федеральных Государственных Образовательных Стандартов, так и с меняющимся экономическим пространством России, сопряженным, в первую очередь, с «цифровизацией» государственных учреждений, к которым также относятся школы [6]. Несмотря на вышеназванные позитивные изменения, на сегодняшний день остаются некоторые проблемы, требующие вмешательства как со стороны государственного аппарата, так и со стороны сообщества преподавателей физической культуры. Рассмотрим некоторые из них.

Следует отметить тот факт, что первая проблема сопряжена с наличием или отсутствием помещений надлежащего качества, в которых преподаватель физической культуры должен проводить занятия по своему пред-

мету. Проблема заключается в следующем: имеют место быть существенные различия между школами. В то время как в одних школах есть крытые помещения подходящих размеров для занятий физкультурой, в других школах они отсутствуют. Например, критика, высказанная Т.К. Дашковым, относится к недостаточным размерам игровой площадки [2]. Автор отмечает, что некоторые из учеников жалуются на головные боли, вызванные воздействием солнечных лучей, поскольку на игровой площадке нет ни покрытия, ни надлежащих условий для занятий физкультурой.

Другой проблемой является отсутствие разграничения территории, отведенной для занятий физкультурой. В некоторых школах есть только одна зона для физкультуры и перемены учащихся. Поэтому в таких случаях классы вынуждены делить одно пространство и время на перемене с учениками других классов. Такая ситуация делает разработку уроков физкультуры чрезвычайно трудной и выявляет обесценивание, связанное с про-

фессиональной деятельностью учителя физкультуры в условиях школы.

Один из исследователей, работающий в общеобразовательном учреждении, где нет отдельного помещения для занятий физкультурой, задается вопросом, каким образом можно преподавать в таких условиях, ведь иногда в его класс вторгаются дети из других классов. Чувствуя себя неуютно в этой ситуации, характерной только для урока физкультуры, А.И. Исакова высказывает мнение, согласно которому с учителями других предметов такого не происходит [4]. В отличие от того, что происходит на уроках физкультуры, никто не будет открывать дверь в класс и впускать несколько десятков детей из других аудиторий и учебных классов.

Указанные замечания подчеркивают контекст, в котором физкультура обесценивается, и в этом смысле раскрывают негативную реальность, с которой сталкиваются учителя физкультуры. В связи с этим представляется очевидным тот факт, что физкультура все еще не признается в качестве важного компонента школьной жизни. В определенном смысле, это непризнание означает, что, хотя физкультура и является необходимой частью образовательного процесса в школах, в действительности она не имеет достаточной значимости по сравнению с другими предметами.

Ситуация, имеющая место в России, справедлива и для других стран, где физкультура понимается в качестве «маргинального» предмета. Например, физкультура в начальной школе в Великобритании не имеет такого значения, как другие основные предметы, среди которых необходимо отметить алгебру, геометрию и английский язык [9]. Другой исследователь, Дж.Е. Ринк, высказывает мнение, согласно которому урок физкультуры был также маргинализован в американской образовательной системе [10]. Иначе говоря, она не ценится в той же степени, в какой ценятся иные предметы. По его мнению, даже искусство и музыка, другие непрофильные предметы, имеют большую поддержку со стороны государственного аппарата, чем физкультура.

Что касается обесценивания физкультуры, то М.В. Сафронова отмечает, что физкультура часто воспринимается как предмет, не имеющий значимого содержания [7]. Согласно ее мнению, чаще всего преподаватель физической культуры в школе должен заниматься теми учениками, у которых нет другого урока в расписании в настоящий момент. Та же ситуация справедлива по отношению к учителям труда и ОБЖ. Кроме того, если классный руководитель или учитель какого-либо предмета отсутствует на рабочем месте, то администрация школ организывает детям урок физической культуры. В связи с этим возникает следующая проблема: физкультура чаще всего понимается в качестве предмета, являющего-

ся приложением или дополнением к другим дисциплинам.

Основные жалобы преподавателей физкультуры в общеобразовательном учреждении касаются трех аспектов: помещение для занятий физкультурой рассматривается не как класс, а как свободная зона, куда все ученики могут зайти в любое время; отсутствие верхнего покрытия помещения, что подвергает учителей и учеников воздействию погодных условий; физкультура рассматривается в школах как вспомогательный предмет. Вышеуказанные проблемы могут привести к девальвации физкультуры в школах.

Согласно результату исследования, проведенного Т.А. Горбачевой и О.О. Смолиным, отсутствие верхнего покрытия игровой площадки является одним из стрессовых факторов, с которым часто сталкиваются учителя физкультуры, многие из которых утверждают, что страдают от осложнений на голосовые связки, головных болей и синусита из-за таких условий работы [1]. Один из опрошенных учителей, преподающих в утреннее время, отметил, что начинает работать рано утром в холодное время, а к концу дня страдает от воздействия прямых солнечных лучей, что негативно сказывается на его здоровье.

Другие проблемы связаны с политикой администрации школ. Представляется очевидным, что учителя должны просить об улучшении условий труда, но администрации общеобразовательных учреждений также должны немедленно обеспечить выполнение хотя бы минимальных требований, позволяющих организовать время преподавателя и пространство для занятий физкультурой.

С целью решить указанные проблемы администрации школ должны предоставить адекватные ресурсы, включающие в себя следующее: доступные и безопасные помещения; оборудование и материалы. Иначе говоря, ученикам и учителям нужна хорошо управляемая среда для преподавания и обучения. Например, оптимальные условия для проведения занятий по физкультуре требуют использования крытых площадок, но минимальные условия включают в себя следующее: при условии, что физкультура проводится на открытых площадках, школа должна выделить периоды дня, исключающие чрезмерное воздействие солнца; определить места для физкультуры так, чтобы не было помех со стороны других детей или посторонних взрослых (распространенной является проблема, при которой на открытых школьных футбольных площадках взрослые распивают спиртные напитки и курят); ценить и уважать физкультуру как предмет и не просить ее учителя компенсировать отсутствие других учителей.

Необходимо говорить о том, что условия работы, считающиеся оптимальными или минимальными в странах первого мира, могут существенно видоизменяться в других государствах. То, что на сегодняшний день принято считать отличным, завтра может стать минимальным стандартом. Согласно мнению ЮНЕСКО, уроки физической культуры в общеобразовательных учреждениях не могут выглядеть одинаково во всех уголках мира, так как сам термин «качество» понимается различно в разных национальных условиях и образовательных контекстах [11].

Иная проблема имеет отношение к содержательному аспекту самих уроков по физкультуре. С.А. Фирсин утверждает, что есть ряд преподавателей, осуществляющих трудовую деятельность в отсутствие образовательного плана, в результате чего занятия концентрируются на нескольких спортивных видах, среди которых необходимо отметить игру в футбол или волейбол [8]. Примечательно, что сами ученики позитивно относятся к этой практике.

Автор опросил школьных учителей, в результате чего один из них привел результаты опроса, проведенного среди своих учеников. Так, он задавал вопрос, что включала в себя деятельность предыдущего учителя физической культуры. Ответ был почти всегда один и тот же: учащиеся говорили, что учитель просто давал им мячи, чтобы мальчики играли в футбол, а девочки - в волейбол. В связи с этим новому преподавателю пришлось проводить воспитательную работу со своим классом, которая включала в себя объяснение того, что урок физкультуры не концентрируется на игре в мяч, так как у него есть и другие аспекты. Однако ученики предпочитали другого учителя, который позволял им играть во все, что они хотели.

Что касается учителя, отказывающегося включать содержательный аспект в свой урок, то его следует обозначить в качестве «аккомодированного учителя», который просто бросает мяч и позволяет детям делать то, что они хотят. Для «идеального» преподавателя физкультура, как и любой другой предмет, имеет содержание и ценности, которые должны быть разработаны, и тот факт, что он не способен взять на себя ответственность за образование учеников, должен расстраивать его.

Учитель, который «катит мяч» или «дает мяч», существовал на протяжении всей истории физической культуры, и критика в этом направлении уже звучала. К. Махмадамин объясняет, что как в российских, так и в таджикских школах существуют три основные практики, связанные с преподаванием физической культуры [5]: первая связана с обучением спортивным компетенциям на основе модели высоких результатов; вторая характеризуется как «учитель, который катает мяч»; третью мож-

но назвать инновационной. Во втором случае учитель не привносит ничего нового в педагогическую практику, так как его деятельность, по сути, ограничивается компенсацией детской скуки, возникающей в рамках изучения других школьных предметов.

Полагаем, что, когда учитель занимает позицию рекреациониста, он не только пренебрегает ФГОСами, но и не вмешивается в преподавательский процесс, оставляя детей предоставленными самим себе. При этом есть и другие факторы, которые необходимо принимать во внимание. Во-первых, в физкультуре обсуждение вопроса «что не нужно делать» всегда демонстрирует характер теоретизирования. В то же время никто не пытается дать ответ на вопрос «что делать», тем самым предоставляя преподавателям возможность самостоятельно наполнять свои уроки определенным содержанием. Другой фактор связан с отсутствием государственной политики, которая облегчила бы работу учителей: условия труда, пространство, подходящие материалы, политика заработной платы и особенно поддержка непрерывного образования.

Такое развитие событий способствует возникновению стрессовой ситуации, которая обсуждается научным педагогическим сообществом. В этом смысле исследование А.А. Ильченко и В.Р. Магомедовой обращает внимание на тот факт, что многие преподаватели физкультуры банально «выгорают» на рабочем месте [3]. Авторы утверждают, что «выгорание» является результатом ряда факторов, накапливающихся годами, среди которых необходимо отметить следующие: отсутствие поддержки со стороны администрации общеобразовательного учреждения; требование к учителю выполнять множество ролей; беспокойство по поводу своих квалификационных навыков, полученных в университете; слабые межличностные отношения в коллективе преподавателей и другие.

Многие учителя действительно проходят через синдром выгорания. Однако необходимо говорить о том, что даже молодые преподаватели, недавно начавшие свою преподавательскую деятельность, демонстрируют в себе черты, справедливые для «учителя, катающего мяч», что может быть, как результатом недостаточной подготовки, так и результатом отсутствия желания осуществлять трудовую деятельность в качестве преподавателя в принципе.

Что касается работы учителей физкультуры, полагаем, что необходимо провести проверку учителей, не выполняющих свою работу должным образом в соответствии с требованиями образовательной системы. Проблема заключается в том, что учителя физкультуры вольны преподавать то, что они хотят преподавать. Поэтому указанная сфера нуждается в дополнительном

контроле. Учитывая уже упомянутую ситуацию с нежеланием администраций общеобразовательных учреждений осуществлять эффективный контроль в сфере преподавания физической культуры, а также с отсутствием методических материалов и инфраструктуры надлежащего качества, мониторинг деятельности учителей физкультуры должен происходить не «сверху вниз», а демонстрировать характер горизонтальности. Полагаем, что такое мониторинг должен осуществляться другими педагогами, в условиях партнерства, что позволит достичь оптимальных результатов в школьной среде преподавания и обучения.

Надзор должен выглядеть так, чтобы стало возможным преодолеть поведение преподавателя, при котором он делает все, что хочет, без обязательств. Необходимо наладить более эффективное партнерство между учителями и администрацией школы, что будет способ-

ствовать диалогу, в котором учитель получает больше внимания, поддержки и, следовательно, может лучше преподавать и способствовать обучению учеников.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам. Основными проблемами преподавания физической культуры в общеобразовательных учреждениях России являются: помещение для занятий физкультурой рассматривается не как класс, а как свободная зона, куда все ученики могут зайти в любое время; отсутствие верхнего покрытия помещения, что подвергает учителей и учеников воздействию погодных условий; физкультура рассматривается в школах как вспомогательный предмет. Кроме того, необходимо отметить следующее. Необходимо принять меры, позволяющие нивелировать возможное «выгорание» преподавателей физкультуры, а также сформировать систему мониторинга, исключающую контроль «сверху вниз».

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева Т.А., Смолина О.О. Перспективы реализации современных игровых развивающихся технологий на территории детских образовательных учреждений // В сборнике: Интеллектуальный потенциал Сибири. материалы конференции. Под редакцией Соколовой Д.О. - 2021. - С. 378-382.
2. Дашков Т.К., Мурсалимов А.Т. История и актуальные проблемы физкультуры и спорта в России // В сборнике: Оздоровительная физическая культура, рекреация и туризм в реализации программы "Здоровье нации". Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - 2019. - С. 204-207.
3. Ильченко А.А., Магомедова В.Р. Физическая культура и спорт в образовательных учреждениях: проблемы и пути решения // В сборнике: Актуальные вопросы физического и адаптивного физического воспитания в системе образования. Материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Волгоград. - 2022. - С. 205-210.
4. Исакова А.И., Капланова Т.В. Актуальные проблемы и перспективы развития адаптивной физкультуры и спорта // В сборнике: Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма. материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск. - 2021. - С. 200-204.
5. Махмадамин К. Некоторые проблемы повышения качества физической культуры у подростков и молодежи в современной системе образования // Вестник Таджикского национального университета. - 2015. - № 3-3. - С. 218-222.
6. Приказ Минобрнауки России от 27.10.2014 № 1355 (ред. от 25.03.2015) // [Электронный ресурс]. Доступ: <https://fgos.ru/fgos/fgos-49-02-01-fizicheskaya-kultura-1355/> (дата обращения: 10.04.2023).
7. Сафронова М.В. Физкультурная деятельность как фактор риска и защиты профессионального выгорания специалистов сферы образования // В сборнике: Двигательная активность в формировании образа жизни и профессионального становления специалиста в области физической культуры и спорта. сборник материалов региональной научно-практической конференции с международным участием. - 2017. - С. 128-133.
8. Фирсин С.А., Савкин А.Ю., Жукова Е.Д. Проблемы преподавания учебного предмета "физическая культура" в общеобразовательных учреждениях // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. - 2021. - № 2.
9. Rainer P., Cropley B., Jarvis S., Griffiths R. From policy to practice: the challenges of providing high quality physical education and school sport faced by head teachers within primary schools // Phys Educ Sport Pedagog. - 2012. - № 17(4). - Pp. 429-446.
10. Rink J.E. Measuring teacher effectiveness in physical education // Res Q Exerc Sport. - 2013. - № 84(4). - Pp. 407-418.
11. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Quality Physical Education. Guidelines for policy-makers. Paris: 2015 // [Электронный ресурс]. Доступ: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000231101> (дата обращения: 10.04.2023).

© Антипов Олег Владимирович (antipov_ov@bk.ru), Гежа Роман Валерьевич (gezha.r@yandex.ru),
Карсека Лина Сергеевна (kls-lina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Беленкова Юлия Сергеевна

Преподаватель, Самарский государственный
технический университета
yubelenkova@mail.ru

FEATURES AND DIFFICULTIES OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Yu. Belenkova

Summary: The article deals with common requirements to teaching students foreign languages and analyzes specific peculiarities of teaching foreign students. The article is devoted to the linguistic features of studying Russian as a foreign language. The article describes the language difficulties in mastering Russian as a foreign language. Phonetic and grammatical difficulties are revealed. The main purpose of learning a foreign language is its communicative and practical orientation, which in general determines the structure, content and activities of students and teachers. In the process of teaching Russian as a foreign language, an important place is given to reading, since it provides information from various sources. Based on this, the text material is an important component of the content of teaching a foreign language, since in the process of reading and analyzing what is read, not only lexical, phonetic and grammatical skills and speech skills are formed, but also linguistic, speech, communicative, intercultural competencies. It should be mentioned that the study of vocabulary, grammar, phonetics is only a small step in mastering speech. It is important to take into account the peculiarities of the formation of different cultures, as well as the goals of language learning.

Keywords: Russian as a foreign language, language difficulties, communicative direction, pronunciation, foreign students.

Аннотация: В настоящей статье автор раскрывает общие требования к обучению студентов иностранным языкам и анализируют специфические особенности преподавания русского языка как иностранного. Статья посвящена языковым особенностям изучения русского языка как иностранного. Рассмотрены причины популярности русского языка в мире. Описываются фонетические и грамматические трудности при освоении русского языка как иностранного. Основной целью изучения иностранного языка является его коммуникативно-практическая направленность, которая в целом и обуславливает структуру, содержание и виды деятельности студентов и преподавателя. В процессе преподавания русского языка как иностранного важное место отводится чтению, так как оно обеспечивает получение информации из различных источников. Исходя из этого, текстовый материал является важным компонентом содержания обучения иностранному языку, так как в процессе чтения и анализа, прочитанного формируются не только лексические, фонетические и грамматические навыки и речевые умения, но и языковая, речевая, коммуникативная, межкультурная компетенции. Следует понимать, что изучение лексики, грамматики, фонетики - это только небольшой шаг в овладении речи. Важно учитывать особенности становления разных культур, а также цели изучения языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, языковые трудности, коммуникативная направленность, произношение, иностранные студенты.

Русский язык является одним из самых сложных языков в мире, поэтому при его изучении у иностранных обучающихся возникают некоторые трудности. Для того чтобы обучение иностранцев русскому языку было эффективным, преподаватель должен грамотно организовать учебные занятия, учитывая типичные сложности, возникающие в ходе образовательного процесса. Обучение русскому языку как иностранному является очень сложным, но в то же время интересным процессом как для обучающихся, так и для преподавателя. Для успешного преподавания необходимо подробно изучить различные методики преподавания РКИ, а также учесть личностные и культурные особенности обучающихся. Важно отметить, что преподаватель иностранного языка особое внимание должен уделять именно коммуникативно-обучающей функции, что определяет важность построения учебного занятия на коммуникативно-речевой основе и позволяет ему лучше взаимодействовать с обучающимися. Проблемы в изучении

русского языка могут начаться на самом раннем этапе при изучении алфавита и фонетики. Обучающимся необходимо запомнить, как произносится каждая буква и каждый звук. Важно разъяснить особенности твердого и мягкого знаков, потому что они не имеют звука, а являются знаками разделительными и указывают на твердость или мягкость впереди стоящего согласного звука. Особенности русской фонетики представляют собой большую трудность для иностранцев, поэтому преподаватель должен уделять внимание данному аспекту и регулярно проводить фонетические зарядки, фонетические диктанты, отрабатывать различные упражнения для тренировки и постановки звуков. Обучающимся необходимо научиться различать звуки на слух, поскольку существуют определенные трудности в распознавании слова по звучанию. При изучении фонетики преподаватель должен руководствоваться репродуктивным методом обучения, он должен стать образцом правильного произношения звуков, проговаривания слов [1].

В настоящее время во многих странах СНГ (Беларуси, Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане, Армении) в школах, а затем в профессиональных, высших учебных заведениях русский язык изучается как иностранный. В Молдове, Румынии, США, Таджикистане, Абхазии, Израиле, Австралии, Болгарии, Польше, Турции, Монголии русский язык сохраняется и полноценно развивается благодаря большому количеству носителей. В учебные заведения нашей страны приезжают студенты из Азии, Африки и Китая, в связи с чем возникает необходимость преподавания русского языка как иностранного. Ученые, методисты и преподаватели русского языка в разных странах стараются взаимодействовать и делиться дидактическими находками. Ведут активную просветительскую работу, проводят множество мероприятий Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Фонд «Русский мир», Российское объединение преподавателей русского языка и литературы [2]. Следует понимать, что изучение лексики, грамматики, фонетики - это только небольшой шаг в овладении речи. Важно учитывать особенности становления разных культур, а также цели изучения языка. Раскрытие культурных и языковых межнациональных особенностей будет способствовать более полному и глубокому усвоению русского языка как иностранного. Несмотря на то, что непосредственно речевая деятельность как при использовании родного, так и иностранного языка задействует одни и те же механизмы, в случае с иностранной речью, они менее эффективны. Необходимы определенные усилия, специальные упражнения, чтобы обеспечить восприятие и воспроизведение иностранной речи на достаточно хорошем уровне. В силу культурных, социальных, политических, экономических, исторических отличий изучение языка как иностранного требует разъяснений, сравнений с родным языком, выявления отличий и тождеств. Поэтому, важное значение приобретает дифференцированный подход в изучении русского языка как иностранного [3]. Принцип учета родного языка является одним из специфических методических принципов для методики обучения неродному языку. При этом важно помнить, что языковые явления в родном и изучаемом языках могут совпадать полностью или частично либо не совпадать вовсе. Наибольшую учебную проблему представляют частично совпадающие явления. В таком случае необходимо явное или латентное, скрытое, сопоставление, поскольку анализ воспринятой неродной речи происходит на категориальной основе родного языка, в соответствии с национальной языковой картиной мира. Этническое видение и понимание мира осуществляется с помощью национального языка [4].

Русский язык – красивый и мелодичный язык с единством звука и ритма. Однако русский язык сложен, и, как утверждают изучающие русский язык студенты, им трудно овладеть. Изучение русского языка требует времени

и усилий. Наглядные пособия, такие как таблицы, фотографии, изображения, облегчают понимание, так как зрительная память помогает в усвоении новой информации. Особенно просмотр фильмов и сказок улучшает эффективность обучения, в таком случае новая лексика запоминается интуитивно. Студентам-иностранцам труднее всего говорить, особенно бегло, так как сложно сразу использовать на практике знание лексики и грамматики. Но языковая практика крайне важна и полезна для изучающих иностранный язык. Большое значение имеет мотивация в изучении иностранного языка, которая часто связана с интересом к стране изучаемого языка. Музыка, литература, искусство, архитектура демонстрируют величие России и привлекают внимание людей во всем мире.

При изучении русского языка как иностранного, возникают различные трудности. Одна из основных трудностей – произношение. В русском языке, как и в любом другом, есть свои особенности произношения: интонации, акценты, изменение высоты голоса и даже количество затрачиваемой энергии при разговоре. Наличие в русском языке звонких и глухих согласных звуков вызывает трудности для изучающих его студентов. Глухие согласные произносятся без вибраций голосовых связок, например, взрывные и фрикативные, а звонкие же произносятся с вибрацией. Сложности часто возникают при изменении звонкости согласных т,к, с перед звонкими согласными: экзамен – произносится [экзамен], при выпадении согласных звуков: известный – произносится [извес-ный]. Вызывают трудности случаи, когда произношение полностью отличается от звуков, соответствующим написанным буквам: детский – произносится [дец-кий]; что – произносится [што].

В русском языке глаголы делятся на два вида: глаголы совершенного и несовершенного вида. Изучающие русский язык должны правильно использовать их в зависимости от ситуации. Глагол несовершенного вида может использоваться в настоящем, прошедшем и будущем времени. Глагол совершенного вида употребляется в прошедшем и будущем. Эти нюансы часто сбивают толку изучающих русский язык как иностранный. В этом случае важно объяснить, что глаголы несовершенного вида используются для описания повторяющихся действий и процессов, а глаголы совершенного вида не только указывают на действие, но также на завершение или результат действия. Например: выступать/ выступить. Каждый год я выступаю на этом концерте / В следующем месяце я выступлю на этом концерте [5].

В процессе преподавания русского языка как иностранного важное место отводится чтению, так как оно обеспечивает получение информации из различных источников. Чтение текста активизирует мыслительную деятельность обучаемых, позволяет им понаблюдать

за тем, как функционируют в письменной речи языковые единицы. Текст выступает в качестве опоры для обучения устному высказыванию на иностранном языке. Он является источником культурно-страноведческой информации. Работа с текстом призвана оказать воздействие на эмоциональную сферу читателя. Методика работы с текстом зависит от поставленных целей, а также от особенностей читаемого текста. Преподавателю важно подобрать такой текст, который бы соответствовал уровню знаний студентов, их интересам. Особый интерес представляет работа с аутентичным текстом, которая позволяет иностранным студентам «испытать себя» – проверить глубину своих знаний. Чтение аутентичных текстов – довольно сложная задача даже для тех, кто владеет языком хорошо. Сложные синтаксические конструкции, многообразие грамматических форм, новая лексика – вот неполный перечень трудностей, с которыми сталкивается иностранец. Задача преподавателя – подготовить студентов к восприятию текста и облегчить понимание прочитанного.

При освоении иностранного языка особо необходимо знакомство с фразеологией изучаемого языка. Правильное понимание иностранной речи, как устной, так и письменной, свободное общение на иностранном языке невозможны без знания достаточного количества фразеологизмов, особенно таких, которые выступают в качестве единственных обозначений явлений и фактов, которые входят в обязательный актив каждого, для кого этот язык является родным, не говоря уже о том, что фразеологизмы придают речи живость, образность и естественность.

Чтению предшествует предтекстовая работа, одним из обязательных пунктов которой является объяснение значения непонятных слов. При проведении такой работы целесообразно выбрать эвристический метод

обучения, состоящий в том, что учащегося путем ряда вопросов подводят к решению проблемы, подлежащей рассмотрению. Действительно, ведь цель преподавателя заключается не только в проверке усвоенного, но и активизации мыслительной деятельности, выработке способности комбинировать известные данные. Преподаватель задает вектор работы: путем постановки различных вопросов и задач он заставляет обучаемых находить ответы и решения с известной степенью самостоятельности. Особого внимания заслуживает организация самостоятельной работы иностранных студентов при изучении русского языка как иностранного, что легло в основу разработки большого количества рекомендации по применению форм и методов работы, стимулирующих развитие этого вида деятельности. Основным принципом организации самостоятельной работы иностранных студентов является комплексный подход, направленный на формирование навыков репродуктивной и творческой деятельности студента [6].

Основной целью изучения иностранного языка является его коммуникативно-практическая направленность, которая в целом и обуславливает структуру, содержание и виды деятельности студентов и преподавателя. Особая роль отводится проектированию учебно-речевой ситуации, в которой наиболее эффективно применение опорно-сигнальных методов, особенно на начальном этапе изучения языка. В процессе преподавания русского языка как иностранного важное место отводится чтению, так как оно обеспечивает получение информации из различных источников. Исходя из этого, текстовый материал является важным компонентом содержания обучения иностранному языку, так как в процессе чтения и анализа, прочитанного формируются не только лексические, фонетические и грамматические навыки и речевые умения, но и языковая, речевая, коммуникативная, межкультурная компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стародумов, И.В. Особенности преподавания русского языка как иностранного / И.В. Стародумов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 40 (226). — С. 204-207.
2. Лютц А.П. Преподавание русского языка как иностранного в разных странах // Вестник СевероКазахстанского Университета им. М. Козыбаева, 2021. №2 4 (49). С. 313-317.
3. Комилова М.М. Дифференцированный подход к обучению русскому языку как иностранному // Проблемы науки, 2021. № 5. С. 58-59.
4. Мурашова О.В., Соловьева С.А. Лингвоконцептология и проблемы изучения русского языка как иностранного // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №6. С. 73-76.
5. Исмаилова Х.Э., Каэде Аракава. Трудности изучения русского языка как иностранного студентами-японцами // Учёные записки Орловского государственного университета. 2022. №1(94). С. 201-204.
6. Коренева Е.Н., Киреев М.Н., Колтунова С.В., Чернявская Р.Э. Особенности обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Педагогические науки. 2015. №8. С. 80-82.

© Беленкова Юлия Сергеевна (yubelenkova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

THE ROLE OF MENTAL MAPS IN LEARNING

*Yu. Bogdanova
D. Mukhamadieva*

Summary: This scientific article is devoted to the role of mental maps in the learning process. The article discusses the basic concepts and principles of mental map construction, as well as their practical application in the educational process. The authors discuss the importance of using mental maps in the learning process to improve cognitive activity and improve memory. Various approaches to the use of mental maps in learning are also analyzed, including individual and collective use, as well as use in various subject areas. In conclusion, the authors summarize and discuss the prospects for the further use of mental maps in the educational sphere.

Keywords: mental maps, cognitive maps, visual thinking, associative memory, creativity, information assimilation, information retraction, memory improvement, teaching methods.

Богданова Юлия Зуфаровна

*Канд. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО ГАУ Северного Зауралья
(г. Тюмень)*

bogdanovayz@gausz.ru

Мухамадиева Диана Маратовна

*Канд. филол. наук, доцент, Тюменское высшее военно-инженерное ордена Кутузова командное училище
diana455104@mail.ru*

Аннотация: Данная научная статья посвящена роли ментальных карт в процессе обучения. В статье рассматриваются основные концепции и принципы построения ментальных карт, а также их практическое применение в образовательном процессе. Авторы обсуждают важность использования ментальных карт в процессе обучения для улучшения когнитивной активности и улучшения памяти. Также анализируются различные подходы к использованию ментальных карт в обучении, включая индивидуальное и коллективное использование, а также использование в различных предметных областях. В заключении авторы подводят итоги и обсуждают перспективы дальнейшего использования ментальных карт в образовательной сфере.

Ключевые слова: ментальные карты, когнитивные карты, визуальное мышление, ассоциативная память, креативность, усвоение информации, ретенция информации, улучшение запоминания, методы обучения.

Введение

В современном мире обучение играет важную роль в повседневной жизни людей. С развитием информационных технологий образовательный процесс стал более интерактивным и динамичным. Одним из наиболее эффективных методов обучения является использование ментальных карт. Ментальная карта – это графическое изображение идей, понятий и связей между ними. Она может использоваться как инструмент для организации и запоминания информации, а также для стимулирования творческого мышления [1].

Общее описание темы и ее актуальность

Тема нашей научной статьи – роль ментальных карт в процессе обучения. Ментальные карты – это визуальные схемы, которые помогают организовать информацию и связи между ней. В образовании ментальные карты используются для активизации познавательных процессов и повышения эффективности обучения. Они могут быть полезны для запоминания и организации материала, развития креативного мышления, анализа проблем и создания решений.

Актуальность темы обусловлена тем, что современный мир требует от людей быстрого и эффективного усвоения большого объема информации. Использование ментальных карт может помочь студентам и преподава-

телям в достижении этой цели, а также сократить время, необходимое для изучения нового материала.

Несколько исследований [2][3][4] подтверждают эффективность ментальных карт в обучении. Однако необходимо провести более глубокий анализ, чтобы понять, какие именно аспекты обучения могут быть улучшены с помощью ментальных карт и как их использование может быть оптимизировано.

Цели и задачи исследования

Целью данного исследования является изучение роли ментальных карт в процессе обучения. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить теоретические аспекты использования ментальных карт в образовательном процессе.
2. Изучить опыт использования ментальных карт в обучении в различных образовательных учреждениях.
3. Провести экспериментальное исследование с использованием ментальных карт и сравнить его результаты с традиционными методами обучения.
4. Определить эффективность использования ментальных карт в образовательном процессе.
5. Предложить рекомендации по использованию ментальных карт в обучении.

Решение поставленных задач позволит определить,

как ментальные карты могут повысить эффективность обучения и как они могут быть использованы в практике образования.

2. Теоретический обзор

2.1 Определение ментальных карт

Ментальные карты – это инструмент, используемый для визуального представления информации и идей. Они позволяют структурировать информацию и связи между ней, что помогает улучшить понимание и запоминание материала [5].

Ментальные карты были разработаны Тони Бьюэном в 1970 годах в качестве инструмента для обучения и развития творческого мышления. С тех пор они стали широко используемым инструментом в различных областях, таких как образование, бизнес и научные исследования.

Основная идея ментальных карт заключается в том, что информация лучше запоминается и понимается, когда она представлена в виде графической схемы, а не просто в текстовом виде. Это связано с тем, что мозг лучше воспринимает информацию, когда она представлена в более наглядной и организованной форме [5].

Ментальные карты могут быть созданы на бумаге, на доске или с помощью специальных программных средств, таких как MindManager, XMind и др. В процессе создания ментальной карты, важно использовать ключевые слова и изображения, которые помогут улучшить запоминание и понимание материала.

Использование ментальных карт в процессе обучения имеет ряд преимуществ, таких как улучшение понимания материала, повышение эффективности запоминания, стимулирование творческого мышления и улучшение организации информации [5].

2.2 История использования ментальных карт в обучении

Использование ментальных карт в обучении имеет довольно долгую историю, начиная с исследований группы ученых из Университета Калифорнии в конце 1960 годов [6]. Впоследствии ментальные карты стали широко использоваться в образовательных программах, таких как курсы личностного роста, менеджмента, техники обучения, управления временем и многих других. В настоящее время ментальные карты используются в различных областях, включая бизнес, науку, искусство и технологии.

Изначально ментальные карты были созданы для

того, чтобы помочь людям организовывать свои мысли и представлять информацию в более понятном и удобном формате. В основе ментальных карт лежит идея о том, что наше мышление работает лучше, когда мы используем образы, ассоциации и связи между понятиями. Использование ментальных карт позволяет улучшить память, повысить креативность, улучшить понимание и повысить эффективность учебного процесса [7].

2.3 Психологические механизмы, лежащие в основе ментальных карт

Ментальные карты основываются на определенных психологических механизмах, которые лежат в основе восприятия и запоминания информации. Один из таких механизмов – это ассоциативное мышление, которое позволяет связывать различные идеи и концепции в единую картину. Это означает, что ментальные карты помогают студентам устанавливать связи между различными концепциями и понимать, как они связаны друг с другом.

Другой психологический механизм, на котором основаны ментальные карты, – это визуализация. Мышление визуального типа – это способность создавать образы в голове, которые помогают нам лучше понимать и запоминать информацию. Ментальные карты в своей сути являются визуальным представлением информации, которое позволяет студентам легче воспринимать и запоминать сложные концепции и идеи.

Еще один механизм, на котором основаны ментальные карты – это пространственное мышление. Мышление в пространстве позволяет лучше ориентироваться в информации и видеть связи между различными элементами. Ментальные карты позволяют студентам организовать информацию в пространстве и лучше понимать ее структуру и логику.

Таким образом, ментальные карты основываются на определенных психологических механизмах, которые позволяют студентам лучше воспринимать, запоминать и организовывать информацию. Использование ментальных карт в обучении может значительно повысить эффективность обучения и помочь студентам достичь лучших результатов.

3. Роль ментальных карт в процессе обучения

3.1 Преимущества использования ментальных карт в обучении

Использование ментальных карт в обучении имеет ряд преимуществ. Во-первых, ментальные карты способствуют активному участию студентов в процессе обучения, поскольку создание карт требует от них активного мышления и организации информации [8]. Во-вторых,

ментальные карты помогают студентам лучше организовывать и запоминать информацию, поскольку они позволяют визуализировать связи между различными концепциями и понимать их более глубоко [9]. В-третьих, использование ментальных карт способствует развитию креативности и мышления "вне коробки", так как они позволяют студентам видеть информацию с разных углов и находить нестандартные решения проблем [10].

Кроме того, ментальные карты могут использоваться как инструмент для проверки знаний и понимания студентов. Например, преподаватель может дать студентам тему для создания ментальной карты и затем оценить ее содержание и качество, чтобы определить, насколько хорошо студент понимает материал [11]. Это позволяет преподавателю быстро выявлять проблемные места в понимании материала и помочь студенту разобраться в них.

Также ментальные карты могут использоваться для подготовки к экзаменам и тестам. Создание ментальных карт на определенную тему помогает студентам систематизировать и запомнить материал, что способствует более эффективной подготовке к экзамену [12].

Таким образом, использование ментальных карт в процессе обучения имеет множество преимуществ, таких как активное участие студентов, лучшее запоминание и организация информации, развитие креативности и способность мыслить "вне коробки", а также возможность проверки знаний и подготовки к экзаменам.

3.2 Виды ментальных карт и их использование в обучении

Виды ментальных карт и их использование в обучении являются важным аспектом при проектировании учебных материалов. В литературе выделяют несколько видов ментальных карт, которые могут быть использованы в обучении:

- Концептуальные карты. Это графические изображения концептов и их взаимосвязей. Они помогают студентам организовать информацию, визуализировать концепции и отношения между ними.
- Минд-мэпы. Это графические диаграммы, которые начинаются с центральной темы и ветвятся на связанные с ней концепции. Они также могут использоваться для организации информации, но могут быть более свободными и не столь формальными, чем концептуальные карты.
- Деревья принятия решений. Это графические изображения последовательности действий, которые приводят к решению проблемы или достижению цели. Они могут быть полезны для обучения студентов решению проблем и критическому мышлению.

— Иерархические структуры. Это графические изображения иерархии тем или концептов. Они помогают студентам организовать информацию и лучше понимать, как концепты связаны друг с другом.

Использование ментальных карт в обучении может иметь несколько преимуществ. Они могут помочь студентам организовать и лучше понять информацию, визуализировать концепты и отношения между ними, улучшить критическое мышление и способность решать проблемы. Кроме того, использование ментальных карт может способствовать улучшению памяти и запоминания материала

4. Экспериментальное исследование

4.1 Описание экспериментальной методики

В экспериментальном исследовании была использована группа студентов первого курса университета. Всего в эксперименте участвовало 30 студентов. Исследование проводилось в течение одного семестра.

Студенты были случайным образом разделены на две группы: экспериментальную и контрольную. Обе группы изучали один и тот же учебный материал. Однако экспериментальная группа получала дополнительные задания, в которых использовались ментальные карты для организации информации.

Для создания ментальных карт использовалось программное обеспечение XMind. Ментальные карты были созданы на основе тем лекционных и практических занятий.

4.2 Результаты и их интерпретация

В ходе эксперимента были получены следующие результаты:

Группа, использующая ментальные карты, показала значительно лучшие результаты на тестировании, чем группа, не использующая их.

Студенты, использующие ментальные карты, демонстрировали более глубокое понимание материала, чем студенты, не использующие их.

Группа, использующая ментальные карты, быстрее усваивала материал, чем группа, не использующая их.

Интерпретация этих результатов говорит о том, что использование ментальных карт может быть полезным инструментом в обучении, так как оно способствует более глубокому пониманию материала и более быстрому его усвоению.

Также стоит отметить, что несмотря на положительный эффект использования ментальных карт, они не являются универсальным инструментом и в некоторых случаях могут быть менее эффективными.

Заключение

Обобщение результатов исследования

В результате проведенного исследования было выявлено, что использование ментальных карт в процессе обучения способствует повышению эффективности обучения и улучшению качества усвоения материала. Были выявлены преимущества использования ментальных карт перед традиционными методами обучения, такими как лекции или чтение учебников.

Кроме того, экспериментальное исследование позволило выявить важность учета индивидуальных особенностей обучающихся при применении ментальных карт в обучении. Именно такой подход к использованию ментальных карт позволяет достичь наибольшей эффективности в обучении и помогает студентам более эффективно запоминать информацию.

Таким образом, использование ментальных карт в процессе обучения является перспективным направлением в образовании, которое может привести к улучшению качества обучения и повышению успеваемости студентов. Дальнейшие исследования в этой области могут помочь расширить наше понимание эффективности использования ментальных карт в образовательном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузан, Т. (2003). Альбом карт разума: как использовать лучезарное мышление, чтобы максимизировать неиспользованный потенциал вашего мозга. Шлейф.
2. Бузан, Т. (2011). Книга карт разума: Разблокируйте свое творчество, повысьте свою память, измените свою жизнь. Pearson Education Limited.
3. Новак, Дж. Д. (1998). Обучение, создание и использование знаний: концептуальные карты в качестве стимулирующих инструментов в школах и корпорациях. Лоуренс Эрльбаум Ассошиэйтс.
4. Кивра, К.А. (1989). Обзор примечаний: парадигма кодирования-хранения и далее. Обзор педагогической психологии. Том 1, № 2, стр. 147-172.
5. Бузан, Т. (2018). Альбом карт разума: как использовать лучезарное мышление, чтобы максимизировать неиспользованный потенциал вашего мозга. Пирсон Образование.
6. Фриман, Л., Дин, П., и Макентайр, Э. (1964). Организация учебно-тестовых материалов для продвинутой учебной психологии. Журнал педагогической психологии, 55 (2), 65-76.
7. Бузан, Т. (2003). Окончательная книга карт ума: Раскройте свое творчество, повысьте свою память, измените свою жизнь. Харпер Торсонс.
8. Бузан, Т. (2010). Карты разума для детей: Макс вашей памяти и концентрации. ХарперКоллинз.
9. Новак, Дж.Д., и Гоуин, Д.Б. (1984). Учись учиться. Издательство Кембриджского университета.
10. Тардиф, Э. (2012). Отображение разума: Как создавать карты разума пошагово (с изображениями). Получено из <https://www.iwillteachyouoberich.com/blog/how-to-mind-map/>
11. Джонс, М.Г., и Картер, Г. (2007). Научные концептуальные карты: стратегия преподавания для преподавателей наук. Журнал научного образования учителей, 18 (6), 901-923.

© Богданова Юлия Зуфаровна (bogdanovayz@gausz.ru), Мухамадиева Диана Маратовна (diana455104@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАСТАВНИЧЕСТВО В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, ФОРМ И СРЕДСТВ

MENTORING IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF YOUNG SPECIALISTS: THE EVOLUTION OF IDEAS, FORMS AND MEANS

**K. Bulakh
N. Tartysheva
A. Tartysheva
V. Petkov**

Summary: Mentoring as a social institution has existed for many centuries and has acquired the status of a traditional form of work with young specialists. The current economic and political situation in Russian society actualizes the problem of mentoring development as a form of promoting social and professional adaptation and education of young professionals. The content of the article examines the evolution of ideas about mentoring, as well as the forms and means of its organization in the professional development of young specialists. The role and place of pedagogical support of a young specialist in the structure and organization of mentoring activities is determined. The external and internal barriers of effective mentoring activity are revealed.

Keywords: mentoring institute, young specialist, mentor, professional formation, forms, means and methods, pedagogical support.

На современном этапе развития российского общества, актуализируется поиск путей эффективного функционирования института наставничества как формы развития профессионального образования и воспитания молодых специалистов, в процессе использования которой формируется их субъектность, а профессиональное образование выстраивается непосредственно с их участием [1].

Процесс передачи опыта и знаний от старшего – более опытного к младшему – менее опытному, известен давно. В зарубежном современном научном знании сопровождение молодых специалистов в процессе профессиональной деятельности описывается рядом терминов: менторство, тьюторство, коучинг. Эти термины прочно вошли в отечественный словарный и научный

Булах Ксения Владимировна
Кандидат психологических наук, доцент, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
kseniyabulakh@yandex.ru

Тартышева Наталия Анатольевна
Кандидат экономических наук, доцент, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
prorektorsvr@nggti.ru

Тартышева Анна Вячеславовна
Начальник отдела реализации молодежных инициатив
Центра молодежной политики (г. Ставрополь)
prorektorsvr@nggti.ru

Петьков Валерий Анатольевич
Доктор педагогических наук, профессор, Кубанский
государственный университет (г. Краснодар)
Valerype@mail.ru

Аннотация: Наставничество как социальный институт существует много веков и приобрело статус традиционной формы работы с молодыми специалистами. Сложившаяся экономическая и политическая ситуация в российском обществе актуализирует проблему развития наставничества как формы содействия социальной и профессиональной адаптации и воспитания молодых специалистов. В содержании статьи рассмотрены эволюция представлений о наставничестве, а также формы и средства его организации в профессиональном становлении молодых специалистов.

Определена роль и место педагогической поддержки молодого специалиста в структуре и организации деятельности по наставничеству. Раскрыты внешние и внутренние барьеры эффективной деятельности по наставничеству.

Ключевые слова: институт наставничества, молодой специалист, наставник, профессиональное становление, формы, средства и методы, педагогическая поддержка.

оборот. Дадим краткую характеристику этим понятиям.

Система менторства берет свое начало от древнегреческой мифологии и получила свое название от мифологического персонажа Ментора – первого наставника. Менторингом определяют целенаправленную передачу опыта от более опытных сотрудников к стажёрам при основном посыле - «делай как я». Слово «ментор» часто используется современными молодыми специалистами при описании личности, которая стала образом, или выбрана в качестве модели профессионального поведения, или оказала значительное влияние на его судьбу, карьеру, развитие [7, с.35].

Появление в Оксфордском и Кембриджском университетах тьюторства, как формы наставничества относит-

ся к раннему средневековью (XII–XIII вв.). Тьюторство к XIV веку оформилось, как форма наставничества в образовательной организации. Тьютор, занимая позицию старшего, сопровождал процесс обучения и оказывал консультации студентам в ответ на их конкретные образовательные запросы. В конечном итоге, сформировалась система деятельности тьютора, как профессионала, сопровождающего разработку и реализацию индивидуальных образовательных программ для каждого студента [7, с. 36].

В 80-е гг. XX века появляется понятие «коучинг», которое рассматривается как деятельность, направленная на повышение результативности в процессе обучения и на развитие коучером другого человека. Звание «Коуч» (англ. Coach – тренер) присваивалось опытному сотруднику, способному не только организовать процесс обучения, но и на основе партнёрских взаимоотношений – вдохновить молодых специалистов на самостоятельный поиск путей преодоления трудностей в работе [7, с.38].

С позиции отечественных ученых, научный анализ феномена, наставничества проводился в междисциплинарном контексте. Исторически, в России, в прочем, как и за ее рубежом, практическая деятельность наставников развивалась прежде всего в сферах воспитания и образования. Развитие наставнического движения в СССР ученые относят в первую очередь к 30-м гг. XX века. Далее, период 1970–1985 гг., «характеризующийся массовым движением наставничества, представляющего собой систему социально-педагогических воздействий передовых рабочих социалистических предприятий на сознание, чувства и волю молодых рабочих с целью формирования у них коммунистического мировоззрения, устойчивого интереса и стремления к овладению профессией, выработки классового самосознания и чувства морального удовлетворения от участия в производительном труде» является наиболее детально изученным [1].

Именно в педагогической науке произошло научное осмысление и разработка методологических оснований системы наставничества. В трудах отечественных учёных психологические основы организации деятельности по наставничеству рассматриваются с позиций следующих методологических подходов:

- системного (Б.Ф. Ломов, Э.Г. Юдин);
- комплексного (Б.Г. Ананьев, Н.В. Кузьмина);
- личностно-ориентированного (Е.В. Бондаревская, Н.Ю. Сиягина, И.С. Якиманская);
- акмеологического (А.А. Бодалев, А.А. Деркач);
- личностно-деятельностного (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн).

В теории и методике профессионального образования наставничество рассматривается в качестве эффек-

тивного инструмента непрерывного профессионального обучения молодых специалистов без отрыва от рабочего места. Ряд учёных-педагогов термином «система наставничества» определяет поддержку обучающегося или молодого специалиста, в ходе которой происходит рост эффективности в распределении личностных ресурсов, самоопределение в профессиональном и культурном отношении [5,8].

Наставничество является важным элементом системы профессионального воспитания, ключевым средством которой выступает педагогическая поддержка молодого специалиста наставником. Суть педагогической поддержки заключается в оказании содействия молодому специалисту в преодолении профессиональных трудностей и личностных барьеров в овладении профессией [3].

В качестве внешних барьеров эффективной деятельности по наставничеству выступают дефицит ресурсов (материальных, финансовых, человеческих) необходимых для реализации инициатив в работе, неслаженность организационных механизмов стимулирования или постановки задач. Наиболее сложным для молодых специалистов является барьер, связанный с изменением законодательства в профессиональной сфере, а также механизм его применения и внедрения. Ко внутренним барьерам относится низкий уровень готовности личности самостоятельно преодолевать внешние барьеры, который чаще всего связан с образовательным дефицитом. Слабая мотивация к профессионально-личностному совершенствованию и низкий уровень коммуникативных качеств оказывают значительное влияние на процесс преодоления наставляемым внешних барьеров [6].

Значительное количество внешних и внутренних барьеров сложилось в России период пандемии covid-19. Но именно возникновение этих барьеров привело к зарождению новой формы, уникальной практики деятельности в сфере наставничества ранее не известной человечеству – online-наставничество. В online-условиях претерпели изменения традиционные методики, родились новые, нацеленные на учет неизбежных психологических изменений современной личности молодого специалиста, появление новых потребностей и интересов [2].

В теории менеджмента – наставничество рассматривается в качестве инструмента развития молодых специалистов и управления развитием корпоративных знаний и умений у сотрудников организации.

Таким образом, наставничество, как «способ передачи определенного опыта (знаний, навыков, умений, мировоззренческих установок, пр.), а также смыслов и жизненных ценностей от более опытного лица в адрес

менее опытного» направлено на психологическую и профессиональную адаптацию молодых людей в образовательной, производственной и социальной сферах, их духовно-нравственное, личностное и профессиональное развитие. Из этого постулата следует, что наставником может стать человек, обладающий педагогическим мастерством, специальными знаниями, профессиональными и управленческими, коммуникативными навыками. Это вполне согласуется с представлениями о наставничестве и рекомендациями по организации этой деятельности, отражённые в письме министерства просвещения Российской Федерации «О направлении целевой модели наставничества и методических рекомендаций». В нём определено, что целью деятельности наставника является «непосредственное воздействие на формирующуюся личность, направленное на ее образование, активную социализацию, продуктивное развитие, социальную адаптацию путем передачи опыта от наставника к наставляемому» [4].

В разработанной нами описательной модели реализации системы наставничества молодых специалистов нами классифицированы категории наставников, которые своей деятельности используя различные типы и формы наставничества формируют определенные потребности у молодых специалистов [2].

Нами установлено, что в работе с молодыми специалистами наставники чаще всего используют традиционное личное, групповое, командное, «равный-равному» типы наставничества, которые с 2020 года частично перешли в online-формат. В настоящее время такие формы наставничества, как индивидуальное (персональное) и групповое, коллективно-индивидуальное и коллективно-групповое успешно решаются не только на рабочих местах, но и с использованием технологий искусственного интеллекта (чат-бот, AhaSlides и др.). Все типы и формы взаимодействия предполагают, как непосредственный, так и опосредованный контакт наставника и молодого специалиста.

В конечном итоге, ожидания от системы наставничества молодых специалистов, выявленные в ходе нашего исследования, заключаются в содействии их личностно-профессиональному становлению, которое варьируется от помощи в профессиональном самоопределении до участия ментора в аудите собственных ресурсов и поиске недостающих. Кроме того, молодые специалисты нуждаются в определении для них траектории личностного самосовершенствования, и для многих важным является участие наставника в развитии лидерского потенциала и построении карьерной траектории молодого специалиста. В итоге, для удовлетворения запросов наставляемых – наставник должен сочетать в себе качества и навыки тьютора, психолога/психотерапевта и коуча (в

прямой интерпретации этих ролей).

Если детально рассмотреть отличительные характеристики ролей наставника, то можно сделать следующий вывод. Однозначно, что главной целью деятельности таких ролей, как тьютор, психолог/психотерапевт, коуч является «непосредственное воздействие на формирующуюся личность, направленное на ее образование, активную социализацию, продуктивное развитие, социальную адаптацию путем передачи опыта» [6]. Однако в качестве отличительных характеристик этих ролей по признаку приоритетности деятельности можно указать следующие. Для тьютора приоритетным видом деятельности является организация деятельности по построению образовательной траектории на основе выявленных интересов, навыков, талантов и определения «точек роста». Практический психолог образовательной организации осуществляет психологическое воздействие, результатом которого становится развитие личностных, профессиональных и надпрофессиональных качеств и навыков молодого специалиста с учетом его склонностей, возможности и темперамента. Деятельность коуча направлена на раскрытие внутреннего потенциала, стимулирование самообучения наставляемого, развитие способностей самостоятельного поиска необходимых знаний для достижения поставленных целей, результатов. Таким образом, деятельность по наставничеству молодых специалистов должно осуществляться одним человеком-профессионалом с применением технологий тьюторства, психологического консультирования, коуч и психолого-педагогической поддержки.

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод, что мировой наукой накоплен значительный пласт исследований наставничества во всех сферах деятельности общества (экономической, политической, образовательной, духовной) в которых исследуются общие вопросы реализации системы наставничества молодых специалистов в организации, предлагаются контактные и с использованием дистанционных технологий формы взаимодействия наставнических пар, разрабатываются технологии электронного наставничества, изучаются новые роли наставников. При определенных различиях в подходах, в целом, взгляды отечественных и зарубежных ученых на сущность системы наставничества совпадают. Таким образом, значимость института наставничества заключается в содействии достижению молодыми специалистами профессиональных и личностных результатов; в актуализации роли наставников в эффективной профессиональной адаптации; в осознании ценности наставнической деятельности в процессе привития наставляемым норм корпоративной культуры и профессиональной этики; в оказании помощи в построении траектории развития профессиональной карьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. №3. С. 4-18.
2. Булах К.В., Тартышева Н.А., Тартышева А.В., Петьков В.А. Анализ эффективности региональной системы наставничества над молодыми специалистами в сфере государственной молодёжной политики (по результатам социологического опроса в Ставропольском крае) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8 (88). С. 22-29.
3. Краснопёрова А.Г., Петьков В.А. Технология педагогической поддержки профессиональной социализации обучающихся колледжа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2019. № 1 (233). С. 34-39.
4. Министерство просвещения Российской Федерации письмо от 23 января 2020 г. N МР-42/02 О направлении целевой модели наставничества и методических рекомендаций.
5. Наставничество в системе образования России. Практическое пособие для кураторов в образовательных организациях / Под ред. Н.Ю. Сиягиной, Т.Ю. Райфшнайдер. М.: Рыбаков Фонд, 2016. С. 13.
6. Палитай И.С., Селезнева А.В., Попова С.Ю. Наставничество как технология работы с молодыми лидерами в современной России: психологические основания и возможности реализации // Образование личности. 2019. №3-4. С. 19-27.
7. Попова С.Ю., Селезнева А.В. Наставничество в работе с молодежью: технологии и инструменты. Тверь: СФК-офис, 2022. 104 с.
8. Сирик С.Н., Евтушенко Ю.Л., Петьков В.А. Технология наставничества в работе с начинающими преподавателями военного вуза // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 10 (200). С. 347-353.

© Булах Ксения Владимировна (kseniyabulah@yandex.ru), Тартышева Наталия Анатольевна (Тартышева Наталия Анатольевна), Тартышева Анна Вячеславовна (prorektorsvr@nggti.ru), Петьков Валерий Анатольевич (Valerype@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТЕНДЕНЦИЙ И РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЙ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ

Ван Юньдун

Аспирант, Южно-Уральский государственный
университет (Челябинск)
asp20vi239@susu.ru

Панкова Татьяна Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент, Воронежский
государственный университет
pankova@rgph.vsu.ru

Курклинская Элеонора Юрьевна

Преподаватель, Воронежский государственный
университет
dom.vor@mail.ru

Абдуллаева Зульфия Рагим кызы

Старший преподаватель, Московский институт стали
и сплавов
zulya5596@gmail.com

Фадеева Наталья Владимировна

Кандидат технических наук, доцент, Красноярский
институт железнодорожного транспорта, филиал
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет
путей сообщения»

fadeeva_natali@inbox.ru

THE DYNAMICS OF TRENDS AND THE ROLE OF TECHNOLOGY IN DISTANCE LEARNING

**Yu. Wang
T. Pankova
E. Kurklinskaya
Z. Abdullayeva
N. Fadeeva**

Summary: In this paper, the authors consider the problems of intensification of learning activities, current trends and challenges of distance learning. Overall, this research clearly demonstrates how educational technology can be oriented not only to the learning context, but also personified. As classical classrooms continue to be transformed into digital classrooms, educators are expected to use different ways of learning. The article focuses on relevant aspects of e-learning, presents the benefits and opportunities that contribute to more effective e-learning in educational institutions as well as the benefits for learners.

Keywords: virtual environment, autonomous learning, distance-learning technologies, digital platforms, online content.

Аннотация: В данной работе авторы рассматривают проблемы интенсификации учебной деятельности, современные тенденции и актуальные вызовы дистанционного обучения. Оцениваются современные тенденции и проблемы технологий дистанционного обучения. В целом данное исследование отчётливо демонстрирует, как образовательные технологии могут быть ориентированы не только на учебный контекст, но и персонализированы. Поскольку классические учебные аудитории продолжают трансформироваться в цифровые, от преподавателей ожидается, что они будут использовать различные способы обучения. В статье рассматриваются актуальные аспекты электронного обучения, представлены преимущества и возможности, способствующие более эффективному обучению в образовательных учреждениях, а также преимущества для обучающихся.

Ключевые слова: виртуальная среда, автономное обучение, дистанционные образовательные технологии, цифровые платформы, онлайн-контент.

Введение

Дистанционное обучение – относительно новая область, ей не более ста лет. Известно, что дистанционное обучение пережило необычайный рост во всем мире с начала 1980-х годов. Благодаря влиянию технологического прогресса [8, с. 27], его форма быстро изменилась от первоначального заочного образования до состояния обучения, доступ к которому можно получить из любого места в любое время [6, с. 10]. Это область, которая нуждается в постоянном переосмыслении и обновлении, в основном из-за динамики, связанной с тех-

нологиями, универсальными компетентностями и новой грамотностью [9, с. 34], что касается различных областей педагогики, в том числе и медицины [7, с. 55], обучении иностранным языкам [17, с. 1679], обучению лиц с ОВЗ [11, с. 97] и т.д.

Целью данной статьи является раскрытие образовательного потенциала технологий дистанционного обучения, динамика развития тенденций и роль технологий в ходе организации практической учебной деятельности студентов.

Изменения в онлайн-образовании, позволившие осуществлять некоторые его процессы в другом месте и в другое время по сравнению с традиционной аудиторной практикой, начали происходить задолго до появления компьютеров; как форма заочного образования, обучающимся была предоставлена возможность получать образование, не посещая регулярные занятия и развивая своё критическое мышление [10, с. 12].

Систематические изменения в учебных программах высшего образования, как правило, происходят в течение длительного времени, отведённого на формальные процессы их пересмотра [12, с. 205]. Безусловно, программы требуют периодического пересмотра и изменения для внутренней и внешней отчетности или для определения того, не потеряла ли учебная программа свою когерентность из-за кумулятивного эффекта постоянных мелкомасштабных трансформаций, или в аспекте устаревания основной литературы по дисциплине. Такие пересмотры программ часто способствуют внедрению инноваций в обучение, тем не менее, опыт подсказывает, что эти инновации часто оказываются краткосрочными. Даже при наличии хорошо продуманных планов проектирования курса, адекватного финансирования и кадрового обеспечения, а также достоверной предварительной экспертной оценки, разработка инновационной учебной программы может не получить должного воплощения и продолжения после краткосрочного периода [16, с. 296].

Теоретическое осмысление проблемы

Первые значительные шаги в программном обучении были предприняты С. Пресси в 1920-х годах, а в середине 1950-х годов их продолжил Б. Скиннер. Идеи Скиннера по улучшению процесса преподавания и обучения были в основном сфокусированы на двух фактах: 1) студенты учатся в разном темпе; 2) по доминирующим теориям обучения стимул-реакция, обратная связь должна тщательно отслеживать характер действий. Однако иногда это происходит совсем не так в некоторых учебных заведениях, где студенты вынуждены следовать навязанному лекторами темпу подачи материала и обычно получают отсроченный ответ, поскольку преподавателям требуется не менее одного дня для корректировки работ.

По сути, развитие программного обучения направлено на компьютеризацию преподавания, структурирование информации, проверку знаний, обучающихся и обеспечение мгновенной обратной связи с ними, без вмешательства человека, кроме как в разработке аппаратного и программного обеспечения, выборе и загрузке контента и оценки вопросов. Б.Ф. Скиннер начал экспериментировать с обучающимися машинами, использующими программное обучение, ещё в 1954

году. Обучающие устройства Скиннера были одной из первых форм компьютерного обучения [13, с. 100].

Электронное обучение в первую очередь передает образование через компьютерные и цифровые технологии, включая Интернет [4, с. 270], компьютер, спутниковое телевидение, CDROM, аудио- и видеоресурсы [5, с. 148]. Таким образом, электронное обучение может быть широко определено как использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для улучшения и поддержки обучения, которое может варьироваться от преподавателей и обучающихся, от использования электронной почты для общения до онлайн-курсов [1, с. 31].

Онлайн-обучение и виртуальная среда позволяют обучающимся придерживаться гибкого подхода к обучению, т.е. иметь доступ к учебным материалам, когда они хотят и где им это удобно. В тоже время студенты должны уделять гораздо больше времени на самостоятельную работу, чтобы успешно выполнить требования онлайн-курсов или онлайн-предметов, так как большая часть работы выполняется самостоятельно, без наблюдения и контроля преподавателя [14, с. 72].

Поскольку электронное обучение требует высокого уровня самодисциплины и индивидуального управления временем, оно может не подойти отдельным студентам. Обучающиеся, посещающие или изучающие предметы в режиме онлайн, должны быть высоко мотивированы, чтобы в полной мере использовать преимущества средств мультимедиа, поскольку часто опыт онлайн-обучения может быть безличным. Тем, кто ищет личного контакта и общения лицом к лицу лучше учиться в обычном классе, где они могут физически общаться с преподавателями во время занятий.

Одним из основных преимуществ онлайн-обучения является то, что электронное обучение предоставляет возможность обсуждения работы с другими студентами и преподавателями. Например, во время интерактивного «круглого стола» с применением виртуальной доски или (Google Jamboard, Padlet, Miro) [2, с. 11]. Обычно у них нет таких возможностей в традиционной аудитории, где время для вопросов минимально, а дебаты или дискуссии, которые студенты считают очень полезными для процесса обучения, редко проводятся.

Возможности, предлагаемые электронным обучением, часто выходят за рамки традиционных учебных планов, которые не успевают за изменениями в условиях реальной жизни и соответственно корректируют учебные программы и интересы обучающихся, применимые в цифровую эпоху.

Динамические изменения и применение новых моде-

лей обучения необходимы для обеспечения обучающихся образованием, отвечающим реальным потребностям, за которыми следует быстрое развитие информационных технологий; информационная и техническая грамотность является необходимым условием для интеграции в глобальное общество и адаптации к требованиям студентов [13, с. 100].

Специфика методики преподавания некоторых дисциплин, которая делает акцент на *аналитическом и практическом способе представления* различных процессов современной действительности, способствовала пересмотру содержания изучения и внедрению новых форм учебной деятельности и методов представления учебного материала. Для организации дистанционного обучения наиболее в вузах популярны следующие педагогические технологии:

- модульное – содержание дисциплины разбивается на информационные блоки из нескольких тем);
- технология укрупнения дидактических единиц – одновременное изучение нескольких информационных блоков);
- технология фреймового обучения – структурирование учебного материала с помощью системы «фреймов», равнозначных соединённых смысловыми связями информационных блоков, содержащих характерные атрибуты («слоты») [3, с. 199].

Проектирование среды электронного обучения связано с управлением когнитивной нагрузкой и повышением эффективности обучения [20, с. 211]. В последнем случае интерактивность играет важную роль, поскольку включение интерактивных элементов в обучение мотивирует обучающихся, реагируя на их действия и помогая им освоить и продемонстрировать знания, которые им транслируют преподаватели.

Интерактивность обучения в целом не следует смешивать с интерактивностью электронного обучения. Думается, что интерактивность обучения сосредоточена на взаимодействии между обучающимися и программными приложениями или системами электронного обучения, тогда как интерактивность электронного обучения относится к взаимодействию между студентами и содержанием электронного курса.

Следовательно, включение интерактивности связано не с множеством механических действий, а с продуманными, намеренными усилиями, чтобы студенты могли работать над достижением конкретных результатов обучения. Интерактивное обучение, если оно правильно структурировано, побуждает учащихся думать, анализировать, размышлять и эффективно учиться, поэтому его крайне важно тщательно разрабатывать [19, с. 1384].

Современное русло организации учебного процесса

меняется в отношении величины педагогического общения с обучающимися; происходит сдвиг в сторону самостоятельной работы студентов, фасилитации, возрастает роль координирующих функций педагога. Также необходимо изменить организацию методической деятельности, где большую роль играют информационно-коммуникационные технологии [18, с. 359].

Искусственный интеллект – это еще одна развивающаяся технология, которая начинает изменять образовательные инструменты и организации, а также менять представления о том, как в будущем может выглядеть образование. Искусственный интеллект уже применяется в образовании, в первую очередь в инструментари, помогающем развивать навыки, и в системах тестирования. Поскольку образовательные решения, включающие искусственный интеллект, продолжают появляться, считается, что он может помочь заполнить пробелы в обучении и преподавании и дать возможность учебным заведениям и преподавателям работать больше, чем когда-либо прежде.

Тем не менее большинство экспертов считают, что физическое присутствие незаменимо, произойдет много существенных изменений в работе преподавателей и лучших практик в образовании. Усовершенствование электронного обучения с помощью более комплексного социального опыта позволяет обучающимся взаимодействовать с друг с другом, как это происходит на занятиях в аудитории. Студенты могут выполнять групповые проекты и проводить время вне учебного заведения, обогащая свой опыт обучения. Виртуальная реальность уже улучшает некоторые аспекты электронного обучения. Компании, школы и университеты экспериментируют с этой технологией и пытаются понять, как лучше всего интегрировать виртуальную реальность в учебные программы. Искусственный интеллект является частью нашей повседневной жизни и все больше присутствует в мировых образовательных учреждениях. Используя такие инструменты, как *Siri, Amazon u Alexa*, возможности искусственного интеллекта в образовании только начинают реализовываться.

Инструменты искусственного интеллекта позволяют создавать глобальные классы, доступные для всех, включая тех, кто говорит на разных языках или пользуется ими, а также тех, кто может иметь нарушения зрения или слуха. Это открывает возможности для обучающихся, которые не могут регулярно посещать занятия в учебных заведениях, борющихся с хроническими заболеваниями, студентов с ограниченными возможностями, одарённых студентов или тех, кто ищет тему, недоступную в данной образовательной программе.

Искусственный интеллект поможет разрушить барьеры между обучением и традиционными занятиями.

Он предоставит возможность обучения в соответствии с личными потребностями и индивидуальными предпочтениями, а также возможностью выбора стиля, подходов и методик обучения.

На протяжении многих лет преподаватели стремятся помочь учащимся усвоить знания и эффективно учиться, принимая во внимание при этом их индивидуальные образовательные потребности [15, с. 108].

Это становится сложной задачей в перегруженной аудитории, где от каждого ожидается успешное прохождение одного стандартизированного теста, независимо от его способностей. Использование искусственного интеллекта способно изменить традиционную модель современного преподавания, которая соответствует стандарту, который должен применяться ко всем, в который должны вписываться все обучающиеся, независимо от индивидуальных различий и предпочтений. Алгоритмы машинного обучения уже начинают помогать преподавателям восполнять пробелы в знаниях, указывая на те участки дисциплины, с которыми студенты испытывают наибольшие трудности.

Персональный репетитор – это еще одна функция в образовательном процессе, которую чат-боты могут выполнять с легкостью, помогая обучающимся выявлять проблемные вопросы во время учебы посредством интервью. Полученная таким образом информация может затем использоваться для создания персонализированного учебного плана для каждого студента в отдельности. Чатботы будут сопровождать студентов от начала и до конца формализованного образования, фиксировать их прогресс, а также предоставлять обратную связь и предлагать свои рекомендации. Индивидуальные предпочтения в использовании искусственного интеллекта в аудитории заключается в привлечении к оценке тестов и других периодически повторяющихся задач. Искусственный интеллект в помощнике ассистента может преподавать предметы из учебной программы или предоставлять дополнительную информацию и количественные показатели, необходимые студентам для обучения, не нарушая естественного хода времени и не мешая остальным сотрудникам кафедры.

С развитием искусственного интеллекта становится возможным распознавание выражения лица, «компьютерное зрение» (*Computer vision, CV*), оценка движения, выделение на изображениях структур определенного вида, сегментация изображений, анализ оптического потока, что свидетельствует о том, что техника развивается до такой степени, что сможет распознавать чувства человека или эмоциональное состояние студентов. В дальнейшем системы смогут модифицировать занятие, чтобы адаптировать его к состоянию обучающегося.

Традиционно большая часть преподавателей по-прежнему ограничивается проведением лекционных занятий, которые подкрепляются презентациями Powerpoint. Эта методика отнимает много времени и может стать слишком скучной для студентов поколения Z, которые привыкли получать множество стимулов и имеют более короткую продолжительность внимания. Внедрение образовательных инноваций позволяет обучающимся оставаться вовлеченными и активными, взаимодействуя в ходе занятий. Конечно, эта стратегия требует от преподавателя дополнительной работы, связанной с подготовкой, планированием и реализацией. Однако полученные результаты подтверждают ее целесообразность.

Как представляется, обучающиеся вполне успешно реагируют на динамику дистанционного обучения. Некоторые элементы все еще требуют постоянных усилий, чтобы повлиять на вовлечение студентов, например, сопротивление участников относительно использования микрофона, чтобы задать вопрос или поделиться комментарием, они все еще полагают, что, высказывая устное мнение, они прерывают объяснение преподавателя. Необходимо разработать альтернативные варианты, при которых все обучающиеся смогут участвовать и взаимодействовать наиболее естественным и эффективным образом. Этого можно достичь, выделяя специальное время для дискуссий, планируя онлайн-форумы или предоставляя студентам возможность работать в небольших группах, где они взаимодействуют со своими сокурсниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуализация профессиональной мобильности современных специалистов через компетентностную модель выпускника / Н.С. Варфоломеева, Т.Н. Панкова, А.В. Варушкина, И.З. Багаев // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2022. – № 1. – С. 29-35. – DOI 10.18137/RNU.V925X.22.01.P029. – EDN QVGYFW.
2. Алферьева-Термисикос, В.Б. Оптимизация выбора организационных форм для дистанционного обучения / В.Б. Алферьева-Термисикос // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 2-2(65). – С. 10-12. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-2-2-10-12.
3. Алферьева-Термисикос В.Б. Применение технологии фреймового обучения в контексте искусственного интеллекта / В. Б. Алферьева-Термисикос // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 6-1(69). – С. 199-201. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-6-1-199-201.

4. Беляева, Ю.А. Использование интернет-ресурсов и аудиовизуальных средств в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе / Ю. А. Беляева // Научное обеспечение развития АПК в условиях импортозамещения: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава «Научное обеспечение развития сельского хозяйства и снижение технологических рисков в продовольственной сфере»: в 2-частях, Санкт-Петербург, 26–28 января 2017 года. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2017. – С. 270-273. – EDN YKJUN.
5. Беляева, Ю.А. Создание электронного пособия по агроинженерным специальностям с использованием метамоделей языка / Ю.А. Беляева // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей V Международной научно-практической конференции: в 2 т., Москва, 22–23 апреля 2021 года. Том 1. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – С. 148-155. – EDN AFLUZS.
6. Бобков, В.В. Гуманитарная значимость физической культуры в системе высшего профессионального образования / В.В. Бобков // Наука, образование, молодежь в современном мире: материалы международной научно-методической конференции. Формирование воспитательной составляющей гуманитарной образовательной среды; экологическая культура; физическая культура. Феномен гуманитарной культуры. Возрастание роли гуманитарных наук в системе инженерного технического образования; когнитивные науки, социокультурные функции науки. Современные педагогические теории гуманизации и гуманитаризации технического образования Коммуникации будущего - этика, культура, ответственность., Уфа, 26–27 мая 2016 года / Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина. Том Часть 3. – Уфа: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2016. – С. 10-14. – EDN XVKXJD.
7. Гукасян, С.Г. Оценка уровня общительности врачей-стоматологов и уровня взаимоотношений "врач-пациент" в условиях стоматологической поликлиники / С.Г. Гукасян, Л.Г. Толстунов // Актуальные вопросы стоматологии: Сборник тезисов межвузовской конференции, Москва, 14 марта 2018 года. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 55-58. – EDN XQDNNZ.
8. Гущин, А.Н. Закономерности формирования планировочной структуры территориальных зон в крупнейших городах / А.Н. Гущин, Н.В. Переверзева, С.И. Санок // – 2018. – № 3. – С. 27-37. – DOI 10.7256/2310-8673.2018.3.26339. – EDN YQOMUP.
9. Добрякова, М.С. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / М.С. Добрякова, И.Д. Фрумина; при участии К.А. Баранникова, Н. Зиила, Дж. Мосс, И.М. Реморенко, Я. Хаутамяки; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 472 с.
10. Еферова, А.Р. Инновационная образовательная среда вуза, как педагогическое условие развития критического мышления студентов / А.Р. Еферова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2(135). – С. 12-18. – EDN ZFEAXJ.
11. Жиронкина М.А. Специфика детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с особенностями психофизического развития // Вестник практической психологии образования. -2008. -№3. - С. 97-100.
12. Матвеева, Е.А. Развитие педагогической этики учителя как фактор повышения эффективности образовательного процесса / Е.А. Матвеева, А.Л. Золкин, М.С. Чистяков // Системный подход в воспитательном процессе: проблемы и инновации в условиях дистанционного обучения: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Кемерово, 22–23 апреля 2021 года. – Кемерово: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2021. – С. 205-219. – EDN GWBRPN.
13. Панкова, Т.Н. Профессиональная мобильность как неотъемлемая характеристика современного специалиста в системе непрерывного профессионального образования / Т.Н. Панкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2013. – № 1. – С. 99-102. – EDN QYTQHR.
14. Потенциал современных образовательных технологий: ресурсы, средства, сервисы / Т.Н. Панкова, А.А. Чухина, И.З. Багаев [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 8. – С. 70-74. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.08.20. – EDN PJNMZK.
15. Харченко, Н.Л. Основные этапы становления образования лиц с ОВЗ / Н. Л. Харченко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 108-112. – DOI 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.18. – EDN QEVVLX.
16. Хорохорина, Г.А. Средства формирования компетенций студенческой аудитории при организации самостоятельной работы / Г.А. Хорохорина, Е.В. Глухова // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном ВУЗе : материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции, Москва, 24 ноября 2016 года. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2017. – С. 296-302. – EDN XXPEEZ.
17. Хорохорина, Г.А. Функции преподавателя в образовательном ландшафте XXI в / Г.А. Хорохорина, Е.В. Глухова, В.М. Хорохорин // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – 2016. – № 4. – С. 1678-1683. – EDN ZDDLFC.
18. Effect of mesodiencphalic stimulation on adaptation to stress and academic performance of students / A.V. Yumashev, O.I. Admakin, A.S. Utyuzh [et al.] // International Journal of Learning and Change. – 2018. – Vol. 10. – No 4. – P. 359-367. – DOI 10.1504/IJLC.2018.10016003. – EDN YKTFZF.
19. Individual learning path for future specialists' development / E.A. Levanova, I.F. Berezhnaya, E.V. Krivotulova [et al.] // TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics. – 2019. – Vol. 8. – No 4. – P. 1384-1391. – DOI 10.18421/TEM84-40. – EDN TVJOWQ.
20. SWOT Analysis of Mobile Applications in the High Education E-Learning of the Chinese Language / M.A. Safonov, S.S. Usov, S.V. Arkhipov, L. P. Sorokina // ACM International Conference Proceeding Series: 12, Virtual, Online, 10–13 января 2021 года. – Virtual, Online, 2021. – P. 89-94. – DOI 10.1145/3450148.3450208. – EDN GKCWXB.

© Ван Юньдун (asp20vi239@susu.ru), Панкова Татьяна Николаевна (pankova@rgph.vsu.ru), Курклинская Элеонора Юрьевна (dom.vor@mail.ru), Абдуллаева Зулфия Рагим кызы (zulya5596@gmail.com), Фадеева Наталья Владимировна (fadeeva_natali@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ИТ НАПРАВЛЕНИЙ РАБОТЕ С ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫМ ИНОЯЗЫЧНЫМ ТЕКСТОМ

TEACHING STUDENTS OF INFORMATION TECHNOLOGY TO WORK WITH A PROFESSIONALLY- ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TEXT

**T. Gerasimenko
A. Shulzhenko**

Summary: This article touches upon the problem of teaching English to students studying at the faculties of information technology. The authors of the article believe that the text should form the basis of such a training. Attention is drawn to the special preparation of the teacher for classes and, first of all, to the introduction of a system of exercises in the educational process. The algorithm of working with texts at each stage of this process is shown, examples of exercises at the pre-text, text and post-text stages of teaching professionally oriented reading are provided.

Keywords: scientific text, IT-technologies, professionally-oriented training, language competence.

Герасименко Татьяна Леонидовна

Старший преподаватель, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Gerasimenko.TL@rea.ru

Шульженко Анна Александровна

Старший преподаватель, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Shulzhenko.AA@rea.ru

Аннотация: Данная статья затрагивает проблему обучения английскому языку студентов, обучающихся на факультетах информационных технологий. Авторы статьи считают, что основу такого обучения должен составлять текст. Обращается внимание на особую подготовку преподавателя к занятиям и, в первую очередь, к внедрению системы упражнений в учебный процесс. Показывается алгоритм работы с текстами на каждом из этапов этого процесса, приводятся примеры упражнений на предтекстовом, текстовом и послетекстовом этапах обучения профессионально-ориентированному чтению.

Ключевые слова: научный текст, ИКТ-технологии, профессионально-ориентированное обучение, языковая компетенция.

В последние годы возросла значимость обучения иностранному языку в контексте профессионально-ориентированного подхода. Прошло то время, когда иностранный (чаще всего английский) язык изучался в отрыве от будущей профессиональной коммуникации. Задача современной высшей школы – «обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области» [2, с. 96].

На рубеже XX-XXI веков прочно вошел в современную теорию и практику лингводидактики вопрос иноязычного образования студентов, обучающихся на факультетах информационных технологий. В настоящее время эта категория специалистов становится не просто востребованной, а жизненно необходимой. С каждым днём все более и более возрастает потребность в грамотных и высокопрофессиональных выпускниках информационных специальностей.

Обучение по данной специальности требует от студента полного «погружения» в профессию уже на первом курсе, что невозможно осуществить без хорошего знания английского языка. Для будущих IT-специалистов профессиональная иноязычная компетенция стала ключевой при поиске работы. Владение иностранными

языками помогает им контактировать с коллегами из зарубежных стран, обмениваться опытом, читать специальную литературу в оригинале [4, с. 41].

Большинство технологий профессионально-ориентированного обучения английскому языку, как правило, направлены на практическую деятельность обучающихся. Иными словами, подготовка специалистов в той или иной научной сфере ведется с позиций коммуникативного подхода, направленного на реальное общение коллег. В этом смысле студенты IT-специальностей стоят особняком, поскольку их будущая профессиональная деятельность требует большего общения с техникой, чем с людьми, в связи с чем для них в процессе изучения английского языка как языка профессиональной коммуникации наиболее значимым является работа с научным текстом.

Конечно, будущие IT-специалисты должны быть хорошо подготовленными и к участию и организации профессиональных проектов, и к взаимодействию с иностранными коллегами. Однако, если они не будут следить за новыми тенденциями в области информационных технологий, за развитием своей профессиональной сферы, читая специализированную литературу на языке

оригинала, то о карьерном росте придется забыть.

Итак, основной единицей иноязычного образования студентов IT-направлений является текст, предоставляющий интерес для специалиста сферы «Информационные технологии». Проблематика такого текста не должна затрагивать историю рождения компьютера, описание моделей разного рода гаджетов и биографий их создателей. Подобные темы современным студентам не интересны. Они ждут новейшей информации в области своей специализации с тем, чтобы проанализировать ее, обобщить и оценить.

Алгоритм работы с научными текстами по информационным технологиям практически не отличается от работы с другими профессионально-ориентированными текстами. Но учитывая тот факт, что специализация требует особых знаний в таких областях как программирование, информационные и коммуникативные технологии, компьютерные технологии и безопасность, то студенты IT-факультетов, в отличие от студентов других технических направлений, должны уже с первого курса учиться читать и переводить оригинальную техническую литературу по специальности, которая по большей части издается на английском языке [1, с. 480]. При отборе материала преподаватель должен руководствоваться: а) актуальностью информации; б) проблемным характером материала; в) авторитетностью источников (тексты не должны быть составлены авторами пособий, а взяты из реальных источников – печатных или электронных научно-популярных журналов, специализированных Интернет-сайтов, книг, написанных для профессионалов в данной области). Кроме текстов для чтения, учебный материал может включать «Словарь по информатике», схемы, таблицы, а также тренировочные упражнения для развития грамматических и лексических, навыков, навыков устной и письменной речи, аудио- и видеоматериалы. Тематика текстов достаточно разнообразна: *“Computer security”, “Internet applications”, “Programming languages”, “Cloud technology”, “Databases and database management systems”* и др.

Работа преподавателя по подготовке к изучению текстов вышеозначенной тематики включает три этапа. На первом этапе отбираются источники информации и сами тексты. При этом, как считают исследователи, «необходимо провести тестирование студентов, чтобы тексты и задания к ним не оказались слишком сложными» [3, с. 78]. Однако, как показала практика, молодые люди, которые выбрали профессию программиста, уже со школьных лет начинают заниматься профессионально-ориентированным английским языком, в связи с чем чтение оригинальной литературы у них не вызывает особых затруднений.

На втором этапе преподаватель разрабатывает систему упражнений, используя различные виды чтения – просмотровое, поисковое, ознакомительное, изучающее [3, с. 78].

Третий этап – разработка алгоритма работы с текстом, предполагающий чтение, выполнение лексических и грамматических упражнений, а также заданий творческого характера.

Сама работа с текстами также включает три этапа – предтекстовой, текстовой и послетекстовой.

На предтекстовом этапе студенты, в первую очередь, изучают терминологическую лексику по специальности, входящую в структуру текста. Просматривая текст, они подчеркивают незнакомые лексические единицы и пытаются сами определить их значение. В принципе, сделать это не сложно, потому что многие английские термины уже вошли в терминологическое поле русского языка. Семантику неизвестных лексических номинаций студенты пытаются определить самостоятельно, опираясь на лексикографические источники. При работе с лексическими единицами не стоит забывать и о национально-культурной специфике английской специализированной лексики и терминологии, ведь многие терминологические номинации исходного текста не имеют соответствий в русском языке и переводятся только описательно.

Следующий этап – текстовый. Освоив необходимые для понимания текста терминологические и другие специальные единицы, студенты переходят к чтению текста. Важной частью этого этапа является перевод фрагментов текста или всего текста целиком, который поможет становлению профессионального мышления студентов и обеспечит их готовность к практическому применению изучаемого материала в иной лингвокультурной среде.

На послетекстовом этапе работы с текстом студенты выполняют серию упражнений, связанных с содержанием текста и его тематикой. Например, *“Answer the questions using the information from the text”; “Find the English / Russian equivalents of the following words and word-expressions”; “Find the Russian equivalents for the abbreviations used in the text” “Comment on ...”; “What do you think ...”, etc.*

В процессе изучения английского языка на материале специальности нельзя забывать и об изучении грамматических явлений. Не зная видо-временных форм, особенностей использования активного и пассивного залога, единственного и множественного числа, можно неправильно интерпретировать текст.

Важной частью послетекстового этапа является дис-

куссия. Мы считаем, что работа с информацией по специальности только тогда даст результаты, если она будет внедрена в практику профессионального общения. Так, после изучения текста, посвященного сети Интернет, студентам можно предложить следующее задание, которое они должны выполнить в паре: *"Discuss the following with your partner. What are the ways of transferring data over the Internet? Do you happen to know about the changes in the amount of traffic for different protocols?"*

Итак, работа с текстом в процессе обучения студентов IT-специальностей английскому языку представляет собой целый комплекс мер по обеспечению формирования профессионально-ориентированной компетенции. Она развивает у студентов навыки устной и письменной речи; навыки перевода текстов, относящихся к информационно-технической деятельности; навыки сбора, анализа и критической оценки информации, полученной из профессиональных англоязычных источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короткая М.В. Обучение IT-студентов профессионально-ориентированной лексике // Интерактивный научно-методический журнал «Сообщество учителей английского языка». – 2013. – № 3. – С. 1-9.
2. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 96-106.
3. Шудегова Д.В. Обучение профессионально-ориентированному чтению на предтекстовом этапе студентов магистратуры экономического профиля в электронной информационной образовательной среде // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2021. – Том 10. – № 38. – С. 77-83.
4. Чиж Р.Н. Специфика профессионально-ориентированного иноязычного обучения в профильном высшем учебном заведении // Преподавание иностранного языка в профессиональном контексте: традиции, инновации, перспективы: материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2021. – С. 41-48

© Герасименко Татьяна Леонидовна (Gerasimenko.TL@rea.ru), Шульженко Анна Александровна (Shulzhenko.AA@rea.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Дерзян Владислава Евгеньевна

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия
vladislavad98@bk.ru*

MODELLING PREVENTION OF PERSONAL HELPLESSNESS IN PRIMARY SCHOOL

V. Derzyan

Summary: Modern children tend to show personal helplessness, which requires modelling its prevention in primary schools, as the research aim states. To achieve this aim, the author explores the concept of personal helplessness, which is based on the learned helplessness phenomenon; defines the role of the school system to develop students' personal helplessness; highlights factors to determine personal helplessness in the learning environment: the regulated assessment system, pedagogical impact (the teacher-student relations), and social interaction with a group (class). All these factors are involved in preventing helplessness, which results in building a four-block model of preventing personal helplessness in the learning environment of primary schools. The target block includes the objective, approaches, and tasks to increase the level of primary school students' independence (subjectivity); the cognitive, motivational, emotional, and volitional components constitute the content block; the technological block involves the programme to prevent primary school students' personal helplessness "The Independent I"; there is a high, average, or low level of each component of the personal helplessness phenomenon in the analytical and reflexive block.

Keywords: learned helplessness, personal helplessness, school education, primary school students, prevention.

Аннотация: Современные дети имеют склонность к проявлению личностной беспомощности, в связи с чем требуется моделирование ее профилактики в начальной школе. Для достижения указанной цели рассмотрена сущность концепции личностной беспомощности, в основе развития которой лежит феномен выученной беспомощности; определена роль образовательной системы в формировании личностной беспомощности учащихся; выделены факторы, детерминирующие личностную беспомощность в образовательной среде: регламентированная оценочная система, педагогическое воздействие (отношения ученик-учитель) и социальное взаимодействие с группой (классом)). Все эти факторы учитываются в профилактике беспомощности, в связи с чем составлена четырехблочная модель профилактики личностной беспомощности в образовательной среде начальной школы. В целевой блок включена цель, подходы и задачи для повышения уровня самостоятельности (субъектности) младших школьников; к содержательному блоку отнесены когнитивный, мотивационный, эмоциональный и волевой компоненты феномена личностной беспомощности; в технологическом блоке отмечена программа профилактики личностной беспомощности у учащихся начальной школы «Самостоятельный Я»; в аналитико-рефлексивном блоке определяется высокий, средний, низкий уровни по каждому из компонентов феномена личностной беспомощности.

Ключевые слова: выученная беспомощность, личностная беспомощность, школьное образование, младшие школьники, профилактика.

В современной психологической науке изучение ментального здоровья представляет особый интерес. В исследовании внимание следует уделять не только факторам, способствующим становлению психологического благополучия (психологическая устойчивость, самостоятельность, жизнестойкость, стрессоустойчивость и др.), но и тем наследуемым и/или приобретаемым качествам личности, которые вносят негативные изменения в ментальную структуру индивида. К таким качествам личности стоит отнести личностную беспомощность.

Современные дети часто находятся в дефиците коммуникационной и двигательной активности, в недостаточном уровне взаимодействия со сверстниками и значимыми взрослыми, несформированности адаптивных форм копинг-поведения. Как следствие они имеют склонность к проявлению личностной беспомощности и уже в младшем школьном возрасте проявляют недостаточную сформированность показателей учебно-познавательной деятельности.

Профилактика личностной беспомощности в начальной школе позволяет повысить у учащихся уровень осознания значимости учебно-познавательной деятельности и ориентировки в трудной учебной задаче [2]. Моделирование указанной профилактики представляется важной целью исследования. Оно требует понимания концепции личностной беспомощности и составления модели профилактики личностной беспомощности в образовательной среде начальной школы, которые выступают задачами текущего исследования.

Концепция личностной беспомощности

В основе развития концепции личностной беспомощности лежит феномен выученной беспомощности, под которым понимают психологическое состояние, возникающее в результате невозможности организмом избежать воздействия неприятных стимулов и проявляющееся специфическими дефицитами [3]. Теория выученной беспомощности претерпела смещение с бихевиористического направления на когнитивное и начала рассма-

тривать не только ранее обозначенные компоненты в качестве причин возникновения состояния беспомощности. Среди них неподконтрольность события (отсутствие зависимости между поведением испытуемых и результатом), неприятное (травмирующее) воздействие, непредсказуемость. К указанным причинам также относятся такие важные составляющие, как индивидуальные причинные атрибуции и локус контроля [5; 6].

В реальной жизни беспомощности начали уделять более пристальное внимание, в связи с чем возникла необходимость введения в психологическую науку отдельного термина «личностная беспомощность». На основе эмпирических данных Д.А. Циринг сформулировала концепцию личностной беспомощности, которая представляет собой совокупность личностных особенностей человека в сочетании с пессимистическим атрибутивным стилем, депрессивностью и тревожностью, а также определенными поведенческими особенностями (пассивность, равнодушие, отсутствие увлеченности каким-либо процессом) [4].

Наиболее важным фактором формирования личностной беспомощности автор концепции называет травмирующие отношения как нарушения в системе семейных взаимоотношений. Семья – это первая в жизни человека социальная группа, благодаря которой он приобщается к ценностям культуры, развивается как личность и осваивает первые социальные роли [1]. Тем не менее социальная среда человека не ограничивается семейными взаимоотношениями, и каждый отдельный возрастной этап индивида сопровождается пребыванием в определенных социальных условиях образовательной среды.

Стоит уделить особое внимание образовательной системе начального общего образования, поскольку младший школьный возраст сопровождается кризисом, в котором происходит формирование осознания своего социального «Я». Негативные выводы, установки, пережитые травмирующие неподконтрольные события не проходят бесследно и могут определить все дальнейшие взаимоотношения человека с социумом. Именно период данного возрастного кризиса приходится на 1–2 класс школьной образовательной системы. В отличие от семейной системы образовательная система характеризуется наличием регламентированной установленной оценочной системы, управление которой осуществляет педагог. Кроме того, образовательная система предполагает постоянное нахождение и тесное взаимодействие индивида с кругом своих сверстников.

Эти особенности описывают факторы, детерминирующие личностную беспомощность в образовательной среде (наличие регламентированной оценочной системы, педагогическое воздействие (отношения ученик-учитель) и тесное социальное взаимодействие с опреде-

ленной и относительно постоянной группой (классом)). Все эти факторы как в связанной совокупности, так и независимо друг от друга имеют непосредственное значение в средовой природе личностной беспомощности и учитываются в профилактике беспомощности. Для этого целесообразно смоделировать психолого-педагогическое взаимодействие с младшими школьниками в ходе внеурочной деятельности в целях формирования их психологической самостоятельности (субъектности).

Модель профилактики личностной беспомощности в образовательной среде начальной школы

Разработка модели профилактики личностной беспомощности у учащихся начальной школы – сложный, многоступенчатый процесс, предусматривающий изучение, теоретическое обоснование и апробирование программы исследуемой профилактики. Указанная модель, конечная цель которой предполагает самостоятельность (субъектность) младших школьников, состоит из четырех блоков: целевого, содержательного, технологического и аналитико-результативного.

Целевой блок представляет собой этап целеполагания в текущем исследовании: в него включена цель, подходы и задачи, решаемые по ходу выполнения исследования. В частности, планируется выявление уровня самостоятельности младших школьников, профилактика формирования личностной беспомощности, содействие сохранению ментального здоровья в образовательном процессе. С этой целью выделены задачи: теоретически изучить феномен личностной беспомощности применительно к младшему школьному возрасту; разработать и апробировать программу профилактики личностной беспомощности у учащихся начальной школы; организовать и проанализировать опытно-экспериментальную работу по апробированию программы профилактики личностной беспомощности в начальной школе; разработать психолого-педагогические рекомендации по профилактике личностной беспомощности младших школьников в образовательной системе.

К *содержательному блоку* отнесены составляющие феномена личностной беспомощности: когнитивный компонент (отношение, установки, позиции младшего школьника в жизненных ситуациях); мотивационный компонент (мотивы и семейные ценности); эмоциональный компонент (чувства, эмоции); волевой компонент (способность к преодолению, выдержка).

В *технологическом блоке* представлена программа профилактики личностной беспомощности у учащихся начальной школы «Самостоятельный Я», которая включает апробированный диагностический инструментарий для выявления детей «группы риска», склонных к

проявлению признаков личностной беспомощности, тематические занятия по формированию навыков самостоятельности и ответственности, тренинговые занятия с диагностированной «группой риска». Программа «Самостоятельный Я» может быть использована педагогами-психологами образовательных организаций, педагогами дополнительного образования и развития детей, а также как отдельный вид психолого-педагогического воздействия в детско-родительских отношениях.

В качестве цели программы называется повышение уровня психологической готовности детей младшего школьного возраста к самостоятельной деятельности, целеполаганию, преодолению, выдержке и гармоничному становлению личностной позиции. Реализация данной программы осуществима на следующих этапах: подготовительном, диагностическом, просветительском, коррекционно-развивающем. В ходе индивидуальных и групповых форм занятий применимы методы для проведения психодиагностических и психопрофилактических мероприятий: анкетирование, тестирование, беседы, тренинги, обучающие лекции.

В результате реализации указанной программы ожидается повышение уровня самостоятельности (субъектности) младших школьников. Определяется высокий, средний и низкий уровни по каждому из компонентов

феномена личностной беспомощности, согласно содержанию аналитико-рефлексивного блока модели.

Заключение

Включение в средовую природу личностной беспомощности образовательной системы, изучение детерминирующих ее факторов позволяет создать основу для точного оказания помощи в профилактике и коррекции состояний тех младших школьников, которые наиболее подвержены риску формирования личностной беспомощности. В связи с этим моделирование профилактики личностной беспомощности в начальной школе – это залог повышения уровня их самостоятельности (субъектности), осознания значимости учебно-познавательной деятельности и ориентировки в трудной учебной задаче.

Апробация рассматриваемой модели требует привлечения усилий педагогического коллектива и администрации школы, родителей (или лиц их заменяющих). Это необходимо для того, чтобы разностороннее воздействие участников образовательного процесса могло помочь усилить положительные воздействия: педагогическое (отношения ученик-учитель) и социальное (с классом), а также нивелировать отрицательные влияния регламентированной оценочной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова Г.И. Психология семейных отношений: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. 63 с.
2. Фролов Е.А. Выученная беспомощность и пути ее преодоления у младших школьников: на примере консультативного случая // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2022. № 2. С. 61-73.
3. Циринг Д.А. Психология выученной беспомощности: учеб. пособие. М.: Академия, 2005. 120 с.
4. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия, 2010. 410 с.
5. Hiroto D.S., Seligman M.E.P. Generality of learned helplessness in man // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. Vol. 31. P. 311-327.
6. Seligman M.E.P. Depression and learned helplessness // The psychology of depression: contemporary theory and research. Washington, DC: Winston. 1974. P. 83-113.

© Дерзян Владислава Евгеньевна (vladislavad98@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИСКУССИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

DISCUSSION AS AN EFFECTIVE METHOD OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF STUDENTS GENERAL CULTURAL COMPETENCIES

*E. Dineikina
L. Meier*

Summary: The effectiveness of the discussion within the framework of the work of the student scientific society in the formation and development of general cultural competencies of students is substantiated. Its possibilities are considered as one of the methods of active learning, and the conditions that allow realizing these possibilities. The importance of holding events focused on philosophical problems in student scientific societies is emphasized and examples of specific round tables using this method are given. The discussion is considered not only as a way to activate oral communication skills and the ability to build speech logically correctly, but also as an effective means for the formation and development of the ability to analyze worldview, socially and personally significant philosophical problems, readiness for a tolerant perception of social and cultural differences. The discussion is considered as a form of collective mental activity that can be used in various educational situations.

Keywords: discussion, active learning methods, round table, general cultural competencies.

Динейкина Екатерина Владимировна

старший преподаватель, Пятигорский
медико-фармацевтического институт – филиал ФГБОУ
ВО ВолгГМУ Минздрава России
dineikina_katia@mail.ru

Мейер Лариса Хамитовна

к.социол.н., доцент, Пятигорский
медико-фармацевтический институт –
филиал ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России
lara_m2013@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается эффективность дискуссии в рамках работы студенческого научного общества при формировании и развитии общекультурных компетенций учащихся. Рассматриваются её возможности, как одного из методов активного обучения, и условия, позволяющие реализовать данные возможности. Подчеркивается важность проведения мероприятий, ориентированных на философские проблемы в студенческих научных обществах, и приводятся примеры конкретных круглых столов с использованием данного метода. Авторы рассматривают дискуссию не только как способ активизации навыков устного общения и способности логически верно строить речь, но и как эффективное средство для формирования и развития умения анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы, готовности к толерантному восприятию социальных и культурных различий. Дискуссия – это форма коллективной мыслительной деятельности, которая может быть использована в различных учебных ситуациях.

Ключевые слова: дискуссия, методы активного обучения, круглый стол, общекультурные компетенции.

Введение

Современное высшее образование невозможно представить без внедрения актуальных технологий, которые предполагают использование методов обучения, позволяющих учащимся приобретать знания, а также самостоятельно участвовать в процессе обучения. При этом их деятельность является созидательной и результативной. Методы активного обучения направлены на развитие у студентов самобытности, независимости и самостоятельности в суждениях, способности компетентно решать неординарные задачи и осуществлять поиск ответов на поставленные вопросы. В своём исследовании Пашкин С.Б. и Лисовская Н.Б. [1] отмечают, что у студентов 1 и 4 курсов наиболее выражены социально-психологические установки, ориентированные на свободу, процесс и результат, а также подчёркивают значимость на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов ценность самостоятельности и поскольку данным методам присущи активность познавательной деятельности обучаемых и

ориентированность на диалектический анализ, мы считаем несомненно эффективным использование методов, обозначенных выше.

В своей профессиональной деятельности преподаватель использует группу методов, которые отвечают конкретной учебной дисциплине, а также максимально эффективно выполняют поставленные дидактические задачи. Безграничный потенциал методов активного обучения предоставляется такой формой занятий, как круглый стол. И одним из наиболее эффективных методов в его проведении является метод дискуссии. Основой данного метода является коллективное обсуждение проблем в обстоятельствах, имитирующих функционал научных сотрудников. Активная познавательная деятельность позволяет студенту актуализировать, корректировать и фиксировать ранние знания, восполнять информационные пробелы, формировать умение аргументировать точку зрения, оттачивать мастерство вести дискуссии, повышать самооценку. В большинстве случаев, дискуссия требует самостоятельной работы с

дополнительными материалами, поиска проблем и вопросов для следующего обсуждения, доводов за или против. Базис метода – предметная дискуссия, в ходе которой происходит коллективное обсуждение вопроса или проблемы, сопоставление и обобщение информации, выявление связей между практическими задачами и теоретическими знаниями. На данной основе формируются нужные социальные качества специалиста, студенты получают реальную практику формулирования собственной точки зрения, её аргументации, т.е. осваивают процесс превращения информации в знания и знаний во взгляды и убеждения. Анализ современных тенденций развития общества и системы высшего образования делает очевидной важность эвристического подхода, который формирует общекультурные компетенции будущих специалистов, развивает продуктивное мышление, помогает составить представления о своей жизненной позиции, осознать себя цельной личностью. Трансформация высшего образования должна быть связана с развитием творческого потенциала студентов, поскольку творческая составляющая напрямую связана с понятием креативности – способности расширять видение проблем и искать варианты их решения.

Развитие креативности студентов – актуальная тема, поскольку в профессиональной сфере необходима личность, мыслящая нешаблонно, принимающая обоснованные решения в нестандартных ситуациях, обладающая собственным компетентным мнением.

Современные публикации свидетельствуют о том, что основная задача нынешнего образования – соответствие актуальным и перспективным потребностям общества, подготовка разносторонней личности, а также развитие и формирование общекультурных компетенций студентов средствами иностранного языка. Одним из путей формирования и развития общекультурных компетенций студентов в условиях модернизации образования является использование на занятиях по иностранному языку методов проблемного обучения. Обратим внимание также на развитие коммуникативной компетенции и отметим, что она предполагает не только формирование таких качеств как коммуникабельность, но и развитие у студентов практических умений, способности управлять своей учебной деятельностью. Неоспоримую важность коммуникативно-ценностной функции в рамках социального интеллекта подтверждают Пагаева Э.В. и Верещагина М.В. [2].

Цель настоящего исследования – доказать на практике, что дискуссия в рамках круглого стола является эффективным методом формирования и развития общекультурных компетенций студентов.

Материалы и методы

Методологической основой данной работы являются методы теоретического обобщения и анализа психологической и педагогической литературы по проблеме исследования. Также опирались на опыт коллег [3] и собственные апробации данного метода в различных учебных ситуациях [4].

Результаты и обсуждение

Для развития и формирования общекультурных компетенций студентов преподавателями кафедры иностранных языков используются интерактивные и активные технологии (проект, ролевая игра, круглый стол, case-study, дискуссия и др.). Одним из способов активизации умения устного общения студентов является проведение круглого стола – наиболее популярная форма занятий, при которой в непринужденной обстановке студенты обмениваются мнениями по разным вопросам, обсуждение которых часто проводится с помощью мультимедийных презентаций. Отметим, что выбор тем для проведения круглого стола обусловлен не только целостным и разносторонним формированием личности студентов, но и индивидуальным интересом. Таким образом, круглый стол как познавательная форма деятельности помогает сформировать умения решать проблемы, укреплять позиции и вести дискуссию при помощи аргументации соображений, отстаивания убеждений и изложения мысли.

Рассмотрим детально, как проходил круглый стол в Пятигорском медико-фармацевтическом институте в декабре 2020 года [5]. В круглом столе участвовали студенты 1-2 курсов, специальности «Фармация», каждый доклад сопровождался презентацией. Студенты подготовили содержательные презентации, которые помогали нагляднее представить заявленную тему. В процессе подготовки к докладу студенты работают с большим объемом информации на иностранном языке, что, безусловно, обогащает их словарный запас, расширяет кругозор, знания по теме. Кроме того, студенты учатся вести диалог, корректно задавать вопросы. Поскольку презентацией своего доклада деятельность не ограничивалась, каждому докладчику после выступления задавали вопросы. Ключевым был «Этична ли эвтаназия?» с той или иной позиции и по причине невозможности дать однозначный ответ участники дискутировали, спорили, доказывали. Чтобы продуктивная дискуссия проходила активно, необходимо настроить слушателей на обмен мнением и поддерживать свободное обсуждение. Необходимым условием проведения продуктивной дискуссии являются личные знания, приобретаемые учащимися в процессе самостоятельной работы и на предыдущих занятиях. Так, в данном случае были освещены различные аспекты: эвтаназийный туризм, эвтаназия в разных

странах, судебные прецеденты, законодательство стран мира об эвтаназии по медицинским показаниям и пр.

Важно подчеркнуть, что выбранная тема соответствует специальности обучающихся, так как в рамках изучения дисциплины «Философия» студенты медико-фармацевтического института касаются и рассмотрения биоэтики, что в свою очередь учитывает особенности профессиональной деятельности.

Поскольку мероприятие проводилось для студентов медико-фармацевтического института, особый интерес вызвали доклады непосредственно о самой процедуре, используемых препаратах, связи эвтаназии и психических заболеваний, отказ от медицинского вмешательства в России. Одним из наиболее обсуждаемых стал вопрос «Противоречит ли эвтаназия клятве Гиппократата?». Несмотря на разнообразие мнений и остроту вопроса, студенты смогли остаться в рамках дискуссии.

Говоря не о технической, а о этической стороне темы – то наиболее продуктивными темами стали Гронингенский протокол и отношение мировых религий к эвтаназии. Тема «Активное прекращение жизни новорожденных» позволила нам обсудить вопросы, связанные с нравственными аспектами жизни человека и его правами. А так как Северный Кавказ является регионом, в котором проживают различные группы верующих, мы имели возможность выслушать субъективные взгляды христиан, мусульман и буддистов с точки зрения именно религии. Таким образом, представители указанных конфессий учились вести аргументированную дискуссию, подкрепляя утверждения своими знаниями.

Поэтому не менее важна подготовка студентов к проведению дискуссии: изучение или повторение теоретического материала по рассматриваемой теме, ознакомление с дополнительной информацией, выделение интересных вопросов для обсуждения. Для этого студентам предварительно даются задания для подготовки сообщения.

Выводы

Если сравнивать цели и задачи круглых столов прошлых лет, то мы приходим к выводу, что рамки познавательных интересов можно расширить и углубить на

примере данного круглого стола. Поскольку темой этого мероприятия была этичность эвтаназии, студенты в основном делали доклады, которые были близки их специальности. Необходимо отметить, что проведение такого мероприятия не только расширяет кругозор студента, повышает уровень интеллектуального развития, приучает его грамотно вести беседу на определенную тему, расширяет его словарный запас, но и даёт определённые познания в сфере биоэтики и философии, то есть в рамках одного мероприятия мы охватываем специфику не одной дисциплины, что позволяет нам говорить о кросс-функциональности [6].

Под общекультурной компетентностью личности мы понимаем совокупность знаний, навыков, элементов культурного опыта, позволяющих свободно ориентироваться в социальном и культурном окружении и оперировать его элементами. В контексте мероприятия были проработаны следующие аспекты:

- смысловой – адекватное осмысление ситуации на основе имеющихся культурных образцов понимания и оценки;
- проблемно-практический – адекватность распознавания ситуации, постановки и эффективного выполнения целей, задач, норм;
- коммуникативный – адекватное общение с учетом соответствующих культурных образцов взаимодействия.

В рамках данного круглого стола студенты продемонстрировали свои общекультурные компетенции – способность к адекватному осмыслению, практическому решению и коммуникативному выражению.

Круглый стол – это оригинально построенный обучающий процесс, который приучает креативно мыслить на изучаемом языке. Практика проведения мероприятий в таком формате позволяет существенно расширить границы общения между обучающимися, снять дефицит коммуникаций между обучающимися, развить коммуникативные возможности преподавателей и студентов и повысить качество учебных процессов. Внедрение подобного формата может стать дополнительной мерой поддержкой студенческой среды, которая способствует развитию гуманитарного знания и популяризации иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашкин С.Б., Лисовская Н.Б. Особенности психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов на разных этапах обучения в вузе // Образовательный вестник "Сознание". – 2022. Т.24. №12. – С. 17-28. Doi: 10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-12-17-28.
2. Пагаева Э.В., Верещагина М.В. Теоретические подходы к изучению социального интеллекта // Образовательный вестник "Сознание". – 2022. – Т.24. – №11. – С. 74-82. Doi: 10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-11-74-82.

3. Кузнецова Н.В., Черкасова Г.В., Саркисян Л.Т. Использование методов активного обучения в процессе преподавания латинского языка студентам медицинской и фармацевтической специальностей в Пятигорском медико-фармацевтическом институте / Современные наукоёмкие технологии. – 2022. – № 9. – С. 144-149.
4. Динейкина Е.В., Василенко Е.А. Круглый стол как способ решения проблемы избыточного применения биологически активных добавок поколением Z / Е.В. Динейкина, Е.А. Василенко // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 9 (101). – С. 127-131.
5. Официальный сайт Пятигорского медико-фармацевтического института (ПМФИ) – филиала Волгоградского государственного медицинского университета (ВолгГМУ) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pmedpharm.ru/news/2021-12-11-01.html>. (дата обращения: 31.12.2023).
6. Динейкина Е.В., Василенко Е.А. Реализация техники кросс-функциональной коммуникации в современном высшем образовании / Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 4 (96). – С. 183-187.

© Динейкина Екатерина Владимировна (dineikina_katia@mail.ru), Мейер Лариса Хамитовна (lara_m2013@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России

ВАРИАЦИИ РАЗВИТИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МАЛЬЧИКОВ 11-12 ЛЕТ

VARIATIONS IN THE DEVELOPMENT OF MOTOR ABILITIES OF BOYS AGED 11-12

**E. Kelazeva
D. Piskova
A. Rodioniva**

Summary: In the course of the study, four factors of the development of the motor sphere of boys aged 11-12 years were identified: acceleration of the growth of the capacity of the aerobic source and heterogeneity of muscle energy against the background of a weakening of the power of the phosphagenic component; acceleration of increases in overall endurance due to increased growth of the capacities of mixed and aerobic components; delayed (or accelerated) morphofunctional development; increased breadth (or narrowness) of the chest.

The patterns are a reflection of the sensitive periods of development of the motor sphere of fifth graders who are at different stages of biological maturation. It is shown that the manifestation of patterns differs in locality and is determined by the pace of morphofunctional development and the formation of narrow-wide complexity. For each variation of the development of motor capabilities, physical activities corresponding to latent patterns of development (factors) are proposed.

Keywords: motor capabilities, developmental factors, muscular bioenergetics, morphofunctional and typological development, adequate physical activity.

Келазева Елена Александровна

ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»

Пискова Дина Михайловна

к.п.н, доцент, ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет»
pidimi@yandex.ru

Родионова Анастасия Игоревна

доцент, ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет

Аннотация: В ходе исследования выявлены четыре фактора развития двигательной сферы мальчиков 11-12 лет - ускорение роста емкости аэробного источника и гетерогенность мышечной энергетики на фоне ослабления мощности фосфагенного компонента; ускорение приростов общей выносливости за счет усиления роста мощностей смешанного и аэробного компонентов; замедленное (или ускоренное) морфофункциональное развитие; усиление широтности (или узкосложенности) грудной клетки.

Закономерности являются отражением чувствительных периодов развития двигательной сферы пятиклассников, находящихся на разных этапах биологического созревания. Показано, что проявление закономерностей отличается локальностью и определяется темпами морфофункционального развития и формированием узко-широко-сложенности. Для каждой вариации развития двигательных возможностей предложены физические нагрузки, соответствующие латентным закономерностям развития (факторам).

Ключевые слова: двигательные возможности, факторы развития, мышечная биоэнергетика, морфофункциональное и типологическое развитие, адекватные физические нагрузки.

Актуальной проблемой практики физического воспитания является понимание педагогом объективных требований, предъявляемых к ученикам в соответствии с их возрастными и индивидуальными особенностями развития, лежащими в основе двигательных возможностей.

Двигательные возможности определяются комплексом морфофункциональных свойств (типом биологической конституции, биологическим возрастом), биомеханическими особенностями, типом и темпом развития мышечной энергетики, уровнем развития физических качеств и двигательных навыков, состоянием здоровья, а также индивидуальными личностными особенностями. Весь этот интегральный комплекс позволяет производить «...результативную двигательную деятельность, понимаемую как вид целенаправленных двигательных действий с заданными критериями и параметрами» [6]. Проявлениями двигательной деятельности принято считать двигательные качества.

Двигательные качества и степень их развития (структура моторики, двигательный профиль), а также энергетические характеристики мышечной деятельности (емкость и мощность энергоисточников, работоспособность, энергетический профиль) зависят от морфофункциональных особенностей [2, 3, 4, 8]. Бальсевич [1, 7] обращает внимание на понятие «двигательного потенциала», определяя его как системно-функциональный комплекс двигательных умений и навыков, обеспечиваемый морфофункциональными, биомеханическими и психологическими особенностями. Ученый подчеркивает, что двигательный потенциал обеспечивает развитие двигательных возможностей, но является более узким понятием.

Двигательные качества в купе с высокой интенсивностью успешного освоения двигательных действий, основанных на этих качествах, образуют двигательные способности, которые, в значительной степени, и определяют уровень двигательных возможностей. Между тем, двигательные способности и двигательные возможности не яв-

ляются идентичными, - их разделяет степень реализации двигательных способностей, которая, в свою очередь, может определяться мотивацией, функциональными и адаптационными способностями, возрастными особенностями развития, состоянием здоровья и внешними условиями [3, 4, 7, 9, 10]. Под влиянием естественного развития двигательных способностей происходит возрастное преобразование двигательных возможностей.

Двигательные возможности разделяют на актуальные (реальные), выявляемые посредством двигательного тестирования; и потенциальные (скрытые), выявляемые посредством лонгитюдных наблюдений [7].

Известно [1, 4, 8], что до 10-13-летнего возраста дети обладают высокой консолидацией двигательных структур вследствие интенсивного развития периферического и центрального аппарата нервной системы, позволяющей успешно осваивать сложнокоординационные двигательные действия. После 13 лет расширение двигательных возможностей происходит за счет естественного и целенаправленного развития двигательных качеств, интенсивного морфофункционального развития и развития энергетического аппарата мышечной деятельности. Между тем, приводимые возрастные границы носят среднестатистический характер и не учитывают индивидуальные темпы развития детей, становление морфотипа и его диспластический характер у 40% детской популяции. Так, Р.В. Тамбовцева [3] на основе лонгитюдных исследований показала гетерохронность созревания мышечной энергетике, основных тканевых компонентов тела, а также варианты перехода неустойчивых детских морфотипов у школьников в период 7-17 лет. Все эти факторы определяют вариативное развитие двигательных возможностей у детей одного возраста.

Задача исследования – выявить главные тенденции, определяющие возрастные вариации развития двигательных возможностей мальчиков 11-12 лет.

Материалы и методы

В исследовании принимали участие 35 мальчиков 11-12 лет, учеников 5 класса. Все мальчики по состоянию здоровья отнесены к основной группе.

Для определения двигательных возможностей использовались стандартная батарея двигательных тестов, характеризующих двигательные способности (бег 60м, челночный бег 3x10м, прыжок в длину с места, сгибания рук из виса на перекладине, бег 800м); антропометрические измерения, характеризующие морфофункциональное развитие (длина тела, масса тела, окружность грудной клетки; антропометрические индексы – грудной индекс, индекс массы тела); эргометрическое тестирование (методика Мюллера в модификации И.А. Корниенко, В.Д. Сонькина [5]. В основе расчетов лежит уравнение

Мюллера: $t_{\text{предельное}} = e^b/V^a$, а также индивидуальные результаты мальчиков в беге на короткую (60м) и длинную (800м) дистанцию: $a = (\ln t_2 - \ln t_1) / (\ln V_1 - \ln V_2)$; $b = \ln t_1 + a \ln V_1$, где e – основание натурального логарифма, t_1, t_2 – время бега на короткую и длинную дистанцию, V_1, V_2 – скорость бега на короткую и длинную дистанцию.

Физиологический смысл расчетных показателей следующий: коэффициент «а» - соотношение аэробного и анаэробного источников биоэнергетики; коэффициент «b» - аэробная емкость; V_{max} – мощность фосфагенного источника (м/с); V_{40} – мощность лактацидного источника (м/с); V_{240} – мощность смешанного (аэробно-гликолитического) компонента (м/с); V_{900} – мощность аэробного источника (м/с); $\ln S$ – общая мышечная работоспособность; $F = V_{40}/V_{\text{max}}$, $G = V_{240}/V_{40}$, $A = V_{900}/V_{240}$ – показатели структурированности мышечной энергетике [3].

В обработке данных применялись компонентный анализ, кластерный анализ, регрессионный анализ (множественная регрессия), дескриптивная статистика. Вычисления производились на основе пакета Statistika.

Результаты

В результате кластерного анализа дети разделились на четыре группировки (кластера), в каждом из которых представлены комбинации разных факторов, определяющих развитие двигательных возможностей (рисунок 1, таблица 1).

На рисунке 2 представлены четыре главных эндогенных фактора развития двигательных возможностей и их факторные признаки, характеризующие 85% выборки.

К главным факторам развития двигательных возможностей 11-12-летних мальчиков относятся:

1. Замедление роста емкости аэробного источника, гомогенность мышечной энергетике на фоне усиления мощности фосфагенного компонента (в инвертированном виде – ускорение роста емкости аэробного источника и гетерогенность мышечной энергетике на фоне ослабления мощности фосфагенного компонента) - 42% общей дисперсии.
2. Замедление прироста общей выносливости за счет ослабления роста мощностей смешанного и аэробного компонентов энергообеспечения (в инвертированном виде – ускорение приростов общей выносливости за счет усиления роста мощностей смешанного и аэробного компонентов) - 24% общей дисперсии.
3. Замедленное морфофункциональное развитие (ускоренное морфофункциональное развитие) – 11% общей дисперсии
4. Усиление широтности грудной клетки (усиление узкосложенности ГК) – 8% общей дисперсии.

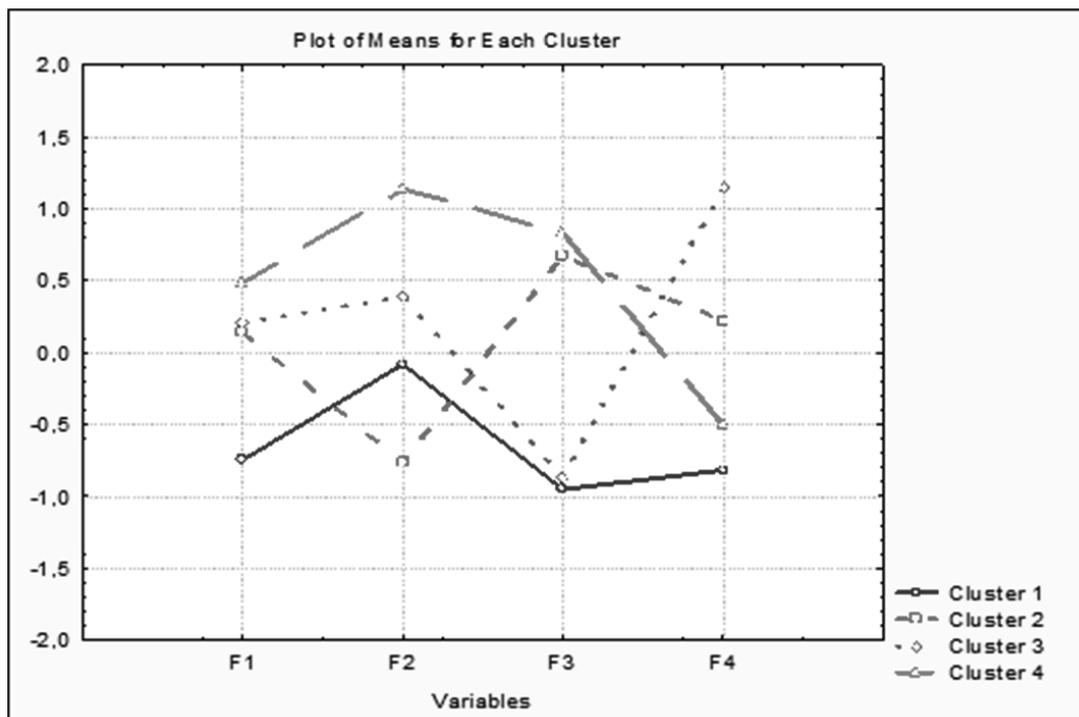

Рис. 1. Проявления главных эндогенных факторов, определяющих развитие двигательных возможностей в различных группировках мальчиков 11-12 лет, выявленных в ходе кластерного анализа

Таблица 1.

Характеристики разделения на кластеры исследуемой выборки мальчиков 11-12 лет

Факторы	Межкластерное расстояние	df	Внутриклассовое расстояние	df	F	p
F1	7,23951	3	27,76049	32	2,78170	0,056852
F2	17,86282	3	17,13718	32	11,11832	0,000037
F3	24,17436	3	10,82564	32	23,81936	0,000001
F4	17,61043	3	17,38957	32	10,80215	0,000046

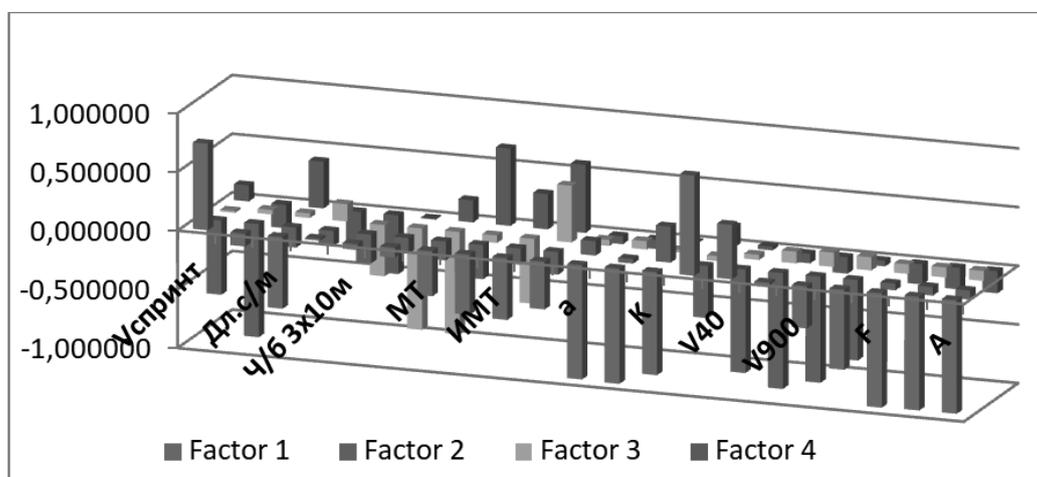

Рис. 2. Главные факторы и факторные признаки, определяющие двигательные возможности мальчиков 11-12 лет (5 класс)

Таблица 2.

Характеристика морфофункционального развития, состояния мышечной энергетики и двигательных особенностей мальчиков 11-12 лет в выделенных кластерах

Показатели	Кластер 1 (n=9) Ср.± ст.откл.	Кластер 2 (n=13) Ср.± ст.откл.	Кластер 3 (n=7) Ср.± ст.откл.	Кластер 4 (n=7) Ср.± ст.откл.	p (1\2)	p (1\3)	p (1\4)	p (2\4)	p (2\3)	p (4\3)
Vспр.	5,1± ,76	5,7± 0,19	5,3± 0,47	5,1± 0,16	0,0112 **	0,4327	0,9877	0,0011 **	0,0321 **	0,1931
Vстай	3,5± 0,20	3,6± 0,22	3,3± 0,11	3,2± 0,13	0,2581	0,0097 **	0,0017 **	0,0001 **	0,0006 **	0,2078
Дл.с/м	155,0 21,41	153,3 12,68	146,6 16,52	138,0 14,14	0,8179	0,4047	0,0919 *	0,0235 **	0,3210	0,3176
Подтягивания	7,1± 1,76	6,5± 2,79	5,7± 2,81	7,6± 5,86	0,5929	0,2428	0,8918	0,7236	0,5373	0,6405
Ч/б 3x10м	9,8± 0,92	9,2± 0,76	9,2± 0,56	9,0± 0,21	0,1089	0,1757	0,0375 **	0,4669	0,9102	0,2753
ДТ	151,4 ±8,31	138,8 ±3,88	149,6 ± 6,13	135,6 ± 5,35	0,0001 **	0,6258	0,0006 **	0,1404	0,0001	0,0007
МТ	44,4± 5,43	32,6± 2,79	43,3± 4,39	27,7± 3,56	0,0000	0,6534	0,0001	0,0031 **	0,0011 **	0,0001 **
ОГК	67,2± 6,12	69,9± 4,44	74,3± 4,72	63,4± 3, 60	0,2432	0,0245 **	0,1691	0,0039 **	0,0551	0,0004 **
ИМТ	19,4± 2,23	17,0± 1,93	19,4± 2,03	15,0± 1,27	0,0125	0,9705	0,0004 **	0,0284 **	0,0176 **	0,0004 **
ГИ	0,45± 0,048	0,50± 0,031	0,5± 0,045	0,47± 0,036	0,0021 **	0,0417 **	0,2955	0,0338 **	0,7256	0,2086
a	12,8± 6,54	9,3± 1,37	8,6± 1,33	8,7± 0,55	0,0755 *	0,1237	0,1260	0,2903	0,3044	0,8871
b	21,4± 7,28	17,8± 2,31	16,1± 1,70	15,9± 0,95	0,1060	0,0792 *	0,0688 *	0,0568 *	0,0999 *	0,8473
Vmax	6,0± 1,09	6,8± 0,33	6,6± 0,71	6,2± 0,18	0,0168 **	0,2540	0,5695	0,0004 **	0,2608	0,2657
V40	4,2± 0,41	4,5± 0,15	4,2± 0,20	4,1± 0,13	0,0133 **	0,9846	0,3951	0,0001 **	0,0005 **	0,1306
V240	3,6± 0,20	3,7± 0,21	3,4± 0,12	3,3± 0,13	0,0651 *	0,0886 *	0,0121 **	0,0001 **	0,0012 **	0,1705
V900	3,3± 0,12	3,2± 0,24	2,9± 0,12	2,8± 0,13	0,3685	0,0015 **	0,0002 **	0,0010 **	0,0047 **	0,3257
LnS	60,6± 5,85	60,4± 6,14	52,2± 2,86	49,6± 3, 16	0,9396	0,0037 **	0,0005 **	0,0004 **	0,0038 **	0,1315
F	0,72± 0,082	0,67± 0,040	0,65± 0,044	0,65± 0,017	0,0762 *	0,0631 *	0,0666 *	0,3767	0,2964	0,7270
G	0,85± 0,046	0,82± 0,024	0,81± 0,027	0,81± 0,010	0,0764 *	0,0585 *	0,0619 *	0,3909	0,2944	0,7050
A	0,89 ± 0,035	0,87± 0,018	0,86± 0,021	0,86 ± 0,008	0,0765 *	0,0574 *	0,0607 *	0,3945	0,2939	0,6996

** - достоверность различий при p≤0,05

* - достоверность различий при p≤0,01

Описание состояния двигательных возможностей детей в кластерах

Статистически достоверные различия двигательных возможностей мальчиков разных кластеров представлены в таблице 2.

Два кластера (1-й и 3-й) образованы высокорослыми и массивными мальчиками - среднекластерные индексы массы тела не имеют достоверных различий. Отличия в том, что у мальчиков 3 кластера более широкая грудная клетка и выше грудной индекс. Это позволяет предположить различные траектории их дальнейшего морфофункционального развития, т.к. показатели ОГК и ГИ в обоих кластерах находятся в пределах возрастной нормы, но на разных ее границах. Между тем, процессы, происходящие в мышечной энергетике детей этих двух кластеров (1-й и 3-й), кардинально различны, различны и их двигательные особенности.

В первом кластере (9 человек) отмечены максимальные показатели аэробной емкости (b), что выражается в высокой мощности аэробного источника (V900), умеренного (среднего) уровня развития аэробно-анаэробного компонента (V240) и низких показателях мощности анаэробных источников (Vmax, V40). В целом, общая мышечная работоспособность (LnS) высокая, структурированность (гетерогенность) мышечной энергетики (A,F,G) также максимальна в сравнении с остальными кластерами. В результате двигательные особенности характеризуются высоким уровнем развития общей выносливости и скоростно-силовых качеств; средним уровнем развития силы; низким уровнем скоростных качеств и ловкости. Уровень двигательной подготовленности – от среднего до выше среднего. Следует отметить, что силовые способности детей во всех четырех кластерах не различаются.

В третьем кластере (7 человек), напротив, аэробная емкость низкая, в мощностных характеристиках энергосистемы доминирует фосфагенный компонент, который развит на вышесреднем уровне; анаэробный гликолиз, смешанное энергообеспечение и аэробный гликолиз развиты низко. В целом общая мышечная работоспособность низкая, мышечная энергетика гомогенная. Двигательные особенности характеризуется доминированием скоростно-силовых, силовых качеств и ловкости, развитыми на среднем уровне; отстающие двигательные качества – скоростные и общая выносливость; уровень двигательной подготовленности – низкий.

Другие два кластера – второй и четвертый, представлены низкорослыми мальчиками. Во втором кластере (13 человек) они характеризуются широкосложенностью и мезо-брахиморфией – индекс массы тела и грудной индекс достоверно выше, чем в четвертом кластере и

сопоставимы с третьим. Мальчики из четвертого кластера (7 человек) более узкосложены и долихоморфны, их антропометрические показатели близки к показателям 9-10-летних, поэтому их морфофункциональное (физическое) развитие можно считать низким.

В мышечной энергетике также реализуются разные направления развития. Во втором кластере (низкорослые, широкосложенные) отмечаются выше среднего показатели аэробной емкости, уступающие лишь первому кластеру. Мощностные характеристики мышечной энергетике характеризуются доминированием анаэробных источников, при высоком уровне развития смешанного и аэробного компонентов. В целом, общая мышечная работоспособность высокая, наравне с первым кластером. В двигательной сфере доминируют скоростные, скоростно-силовые способности и общая выносливость, развитые на высоком уровне; сила и ловкость развиты на среднем уровне; отстающих двигательных качеств не выявлено; уровень двигательной подготовленности можно оценить как высокий.

В четвертом кластере (низкорослые, с низким физическим развитием) наблюдается противоположная картина – низкая емкость анаэробных и аэробного энергоисточников; доминирует мощность наиболее генетически детерминированного фосфагенного компонента, развитая на среднем уровне; низкие мощностные показатели остальных источников; общая мышечная работоспособность также низкая. Все показатели, кроме мощности фосфагенного источника, сопоставимы с третьим кластером. В двигательной сфере преобладает ловкость, развитая на высоком уровне и сила (средний уровень); низкие показатели в скоростных, скоростно-силовых качествах и общей выносливости; уровень двигательной подготовленности – низкий.

Обсуждение

Выявленные эндогенные факторы развития можно классифицировать на две группы – морфологические (третий и четвертый факторы) и функциональные (первый и второй). К морфологическим относятся – замедленное морфофункциональное развитие (11%) и развитие широтности грудной клетки (8%); к функциональным – замедление роста емкости аэробного источника, гомогенность мышечной энергетике на фоне усиления мощности фосфагенного компонента (42%) и торможение прироста общей выносливости за счет ослабления мощностей смешанного и аэробного компонентов (24%).

Морфологические факторы наиболее выражено проявляются в двух группировках высокорослых детей. Фактор ускоренного морфофункционального развития является общим для первого и третьего кластеров.

Для высокорослых детей с узкой грудной клеткой (первый кластер) продолжает действовать фактор усиления узкосложенности, а также инвертированный первый функциональный фактор – «ускорение роста аэробной емкости и гетерогенность мышечной энергетики на фоне ослабления мощности фосфагенного источника», обеспечивая представителям данного кластера прогресс двигательной подготовленности и высокий уровень результатов в общей выносливости, свойственный лептосомным (узкосложенным) типам. Это интенсивно развивающийся тип, обладающий на данном этапе хорошими резервами развития двигательных возможностей.

Для высокорослых детей с широкой грудной клеткой (третий кластер) продолжает действовать фактор усиления широкосложенности. При этом факторы развития мышечной энергетики проявляются слабо, не обеспечивая хороший уровень двигательной подготовленности (УДП – низкий) (рис.1). У представителей третьего кластера остается «детский» тип развития двигательной сферы с преобладанием скоростно-силовых качеств и ловкости, отставанием общей выносливости и скоростных качеств.

Полученные результаты согласуются с данными исследований В.Д. Сонькина, Р.В. Тамбовцевой, которые показали сохранение высоких темпов приростов аэробной емкости у долихоморфных типов, особенно торакального и торакально-мышечного телосложения на всем протяжении подросткового возраста в отличие от мышечно-брахиморфных типов. У последних ускорение роста аэробной емкости начинается на 1-2 года позднее, менее выражено и длится ограниченное время – около года [3, 8]. По-видимому, рост аэробной емкости в третьем кластере можно будет увидеть чуть позднее, т.к. у них формируется широкосложенность. В связи с этим, у представителей третьего кластера на данном возрастном этапе отсутствуют предпосылки интенсивного развития двигательной сферы. Кроме того, в связи с интенсивными ростовыми процессами в сочетании с низким уровнем двигательной подготовленности можно предположить и наличие рисков, связанных с низкими функциональными возможностями кардио-респираторной системы.

Интенсивное повышение емкости энергоисточника свидетельствует о начале сензитивного периода его развития, в дальнейшем осуществляется интенсивный рост мощностных характеристик энергоисточника, которые обеспечивают, в конечном итоге, повышение уровня работоспособности в зоне физических нагрузок, обслуживаемых энергоисточником.

Таким образом, физическое воспитание детей первого кластера должно быть направлено на формиро-

вание аэробного и смешанного компонентов энергообеспечения через воспитание общей и специальной выносливости; поддерживающий характер должно носить воспитание силы, скоростно-силовых качеств и ловкости. Для мальчиков третьего кластера физическое воспитание должно быть направлено на формирование, прежде всего, гармоничного телосложения и физического развития в соответствии с выявленными тенденциями – интенсификацией роста и усилением широкосложенности. Физические нагрузки должны быть комплексного поддерживающего характера (равномерное развитие двигательных качеств) и больше соответствовать предыдущему периоду развития в силу замедленного развития мышечной энергетики и отсутствия в ней предпосылок к сензитивности; актуален как визуальный, так и инструментальный систематический контроль функционального состояния кардио-респираторной системы и адаптационных способностей.

Во втором и четвертом кластерах максимально проявляются второй и третий факторы развития двигательных возможностей, причем если третий фактор – «замедленное морфофункциональное развитие» носит однонаправленный характер, определяя низкорослость детей, то второй фактор носит разнонаправленный характер, проявляясь как «торможение прироста общей выносливости за счет ослабления мощности аэробного и смешанного компонентов мышечной биоэнергетики» в четвертом кластере (дети со сниженным физическим развитием, незрелым типом мышечной энергетики и двигательной сферы) и инвертировано – как «ускорение прироста общей выносливости на фоне усиления мощности аэробного и смешанного компонентов мышечной биоэнергетики» во втором кластере (низкорослые, склонные к мезобрахиморфии, с высокими анаэробными возможностями и высоким уровнем двигательной подготовленности).

Таким образом, для мальчиков из второго кластера можно рекомендовать физические нагрузки преимущественно аэробно-анаэробного (смешанного) характера, развивающие общую выносливость; аэробные нагрузки рекомендуется применять несколько реже. Развитие скоростных, скоростно-силовых и силовых качеств должно носить поддерживающий характер. Для мальчиков из 4 кластера рекомендуются физические нагрузки поддерживающего характера, направленные на коррекцию физического развития (укрепление мышц верхнего плечевого пояса, дыхательных мышц, мышц нижних конечностей, профилактика состояния опорно-двигательного аппарата). Развитие двигательной сферы должно осуществляться комплексно, носить поддерживающий характер и соответствовать методике подготовки предыдущего возрастного этапа (9-10 лет).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальсевич В.К. Очерки по возрастной кинезиологии человека. Москва: Советский спорт, 2009. 220 с. ISBN 978-5-9718-0311-9. EDN RYRQYV. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21326107>
2. Зайцева В.В. Физиологические основы индивидуального подхода к охране и укреплению здоровья /Новые исследования. 2003. № 1. С. 36.
3. Изаак С.И., Панасюк Т.В., Тамбовцева Р.В. Физическое развитие и биоэнергетика мышечной деятельности школьников / Москва-Орел: Орловская региональная академия государственной службы, 2005. 224 с. ISBN 5-93179-080-2. – EDN YVBXEL. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32753640>
4. Корниенко И.А. Сонькин В.Д., Тамбовцева Р.В. Возрастное развитие энергетика мышечной деятельности: итоги 30-летнего исследования. Сообщение I. Структурно-функциональные перестройки / Физиология человека, 2005. Т. 31. № 4. С. 37-42. EDN HSCJDF.
5. Корниенко И.А., Сонькин В.Д., Воробьев В.А. Эргометрическое тестирование работоспособности / Моделирование и комплексное тестирование в оздоровительной физической культуре // Сб. научн. трудов под ред. В.Д. Сонькина. М.: ВНИИФК, 1991. 188 с.
6. Кряжев В.Д. Двигательные возможности человека: определение основных понятий и проблемы измерений / Вестник спортивной науки. М., ВНИИФК. 2003. С.3-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvigatelnye-vozmozhnosti-cheloveka-opredelenie-osnovnyh-ponyatiy-i-problemy-izmereniy/viewer>
7. Кряжев В.Д. Развитие, сохранение и восстановление двигательных возможностей человека. М.: Изд-во ВНИИФК, 2002. 247 с.
8. Основные закономерности и типологические особенности роста и физического развития / В.Д. Сонькин, И.А. Корниенко, Р.В. Тамбовцева [и др.] // Физиология развития ребенка: теоретические и прикладные аспекты. Москва: НПО «Образование от А до Я», 2000. С. 31-59. EDN YXDFEU.
9. Ратов И.П. Двигательные возможности человека (нетрадиционные методики их развития и восстановления). Минск, 1994. 190 с.
10. Сонькин В.Д. Тиунова О.В., Фильченков Д.А. Внедрение индивидуально-типологического подхода в практику физической подготовки юношей 15-17 лет / Человек, здоровье, физическая культура и спорт в изменяющемся мире: Тезисы докладов V научно-практической конференции по проблемам физического воспитания учащихся, Коломна, 01 января – 06 1995 года / Ответственный редактор: Прокудин Б.Ф.. Коломна: Коломенский педагогический институт, 1995. С. 90-91. EDN XWMOBV.

© Келазева Елена Александровна, Пискова Дина Михайловна (pidimi@yandex.ru),
Родионова Анастасия Игоревна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пензенский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ РОЛИ УЧИТЕЛЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Ли Яцзюань

Аспирант, Российский университет дружбы народов

1099431095@qq.com

Сергеева Марина Георгиевна

доктор педагогических наук, профессор, Российский

университет дружбы народов

sergeeva198262@mail.ru

A STUDY ON THE CHANGING ROLE OF TEACHERS IN THE DIGITAL AGE

Li YaJuan
M. Sergeeva

Summary: The purpose of this paper is to examine the impact of teachers' role transformation on teaching quality in the digital era and to propose corresponding strategies. Through the literature research method, we summarized the role changes of teachers in the digital era in terms of their conceptions of teaching, learning ideology, and psychology of educational activities. Finally, in response to the problems encountered by teachers in the transformation process, the authors propose corresponding strategies, including education informatization competency training and the establishment of an education informatization assessment index system. This paper provides useful suggestions for the benign development of education informatization business.

Keywords: digital era, teacher role change, teaching quality, education informatization capability, assessment index system.

Аннотация: Цель данной статьи - исследовать влияние изменения роли учителя в цифровую эпоху на качество образования и предложить соответствующие стратегии. С помощью метода литературного обзора были суммированы изменения роли учителя в аспектах педагогических убеждений, мышления обучения и психологии образовательной деятельности в цифровую эпоху. В заключении автор предлагает соответствующие стратегии для решения проблем, с которыми сталкиваются учителя в процессе изменения, включая подготовку к образовательной информатизации и создание системы показателей оценки образовательной информатизации. Данный документ предоставляет полезные рекомендации для благоприятного развития образовательной информатизации.

Ключевые слова: цифровая эра, изменение роли учителя, качество преподавания, потенциал информатизации образования, система показателей оценки.

С наступлением цифровой эпохи образовательная индустрия находится в периоде быстрого преобразования. Развитие цифровых технологий принесло новые возможности и вызовы для образования, что предъявляет более высокие требования к профессиональной компетентности и методике преподавателей. Для адаптации к этим изменениям преподаватели должны непрерывно изменять свои роли и обязанности, обновлять знания, повышать навыки, овладевать новыми технологиями, чтобы лучше соответствовать потребностям цифровой эпохи в образовании.

Цель данной работы – изучить изменение роли учителей в цифровую эпоху и проанализировать ее влияние на их профессиональное развитие. В исследовании будет использован метод изучения литературы, чтобы просмотреть и проанализировать соответствующую литературу в стране и за рубежом, чтобы получить представление о таких аспектах как: представления учителей о преподавании, идеология обучения и психологические изменения в преподавательской деятельности в цифровую эпоху. В то же время, в этой статье будет объединен практический опыт с некоторыми реальными предложениями по изменению роли учителя в цифровую эпоху, чтобы помочь учителям лучше адаптироваться к потребностям преподавания цифровой эпохи и улучшить качество преподавания.

Прежде всего, мы начнем наш анализ с характеристик образования и преподавания в цифровую эпоху. Образовательные ресурсы в информационную эпоху демонстрируют тенденцию к диверсификации. В традиционном образовании образовательные ресурсы в основном поступают только от учителей и библиотек. В век информационных технологий в образовании, они позволяют преподаванию и обучению преодолеть ограничения времени и пространства, а образовательные ресурсы получили более широкое распространение, причем онлайн-ресурсы распространяются по всему миру. Студенты могут быстро получить доступ к самому современному и полному образованию в мире, не выходя из дома, через онлайн-классы, электронные классы, электронные материалы, видеоконференции, электронную почту и многое другое. Онлайн-библиотеки обеспечивают очень легкий доступ к широкому спектру информационных материалов. Можно сказать, что диверсификация образовательных ресурсов привела к глубоким изменениям в образовании и преподавании [2].

Более богатый обмен информацией

В прошлом люди общались в основном с помощью бумажных писем, телефона, факса и других средств связи, и доступ к информации был в пассивной форме. В эпоху информационных технологий в образовании

мультимедийная технология ориентирована на компьютер, объединяет технологии текста, голоса, изображения и анимации для компьютерного хранения, обработки, передачи, обмена и поиска информации на различных носителях. Люди могут отправлять текст, фотографии, изображения и другой контент для свободного общения благодаря электронной почте и другим коммуникационным программам, что делает поток информации более широким [3].

Диверсификация форматов обучения

Традиционно школьное образование является основным способом получения образования, а классно-урочная система - основной формой организации обучения. В век информационных технологий в образовании, в результате полного использования современных информационных технологий, таких как сетевые технологии, мультимедийные технологии и компьютерные технологии, это предоставляет учителям гибкие и разнообразные формы организации обучения, классное обучение больше не ограничивается физической аудиторией, а пространство и время для педагогической деятельности незаметно расширилось. Учителя могут использовать информационные технологии и различные информационные ресурсы, чтобы воспользоваться возможностью вызвать интерес, мотивацию и мышление учащихся, а также мотивировать их. Студенты также могут найти подходящие для них решения в области обучения и выбрать наиболее подходящий путь для своего развития [4].

Обилие образовательных ресурсов и легкий доступ к средствам обучения оказали влияние на традиционное образование и существенно повлияли на преподавателей. Традиционно основная роль учителя заключалась в проведении занятий в классе, с использованием мела и доски в качестве основной формы представления информации, при этом учитель выступал в качестве основного субъекта учебного процесса. Современное преподавание и обучение, с другой стороны, делает больший акцент на субъективности учеников в процессе обучения, что, на первый взгляд, уменьшает роль учителя и облегчает его бремя. Однако, как мы видим из приведенного выше анализа, требования к учителям в информационную эпоху стали еще более высокими. Поэтому учителя в цифровую эпоху должны осознавать необходимость сменных ролей и хорошо преподавать в традиционном смысле. Важно сознательно обогащать свои теоретические и практические навыки в области образовательных технологий и информационных технологий, чтобы вы могли успешно трансформировать свою роль и адаптироваться к требованиям преподавания в новую эпоху.

Таким образом, перед лицом этой постоянно меняющейся информационной среды, по мнению авторов, преподаватели должны измениться в следующих трех направлениях.

Изменение представлений учителей о преподавании и обучении

В новой концепции преподавания и обучения в образовательной информатике учитель является проводником и помощником в учебной деятельности учащихся, а знания конструируются учащимися самостоятельно в соответствии с существующими когнитивными структурами в их собственном сознании. Поэтому, в соответствии с требованиями информационных технологий в образовании, учителя должны оперативно менять собственные концепции в преподавательской деятельности и активно продвигать новые образовательные идеи и концепции в общество, родителям и ученикам.

Изменение мышления учителей в отношении обучения

В условиях стремительного развития информационных технологий преподаватели должны постоянно подчеркивать перспективу непрерывного образования и обучения в течение всей жизни. Информационные технологии в образовании - это динамичный процесс, который постоянно движется вперед, и чтобы идти в ногу со временем, учителя должны продолжать совершенствовать свое обучение во всех аспектах философии преподавания, методов обучения и осознания инноваций [5]. Информационная эпоха Интернета разрушила границы времени и пространства, и многие единомышленники могут создавать группы в Интернете для обмена информационными ресурсами и совместного продвижения вперед. Это означает, что учителя в новую эпоху должны постепенно избавиться от одинокой борьбы за самообразование, принять онлайн-мир, сотрудничать друг с другом в связи с другими сверстниками и коллегами-учителями, обмениваться информационными ресурсами, вместе развиваться и прогрессировать, постоянно совершенствовать преподавание и обучение [6].

Психологические изменения в образовательной деятельности учителей

Цифровая среда требует от учителей большей ответственности и нагрузки, а также тратить больше времени и энергии на изучение и применение новых технологий, знаний и методов обучения. Кроме того, учителям приходится больше общаться и сотрудничать с учениками, родителями и другими учителями, что требует более высокого уровня навыков общения и сотрудничества. Поэтому учителя должны быть лучше подготовлены психологически в плане саморегуляции, управления стрессом, эмоционального контроля и навыков общения, чтобы справиться с задачами образования в цифровую эпоху [7].

Однако в ходе различных опросов мы обнаружили,

что, поскольку развитие вышеупомянутых компетенций не является чем-то, что можно приобрести быстро, а требует длительного культивирования и упражнений, многие учителя все еще испытывают множество проблем в завершении процесса ролевой трансформации, например:

1. Некоторые учителя слишком заняты своей повседневной работой, чтобы изучать и совершенствовать свои навыки в области информационных технологий;
2. Некоторые учителя медленно совершенствуются из-за ограничений, связанных с их прежними знаниями и теоретическими системами;
3. Некоторые школьные власти не поддерживают учителей в процессе изменения их роли;
4. Некоторые учителя неохотно меняют свои методы и подходы к преподаванию, поскольку их устраивает существующее положение вещей;
5. Теория образовательных технологий все еще недостаточно распространена, и некоторые учителя не имеют необходимого теоретического руководства для улучшения и преобразования своей роли [1];

В ответ на эти возникшие проблемы авторы исследования пришли к выводу, что необходимо уделить внимание обучению учителей навыкам образовательной информатики. Особое внимание следует уделить предоставлению различного содержания обучения для разных учителей. В системе обучения информационным технологиям в образовании, помимо обучения ИТ-навыкам, мы должны также сосредоточиться на обучении грамотности в области информационных технологий, сетевой безопасности, этике сетевого применения и т.д. Мы должны обратить внимание на развитие учителей передовой линии с трех сторон: Развитие способности использовать компьютеры и Интернет для поиска и организации информационных ресурсов; развитие способности использовать имеющиеся информационные ресурсы для интеграции и управления учебным процессом в классе; развитие способности использовать соответствующие теории образовательных технологий для руководства при решении конкретных проблем в учебном процессе. Кроме того, в соответствии с реаль-

ной ситуацией развития местной информатизации, мы должны продолжать проводить исследования по системе оценки информатизации образования, и постепенно создать полную систему показателей оценки информатизации образования. Благодаря подробным опросам и исследованиям в некоторых школах, а также посещению учителей на низовом уровне, мы сможем оценить учителей в процессе использования информационных технологий в образовании научным способом и сделать способность учителей к информационным технологиям показателем оценки учителей, чтобы мы могли правильно оценить уровень и способность каждого учителя к информационным технологиям. Правильная и совершенная система оценки является важной гарантией содействия инициативе учителей в завершении смены ролей. Разумная оценка и стимулы могут способствовать инициативе учителей в использовании передовых образовательных технологий и концепций обучения, чтобы дело информатизации образования шло по здоровому пути развития [8].

Вывод

Наступление эры информационных технологий в образовании поставило традиционное образование перед серьезными вызовами, и образование приобрело новый характер. Учителя должны освободиться от ограничений традиционных ролей и трансформировать свою роль. Школы также должны постепенно увеличивать инвестиции в информационные технологии для подготовки учителей и ускорить развитие информационных навыков для учителей общеобразовательных школ. Помимо улучшения способности и уровня информатизации учителей, мы также будем повышать их информационную грамотность, чтобы они могли своевременно изменить свою роль с учителей в традиционном смысле на учителей, владеющих определенным уровнем образовательных технологий, что приведет к повышению качества обучения учащихся [9]. Это надежда информационного века и требование времени - стать учителем нового типа, который учится на протяжении всей жизни, творческий, инновационный и практичный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ма Сюлин, Ли Баопин. Изучение роли учителей в век информационных технологий [J]. Информатизация образования, - 2006. - № 5. - С.7-9.
2. Лю Кернан. Проблемы и перестройка роли учителей в контексте информатизации образования [J]. Journal of Fujian Business School, - 2021. - № 6. - С.83-88. DOI:10.19473/j.cnki.1008-4940.2021.06.009.
3. Цзян Мяо. Трансформация ролей преподавателей в университетах в новую эпоху информатизации [J]. Журнал высшего образования, -2020. - № 19. - С.153-155. doi:10.19980/j.cn23-1593/g4.2020.19.044.
4. Лань Минцзе. Противоречие между идеалом и реальностью - влияние информатизации образования на роль учителей [J]. Журнал науки и образования (верхнее издание), -2010. - № 3. - С. 87-88. DOI:10.16400/j.cnki.kjdx.2010.02.016.
5. Ван Вэйцзюнь. Исследование развития способности учителей преподавать информатизацию [D]. Северо-западный нормальный университет, 2009.
6. Yan Yangwen. Влияние информационных технологий на учителей [J]. Journal of Zhangzhou Vocational and Technical College, -2007. - № 2. - С. 86-89.

DOI:10.13908/j.cnki.issn1673-1417.2007.02.027.

7. Чжао Цянь. О трансформации ролей учителей в эпоху информатизации образования [J]. Journal of Xihua Normal University (Philosophy and Social Science Edition), -2005. - № 5. -С.135-137. doi:10.16246/j.cnki.51-1674/c.2005.05.033.
8. Петраш Елена Александровна, Сидорова Татьяна Владимировна ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ В НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. –2021. –№4. –С. 101-104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portret-sovremennogo-uchitelya-v-novoy-tsifrovoy-realnosti>.
9. Левченко Виктория Вячеславовна, Жарких Елена Владимировна, Миронова Ольга Алексеевна Педагогические основы формирования цифровых профессиональных умений учителей общеобразовательной школы // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. –2019. –№3. –С. 79-88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-osnovy-formirovaniya-tsifrovyh-professionalnyh-umeniy-uchiteley-obsheobrazovatelnoy-shkoly>.

© Ли Яцзюань (1099431095@qq.com), Сергеева Марина Георгиевна (sergeeva198262@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О РАССТРОЙСТВАХ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА: КЛАССИФИКАЦИЯ, ОСНОВНЫЕ СИМПТОМЫ И ПРИЧИНЫ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

ON THE ISSUE OF AUTISM SPECTRUM DISORDERS: CLASSIFICATION, MAIN SYMPTOMS AND CAUSES OF THEIR OCCURRENCE

**A. Mironova
E. Rykova**

Summary: The article deals with the problem of studying the peculiarities of the development of children with autism spectrum disorders, reveals the classification of this disorder. The article describes the main causes of autism spectrum disorders, describes the main symptoms of the manifestation of a developmental disorder.

Keywords: autism spectrum disorder, childhood autism, atypical autism, Rett syndrome, Asperger syndrome.

Миронова Ангелина Валерьевна

старший преподаватель, ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет
mironovaav@mgru.ru

Рыкова Елена Алексеевна

старший преподаватель, ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет
elena-rykova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема изучения особенностей развития детей с расстройствами аутистического спектра, раскрывается классификация данного нарушения. В статье дается характеристика основных причин возникновения расстройств аутистического спектра, описываются основные симптомы проявления расстройства развития.

Ключевые слова: расстройство аутистического спектра, детский аутизм, атипичный аутизм, синдром Ретта, синдром Аспергера.

Расстройство аутистического спектра (далее – РАС) – это широко распространенное расстройство развития, которое выражается в своеобразии социального взаимодействия ребенка с окружающим миром и людьми. При этом его характерными признаками являются малая потребность в общении, избегание зрительного и тактильного контактов с другими людьми, слуховая гиперчувствительность, сниженная реакция на эмоциональные события, трудности восприятия информации и понимания ситуации в целом, стереотипность в поведении и другое.

По статистике расстройствами аутистического спектра страдает больше 10 миллионов человек в мире. По данным Всемирной организации здравоохранения ежегодно число детей с РАС увеличивается на 13%.

Проблема изучения особенностей развития детей с расстройствами аутистического спектра – одна из актуальных в современной специальной педагогике и психологии. Общеизвестной является необходимость включения таких детей в единое инклюзивное образовательное пространство, что требует взаимодействия не только специалистов разного профиля, но и общества в целом.

Впервые это заболевание было выделено как самостоятельная диагностическая категория «Синдром раннего детского аутизма» и описано в 1943 году аме-

риканским детским психиатром Лео Каннером в статье «Autistic Disturbances of Affective Contact» («Аутистические нарушения аффективного контакта») [5]. Впоследствии данное расстройство детского развития было названо в его честь синдромом Каннера. В своей практике автор наблюдал за 11 детьми, уровень вербальных и невербальных способностей которых имел значительный разрыв. Ученый описал неадекватное социальное поведение пациентов и их специфичное социальное взаимодействие с окружающими: избегание социального взаимодействия, желание ребенка быть наедине с самим собой. Его описание синдрома на долгие годы определило вектор развития исследований расстройств аутистического спектра.

С того времени дискуссии о различных аспектах изучения и лечения расстройства аутистического спектра (этиология расстройства, патогенез, клиника, лечение и пр.) не прекращаются до настоящего момента.

По Л. Каннеру для синдрома раннего детского аутизма характерна следующая совокупность симптомов:

- невозможность ребенка устанавливать полноценные взаимоотношения (экстремальное одиночество), нарушение социального развития;
- наличие крайней отгороженности от внешнего мира с одновременным игнорированием средовых раздражителей;
- недостаток зрительного контакта;

- сопротивление изменениям;
- задержка в развитии образа «Я»;
- наличие стереотипных игр с неигровыми предметами;
- наличие нарушений в установлении эмоциональных контактов;
- стереотипность поведения [5].

В отечественной науке изучением данного специфического расстройства развития у детей исследователи стали заниматься с конца 60-х годов XX столетия в рамках детской психиатрии (В.М. Башина, М.Ш. Вроно, А.Е. Зеленецкая, Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, К.С. Лебединская, С.С. Мнухин, О.П. Юрьева и др.).

Психологическое изучение феномена детского аутизма началось с 70-х годов прошлого столетия. Были изучены специфические проявления в поведении детей с РАС в их лонгитюдном изучении, выделена типология детского аутизма, сформированы различные подходы к оказанию психолого-педагогической помощи ребенку с аутизмом и его семье (Е.Р. Баенская, К.С. Лебединская, М.М. Либлинг, О.С. Никольская и др.) [2].

Согласно международной классификации болезней МКБ-10 (F84.0) в последние десятилетия XXI века принято говорить о следующих расстройствах аутистического спектра: детском аутизме, атипичном аутизме, синдромах Аспергера, Ретта и др. Раскроем их более подробно.

Детский аутизм – расстройство развития, при котором всегда наблюдаются качественные нарушения социального взаимодействия, проявляющиеся следующими специфическими особенностями: отсутствием социально-эмоционального взаимодействия с близкими людьми, наличием стереотипных действий и пр. Симптоматика детского аутизма проявляется до трехлетнего возраста и чаще встречается у мальчиков.

Атипичный аутизм – это психоневрологическое расстройство, вызванное структурными нарушениями головного мозга и характеризуется нарушенным развитием. Проявляется ограниченностью социальных взаимодействий, снижением познавательной активности, речевыми и двигательными стереотипиями. Признаки психических нарушений при атипичном аутизме наблюдаются после трех лет.

Синдром Ретта – это наследственное генетическое заболевание, которое проявляется на первом году жизни. Встречается только среди девочек и сопровождается тяжелыми психоневрологическими симптомами. Впервые данный синдром описал австрийский врач Андреас Ретт в 1966 году. В большинстве случаев заболевание приводит к глубокой инвалидности и дезадаптации в социуме.

Синдром Аспергера – врожденное нарушение развития, которое влияет на восприятие и поведение человека при коммуникативном взаимодействии с другими людьми. Впервые синдром описал австрийский психиатр Ганс Аспергер в 1944 году. При данном нарушении человеку сложно понимать и интерпретировать интонационные средства высказывания собеседника, жестово-мимические средства общения и т.д. Синдром Аспергера чаще встречается у мужчин [3].

Многие исследователи подчеркивают, что у аутизма нет точной и единой причины. Ученые пришли к выводу, что к данному расстройству приводит целая система закономерностей. Неоспоримо это генетические и нейрофизиологические отклонения, которые являются лишь предпосылкой к развитию специфического нарушения.

Многолетний опыт отечественных ученых (Е.Р. Баенская, В.М. Башина, В.Е. Каган, М.М. Либлинг, О.С. Никольская и др.) говорит о том, что аутизм развивается в результате сочетания генетических и средовых влияний. Эти факторы риска увеличивают риск развития аутизма у ребенка. Однако напрямую они не будут являться основной причиной его возникновения. Например, некоторые изменения генов, связанные с аутизмом, также могут быть обнаружены у людей, не страдающих этим расстройством.

Причиной возникновения аутизма в большинстве случаев считают биологическую неполноценность ребёнка, которая является результатом влияния различных факторов. РАС имеет этиологию и выражается в разных нозологических формах. К.С. Лебединская, И.Д. Лукашёва и С.В. Немировская и др. полагают, что расстройство аутистического спектра может проявляться в структуре метаболических, хромосомных, инфекционных заболеваний, вызывающих органическую дефицитарность мозга [4].

В настоящее время клиническая картина симптомов проявления расстройства аутистического спектра у детей определяется большинством авторов, как полиморфная и противоречивая [2].

Симптомы РАС могут широко варьироваться. Разнообразие и несходство проявлений нарушений в развитии ребенка отражает сложность физиологической и социальной составляющей особенностей в развитии. Для психического развития аутичных детей характерны нарушения коммуникации, социального и речевого развития, а также неравномерность психического развития [1].

Среди симптомов расстройства аутистического спектра можно выделить следующие:

- недостаток социального взаимодействия (сложность восприятия ребенком чувств и эмоций окружающих, в выражении собственных эмоций);

- несформированность взаимной вербальной и невербальной коммуникации, воображения, выраженного ограниченным спектром поведения;
- выраженная моторная неловкость в движениях;
- нарушение исследовательского поведения;
- слуховая и тактильная гиперчувствительность;
- стереотипность в поведении, болезненные реакции при изменении порядка действий;
- привязанность к ритуалам нефункционального характера;
- ограниченный круг интересов;
- высокий уровень тревоги;
- необычные пищевые пристрастия;
- нарушение поведения самосохранения;
- пониженная болевая чувствительность;
- агрессивность;
- аутоагрессия;
- негативизм;
- наличие страхов;
- колебания настроения и др.

Диагноз аутизм основывается на существовании трех основных отклонений: отсутствие социального контакта, недостаток общей коммуникации, наличие стереотипий в поведении. По классификации, предложенной О.С. Никольской, в зависимости от степени и характера проявления симптомов ученые выделяют 4 группы детского аутизма. Для первой из которых характерна полная отрешенность от происходящего в реальном мире, для второй - активное отвержение окружающей среды, для третьей - захваченность интересами, характерными для аутизма, для четвертой - чрезвычайная трудность взаимодействия с окружающей средой [5].

Родителям необходимо обратить внимание на поведенческие особенности ребенка, в том случае, когда:

- отсутствует контакт «глаза в глаза»;
- отсутствует реакция на собственное имя;
- отсутствует инициативность социальных контактов с близкими;
- отсутствует необходимость обращения за помощью взрослого.

Если данные признаки появляются в поведении ребенка постоянно, то родителям необходимо обратиться к неврологу и психиатру.

Бытует куча мифов и предрассудков вокруг проблемы аутизма и причин его возникновения. Это проблематика активно поднимается в СМИ, многие известные люди рассказывают свою личную историю пути борьбы и принятия данного диагноза у своих детей. Во многом такие истории могут поддержать тех родителей, которые только что столкнулись с подтверждением диагноза у своего ребенка. Своевременная ранняя диагностика, создание благоприятной развивающей среды, комплексная работа специалистов медико-психолого-педагогического сопровождения даст большой шанс в адекватной социализации ребенка с РАС в среду своих сверстников и поможет выстроить его независимое будущее. Симптомы РАС бывают разными и скрытыми – их достаточно сложно распознать и правильно идентифицировать. В этом может помочь только квалифицированный специалист. Чем раньше будет проведена диагностика и начнется обучение, тем больше вероятность полной адаптации и дальнейшей социализации ребенка с РАС в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азова О.И. К вопросу об аутизме / О.И. Азова // Актуальные проблемы специальной психологии и коррекционной педагогики: сборник. – М.: Московский психолого-социальный университет, 2016. – С. 7-20.
2. Баенская Е.Р., Никольская О.С., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. – М.: Теревинф, 2010. – 288 с.
3. Башина В.М. Аутизм в детстве. – М.: Медицина, 1999. – 236 с.
4. Лебединская К.С., Лукашова, И.Д., Немировская С.В. Клиническая характеристика синдрома детского аутизма / Ранний детский аутизм под ред. Т.А. Власовой, В.В. Лебединского, К.С. Лебединской, М.: НИИД АПН СССР. - 1981. - С. 4-24.
5. Kanner L. Autistic disturbances of affective contact // The Nervous Child. – 1943. – Т. 2. – С. 217 – 250.

© Миронова Ангелина Валерьевна (mironovaav@mgru.ru), Рыкова Елена Алексеевна (elena-rykova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ (LSP) НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

TEACHING FOREIGN STUDENTS RUSSIAN FOR SPECIAL PURPOSES (LSP) AT THE INITIAL STAGE

E. Pavlovskaja

Summary: At the end of the twentieth century, the global importance of the Russian language increased, and therefore more and more foreign citizens are turning to its study. But for many foreigners, the Russian language is not only a means of communication, but also a means of obtaining higher professional education. In this regard, one of the priority tasks of teaching Russian is professionally oriented language training of foreign students. As part of this training, students take a course in Russian as a language for special purposes (LSP). The author of this article deals with the specifics of teaching LSP on the example of the sublanguage of physics, focusing on the system of exercises and, in the course of analysis, identifying both difficulties and prospects of the proposed methodology.

Keywords: Russian as a foreign language, LSP, scientific style, professionally-oriented training, terminology.

Павловская Елена Андреевна

*старший преподаватель, Национальный
исследовательский ядерный университет «МИФИ»
elenaandr.bastrakova@gmail.com*

Аннотация: В конце XX века возросла мировая значимость русского языка, в связи с чем все большее и большее количество иностранных граждан обращаются к его изучению. Но для многих иностранцев русский язык является не только средством для общения, но и средством получения высшего профессионального образования. В связи с этим одной из приоритетных задач преподавания русского языка является профессионально-ориентированная языковая подготовка иностранных студентов. В рамках этой подготовки студенты проходят курс Русского языка как языка для специальных целей (LSP). Автор данной статьи касается специфики преподавания LSP на примере подязыка физики, делая упор на системе упражнений и по ходу анализа выявляя как трудности, так и перспективы предложенной методики.

Ключевые слова: РКИ, LSP, научный стиль, профессионально-ориентированное обучение, терминология.

На рубеже XX–XXI века во многих странах начались глобальные изменения в экономической, политической, культурной и других сферах общественной жизни, что оказало существенное влияние на профессиональную подготовку специалистов различных областей. В связи с этим зарубежные и российские преподаватели стали поднимать вопрос о качественном обучении иностранному языку как языку профессиональной коммуникации. Не остался в стороне и русский язык. По-прежнему в Россию стекаются иностранные студенты, целью которых является получение качественного высшего образования, чтобы потом, вернувшись на родину, применить полученные знания и навыки на практике.

Профессионально-ориентированная разновидность иностранного языка получила название «языка для специальных целей», или, в английской аббревиатуре, LSP, т.е. «Language for Special Purpose», в 1962 году, хотя первые попытки выделения специальной разновидности языка, обслуживающей научные отрасли, обнаруживаются еще в работах представителей Пражской лингвистической школы и отечественного лингвиста Л.В. Щербы [3, с. 410]. За полвека своего развития LSP стал представлять собой «высокоспециализированный динамически функционирующий лексический пласт, моделирование которого позволяет упорядочить информационно-коммуника-

тивные отношения, имеющие место в специализированной предметной области» [4, с. 50], и глубже понять накопленные в данной сфере научные знания.

LSP является подязыком научного стиля речи, имеющего функцию «передачи информации о выработанных наукой и теоретически систематизированных объективных знаниях о действительности» [5, с. 57]. Однако, обслуживая специализированные предметные области, LSP не носит исчерпывающего характера. В силу непрерывного развития социальных и производственных отношений, изменяется и сам LSP как язык профессиональной коммуникации: исключает из своего состава устаревшие понятия и обогащается за счет новых явлений науки, впитывает в себя аспекты других научных стилей, взаимодействует шире с другими дискурсами. Таким образом, LSP является открытой системой, хотя, входя в структуру научного стиля речи, занимает в нем подчиненное положение.

На рубеже XX–XXI века LSP стал развиваться не только в лингвистическом направлении, но и в дидактическом, т.е. с позиций методики обучения, что вполне обусловлено, ибо изучение иностранного языка в последние годы стало соотноситься с профессиональной коммуникацией.

В настоящее время обучение иностранному языку в

вузе, в том числе и РКИ, носит лично-ориентированный характер и опирается на коммуниктивно-деятельностный подход. Однако, в процессе обучения РКИ как «языка для специальных целей», необходимо более четко ставить конкретные цели и задачи обучения, разрабатывать основательные стратегии для их достижения, более тщательно отбирать педагогические технологии в соответствии с целевой аудиторией [1, с. 207].

Учитывая, что наша целевая аудитория – будущие физики-ядерщики, готовящиеся продолжить свое обучение в магистратуре или аспирантуре, то встает проблема обучения РКИ как языку, требующему серьезной подготовки в рамках профессионального общения.

Основной единицей обучения LSP является научный текст. Однако, чтение текстов по специальности будет сильно затруднено, если студенты не будут в должной мере владеть необходимой лексикой, входящей в структуру научного текста. Поскольку большинство таких лексических единиц входит в терминологическое поле научной области «физика», то важной частью обучения РКИ является изучение специфической терминологии. И в то же время надо понимать, что специализированная лексика и терминология не должны изучаться в отрыве от коммуникативного подхода. Л.В. Аладышкина и Е.А. Журавлева считают, что «в обучение языку специальности следует включать аутентичные материалы и речевые ситуации, учитывающие цель, условия общения и предполагающие адресанта, адресата, предмет речи, наличие у участников коммуникации социальных ролей» [1, с. 213]. Мы также считаем, что освоенные через контекст терминологические единицы должны закрепляться в устной речи. Продумывая ситуации профессионального общения и попросив студентов составить диалоги по теме, используя специальную лексику, можно добиться большего эффекта в вопросе формирования профессионально-коммуникативной компетенции, чем если бы студенты-иностранцы только читали тексты профессиональной тематики, искали ли бы значения незнакомых терминов и зубрили бы их.

Что касается отбора текстов, то мы считаем, что, наравне с учебными материалами, на занятиях должны использоваться научные аутентичные тексты. Эти тексты можно выбирать из различных газет, журналов, книг, монографий. Главное требование – эти тексты должны соответствовать лексической подготовке студентов на данном этапе обучения. Если подобранные для изучения тексты окажутся сложными, то их можно сократить и немного адаптировать.

Работа с научным текстом соответствующего профиля – важная часть методической работы, которая не должна ограничиваться чтением. Эта работа включает три этапа: а) предтекстовой, позволяющий снять языковые трудности; б) текстовой, требующий параллельного

решения задач по изучаемому тексту; в) послетекстовой, позволяющий проверить уровень изученности текста. На каждом этапе студентов ждет серия упражнений, причем не только лексического, но и грамматического характера. Послетекстовой этап – самый сложный и самый богатый на количество упражнений. Так, изучив текст по той или иной теме из курса физики, можно предложить иностранным студентам следующие задания:

1. Трансформируйте следующие глагольные словосочетания в именные.
2. Передайте смысл предложений с помощью синонимических конструкций.
3. От приведенных слов образуйте определения.
4. Раскройте смысл терминов.
5. Дополните части предложений необходимыми средствами связи.
6. Составьте вопросы к тексту, задайте их товарищу по группе.

Выполнив предложенные задания, каждое из которых имеет подсказку в тексте, студент хорошо освоит тему, будет ориентироваться не только в терминах, но и в грамматических структурах русского научного стиля речи. И поэтому сможет корректно использовать изученный материал в другом контексте.

В.М. Шаклеин считает, что «одной из базовых и вместе с тем наиболее трудных компетенций во владении языком является способность понимать иностранную речь на слух» [6, с. 25]. А если иностранная речь носит профессионально-ориентированный характер, то такая речь двойне сложна для понимания. Поэтому мы считаем, что изучаемые аутентичные тексты студентам необходимо прослушивать: либо с голоса преподавателя, либо с подачи дикторов – носителей языка. Это можно сделать на предтекстовом или на текстовом этапе.

Конечно, пособия по РКИ, предназначенные для физико-математических факультетов, не снабжены мультимедийными приложениями. Но можно сделать подобное аудио-приложение самому преподавателю, попросив, например, русских студентов, обучающихся по специальности «физика», озвучить некоторые тексты. Первое чтение текста, сопровождаемое его аудио-версией, обеспечит эффективное усвоение языкового материала.

Процесс обучения русскому языку как языку специальности не может не сопровождаться рядом трудностей. К основным трудностям, по мысли исследователей, относятся:

- быстрое погружение в научно-образовательную профессиональную речевую среду;
- недостаточное количество часов, выделяемое на изучение языка специальности;
- потребность в учебных материалах по языку специальности;
- недостаточная компетентность преподавателей-

русистов в области специальности, язык которой они преподают;

- отличие российской системы высшего образования от системы высшего образования в родной стране учащихся [2, с. 264].

Но все эти трудности окажутся легко преодолимыми, если к процессу преподавания РКИ как языка для специальных целей подходить неоднозначно, задействовав особый подход и новые методические решения, обусловленные спецификой учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аладышкина Л.В., Журавлева Е.А. Обучение языку специальности «изобразительное искусство» на занятиях по русскому языку как иностранному // Известия РГПУ им. А. Герцена. – 2021. – № 199. – С. 207-214.
2. Баранова И.И., Виноградова М.В. и др. Проблемы обучения русскому языку как иностранному в специальных целях: анализ мнений студентов // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 10. – С. 260-275.
3. Москаленко П.И. К вопросу о понятии «язык для специальных целей» и термине, его обозначающем // Молодой ученый. – 2017. – № 19 (53). – С. 410-414.
4. Раздубев А.В. Современный английский подязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: дис. ... канд. фил. наук. – Пятигорск, 2013. – 241 с.
5. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей: вопросы теории // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. – 2007. – № 15 (87). – С. 55-62.
6. Шаклеин В.М., Алюнина Ю.М. Русский язык как иностранный для специальных целей: модель обучения аудированию студентов-медиков // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 25-29.

© Павловская Елена Андреевна (elenaandr.bastrakova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУКОБОРЦЕМ ТАКТИЧЕСКОГО ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА В ПОЕДИНКЕ НАД СОПЕРНИКАМИ

THE USE OF A HAND WRESTLER IN THE TACTICAL ACHIEVEMENT OF SUCCESS IN A DUEL OVER AN OPPONENT

A. Rakhmatov

Summary: This article discusses the importance of the formation of interrelationship in solving tactical tasks using success mechanisms in the process of forming tactical thinking for the application of fighting techniques in duels. It is well known that in the theory of armwrestling, it is customary to single out tactics for achieving success, in which patterns of contact interaction with an opponent in a duel are accumulated, allowing purposefully changing and controlling competitive actions to achieve victory. The purpose of the study is to identify, influence, education of psychological qualities of hand wrestlers on the results of competitions with the use of sports equipment. The results of the study are an indicator of the development of tactical thinking by athletes at competitions. Conclusions. The allocation of tactical skills, success mechanisms and tactical tasks in tactical thinking allows you to concretize the tactical thinking of a hand wrestler. Applying tactical skills, a handyman can apply techniques of technical actions intentionally and at the same time not being late, but even ahead of the opponent. Thus, the means and methods used in the training process to develop tactical thinking at the initial stage of preparation had a positive effect on performances. Biomechanical mechanisms of success are, first of all: 1) deliberate or reciprocal movements of the wrestler, which the opponent uses to his advantage; 2) the relative positions of the wrestler (body, arms, legs) in grapples, stands, etc. – which gives spatial advantages when conducting wrestling techniques; 3) inertial characteristics of movement, which set an irreversible character when performing actions and while the athlete can change them, he will already lose the confrontation. They also include mechanisms for the use of distance, tempo, rhythmic and other characteristics of biomechanical interaction of wrestlers.

Psychophysiological mechanisms of success are based on the use of psychomotor, coordination and emotional reactions of the opponent, and also include hidden and open influence on his mental mechanisms of orientation and movement control.

Keywords: arm wrestling matches, biomechanical mechanisms, psychophysiological mechanisms, tactical skill, performance, competitive actions, training, pedagogical skills, interaction with an opponent, qualities, pedagogical technologies, interaction of wrestlers.

Рахматов Ахмеджан Ибрагимович

кандидат педагогических наук, профессор, НИУ МГСУ – Московский государственный строительный университет (СВАО) alex-ra-84@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с методикой построения эффективного тренировочного процесса рукоборцев. Автор обосновывает необходимость развития тактического мышления у атлета-армрестлера, формирования у него психологической установки на достижение успеха в ходе поединка.

Известно, что подготовка рукоборца основывается, в том числе, на изучении тактических приемов проведения поединка. Учение о тактике единоборства в современном армрестлинге аккумулирует в себе все известные спортивной науке закономерности подготовки и ведения спортивной схватки. В общем случае тактика в сфере спортивных единоборств подразумевает совокупность целенаправленных действий атлета с целью достижения победы или получения преимущества над оппонентом, сопряженные с прогнозированием и управлением ситуацией, складывающейся во время поединка.

Целью настоящей работы является выявление влияния психологических качеств атлетов-рукоборцев на уровень их потенциальных спортивных результатов. Результатом исследования выступает выработка научно обоснованных рекомендаций по формированию у армрестлеров развитого тактического мышления; выработке комплекса навыков, направленных на достижение успеха в поединке, а именно – способности определять в реальном режиме времени актуальные тактические задачи и решать их соответственно складывающейся за армстолом соревновательной обстановке.

Развитые тактические умения позволяют рукоборцу действовать на опережение в процессе противоборства, предугадывая ответные реакции оппонента. Включение в тренировочный процесс курса тактической теории позволит максимально задействовать биомеханические возможности организма атлета (в плане чувства дистанции; темповых, ритмических и др. характеристик), для того чтобы замаскировать преднамеренные или ответные движения рукоборца от соперника; занять правильную позицию для атаки (защиты) в ходе поединка (то есть расположить тело таким образом, чтобы дать преимущество в единоборстве); в полной мере учесть инерционные характеристики движения тела (своего и соперника), которые, как правило, носят стремительный и необратимый характер, что часто определяет исход поединка.

Одновременно учет психофизиологии армрестлера, его морально-волевых качеств, в немалой степени определяют баланс сил в разного рода критических ситуациях, в которых главенствующую роль начинают играть психомоторика, координация движений, скорость реакции и общий эмоциональный фон спортсмена, включая последствия прямого и косвенного воздействия на психический статус своего оппонента.

Ключевые слова: армрестлинг, поединок в армрестлинге, основы биомеханики действий атлета-рукоборца в ходе поединка, основы психофизиологии поведения атлета-рукоборца в ходе поединка, тактические приемы в армрестлинге, представление атлетов, правила борьбы за армстолом, тренировочный процесс рукоборца, основы педагогического мастерства и наставничества при подготовке атлетов-рукоборцев, взаимодействие с соперником в ходе поединка, морально-волевые качества рукоборца.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изменения подходов к тренировочному процессу спортсменов-рукоборцев с целью достижения ими более высоких спортивных результатов. В частности, в настоящее время, по мнению автора, на начальном этапе подготовки спортсменов-рукоборцев имеет место явная диспропорция в плане соотношения физической и тактической подготовки атлетов. Сегодня основное внимание уделяется выработке выносливости и силовых качеств рукоборца в ущерб развитию его тактического мышления. Такое видение методики подготовки спортсмена является крайне ограниченным, а решение тренерского состава делать главный акцент исключительно на силовой подготовке следует признать в корне неверным решением.

Безусловно, современный армрестлинг, действительно, предъявляет достаточно жесткие требования к уровню физической подготовки и выносливости спортсменов [1]. Так, к основным факторам, влияющим на готовность рукоборцев к высоким нагрузкам, относят реакцию различных органов и систем жизнеобеспечения атлета на пороговые для него физические напряжения, включая скорость протекания восстановительных процессов в организме [2; 3]. Многие исследователи отмечают, что занятия армрестлингом способствует развитию и выработке в организме спортсмена специфических морфофункциональных реакций [4]. Изучение состояния организма спортсменов под воздействием существенных нагрузок и без них, с учетом динамики позволяет составить представление о функционировании кардиореспираторной системы атлетов, что в свою очередь дает возможность своевременно корректировать нагрузки в рамках тренировочного процесса для повышения его эффективности [5; 6].

Различные аспекты комплексного контроля физического состояния профессиональных спортсменов достаточно полно раскрыты в работах В.Б. Иссурина, В.И. Лях, В.Н. Платонова, П. Гузееви, Ю. Пеганова, Л.С. Дворкина, И.П. Жекова и др. авторов [7; 8; 9; 10; 11]. При этом большинство современных методик текущего контроля физического состояния спортсмена требуют наличия специального оборудования, предназначенного для функциональной диагностики. Однако такое оборудование далеко не всегда имеется у сборных команд по армрестлингу на студенческом уровне. Но, даже принимая во внимание всё вышесказанное относительно значимости силовой подготовки атлета, по нашему мнению, не стоит абстрагироваться от выработки у рукоборца способностей контролировать ход поединка в тактическом отношении, задействуя при этом весь спектр морально-волевых качеств и психофизиологический потенциал спортсмена, что отражается в овладении тренирующимся приемами подготовки и ведения поединка, развитии психологической устойчивости, а так-

же умения прогнозировать развитие соревновательной ситуации за армстолом. Поэтому основам тактического видения поединка необходимо обучать атлетов уже на этапе начальной подготовки, с первого года занятий. Наличие развитого тактического мышления – немалый задел в плане успешного противостояния даже с опытным соперником. А симбиоз тактических способностей и стабильного психофизиологического статуса рукоборца – залог уверенного выступления на соревнованиях любого уровня, гарантия преодоления всех трудностей тренировочного процесса и негативных последствий возможных перегрузок. Причем этот тезис справедлив не только применительно к армрестлингу, но и к любым спортивным дисциплинам. И, напротив, отсутствие тактических навыков у рукоборца, нестабильность его психики могут нивелировать его силовое преимущество над оппонентом и в конечном счете привести к поражению в схватке, где счет идет на секунды, а ведь именно тактические умения позволяют рукоборцу своевременно предпринимать необходимые действия за армстолом [2; 3], в том числе оказывая воздействие на психологическую устойчивость соперника, его способность к концентрации и внутреннюю установку на победу. Конечно, тактика предполагает не только искусство знать и выявлять сильные и слабые стороны соперника, но и умение применять эти знания на практике.

Таким образом, **проблематика нашего исследования** связана с получением нового знания о динамике, структуре и возможностях оптимизации психического состояния спортсменов-рукоборцев. Причем предпринятый нами анализ значимых вопросов психологии и поведения армрестлера в процессе схватки ориентирован преимущественно на атлетов высокой квалификации, часто выступающих в финалах соревнований.

Изученность проблемы

Вопрос о силовой и психологической подготовке спортсменов в различных видах спорта изучается уже много десятилетий и имеет выраженную дифференциацию в зависимости от вида спорта, в контексте которого раскрывается данная проблематика тем или иным ученым. В отношении армрестлинга также существует целый пласт научных исследований, учитывающих специфику данной дисциплины.

Новизна исследования

Наш основной тезис касается того, что воспитание определенных психологических качеств у спортсменов-рукоборцев следует начинать на первичном этапе подготовки посредством систематических тренировок. Считаем, что внедрение в систему подготовки атлетов специальных технических приспособлений и спортивных снарядов способно заметно повысить качество их

выступлений на соревнованиях, избежать колебаний спортивной формы на протяжении всего сезона, выработать такие качества спортивной личности, которые бы максимально способствовали обеспечению психологической устойчивости и выносливости спортсмена.

Цель исследования – выявление влияния психологических качеств атлетов-рукоборцев на уровень их потенциальных спортивных результатов, с учетом разработки необходимых навыков при использовании специальных технических приспособлений и спортивных снарядов.

Задачи исследования сводятся к тому, чтобы составить и обосновать набор морально-волевых качеств, необходимых рукоборцу для успешного выступления, а также доказать высокую эффективность тренировочного процесса, построенного, в том числе, на укреплении психологического статуса атлета на примере результатов выступления армрестлеров на соревнованиях.

Организация исследования, методы и подходы к формированию волевых качеств

Эмпирическая база исследования была сформирована в ходе тренировочного процесса, в котором были задействованы спортсмены-рукоборцы в возрасте 18–20 лет, обучающиеся в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (НИУ МГСУ). При этом участники исследования являлись обучающимися начального этапа подготовки; они были разделены на контрольную и экспериментальную группы.

Как известно, основным методом воспитания необходимых умений и навыков у рукоборцев является систематическое выполнение легкоатлетических и тяжелоатлетических упражнений, выполнение упражнения «стартовый разгон» с применением различных тренажеров, а в соревновательный период – тренировки на спортивных снарядах. Контроль показателей в рамках нашего эксперимента проводился с помощью тестирования и оценки достигнутых результатов в ходе соревнований.

Для мониторинга и анализа текущих показателей применялись методы опроса, наблюдения, тестирования, а также метод экспертных оценок.

Практика показывает, что важное значение имеет подробное разъяснение спортсмену задач и целей тренировочного упражнения перед его выполнением (в подготовительный период – это стартовый разгон на разгонной эстакаде; в соревновательный период – спуск

на спортивном снаряде с тщательным контролем техники его выполнения).

Наблюдение – исследовательский метод, позволяющий выявить положительные и отрицательные стороны психофизиологического профиля спортсмена при выполнении упражнения и составить визуальное представление о его психологической готовности к соревнованиям.

Тестирование – исследовательский метод, характеризующий эффективность выполнения упражнения, и позволяющий получить сведения о динамике спортивной формы атлета, а также уровне его готовности на данном этапе подготовки.

Практическая значимость работы состоит обосновании того факта, что при систематическом выполнении определенного комплекса упражнений у спортсмена-рукоборца вырабатываются определенные психологические качества, которые формируют характер его спортивной личности и во многом определяют успех спортивной карьеры атлета.

Теоретическая значимость работы проявляется в изучении и обобщении собранного эмпирического материала для дальнейшего его использования начинающими тренерами, профессиональная компетенция которых может быть связана не только с армрестлингом, но и с иными видами спорта.

Основная часть

Теория армрестлинга как вида спорта содержит в себе учение о технике достижения успеха в поединке. Эта техника концентрирует в себе сведения о закономерностях контактного взаимодействия с соперником в ходе схватки, знание которых позволяет атлету целенаправленно перестраивать и контролировать свои действия для достижения победного результата. Очевидно, что успех в поединке может быть достигнут лишь на основе получения преимущества над оппонентом за счет использования биомеханических, психофизиологических и силовых качеств (разумеется, в рамках правил данной спортивной дисциплины).

К биомеханическим основам достижения успеха относят, прежде всего:

1. преднамеренные или ответные движения рукоборца, которые соперник использует в своих интересах;
2. взаиморасположение рукоборца (его тела, рук, ног) в захватах, стойках и т.д., что дает пространственное преимущество при проведении атакующих приемов;

3. инерционные характеристики движения, которые носят необратимый характер при выполнении определенных действий и протекают исключительно стремительно;
4. иные способности: чувство дистанции, а также темповые, ритмические и др. характеристики.

Психофизиологические механизмы достижения успеха базируются на использовании психомоторики, развитой координации движений, скорости реакции и общего эмоционального фона спортсмена (включая прямое и косвенное воздействие на психический статус оппонента).

В традиционном понимании тактические умения подразумевают под собой свод усвоенных и отработанных действий (тактических действий) в соответствии с некоторым алгоритмом, реализуемым в определенных условиях. На практике это не совсем так. То есть тактическое действие – это в большей степени понятие, которое обозначает целесообразную активность в рамках конкретного момента (эпизода) ведения поединка (разведка, маскировка, угроза атаки, атака и контратака, вызовы и провоцирования). Тактические же умения, по своей сути, носят более прикладной характер и отражают способность рукоборца решать заданную тактическую задачу. При этом решение тактической задачи связано с применением определенного алгоритма достижения успеха.

Тренировка способности атлета к тактическому анализу ситуации в условиях схватки должна учитывать то, что такие тактические задачи актуализируются не в виде единичных явлений, а в виде цепочки, последовательности; эффективность решения этих задач зависит от выбора спортсменом адекватного тактического умения и использованием соответствующего механизма (алгоритма) достижения успеха. Таким образом, тактическое умение лежит в основе достижения преимущества и одержания победы в процессе противоборства, причем нередко (тем более в соревнованиях высшего класса сложности, где явных фаворитов практически не бывает) грамотное использование тактических умений – единственный способ одержать вверх над соперником.

Разумеется, для того чтобы тактический талант спортсмена был реализован полностью, необходимо достичь такого состояния, при котором основные приемы техники ведения поединка реализовывались бы атлетом с высоким уровнем автоматизма (в спорте высших достижений – это необходимое условие); то же касается и его базовых тактических навыков, поскольку армрестлинг – вид спорта, где жесткий лимит времени является ключевым фактором.

Используя метод «мозгового штурма» [12], с привлечением высококвалифицированных экспертов, мы установили следующий минимально необходимый набор тактических умений, которыми следует обладать рукоборцу:

- максимально быстрое выполнение стартовых движений с опережением защиты противника;
- выполнение отводящих блоков для совершения захватов;
- умение применять приемы маневрирования и совмещения нескольких маневров в рамках одного действия;
- применение комбинаций обманных действий и ложных атак в ситуациях конфликтной неопределенности [13].

Главным тактическим умением является способность опередить соперника при выполнении стартовых движений в поединке за армстолом. Механизм достижения успеха в данном случае предполагает выполнение движения из стартовой готовности в момент, когда соперник в ней не находится; можно также постараться отвлечь оппонента от момента старта выполнением каких-либо других действий.

Тактические задачи опережения соперника:

- выход на атакующую дистанцию в момент отсутствия у соперника стартовой готовности;
- использование момента начала выполнения соперником подготавливающих атаку движений;
- отвлечение соперника движением руки, ноги или повторяющимися движениями типа «раздергиваний» [14].

Вторым тактическим умением является атакующий захват и при необходимости выполнение контратаки.

Тактические задачи:

- рывок на себя, затем повторный рывок влево или вправо («раздергивание»);
- движение в плечо со скручиванием захваченной руки – «выдергиванием» на себя или движение влево или вправо.

Некоторые тренеры и спортсмены-армрестлеры считают, что основным подходом к успешному началу атаки является опережение соперника, однако существует и другой подход, связанный с упреждающим устранением атаки с помощью маневренных подготовок, разрушающих защитные действия соперника [15].

Третье тактическое умение – выполнение ложных движений влево и вправо с целью отвлечения внимания соперника и выполнения захвата, а также передвижений в различных направлениях при сочетании нескольких приемов маневрирования.

Механизм достижения успеха здесь заключается в одновременном проведении нескольких манеров, что обеспечивает замедление времени реагирования соперника на момент старта и тем самым создает атакующему временное преимущество.

Тактические задачи применения приемов атаки и контратаки в этой ситуации будут следующие:

- отвлечение демонстрацией ложного направления движения (принятие угрожающей позы или изменение положения тела;
- уход от атаки влево или вправо;
- сближение с соперником, не пересекая среднюю линию армстола.

Следует помнить, что начало атаки еще не обеспечивает в полной мере эффективного превосходства, поскольку противник может оказать действенное сопротивление. Чтобы его избежать, на начальной фазе применяются комбинации угрожающих маневров и ложных атак.

Четвертым тактическим умением выступают ложные атакующие и контратакующие действия, что позволяет использовать защитные реакции соперника для продолжения эффективного давления на оппонента.

Механизм достижения успеха в данном случае заключается в стремлении вынудить соперника к сложным цепочкам защитных действий, сопряженных с выбором неоднозначных альтернатив.

Тактические задачи применения комбинаций обманных действий и ложных атак таковы:

- выполнение предатаковой подготовки с отвлекающими движениями;
- выполнение ложной атаки, сопровождаемой «раздергиванием» одной рукой;
- понуждение соперника начать атаку и встреча его движением вразрез – встречной контратакой.

В поединках часто возникают ситуации, когда после начала атаки соперник успевает выполнить контратакующие действия. Поставив противника перед необходимостью выбирать требуемую технику для защиты или атаки, мы можем получить время на переключение своих действий на иной алгоритм. Это является *пятым тактическим умением* – переключение с выполнения одних действий на другие при возникновении затруднения в процессе контратаки.

Выводы

Таким образом, механизмом достижения успеха, по нашему мнению, является антиципация развития контактного взаимодействия с соперником. Решаемые в ходе поединка тактические задачи при этом подразделяются на:

- переключение с атаки на контратаку и повторную атаку;
- переключение с маневра соперника на опережающую атаку;
- переключение с атаки на выполнение контратаки;
- переключение с атаки в одном направлении на атаку в свободном от защиты направлении.

Выделение в тактическом знании, которым обладает атлет-рукоборец, определенной номенклатуры тактических умений, освоение спортсменом алгоритмов достижения успеха и эффективное решение тактических задач позволяют целенаправленно натренировать способность рукоборца мыслить категориями тактики. Применяя тактические умения, рукоборец получает возможность использовать отработанную на тренировках технику планомерно, своевременно, опережая и предупреждая инициативные действия со стороны соперника, поступая по ситуации. В целом освоение тактики поединка и принципов, на которых она строится, совершенствует навыки ведения борьбы за армстолом и является залогом успешной спортивной карьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегидова, Т.П. Теория и организация адаптивной физической культуры. – Москва: Юрайт, 2019. – 92 с.
2. Чернов, И.В. Организация учебно-тренировочного процесса по физической культуре в высшем учебном заведении (на примере тяжелой атлетики) / И.В. Чернов, Р.В. Ревунов. – Москва: Лань, 2019. – 35 с.
3. Виленский, М.Я. Физическая культура: учебник / М.Я. Виленский, А. Г.М. Горшков: КноРус, 2020. – 67 с.
4. Сизоненко, К.Н. Развитие силовых качеств в процессе физического воспитания студентов: учебное пособие. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. – 15 с.
5. Родионова, И.А. Физическая культура. Физическая подготовка студентов технического вуза на основе адекватных двигательных установок: учебно-методическое пособие / И.А. Родионова, В.И. Шалупин, М.П. Перминов. – Москва: ИД Академии Жуковского, 2020. – 10 с.
6. Рахматов, А.И. Армспорт. – [2-е изд.]. – Москва: Юрайт, 2022. – 22 с.
7. Иссурин, В.Б. Научные и методические основы подготовки квалифицированных спортсменов / В.Б. Иссурин, В.И. Лях. – Москва: Спорт, 2020. – 42 с.
8. Платонов, В.Н. Двигательные качества и физическая подготовка спортсменов: монография. – Киев: Олимп, 2017. – 656 с.
9. Гузеев, П. Пауэрлифтинг: методическое пособие / П. Гузеев, Ю. Пеганов. – Москва: ТерраСпорт, 2003. – 56 с.

10. Дворкин, Л.С. Силовые единоборства. Атлетизм, культуризм, пауэрлифтинг, гиревой спорт. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 384 с.
11. Жеков, И.П. Биомеханика тяжелоатлетических упражнений. – Москва: Физкультура и спорт, 2006. – 192 с.
12. Жичкин, А. Е. Атлетическая подготовка в тренажерном зале. – Харьков: Изд-во ХГПУ, 1996. – 73 с.
13. Захаров, Е.Н. Энциклопедия физической подготовки / Е.Н. Захаров, А.В. Карасев, А.А. Сафонов. – Москва: Лептос, 1994. – 368 с.
14. Зациорский, В.М. Методика воспитания силы // Физические качества спортсмена: сб. научных трудов, 1970. С. 82–95.
15. Ильинича В.И. Физическая культура студента: учебник. – Москва: Гардарики, 2000. С. 37.

© Рахматов Ахмеджан Ибрагимович (alex-ra-84@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НИУ МГСУ – Московский государственный строительный университет (СВАО)

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ

RELIGIOUS EDUCATION AS A BASIS FOR THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF STUDENTS

*V. Skopa
E. Stepanov*

Summary: The article considers religious education as the basis for the formation of spiritual and moral values of students. The problem of the spiritual and moral development of the younger generation, the development of value categories among adolescents in a multicultural society and the transformation of social systems is one of the paramount today. In this regard, religious education is of great importance as an element in the system of secular education, which acts as a cementing basis and helps to consolidate and strengthen the internal foundations of young people. The perception of religion by a modern person is not reduced to blind faith in God, it is a crystallization of one's own moral experience and the experience of previous generations. Religion is of paramount importance for the system of modern education and becomes a source of development of spiritual values for the generation of the future.

Keywords: spiritual and moral education, students, education, religion, teacher, values.

Скопа Виталий Александрович

*доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет, (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru*

Степанов Егор Сергеевич

Алтайский государственный педагогический университет, (г. Барнаул)

Аннотация: В статье рассматривается религиозное образование как основа формирования духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения. Проблема духовно-нравственного развития учащихся, развитие ценностных категорий у подростков в условия поликультурного социума и трансформации социальных систем является одной из первостепенных на сегодняшний день. В этой связи важное значение имеет религиозное образование как элемент в системе светского образования, выступающий цементирующим базисом и способствующий консолидировать и укрепить внутренние устои молодежи. Восприятие религии современным человеком не сводится к слепой вере в Бога, она есть кристаллизация собственного нравственного опыта и опыта предшествующих поколений. Религия приобретает важнейшее значение для системы современного образования и становится источником освоения духовных ценностей поколением будущего.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, учащиеся, образование, религия, педагог, ценности.

В последнее десятилетие система образования в России постоянно сталкивается с многочисленными вызовами, к числу которых можно отнести – экономические, политические, социальные, накладывающие неоднозначный отпечаток на систему. Изменение структуры общего образования, введение профессионального стандарта педагога, создание национальной системы учительского роста и независимой оценки компетенций педагогов – все это влечет обновление содержания, методов, форм организации педагогического процесса, приведение их в соответствие с требованиями ФГОС, социальным заказом и интересами государства.

Одна из актуальных проблем сегодняшнего образования – это проблема духовно-нравственного развития подрастающего поколения, развитие ценностных категорий у подростков в условия поликультурного социума и трансформации социальных систем. В этой связи важное значение имеют религиозные основы или религиозное образование как элемент в системе светского образования, выступающий цементирующим базисом и способствующий консолидировать и укрепить внутренние устои молодежи [2, 5, 7, 13, 14].

Последнее время очень часто ставятся вопросы: «Может ли школа заниматься религиозным образованием? Правомерно ли школу использовать для религиозного образования? В каких рамках и формах может осуществляться религиозное образование в современной (светской) школе?» и эти вопросы активно обсуждаются в современной России на протяжении текущего десятилетия [15]. Существенно актуализировало данную проблему реализация курса в системе начального образования «Основы религиозных культур и светская этика».

В современной отечественной науки заявленная проблема получила освещение в трудах педагогов, историков, философов, культурологов, богословов, что указывает на ее многогранность и социокультурную значимость [1, 4, 6, 8, 9, 12].

Важно заметить, что религия традиционно была связана с образованием. Развитая религия предполагает религиозное образование самых разных ступеней, от первоначального – для новичков, неопитов, до высшего – богословского, необходимого священнослужителям [11]. В процессе религиозной жизни формируются прин-

ципы и традиции, а затем и целостная система религиозного образования. Заметим, что религиозное образование – дело самой религии. Например, в православии религиозное образование осуществляется для священнослужителей в духовных училищах, семинариях и академиях, для мирян – посредством проповеди и занятий в воскресных школах при церковных приходах [14].

Особый поворот проблема религиозного образования и воспитания приобретает в условиях современного общества. Здесь религиозное образование проникает в систему светского, внерелигиозного. В этой связи весьма значимо влияние религиозных основ на процесс формирования и развития нравственных ценностей подрастающего поколения и развитие мировоззренческих установок.

Духовность является одним из основных существенных видовых признаков человека. Вся жизнедеятельность человека, определяемая условиями социального бытия, и несет на себе печать индивидуальной духовности [16]. Именно духовность и ее сущность определяют гражданскую позицию.

Религия относится к разряду социальных явлений, которые всегда будут нам сопутствовать. Православная церковь играла огромную роль в политической и духовной жизни России [10]. Само по себе обращение к религии так же, как и избрание веры, дело сугубо личное. Однако общество ныне озабочено выработкой противовесов небывалому росту преступности, всеобщей неответственности.

Исторически система светского образования складывалась как социально-ориентированное дополнение к религиозному образованию под влияниями нужд и потребностей общества. Постепенно светское образование из дополнительного превратилось в основное, тогда как религиозное образование было вытеснено на периферию, более того, едва не уничтожено.

В современную эпоху потребность в религиозном образовании возникла у самого общества. В нем возникла настоятельная потребность дополнить светское образование образованием религиозным для неверующих людей. Это обусловлено несколькими причинами, главная из которых, на наш взгляд, необходимость преодоления одной из болезней, одной из глобальных проблем современной эпохи – бездуховности современной цивилизации [3]. В современном образовании слишком мало воспитания, именно воспитания в том контексте, которое закладывает базовые категории нравственности и духовности; формирует принципы духовного индивидуализма как базисной основы цивилизованного общества. В свою очередь это негативно сказывается на всем социуме, проявляется, в частности, в стихийном форми-

ровании культа «вседозволенности», потребительского отношения к жизни, к природе, к людям [16].

С другой стороны, поскольку в недрах современного общества теплится религиозная жизнь, общество нуждается в осознании ее как факта общественной жизни, в выработке «цивилизованных норм» отношения к религии. Но здесь религиозное с самого начала подчинено социальному. В вопросах о приоритетах современное общество решительно ставит себя, свои ценности над религией. Это проявляется в первую очередь в требовании, чтобы религиозная жизнь протекала в рамках закона общества. Интересы общества, государства, права человека понимаются как нечто само собой разумеющееся, первостепенное [13].

Характерной чертой современного светского религиозного образования является слабая привязка к особенностям определенных конфессий. Это образование призвано учить обо всех религиях, распространенных в обществе. Если собственно религиозное образование центром тяжести делает специфику того или иного вероучения, то светское образование пытается говорить о «религии вообще», стремясь выявить не различия между религиозными учениями, а то общее, что у них имеется.

Наличие распространенных в обществе религий рассматривается здесь как исторический результат выбора, сделанного когда-либо различными народами, составляющими население страны, либо как результат личного выбора индивидов [1]. Соответствующий подход приводит к соответствующим результатам. Так, в России начала 90-х годов XX века было объявлено равенство всех религий перед законом. Равные права получили как традиционные формы религии, веками существующие в обществе, так и новые, нетрадиционные формы религии. Впрочем, общество вынуждено было вскоре изменить свое отношение к современным сектам. Они оказались по большей части асоциальными, деструктивными, проникнутыми религиозным экстремизмом. Деятельность многих из них была запрещена. Таким образом, уравниловка общедемократического подхода к религиозным организациям провалилась. На ее место водрузился курс, ориентированный на традиционные формы религии, веками существующие в пределах многонациональной страны. В идеологии общества укрепилась идея «дружбы» религий народов, образующих федерацию. Но приемлемость религий с точки зрения общества нуждается в приемлемости этой новой идеологии для самих религий. Так, «интернационализм» религий, вполне устраивающий людей, выросших в условиях советского интернационализма, с точки зрения православия представляет собой соблазн экуменизма. Экуменизм как движение за объединение всех христианских церквей, возникшее в начале XX века, к концу века превратилось в движение за объединение всех религий, в желание

создать какую-то единую религию, а это в свою очередь влечет искажение в формировании и самих ценностных категорий. Но как показывает практика никакой «сборной» религии быть не может. «Истина одна...», – говорил митрополит Иоанн, один из иерархов РПЦ, – и создавать из разных вероисповеданий некий конгломерат равносильно тому, чтобы просто приводить людей к атеизму, к безбожию», а это просто будет порождать безнравственность и духовную пустоту [12, с. 295]. С его точки зрения следует удаляться от иных вер и сект. «Враждовать с их приверженцами не следует, и удаляться от общения по делам житейским – тоже, – добавляет он, – но в молитвенное общение не вступать и... не полагать их учения в основу своей практической и духовной жизни» [12, с. 343].

Духовно-нравственные христианские ценности, которые близки основным положениям других великих религий России, – это первое, что должно объединять усилия государства и Церкви, светского образования и духовного просвещения. Это – ценности патриотизма, любви к своей стране, ее истории, ее обычаям, о них говорится в богослужениях, церковных проповедях [14]. Для Церкви чуждо понимание, что для человека Родина там, где ему сытнее. И история Отечества дает многочисленные примеры того, как пастыри Церкви наставляли свою паству на мужественную борьбу с врагами в годину военных испытаний, а подчас и сами принимали мученическую смерть. Вера помогала преодолевать тяжкие испытания, укрепляла народный дух. Не меньшее значение и для светского государства, и для верующих имеет понимание ценности семьи и воспитания детей. И здесь православная традиция является для нас естественной опорой. Православие всегда поддерживало идею и практику дружной многодетной семьи [7].

По нашему мнению, необходимость «присутствия» религии в школе обосновывается следующими аргументами. Современные государственные и политические режимы неустойчивы, их доктрины носят противоречивый характер, тогда как задачи формирования личности должны определяться вечными, неизменными принципами, соответствующими основам христианского вероучения, и это может обеспечить только церковь – такой же вечный институт. Воспитывающее значение гуманистических принципов религии несомненно.

Постепенно восстанавливая свой духовный потенциал и влияние в обществе, церкви разных конфессий уделяют большое внимание проблемам религиозного воспитания молодого поколения. В данном контексте интересным является понимание Вл. Соловьевым религии. Он трактует ее как воссоединение человека и мира с безусловным и всецелым началом. «Это начало, как всецелое или всеобъемлющее, ничего не исключает, а потому истинное воссоединение с ним, истинная религия не может исключать или подавлять, или насильственно

подчинять себе какой бы то ни было элемент, какую бы то ни было живую силу в человеке и его мире» [11].

С этой точки зрения религия является источником возвращения человека к утраченным нравственным ценностям: солидарности, братства, свободы и равенства, одной из причин разрушения которых является навязывание элементов западной культуры в сознание народов России. Однако её несостоятельность позволяет донести до осознания современного поколения ценности воссоединения и целостности культурной традиции [15]. Кризис восприятия ценностей культуры Запада уже начался. Фильмы, замыкающие человека на пессимистическом будущем, зле, лжи, страданиях, разрушительном отношении к окружающему миру лишают его возможности задуматься над смыслом жизни, обесценивают ее. И самое важное, отвлекают его от великой Тайны человечества, возможности размышлять и создавать Будущее.

В настоящее время появляется поколение «новых» детей, одной из важных составляющих сознания которых является – сердечная одаренность, умение сопереживать другому человеку, природе, всему миру явлений. Основным критерием проявления в ребенке истинно нового сознания является высший тип одаренности – одаренность духовно-ценностная. Религия – это описание нравственного кода, с которым рождаются современные дети, это дар создания особых новых духовных ценностей и смыслов, дар служения всей своей жизнью другому человеку, обществу, природе.

На сегодняшний день мы имеем дело с поколением, готовым принимать, понимать и осознавать духовные законы мира, а их раскрывает религия. Дети нового сознания имеют очень сильную волевую установку на осознанные действия. Они регулируют в своем сознании свои действия и действия окружающих взрослых. Если религия станет одной из форм, по средствам которой удастся донести до осознания подрастающего поколения духовные ценности таким образом, чтобы их сознание оставалось природно-целостным и здоровым, поддерживалась гармония в их развитии, то мы сможем сохранить и взрастить потенциал молодого поколения. Религия – это сила, которая позволит возратить человечество к нравственности и пробудит человека, избавит его от материальной зависимости. Определено, люди должны думать об этом, и таких людей должно быть всё больше, однако нелегко устоять в обществе полном искушений и соблазнов. Джидду Кришнамурти сказал, что «целостный – это разумный, здравый и праведный» [17, с. 122]. В этом смысле ценности, представляемые религией, дают благо, потому что соединяют человечество в единое целое. И «новые» дети чувствуют это предназначение как никто другой. Кант И. отмечал, что в истинной вере важно не то, чтобы хорошо рассуждать о Боге, о душе, о том, что было и что будет. Важно

одно – твердо знать, что в этой жизни должно и чего не должно делать. И если человеку плохо жить, то это только от того, что у него нет веры. Если живется плохо народу, то это от того, что он утратил веру. Чем сильнее вера общества, тем лучше его жизнь. Если вера учит тому, что надо отказаться от этой жизни ради жизни вечной, то это ложные ценности, навязываемые человеку, отдаляющие его от исполнения истинного закона жизни.

Пьер Тейяр де Шарден писал о грядущей смене цивилизации, о приходе нового человека в его слиянии с Богом, или так называемой Точке Омега [18]. Благодаря объемному видению и соединению в сознании всех «звеньев невидимой цепи», человек имеет шанс постигнуть истинное положение вещей, а духовность – это и есть постижение высокопотенциальной информации, осуществляемой с помощью сердечного интуитивного канала и высших каналов сознания.

Таким образом, восприятие религии современным человеком не сводится к слепой вере в Бога, она есть кристаллизация собственного нравственного опыта

и опыта предшествующих поколений. Создание условий, обеспечивающих выявление и развитие детей, реализацию их потенциальных возможностей, должно стать одной из приоритетных социальных задач нашего государства. В последние годы у нас стали открываться образовательные учреждения, разрабатываться учебные и социальные программы, появились общественные организации и фонды, ставящие основной своей целью выявление, обучение, развитие детей нового сознания. Поэтому одной из основных задач, стоящих перед нашим обществом, должно быть создание такой среды, которая стимулировала бы ребенка к интеллектуальной деятельности, позволяла бы иметь возможность для деятельного общения со сверстниками и старшими коллегами, имеющими такие же жизненные ценности и интересы. Если ребенок окажется вне школы, вне духовных ценностей, то вполне возможно, что это приведет к проблемам с его социализацией. Именно в этом ракурсе религия приобретает важнейшее значение для системы современного образования и становится источником освоения духовных ценностей поколением будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барулин В.С. Социально-философская антропология: Общие начала философской антропологии. М., 1994. – 291 с.
2. Данилюк А.Я. Нравственное и гражданское воспитание: взгляд компаративиста // Педагогика. 2008. № 8. – С. 112-116.
3. Игумен Евмений. Духовность как ответственность. Свет Православия. 2000 г.
4. Коджаспирова Г.М. Педагогика в схемах, таблицах и опорных конспектах. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2007. – 256 с.
5. Козырев Ф.Н. Религиозный компонент духовно-нравственного воспитания // Педагогика. 2008. № 9. – С. 62-71.
6. Коменский Я.А. Наставление нравов: педагогическое наследие. М. Педагогика, 1989. – 416 с.
7. Кондаков А.М. Духовно-нравственное воспитание в структуре Федеральных государственных стандартов общего образования // Педагогика. 2008 №9. – С. 13-19.
8. Кряклина Т.Ф., Костюкова Т.А., Петрова Г.И. Диалог культур: толерантность в национальных и конфессиональных отношениях (опыт организации совместной жизни народов Сибири) / под ред. Г.И. Петровой. Томск, 2002. – 142 с.
9. Лекторский В.А. Духовность и рациональность // Вопросы философии. 1996. № 2. – С. 48-53.
10. Метли И. Религия в школе: проект нового закона «Об образовании» // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 1. – С. 57-60.
11. Метлик И.В. Изучение религий и воспитание учащихся в современной школе // Педагогика. 2008. № 9. – С. 51-61.
12. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладоский Иоанн (Снычев). Русский узел: Статьи. Беседы. Обращения. СПб., 2000.
13. Никандров Н.Д. Светское образование и духовное просвещение // Педагогика. 2010. № 3. – С. 9-14.
14. Никандров Н.Д. Светское образование и духовное просвещение: проблемы взаимодействия // Педагогика. 2010. № 3. – С. 9-14.
15. Розина О.В. Традиционные формы повышения квалификации в системе непрерывного духовно-нравственного становления личности учителя // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. IV. Педагогика. Психология. 2012. Вып. 1 (24). – С. 7-15.
16. Симонов П. В. Происхождение духовности. М., 1989. – 245 с.
17. Джидду Кришнамурти. М., 2011. – 320 с.
18. Гильдебранд Д. фон. Тейяр де Шарден: на пути к новой религии // Новая вавилонская башня. Избранные философские работы. СПб., 1998. – 251 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Степанов Егор Сергеевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАЧЕМ РАЗВИВАТЬ КРЕАТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Слепак Евгения Викторовна
Аспирант, РЭУ им. Г.В. Плеханова
Slepak.EV@rea.ru

WHY DEVELOP CREATIVE THINKING IN AN EDUCATIONAL SETTING

E. Slepak

Summary: The intensive development of the world requires us to make significant changes in all spheres of life. Digital progress is forcing a rethinking of existing ways of doing things. The transition from a planned economy to a project economy, rapid changes in consumer preferences, high competition – all these developments demand new specialists from the labour market. Employers are increasingly demanding creative competences. The task of education is becoming to understand this phenomenon and how to develop it among students.

Keywords: creativity, creative thinking, education, teaching methods, innovation.

Аннотация: Интенсивное развитие мира требует от нас значительных изменений во всех сферах жизни. Цифровизиционный прогресс заставляет пересматривать существующие уклады. Переход от плановой экономики к проектной, быстрые изменения предпочтений потребителей, высокая конкуренция – все это требует от рынка труда специалистов новой формации. Все чаще у работодателей возникает спрос на креативные компетенции. Задачей образования становится разобраться в этом феномене и способах его развития среди студентов.

Ключевые слова: креативность, креативное мышление, образование, методы преподавания, инновации.

Творчество легло в основу множества открытий и инноваций. В целом, творческое начало является двигателем человеческого прогресса. Оно помогает взглянуть на привычные вещи под другим углом, в результате чего сегодня мы видим - самолеты, космические корабли, активно покоряем космические просторы. Самое главное значение творчества, что у него нет границ: фактически его проявления ощутимы во всех сферах повседневной жизни.

До недавнего времени творчество подразумевало созидательный процесс особой категории – «творцов». Чаще всего такие индивидуумы, предполагали у себя наличие особенных дарований свыше и не связывали это с чем-то более приземленным и понятным. [1] Однако, в мире начали происходить прогрессивные технологические перемены, которые принадлежали далеким, на первый взгляд, от творчества людям. Тем не менее, парадокс заключался в том, что они проявили так называемое «творчество» и представили то, чего до этого не существовало. Таким образом, появилась теория относительности, электричество и интернет. Чем значительнее менялся мир, тем значительнее менялись представления о творчестве. В итоге, это привело к тому, что из понятия творчества выделилось понятие креативность как отдельный элемент.

Исследуя сущность и проявление креативности, чаще всего, мы сталкиваемся с таким понятием, как креативное мышление. Впервые понятие креативное мышление отразил Дж. Гилфорд. Он указал, что такой

тип мышления, определяется как всестороннее, затрагивающие все аспекты знания. [3] Согласно представлению А.М. Матюшкина, креативное мышление – это порождение проблемы и формулирование мыслительной задачи, а также поиск решения и его обоснование. Причем звено порождения проблемы рассматривается как наиболее специфическая характеристика творческого процесса мышления. [2] Рассматривая еще одно определение, предложенное Н.А. Авдеенко, креативное мышление – это способность продуктивно участвовать в процессе выработки, оценки и совершенствовании идей, направленных на получение инновационных и эффективных решений, в том числе, получения новых знаний. [4]

Определение «креативного мышления» представляется достаточно объемным, не до конца изученным. Однако, мы видим результат его воздействия на внешнюю среду, его свойства действительно являются движущей силой инноваций, оказывающих влияние на общество в целом. Иными словами, каждый человек, в большей или меньшей степени, обладает потенциалом креативного мышления [6]. Стоит отметить, что многие эксперты считают, что креативное мышление, как часть мыслительного процесса, может позитивно сказываться на всех сторонах индивидуального развития, включая метакогнитивные способности, межличностные и внутриличностные навыки и навыки решения проблем, а также способствовать развитию личности, академической успеваемости, будущей карьере и социальной активности. [5]

Зачастую, когда ведется речь о креативном мышлении, общество представляет перед собой действия, связанные с областью креативных индустрий. Иначе говоря, что креативность хорошо развита у тех представителей, чья профессия и область знаний, является главным инструментом для получения результата. Абсолютно точно, что в данном высказывании есть определенная доля правды. Изучая процесс работы студентов бакалавриата по направлению дизайна и маркетинга, вы увидите явные признаки использования креативного мышления. Однако, это лишь потому, что в основе их области знаний лежит необходимость “удивлять” своих конечных потребителей. Более того, студентам данных направлений чаще всего выделяют больше путей для самопоиска и ориентации. Если рассматривать противоположное направление обучения, например, менеджмент или экономику, их область знания сосредоточена в более точных науках и чаще сопровождается структуризацией и формализмом. В данном случае, креативное мышление тоже присутствует, однако в не столь ярко выраженных формах. Тем не менее, социально-экономические изменения, которые внесли разительные перемены в привычный уклад, обусловили необходимость развития креативного мышления у всех профессий в достаточном объеме.

В рамках исследования креативного мышления был проведен опрос участников, где им предлагалось объяснить, что такое креативное мышление и считают ли они, что обладают креативным мышлением. Результаты опроса представлены на Рисунке 1.

Какую роль занимает образование в развитие креативного мышления? Для ответа на этот вопрос, рассмотрим структуру CERl [5], которая описывает параметры

измерения креативного мышления:

1. "конструктивная эмпатия" – умение осознавать свои эмоции и чувства, переводя их в наблюдения, с последующим фиксированием опыта и информации;
2. поиск и генерация идей;
3. критическое мышление – установка связей, интеграция разных областей знаний;
4. склонность к риску – выход из зоны комфорта, преобразования идей;
5. процесс прототипирования – способность воспроизводить идеи в реальность;
6. анализ и оценочные суждения – способность оценивать новизну решения и/или его возможные последствия.

Рассмотрим каждый из приведенных параметров с точки зрения образовательного процесса. Говоря о “конструктивной эмпатии”, задача преподавателей создавать условия для эмоционального подъема.

В частности, речь идет о мотивации. Чаще всего студентам трудно уловить взаимосвязь дисциплины с их дальнейшей деятельностью, что влечет за собой пониженную мотивацию на результат. Более того, на заинтересованность студентов влияет и форма подачи материала. В связи с этим, есть необходимость в замерах вовлеченности во время образовательного процесса, постоянной смене деятельности и понятном описании, для чего этот материал будет необходим. Сразу уточним, данная модель не дает полноценного охвата аудитории, так как за студентом сохраняется право принимать или не принимать полученный материал. Однако, отрицание тоже эмоция, которую необходимо зафиксировать и преобразовать в информацию “мне не нужен данный

Points scored

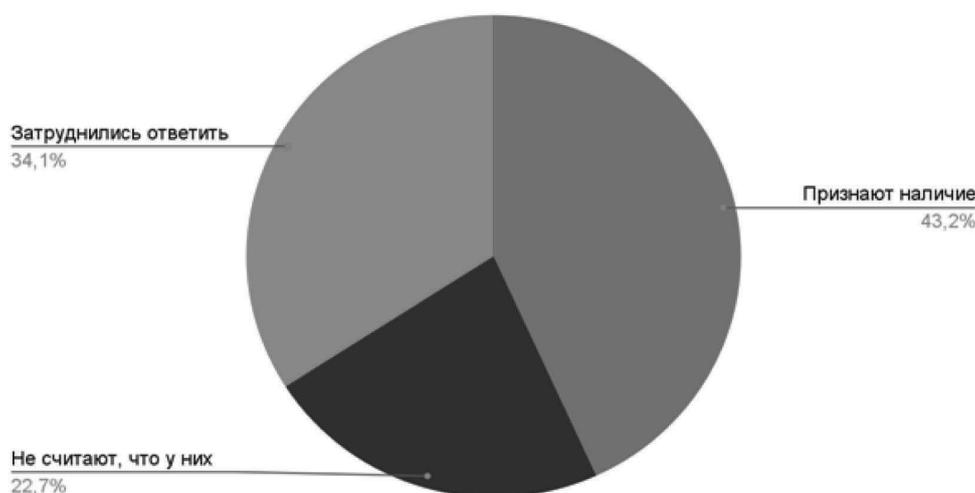

Рис. 1. Опрос участников о наличии у них креативного мышления

материал потому что...”.

Поиск и генерация идей, один из основополагающих фундаментов в процессе обучения. Студентам необходимо научиться работать с потоками информации и отсеивать ненужное. В данном ключе эффективной представляется работа с проектным обучением, где основной упор делается на проблему, а далее студенты самостоятельно определяют необходимые для них знания. Таким образом, эффективность усвоения материала, вовлеченность в процесс значительно повышаются, а навыки поиска и генерации идей становятся более осознанными.

Критическое мышление одна из наиболее важных компетенций XXI века. В результате огромных потоков информации появилась необходимость в тщательном отборе знаний. Необходимо умение формировать логические структуры и навыки построения причинно-следственных связей. Этому навыку необходимо уделять особое внимание при передаче информации, делая акцент почему был выбран тот или иной способ решения проблемы.

В случае с толерантностью к риску, могут возникать некоторые ограничения. Разные типы людей по-разному воспринимают риск. Существуют методики определения склонности к риску у человека, которые позволяют определить модель его поведения. В настоящий момент нет подтверждения или опровержения тому, что риск сильно влияет на креативное мышление, точнее сказать, что менее рискованные люди обладают меньшей креативностью.

Прототипирование один из важных и сложных элементов процесса генерации новых идей. Процесс создания реального продукта, чаще всего, сопровождается отклонением от первичных представлений. Это в значительной степени сказывается на мотивации студентов, их последующим отказом от проекта в целом или переходом на более упрощенную модель реализации. Соот-

ветственно, это влияет и на процесс креативного мышления в дальнейшем. В этом случае, преподаватель должен выступать, как поддержка и опора, а иногда и в качестве соавтора. Таким образом, обогащая своим опытом и знаниями студента, преподаватель обозначает ключевые точки “сложности=возможности” и пути решения.

В итоге, после завершения представленных выше пунктов, наступает стадия самого важного этапа - оценка и анализ деятельности. В этом пункте сосредоточены два важных процесса мышления - креативное и критическое. Студенту необходимо понимать процесс, разбивать каждый этап на шаги и оценивать каждое свое решение, с точки зрения его релевантности и точности. Важной задачей преподавателя, на данном этапе, является проведение грамотной рефлексии, а также оценка полученных в результате работы компетенций и их дальнейшая применимость.

Проанализировав материалы по креативности и креативному мышлению, как компетенций, мы пришли к выводу, что как самостоятельный объект исследования, это относительно новое явление. Однако, уже сегодня стало очевидным, что с помощью креативного мышления возможно быстро и эффективно менять социально-экономические процессы в государстве. Именно поэтому, необходимо исследовать навыки, которые лежат в основе этих компетенций. Такое исследование позволит нам адаптировать современные образовательные технологии для студентов, определить количественные и качественные критерии оценки сформированности компетенций, значительно продвинуть будущих профессионалов на рынке труда. Кроме ценности для студентов, исследование данной области окажет влияние и на профессорско-преподавательский состав. Креативное мышление предполагает поиск новых механизмов сборки методологии ведения занятий, поиск нестандартных форматов проведения, а самое главное сможет сформировать новые формы связи со студентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубовая, О. Мимесис и пойнсис. Античная концепция «подражания» и зарождение европейской теории художественного творчества — М.: Памятники исторической мысли, 2001.
2. Матюшкин А.М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности// Вопросы психологии. 1982. № 4 с. 5 – 17
3. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1996. – 392 с.
4. Авдеенко, Н.А. Основные подходы к оценке креативного мышления в рамках проекта «Мониторинг формирования функциональной грамотности» // Функциональная грамотность — важнейший результат образования — 2019.
5. Vincent-Lancrin, S., et al. (2019), *Fostering Students' Creativity and Critical Thinking: What it Means in School*, Educational Research and Innovation, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/62212c37-en>
6. Lucas, B. and E. Spencer (2017), *Teaching Creative Thinking: Developing Learners Who Generate Ideas and Can Think Critically*, Crown House Publishing Ltd.

© Слепак Евгения Викторовна (Slepak.EV@rea.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА СРЕДНЕЙ СТУПЕНИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Юсупова Татьяна Геннадьевна

Канд.пед.наук, доцент, Государственный
гуманитарно-технологический университет
(г. Орехово-Зуево)
justatiana@rambler.ru

FEATURES OF THE FOREIGN LANGUAGE EDUCATIONAL PROCESS AT THE SECONDARY LEVEL IN A COMPREHENSIVE SCHOOL

T. Yusupova

Summary: The article discusses the concept of "technologization" of the educational process. The "technologization" of foreign language teaching is a new direction in pedagogical science, which makes the transition to the technological level of designing the educational process, the result of which is the technology of learning. The meaning of pedagogical technology lies in the fact that, firstly, pedagogical technology translates the process of foreign language teaching to the path of preliminary design, determining in advance the structure and content of the educational and cognitive activity of the student and the educational process as a whole.

Keywords: foreign language learning process, cognitive-communicative approach, communicative educational environment, technology.

Аннотация: В статье рассматривается понятие «технологизации» учебного процесса. «Технологизация» иноязычного обучения представляет собой новое направление в педагогической науке, осуществляющее переход на технологический уровень проектирования учебного процесса, результатом которого является технология обучения. Смысл педагогической технологии заключается в том, что, во-первых, педагогическая технология переводит процесс иноязычного обучения на путь предварительного проектирования, заранее определяя структуру и содержание учебно-познавательной деятельности обучаемого и учебно-воспитательного процесса в целом.

Ключевые слова: иноязычный учебный процесс, когнитивно-коммуникативный подход, коммуникативная образовательная среда, технология.

Сегодня в современной педагогике в контексте когнитивных и коммуникативных аспектов ведутся поиски таких дидактических средств, которые могли бы создать эффективные педагогические условия для преподавания и превратить обучение иностранному языку в школе на средней ступени в своего рода «производственно-технологический процесс» с гарантированным социальным и личностно-развивающим результатом обучения. [5, с.32]

«Технологизация» иноязычного учебного процесса представляет собой новое направление в педагогической науке, осуществляющее переход на технологический уровень проектирования учебного процесса, результатом которого является технология обучения. Особенность иноязычного образовательного процесса состоит в ее целенаправленности. И содержание, и организация его зависят от поставленных целей и ожидаемых результатов иноязычной образовательной деятельности. Деятельность преподавателя изначально предопределена необходимостью достижения поставленных целей обучения. [4, с.39] Поэтому, рассуждая о повышении качества преподавания иностранного языка в 5-6 классах средней школы с использованием когнитивно-коммуникативного подхода, можно говорить о необходимости достаточно жесткой технологизации образовательного процесса в целях создания результативной коммуникативной образовательной среды.

Понятие «технология» пришло в педагогику из сферы промышленности. Сегодня основной целью любого производственного процесса, в том числе и педагогического, является повышение качества выпускаемого «продукта». Это выражается в действиях по изменению состояния и дальнейшему определению состояния объекта обучения. В сфере материального производства планируются заранее все результаты и проектируются способы их достижения. В средней школе все это в лучшем случае лишь декларируется и не определяется конечный результат. В связи с этим достигать гарантированного результата обучения иностранному языку в 5-6-х классах средней школы можно, если педагогический процесс рассматривать как разновидность технологического, а также предусматривать овладение педагогом основами проектирования педагогических технологий.

Смысл педагогической технологии заключается в том, что, во-первых, педагогическая технология переводит процесс иноязычного обучения на путь предварительного проектирования, заранее определяя структуру и содержание учебно-познавательной деятельности обучаемого и учебно-воспитательного процесса в целом. Во-вторых, в педагогической технологии важнейшим становится процесс целеобразования, рассматриваемый в двух аспектах: диагностическое целеобразование и эффективный контроль качества освоения обучающимися

учебного материала и развития личности в целом. При этом кардинально меняется роль учителя по отношению к ученикам: от обучающей к консультирующей и координирующей, что в полной мере соответствует и положениям когнитивно-коммуникативного подхода. Принципиальными моментами, отличающими технологию от методики обучения иностранному языку, на наш взгляд, являются следующие: технология - это определенный уровень гарантированности конечного результата; технология - это теоретический проект будущего учебного процесса, в то время как методика предполагает непосредственное рассмотрение возможностей имплементации соответствующего методического инструментария в образовательной деятельности, хода обучающего процесса, выполнения определенной последовательности действий и использования необходимых средств обучения. [4, с.40; 2, с.4]

Выделим основные составляющие педагогической технологии применительно к процессу преподавания иностранного языка в 5-6-х классах школы с использованием когнитивно-коммуникативного подхода как средства социально-личностного развития обучаемых, не углубляясь в методические аспекты.

В этой связи следует заметить, что основополагающей составляющей педагогической технологии является диагностическое целеполагание. При этом В.П. Беспалько была выдвинута следующая формула диагностичности целей обучения:

$$D = O + Из + Oц,$$

где *O* – требование точного описания цели, *Из* – требование измеряемости цели, *Oц* - требование существования шкалы ее оценки [1, с.75]. При этом, если хотя бы одна из перечисленных операций не выполняется, то цель не является диагностичной и достигаемой.

Гарантированность планируемого результата обучения иностранному языку на средней ступени в школе занимает первое место среди основных свойств технологии обучения, которая достигается на основе строгого выполнения определенных процедур на каждом этапе учебного процесса по определенному циклу: «учение – диагностика – анализ – коррекция – измененное учение» и так вплоть до полного усвоения.

Тиражируемость результата обучения и обучающих процедур предполагает возможность повторения обучающих процедур другим преподавателем получением таких же результатов и обуславливается выполнением определенной последовательности действий и исполь-

зования необходимых средств обучения (методическим обеспечением учебного процесса) [2, с.4].

Обратная связь – это циркулирование информации о состоянии уровня иноязычных знаний, умений и навыков обучаемого в системе «преподаватель – учащийся». Оперативность обратной связи, достигаемая благодаря системе диагностик, позволяет осуществлять своевременную коррекцию учебной деятельности обучаемых в процессе преподавания иностранного языка с использованием когнитивно-коммуникативного подхода.

Повышенная объективизация контроля – незаменимая черта технологии обучения иностранному языку в 5-6 классах средней школы с использованием когнитивно-коммуникативного подхода ввиду выделенных нами выше личностных особенностей обучаемых в данном возрастном периоде. Без объективизации процедуры контроля невозможна качественная оценка результатов учебной деятельности. Объективизация достигается, во-первых, на основе диагностического целеполагания; во-вторых, использованием периодического контроля.

Учебная деятельность с точки зрения педагогической науки и технологизации обучающего процесса есть ни что иное, как форма активности, направленная на приобретение знаний, умений, навыков, развитие способностей, восприятия, памяти, мышления, речи, других процессов познания. [3, с.48] При этом целями обучаемого могут быть, например, цели формирования знаний, умений и навыков: понять содержание теоретического материала; научиться выполнять какие-то действия лучше, чем другие; быстро выполнить задание преподавателя и др., научиться эффективной коммуникации, или противоположные им цели: «отсидеть» занятие, выполнить задание, чтобы «не наказывали», «увильнуть» от ответа и активного участия и т.д., что не всегда объясняется нежеланием обучаемого изучать иностранный язык, сколько его личностными, природными факторами, требующими соответствующего подхода к обучению и его составляющих. Цели обучаемого могут соответствовать, а могут и расходиться с педагогическими целями обучения иностранному языку. Преподавателю иностранного языка в этих условиях предстоит выявить противоречие целей и найти способы их сближения. Таким образом, совпадение целей преподавания и обучения всех субъектов образовательного процесса является одним из важнейших организационно-педагогических и социальных условий успешной реализации когнитивно-коммуникативного подхода при обучении иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М., 1995.

2. Валицкая А.П. Современные стратегии образования: варианты выбора// Педагогика. 1997. № 2. С.3-8.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: АРКТИ, 2003.
4. Душеина Т.В. Проектная методика на уроках иностранного языка// Иностранные языки в школе. 2003. № 5. С.38-41.
5. Карих Т.В. Коммуникативно-познавательная модель обучения технологии иноязычного общения // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, МГЛУ, 1997.
6. Соловова, Е.В. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций / Е.В. Соловова - М.: Просвещение, 2015.
7. Юсупова Т.Г. Социально-личностное развитие младших подростков в условиях иноязычной образовательной среды. Автореф.дисс. . . Канд.пед.наук., Москва, 2011., с.16.
8. Социально-личностное развитие учащихся в школьной образовательной среде. Журнал «Проблемы современного педагогического образования». Крымский Федеральный университет им. В.И.Вернадского, г.Ялта, Вып.51 (7), 2016г. (с .261-267).

© Юсупова Татьяна Геннадьевна (justatiana@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный гуманитарно-технологический университет

ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГОДНИХ ОБРАЩЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА

PRAGMA-STYLISTIC FEATURES OF THE PRESIDENT'S NEW YEAR'S ADDRESSES

L. Abdullina
M. Lukina

Summary: This study reveals the stylistic features of the New Year addresses of the head of state. The material under study is the presidential speech, texts of Emmanuel Macron's New Year greetings throughout the years of his presidency. The lexical and syntactic means of expression dominating in the president's New Year speech are under the analysis. The communicative intentions of the speaker, realized by means of various stylistic devices, are demonstrated. The manipulative potential of stylistic means in the president's New Year addresses is established.

Keywords: political discourse, New Year's address, figure of speech, expressive means.

Абдуллина Лилия Рафаиловна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
(Приволжский) федеральный университет
lilioven@mail.ru

Лукина Марина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
(Приволжский) федеральный университет
marinaloukina@mail.ru

Аннотация: В настоящем исследовании выявляются стилистические особенности новогодних обращений главы государства. Материалом исследования являются тексты новогодних поздравлений Эммануэля Макрона за годы его правления. Анализируются лексические и синтаксические средства выразительности, доминирующие в новогодней речи президента. Демонстрируются коммуникативные интенции автора, реализуемые посредством различных стилистических приемов. Устанавливается манипулятивный потенциал стилистических средств в новогодних обращениях президента.

Ключевые слова: политический дискурс, новогоднее обращение, фигура речи, средство выразительности.

В отечественных и зарубежных исследованиях последних лет наблюдается интерес языковедов к новогодним обращениям глав государств как жанру политического дискурса. Новогодние обращения изучаются преимущественно в аспекте лингвокультурологии и прагмасемантики [4; 6; 7]. В некоторых работах рассматриваются их композиционные и лексико-грамматические особенности [2; 3; 5], используется метод фреймового моделирования для выявления национальных особенностей рассматриваемого жанра [1]. Однако малоизученным остается стилистический аспект новогодних обращений, позволяющий также установить их отличительные черты как жанра политического дискурса.

Целью настоящего исследования является выявление стилистических средств выразительности в новогодних обращениях главы государства. На примере анализа новогодних поздравлений Эммануэля Макрона за 2018-2023 год рассмотрим, как языковые средства выразительности новогодних обращений помогают реализовать коммуникативные интенции автора высказывания.

Для начала проанализируем лексические средства создания выразительности, которые зарегистрированы в новогодних обращениях Э. Макрона:

1. Метафора. Это троп, который наиболее часто встречается в новогодних обращениях Эммануэля Макрона. Так, глава государства использует метафору *l'empreinte de l'esprit français* 'след французского духа' [10],

когда говорит о пожаре, погубившем Собор Парижской Богоматери, культурное достояние французского народа и символ Франции, в 2019 году. Употреблением данной метафоры президент выражает свою заинтересованность в культуре и истории страны, равнодушие к происходящим событиям и выступает за сохранение культурного наследия государства.

Метафора позволяет оратору подчеркнуть также вклад народа в судьбу страны, высокие показатели которой являются 'плодом труда' всех граждан: *Car ces bons chiffres qui font chaque jour la France plus forte sont d'abord les vôtres, le fruit de votre travail* [10].

В новогодней речи 2021 года Э. Макрон говорит об острой необходимости дальнейшего поиска решений существующих проблем в стране во имя будущего поколения: *Il nous faudra bâtir ensemble les réponses qui permettront de ne pas en faire un fardeau pour les générations futures* [11].

Речь идет, очевидно, о разработке совместных четких, продуманных мер, что выражается посредством метафоры *bâtir les réponses* 'построить ответы', словно речь идет о построении нерушимого фундамента для дальнейшего развития страны.

2. Эпитеты. Они присутствуют во всех новогодних обращениях главы государства. Э. Макрон их употребляет как для придания своей речи выразительности, так и в

прагматических целях. Наиболее частотными являются эпитеты *grand, fort, indépendant*: une **grande** Nation 'великая Нация', un **grand** peuple 'великий народ', une nation **forte** et **indépendante** 'сильная и независимая нация' [9]. Менее частотные эпитеты также создают образ единой, сильной, непоколебимой страны. Например: *maintenir une ambition collective intacte* 'поддерживать единое непоколебимое стремление' [13]. Через эпитеты глава государства апеллирует к национальному сознанию граждан.

3. Метонимия. Использование данного тропа придает речи оратора больше величественности, усиливает эффект единения с Европой и странами других континентов в решении общих вопросов политического или экономического характера. Например, в новогоднем обращении 2023 года зарегистрированы следующие примеры: ... *après les décisions des autres continents* 'после решений других континентов'; *Comptez sur la France et comptez sur l'Europe* 'Рассчитывайте на Францию и на Европу' [13].

4. Сравнение. Данный прием помогает оратору выразить свою точку зрения, описать те или иные явления или предметы. В сравнении одно явление показывается и оценивается путем сопоставления его с другим. Так, Э. Макрон призывает французский народ к действиям во благо Родины, труду и возрождению французской культуры и традиций, обращаясь к истории и ставя в пример отношение французов к национальным ценностям в прежние времена: *Il nous faut là aussi prendre comme nous l'avons toujours fait...* [9]. Еще одним примером сравнения является фраза: ...*domestiquer le virus...* [12]. Президент сравнивает коронавирус с животным, которое необходимо «приручить», чтобы выбраться из санитарного кризиса. С этой целью в стране была развернута кампания обязательной вакцинации населения.

Наряду с вышеописанными лексическими средствами выразительности встречается ряд синтаксических средств выразительности, среди которых мы выделяем следующие:

1. Анафора – самая частотная стилистическая фигура в новогодних обращениях, используемая, в основном, в целях пробуждения патриотизма в сердцах своих граждан. Использование анафоры помогает президенту сделать речь более патриотичной, вдохновляющей, заострить внимание на ценности единства и сплоченности для будущего государства: ***Avec vous***, agents publics qui assurez la continuité de nos services. ***Avec vous***, citoyens engagés professionnellement ou dans nos associations. ***Avec vous***, nos compatriotes d'outre-mer [13]. Следует отметить, что новогоднее обращение 2023 года изобилует призывами к единению, служению стране во имя всеобщего национального блага. Например, в следующем варианте президент повторяет, что счастливое будущее

нации возможно только благодаря совместной работе и участию граждан во всех направлениях: ***C'est par notre travail et notre engagement que*** nous bâtirons aussi une nation productive et écologique... ***C'est par notre travail et notre engagement que*** nous restaurerons aussi une nation de confiance [13].

Анафора встречается и в новогодней речи главы республики за 2022 год, когда он говорит о значимости Европы в борьбе с пандемией коронавируса: ***Sans l'Europe***, nous n'aurions pas de vaccins en nombre. ***Sans l'Europe***, nous n'aurions pas pu bâtir des plans de relance parmi les plus ambitieux [12].

Примером анафоры также может служить и фраза, которой президент традиционно заканчивает свою речь: *Vive la République et vive la France* [8-13]. Эта фраза имеет для Франции историческое значение и применяется также для выражения патриотизма. Ее произносят французы во время празднования национального праздника – Дня взятия Бастилии, спортивных соревнований, политических выборов, равно как и во времена тяжелого положения страны, политической и экономической нестабильности.

2. Градация. Наряду с анафорой она присутствует практически во всех новогодних обращениях президента. Для интенсификации значения Э. Макрон часто использует прилагательные. Например: *Nous avons besoin...de retrouver une Europe plus souveraine, plus unie, plus démocratique* [8]. В данном примере выражено стремление к независимой, единой Европе, придерживающейся и в дальнейшем демократических принципов.

В следующем примере Э. Макрон посредством градации подчеркивает, на каких уровнях (местном, национальном, европейском, международном) будут осуществляться преобразования в новом году: *Nous devons amplifier ce mouvement et accélérer à toutes les échelles: locale, nationale, européenne, internationale* [10].

3. Антитеза. По сравнению с другими синтаксическими средствами выразительности она используется значительно реже в новогодних обращениях Э. Макрона. Через противопоставление несовместимых понятий достигается стилистический эффект контраста образов в сознании адресата. Например: *Nous savons pourtant avec certitude que nous devons l'affronter, avec nos forces et nos faiblesses*, mais en pays uni [13]. В своем выступлении 2023 года Э. Макрон призывает к объединению совместных усилий в решении серьезных вопросов в будущем. Какими бы ни были сильные и слабые стороны Франции, единство народа и сила духа преодолеют все трудности.

Часто Э. Макрон говорит о необходимости стремления к мирному существованию (*l'apaisement* 'успокоение

ние, умиротворение'), избегая тем самым каких-либо конфликтов (*l'affrontement* 'столкновение') и проявляя уважение друг к другу: **L'apaisement** toujours, doit primer sur **l'affrontement** [10].

4. Анадиплосис. Это стилистическая фигура, целью которой является связать две части, два предложения в единое целое, подчеркнуть значимость той или иной мысли, слова. Анадиплосис, как антитеза и сравнение, встречается довольно редко в новогодних выступлениях главы Французской Республики.

Примером анадиплосиса является следующая фраза: *Parce qu'il s'agit d'un projet de justice et de progrès social. Un projet de justice et de progrès social* parce qu'il assure l'universalité... [10]. В этой фразе президент посредством анадиплосиса делает акцент на достоинствах и положительной стороне реформ в частности, пенсионной реформы, которая особенно вызывает негодование граждан; на необходимости их проведения в стране.

В следующем примере глава государства, используя

данную стилистическую фигуру, подчеркивает свой оптимистический настрой на предстоящий год: *Alors au moment où je m'exprime devant vous ce soir, je veux vous dire que je suis résolument optimiste pour l'année qui vient. Optimiste pour notre Nation pas simplement pour 2022, mais pour les années qui viennent* [12].

Таким образом, мы наблюдаем, что новогодняя речь президента насыщена различными стилистическими приемами, которые позволяют оказать суггестивное воздействие на сознание адресата, апеллируя к его базе знаний, чувствам и эмоциям. Благодаря использованию стилистических средств выразительности в новогоднем обращении президенту удается сформировать в подсознании граждан положительную установку: потребность внести личный вклад в развитие страны, стремление к единой непоколебимой Франции, разделение демократических убеждений главы государства и формирование его позитивного имиджа. Синтаксические средства выразительности служат для интенсификации значения языковых единиц, отражения авторских установок и достижения суггестивного речевого внушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина Л.Р., Филиппова Л.А. Фреймовое моделирование национальных ценностей и антиценностей в новогодних обращениях Э. Макрона // Казанский лингвистический журнал. 2022. Т. 5. № 3. С. 389-403.
2. Абрамова Е.К., Агаркова О.А. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: лингвистический анализ // Преподаватель XXI век. 2019. № 4-2. С. 344-360.
3. Абрамова Е.К. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: сравнительный анализ // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 4 (37). С. 191-196.
4. Ослопова В.Ю. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 19-22.
5. Пинелли Э. Представление прошлого и будущего в новогодних обращениях: на материале поздравлений В.В. Путина // Rhema. Рема. 2018. №2. С. 62–83.
6. Юэлинь Лю, Ливэй Чжан Сравнительный текстовый анализ новогодних обращений глав российской федерации и китайской народной республики в аспекте лингвокультурологии // Неофилология. 2022. Т. 8. № 2. С. 261-275.
7. Miheeva I.V. New year's address by the head of state to the nation in the strategic aspect (based on the new year's addresses by French presidents) // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 4 (24). С. 18-23.
8. Voeux 2018 aux Français [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g4QmINDyA4s&t=915s> (дата обращения: (Дата обращения 01.02.2023).
9. Voeux 2019 aux Français [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/12/31/voeux-aux-francais-2019> (Дата обращения 04.02.2023).
10. Voeux 2020 aux Français [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/12/31/voeux-2020-aux-francais> (Дата обращения 06.02.2023).
11. Voeux 2021 aux Français [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/12/31/voeux-2021-aux-francais> (Дата обращения 10.02.2023).
12. Voeux 2022 aux Français [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/12/31/voeux-2022-aux-francais> (Дата обращения 18.02.2023).
13. Voeux 2023 aux Français [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/12/31/voeux-2023-aux-francais> (Дата обращения 21.02.2023).

© Абдуллина Лилия Рафаиловна (liliov@mail.ru), Лукина Марина Сергеевна (marinaloukina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ПОГОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛЕКСИКОНЕ В. НАБОКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ «SPEAK, MEMORY»)

Бакуменко Ольга Николаевна

доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

olga.bakoumenko@gmail.com

REPRESENTATION OF THE CONCEPT SPHERE "WEATHER PHENOMENA" IN V. NABOKOV'S ENGLISH LEXICON

O. Bakoumenko

Summary: The article analyzes ways of lexicalization of the concept sphere "Weather phenomena", objectified in V. Nabokov's "Speak, Memory". For the first time, a lexicographic approach is applied. A list of lexemes-representatives of the considered fragment of the writer's worldview is compiled; some dominant lexemes are identified and analyzed; their specificity is studied; the semantic potential and peculiarities of the use of such words in the text of memoirs are revealed. As a result, the variety of linguistic correlates of the specified concept sphere in V. Nabokov's idiolect, as well as differences in their semantic load and syntagmatic connections, are proved.

Keywords: worldview, concept sphere, idiolect of the linguistic personality, objectified lexicon, concordance, V. Nabokov.

Аннотация: В статье произведен анализ способов лексикализации концептосферы «Погодные явления», актуализированных в «Speak, Memory» В. Набокова. Впервые применяется лексикографический подход. Сформирован список лексем-репрезентантов рассматриваемого фрагмента картины мира писателя; выявлены и проанализированы отдельные доминантные лексем; изучена их специфика; раскрыт смысловой потенциал и особенности употребления таких слов в тексте мемуаров. В результате доказано многообразие языковых коррелятов указанной концептосферы в идиолекте В. Набокова, а также различия их смысловой нагруженности и синтагматических связей.

Ключевые слова: картина мира, концептосфера, идиолект языковой личности, актуализированный лексикон, конкорданс, В. Набоков.

Актуальность выбранной темы определяется растущим интересом к изучению идиолекта языковой личности, индивидуально-авторской картины мира, необходимость поиска новых подходов к изучению языка писателя. Впервые предпринимается попытка изучать данную тематическую сферу в идиолекте В. Набокова на лексикографической основе. Кроме того, «Speak, Memory» [9] нечасто становится эмпирической базой лингвистических исследований.

Цель исследования – определить и проанализировать способы лексикализации концептосферы «Погодные явления», актуализированные в англоязычном тексте мемуаров В. Набокова. Достижение обозначенной цели предполагает решение следующих задач: сформировать список лексем, репрезентирующих рассматриваемый фрагмент картины мира В. Набокова в тексте «Speak, Memory»; выявить и проанализировать доминантные лексем-репрезентанты; рассмотреть специфику приоритетных языковых коррелятов исследуемой концептосферы; проанализировать смысловой потенциал и особенности употребления таких лексем в тексте В. Набокова.

При проведении исследования были применены следующие методы: метод сплошной выборки (для отбора фактического материала), методики количественного и

доминантного анализа, методы описания, сопоставления, наблюдения и интерпретации, а также методики сжатия конкорданса и аппликации словарных статей.

В теоретическом плане исследование опирается на работы З.Д. Поповой и И.А. Стернина [7] по теории концепта, В.А. Виноградова [3] и В.В. Леденевой [4] о разработке понятия идиолект и методический инструментарий, разработанный школой лингвофольклористики под руководством А.Т. Хроленко (г. Курск) [6].

Концепт, как содержательная единица картины мира, выражается в речи определенной совокупностью средств языка. Совокупность концептов, объединенных на базе того или иного признака, образует концептосферу (термин Д.С. Лихачева). Концептосфера «Погодные явления» объединяет концепты, представляющие атмосферные явления и метеорологические элементы, которые являются частью окружающего человека мира, объективными реалиями для носителей разных языков.

Лексические репрезентанты таких концептов были отобраны из текста «Speak, Memory». Отметим, что производился учет только тех контекстов, где слова использовались в значениях, коррелирующих с изучаемой концептосферой. Итоговый словарь был сформирован из следующих единиц: *blizzard, breeze, cloud, downpour,*

eclipse, fog, frost, gale, haze, heat, ice, lightning, mist, rain, shade, snow, storm, sun, thunder, twilight, wind, их одно-коренных лексем, образованных словообразованием, словосложением и конверсией. В целом, концептосфера «Погодные явления» в актуализированном лексиконе В. Набокова в «Speak, Memory» представлена 49 лексемами, зафиксированными в 228 словоупотреблениях (с/у).

Квантитативные данные дополняются применением методики доминантного анализа. Для этого сформированный алфавитный словарь перестраивается в соответствии с количеством употреблений слов в тексте и создается частотный список, на верхние позиции которого попадают десять существительных: *snow* (с индексом 25), *sun* (24), *mist* (14), *shade* (12), *cloud* (10), *rainbow* (10), *sunset* (10), *rain* (7), *wind* (7), *frost* (7). Десять доминантных лексем реализуются в 126 с/у, что составляет 55 % всех текстовых упоминаний погодных явлений. Остальные 39 единиц употреблены в 102 контекстах, что позволяет говорить о разнообразии наименований погодных явлений, используемых В. Набоковым.

Лексема *snow* является самой частотной в отобранном эмпирическом корпусе, ее текстовые реализации составляют 11 % от всего «погодного» словаря, т.е., практически каждое десятое упоминание исследуемой концептосферы.

Любопытен тот факт, что половина доминантного списка представлена лексемами, значения которых ассоциируются с летним периодом: *sun, shade, rainbow, rain* и *cloud*. Основанием для включения в эту группу лексемы *shade* является толкование в Longman Dictionary: 'slight darkness or shelter from the direct light of the sun made by something blocking it' [8].

Лексема *rain* отнесена к летнему периоду, т. к. описываемые в «Speak, memory» ситуации с упоминанием дождя происходят преимущественно в Выре, Петербургском имении Набоковых, где семья проводила каждое лето до 1917 года.

Вхождение в состав репрезентантов концептосферы «Погодные явления» лексемы *rainbow* отчасти объясняет тот факт, что в детстве В. Набоков мечтал стать художником, и его пристальное внимание было направлено на разнообразие цветов и красок.

Интересно, что доминантные лексемы, описывающие летний период, образуют своего рода логическую цепочку: образование дождевых туч приводит непосредственно к дождю, после чего появляется радуга.

Предположительно, преобладание «летних» доминант связано с более подробным описанием в автобиографии темы лета по сравнению с другими сезонами. В

нашем более раннем исследовании идиолекта Набокова было выявлено, что лексема *summer* представляет одно из наиболее приоритетных имен существительных в его лексиконе [1]. Возможно, этот факт объясняется особенной ролью летнего периода в жизни писателя. Один из известных биографов Набокова, Б. Бойд, называет лето временем года, которое «стягивает самую большую дугу набоковских воспоминаний, и сыграло важнейшую роль в его формировании» [2].

Для анализа смыслового потенциала и специфики использования доминантных лексем используется методика сжатия конкорданса. В этом виде анализа учитываются все связи описываемой лексемы с другими словами этого текста с учетом контекстуальных смыслов и частеречной принадлежности описываемого слова. Из полученных данных формируется словарная статья. Для имени существительного она имеет следующую структуру: связи с прилагательными (A), существительными (S) и глаголами (V).

Второе место доминантного списка репрезентантов концептосферы «Погодные явления» занимает лексема *sun* при 24 с/у, словарная статья этой лексемы представлена ниже.

Sun (n) 'солнце' 24

A: *low* 'низкий' 1, *setting* 'заходящее' 1, *red* 'красное' 1

S: [sense of] *oneness* [with sun] 'чувство единения с солнцем' 1, *return* [of the sun] 'возвращение солнца' 1, *exertion* [in the sun] 'усиление солнца' 1, *action* [of the sun] 'действие солнца' 1, *haze* [of sun] 'легкий туман от солнца' 1, [sun] *lover* 'любитель солнца' 1, [sun] *fleck* 'пятно от солнца' 3

V: *blaze* 'гореть ярким пламенем' 1, *cast* 'отбрасывать' 1, *burn* 'сверкать' 1, *set* 'садиться' 1, *break into* 'вламываться' 1, *bask in* 'греться' 1, *deprive* 'лишать' 1, *move* 'перемещаться' 1, *be for* 'направляться куда-либо' 1, *fill up* 'наполняться' 1, *band* 'обрамлять' 1, *take* 'создавать' 1

Анализ словарной статьи показывает преимущественное число субстантивных (9) и предикативных (13) связей и позволяет сделать вывод, что солнце в мировидении Набокова выступает активным деятелем. Помимо сочетаемости с глаголами, активность солнца подчеркивается и субстантивными связями – *return* [of the sun], *exertion* [in the sun], *action* [of the sun]. Связь *sun* с существительными *oneness* [with sun] и *lover* указывает на особое, почтительное отношение Набокова к солнцу. При этом атрибутивные характеристики – *low, setting, red* – являются общеупотребительными.

Далее представлена словарная статья следующей по убыванию частотности доминантной лексемы *shade*:

Shade (n) 'тень' 12

A: *mobile* 'движущийся' 1, *rich* 'роскошный' 1, *purplish-blue* 'багрянисто-голубой' 1

S: [shade of] *tree* 'тень от дерева' 1, [86°] *Fahrenheit*

[in the shade] '86 градусов по фаренгейту' 1, catch [of the shade] 'поимка тени' 1, window [shade] 'тень от окна' 1, animation [of shades] 'живость теней' 1, [shade of the] fur 'тень от меха' 1, bit [of shade] 'кусочек тени' 1, federation [of shade] 'объединение теней' 1

V: cleave into 'расщеплять на' 1, tap through 'постукивать сквозь' 1, match 'соответствовать' 1, pass through 'пересекать' 1

Очевидным оказывается преобладание субстантивных связей. Автор наблюдает тени от *tree* и *window*, но большую информативность о восприятии Набоковым «погодного» сегмента картины мира несут связи *shade* с существительными *fur* и *light* – писатель замечает и отражает мельчайшие детали. По словам самого Набокова, он воскрещает «с абсолютной ясностью <... > пейзажи, жесты, интонации, миллионы чувственных деталей» и называет свою память «очень цепкой в отношении игры света, предметов и сочетаний предметов» [5].

Лексема *shade* у Набокова связана с прилагательными *mobile*, *rich*. Цветовая гамма тени представлена как *purplish-blue*. Набоков воспринимает тень то как единое целое, то фрагментарно – *federation [of shade]*, *bit [of shade]*.

В частотном списке после *shade* расположена лексема *cloud*, её словарная статья выглядит следующим образом:

Cloud (n) 'облако' 10

A: long 'длинный' 2, purple-black 'пурпурно-черный' 1, small 'маленький' 1, dappled 'пятнистый' 1, steep 'крутой' 1, fleeting 'мимолетный' 1, snow 'снежный' 1, dark-violet 'темно-фиолетовый' 1, serene 'ясный' 1, great 'огромный' 1, slow-moving 'медленно плывущий' 1

S: [a cloud of hot] air 'облако горячего воздуха' 1, flock [of clouds] 'стая облаков' 1, [cloud] shadow 'тень облака' 1, family [of serene clouds] 'объединение ясных облаков' 1, [clouds of long summer] day 'облака длинного летнего дня' 1

V: lay 'клать' 1, rush 'мчаться' 1, breast 'бороться' 1, lined with 'покрытый линиями' 1

Анализ словарной статьи показывает, что описываемые Набоковым облака относятся к летнему периоду – [*a cloud of hot] air*, [*clouds of long summer] day*, за исключением сочетания с *snow*. Множество облаков рассматривается как единое целое – *flock [of clouds]*, *family [of serene clouds]*. Писатель указывает на форму облаков (*long*), их структуру (*steep*). Интересно противопоставление характеристик размера и движения облаков: *small – great*, *fleeting – slow-moving*. Наблюдается контраст и среди красок, которыми Набоков раскрасил облака. Связь лексемы с прилагательными *serene* и *dappled* дает представление о ясной погоде, некой прозрачности облаков и светлых оттенках их цвета. В то время как колоремы *purple-black*, *dark-violet* указывают на мрачность неба в пасмурную

погоду. Контрастные характеристики облаков создают ощущение смены настроений автора.

Далее по списку доминант расположена лексема *rainbow* с десятью словоупотреблениями.

Rainbow (n) 'радуга' 10

A: spiral 'винтообразный' 1, coagulated 'свертывающийся' 1, earthen 'земляной' 1, melting 'тающий' 1, moist 'влажный' 1, private 'личный' 1

S: part [of the rainbow] 'часть радуги' 1, half [of the rainbow] 'половина радуги' 1

V: be 'быть' 2, fall 'надать' 1, slip 'ускользнуть' 1, capture 'завладеть' 1, hang 'нависать' 1

Субстантивные связи данной лексемы указывают на «лоскутное» восприятие радуги Набоковым, она представлена половиной или частью – *half [of the rainbow]*, *part [of the rainbow]*. Интересны атрибуты радуги – *spiral*, *coagulated*, *earthen*, *melting*, *moist*, *private* – отличающиеся авторской оригинальностью. Движение радуги в мировидении Набокова выражено глаголами *fall*, *capture*, *slip*, *hang*.

Список приоритетных лексем, относящихся к летнему периоду, завершает существительное *rain*, использованное в тексте семь раз. Словарная статья *rain* представлена ниже.

Rain (n) 'дождь' 7

A: all 'весь' 1

S: tree [in the rain] 'дерево под дождем' 1, people [in the rain] 'люди под дождем' 1, light [in the rain] 'свет (фонарей) под дождем' 1, rhythm [of the rain] 'ритм дождя' 1, rustle [in the rain] 'шелест во время дождя' 1, rush [in the rain] 'суета под дождем' 1, town [in the rain] 'город во время дождя' 1

V: be 'быть' 1

На основе полученной статьи делается вывод о преимуществе субстантивных связей. Обращает на себя внимание интерес Набокова к звукам дождя – *rustle [in the rain]*. Однако большая часть сочетаний отражает фокус на объектах, находящихся под дождем – *tree*, *people*, *light*, *town*. Набоков говорит о *rhythm [of the rain]*, указывая на его действия, активизирующие объекты, на которые он воздействует – *rush [in the rain]*.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы и предположения.

Концептосфера «Погодные явления» в актуализированном идиолекте В. Набокова в тексте «Speak, Memory» представлена довольно многообразно. Наиболее приоритетным является существительное *snow*, однако половина доминант ассоциируется с летним временем года. В англоязычной культуре «летом жизни» человека называют лучшие годы в его жизни. Возможно, обращение именно к этому мотиву в жанре автобиографии – прием,

позволяющий читателю правильно интерпретировать информацию плана содержания.

Аппликация созданных нами словарных статей «летних» доминант выявила специфику их смысловой нагруженности и синтагматических связей. Наблюдается неравнозначное распределение связей у разных лексем. *Sun* представляется активным деятелем, сопровождается общеупотребительными атрибутами и выявляет позитивное отношение писателя к солнцу. У *cloud* преобладает атрибутивный ряд с некоторой смыс-

ловой контрастностью. *Shade* и *rain* сопровождаются обильными субстантивными рядами, проясняющими авторское восприятие деталей. Лексема *rainbow* характеризуется балансом атрибутивных и предикативных связей и выделяется оригинальными определениями радуги.

Подобное разнообразие демонстрирует внимательное, осознанное, творческое отношение Набокова к процессу подбора репрезентантов исследуемой концептосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакуменко О.Н. Лексиконы билингва в ситуации автоперевода (на примере мемуарных книг В. Набокова). Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006.
2. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография: пер. с англ. – М.: Издательство Независимая Газета; СПб.: Издательство «Симпозиум», 2001.
3. Виноградов В.А. Идиолект // Лингвистический энциклопедический словарь. / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990, с. 171.
4. Леденева В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки, 2001, № 5, с. 36-40.
5. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисл., коммент., подбор иллюстрации Н.Г. Мельникова. – М.: Издательство Независимая Газета, 2002.
6. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: ФЛИНТА, 2016.
7. Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии / науч. ред.: З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002.
8. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/>
9. Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. New York: Penguin Classics, 2012.

© Бакуменко Ольга Николаевна (olga.bakoumenko@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРИЗНАКОВЫХ ИМЕН

SEMANTIC NATURE
OF ATTRIBUTIVE NAMES

T. Golikova

Summary: The article introduces the reader to the lexical category of attributive names. It tells about how the lexical category was singled out and reviews the scientific literature about the category. Various terms are given to describe the category and the optimal term is chosen. The article also outlines the author's point of view on the semantic nature of attributive names and the classes of words that make up this category, discusses the semantic features of attributive names and different types of attributive meanings, the difference between a process and a quality, and also discusses the functioning of various classes of attributive names in the text. The properties of the components of the lexical category are studied, particularly the property to make up synonyms and antonyms and the property to vary in the text. The problem of the semantic centre of the lexical category of attributive names is raised: which attribute – verbal or adjectival – should be considered the semantic standard of predicates. The author of the article asks questions: what is the difference between classes of attributive names – verbs and adjectives, – and how verbal and adjectival attributes behave in literary communication.

Keywords: attributive names, subject names, a lexical category, onomasiology, semasiology, a substance, an attribute, a predicate, semantic syntax.

Голикова Татьяна Олеговна

кандидат филологических наук, доцент, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации – РАНХиГС, РФ, г. Москва
tatianagolikova73@yandex.ru

Аннотация: Статья знакомит читателя с лексической категорией признаков имен. В ней рассказывается об истории выделения данной лексической категории, делается обзор научной литературы о категории. Приводятся различные термины для обозначения данной категории и выбирается оптимальный, с нашей точки зрения, термин. В статье также излагается точка зрения автора на семантическую природу признаков имен и составляющих данную категорию лексико-грамматических классов слов, рассматриваются смысловые особенности признаков имен, различные типы признаков значений, отличие процессуального признака от качественного, а также особенности функционирования различных классов признаков имен в тексте. Изучаются свойства составляющих данной лексической категории, в частности свойство создавать синонимико-антонимические связи и свойство варьировать в тексте. Изучается также проблема семантического центра лексической категории признаков имен: какой признак – глагольный или адъективный – следует считать «семантическим эталоном предикатов». Автор статьи задается вопросами: чем отличаются разные классы признаков имен – глаголы и имена прилагательные, – и как ведут себя глагольные и адъективные признаки в условиях литературной коммуникации?

Ключевые слова: признаки имена, предметные имена, лексическая категория, ономазиология, семасиология, субстанция, признак, предикат, семантический синтаксис.

Система частей речи издревле была объектом изучения филологов, логиков, философов. Венцом Аристотелевой логики стал Александрийский грамматический канон. Для Дионисия Фракийского и других ученых критериями частеречной принадлежности служили «аналогии»: сходные функции, выполняемые словами в речи, и парадигмы словоизменения. На этой основе выделялись восемь лексико-грамматических классов: имя, глагол, причастие, член, местоимение, предлог, наречие, союз. Главными из них считались имя и глагол, причем под класс имен подводились как существительные, так и прилагательные.

Далее теория частей речи развивается в европейской языковедческой традиции. Конкретизируются сами лексико-грамматические классы и их подклассы, разрабатывается учение о грамматических категориях. Очень долго набор частей речи оставался практически неизменным. Так, уже в XVIII веке «Российская грамматика» М.В. Ломоносова называет те же восемь классов. Позднее грамматиками разъединяется класс имен, от которого окончательно отделяются имя прилагательное и числительное. При этом проводится строгое разграничение

склоняемых и спрягаемых частей речи.

Разграничение склоняемых и спрягаемых частей речи проводится и в настоящее время. Многие лингвисты считают его если не принципиальным, то весьма существенным. Однако сейчас на передний план вышли не грамматические, а семантические и концептуальные критерии частеречной принадлежности, номинативная специфика крупных классов слов. Образ каждой части речи связывается с определенной «ономазиологической категорией», базовым понятием, лежащим в основе ее значения [2, с.22]. Более конкретно, для кардинальных лексико-грамматических классов такими категориями являются: (1) предметность имени существительного; (2) процессуальность глагола; (3) признаковость имени прилагательного [2, с.45-46].

В новых исследованиях мощно дает о себе знать трактовка частей речи с позиций когнитивной лингвистики. Данные классы слов представляются как «когнитивно-дискурсивные образования», связанные с «психическими, ментальными, познавательными процессами, в первую очередь – с определенными содержательными

структурами знания» [3, с.13]. Однако и в рамках такого предельно емкого рассмотрения эти классы все равно соотносятся с понятийными категориями предметности, процессуальности, признаковости, - которые служат единственной основой их самостоятельности.

Вместе с тем, даже при четком разграничении главных лексико-грамматических классов слов признается, что «семантический рубеж ... проходит прежде всего ... между обозначением предмета речи и его признаков», между именем существительным, с одной стороны, и глаголом, и именем прилагательным с другой [2, с.32].

В наши дни развивается еще один подход к классификации лексических единиц, значительно более полно использующий этот семантический рубеж. Исходя из знаковых свойств слова, все кардинальные части речи (имя существительное, глагол, имя прилагательное, наречие) объединяются в класс характеризующих имен, который далее подразделяется на два подкласса: предметных и признаковых имен. Считается, что «своей семантикой [эти подклассы] покрывают две самые обширные мыслительные категории – субстанцию и признак, отразившие, фактически, основные сферы материальной и идеальной действительности» [4, с.52].

Подобный подход можно смело назвать альтернативой традиционному, от греческого канона идущему противопоставлению склоняемых и спрягаемых частей речи, в частности имени прилагательного и глагола. Традиционное языкознание «исследовало и описывало глагол как структурно-грамматическую категорию», в то время как современные данные позволяют предположить, что в семантике глагольных лексем присутствуют не только компоненты действия, процесса, но и компоненты состояния, переменного свойства, положения дел, «подпадающие под другую, не менее емкую мыслительную категорию – признак». Это и дает возможность ученым объединить глагол и имя прилагательное в общую «лексическую категорию» [4, с.66-67].

Впервые, насколько нам известно, существование данной лексической категории было постулировано П. Посталем, и далее оно нашло отражение в работах Д. Лакоффа, согласно которому то, что традиционно называлось прилагательными и глаголами, по сути представляет собой единую лексическую категорию VERB и различается только одной синтаксической чертой [5, с.10]. Эта черта характерна для имени прилагательного и состоит в его способности являться частью атрибутивной конструкции, то есть выполнять в предложении функцию определения.

По всей видимости, такие взгляды восходят к идеям Хомского и созданной им генеративной грамматике, где, как известно, первое правило трансформации раз-

лагает исходную ядерную структуру на имя и глагол. В то же время, и Посталь, и Лакофф настаивали на идее лексической основы ядерной структуры (lexical base), утверждая, что грамматические морфемы не могут быть ее предельными элементами, тогда как Хомский считал лексический компонент значения крайне нерегулярным и, следовательно, вообще не поддающимся описанию в каких-либо положительных терминах [См: 6, с.26].

Таким образом, наверное, можно сказать, что на этапе выхода из структурной лингвистики интерес ученых смещается от строго семантического описания в сторону изучения семантических параметров систематизации единиц языка. Однако следует заметить, что сами приводимые этими учеными аргументы являются, во многом, формальными. Так, для доказательства сходства прилагательных и глаголов, Лакофф использует ряд достаточно искусственных, с нашей точки зрения, трансформационных процедур, результатом которых становятся предложения, вряд ли способные к функционированию в живом, разговорном языке, например "I desire that – I am desirous about that" [5, с.115].

В отечественном языкознании члены данной лексической категории получили название предикатных слов и были детально рассмотрены в работах Н.Д. Арутюновой [1, 7, 8], которая объясняет специфику их функционирования исходя из коммуникативных функций, реализуемых в предложении, – идентификации предметов и предикации, сообщении об их свойствах. «Имена и местоимения специализируются на выполнении функции идентификации, а прилагательные и глаголы по типу своего значения (выражения абстрактного признака) обычно берут на себя роль сообщаемого» [1, с.326]. Показательно, что приведенное определение дается не только исходя из понимания структуры предложения, его функционального деления на субъект и предикат, но и с учетом глубинных факторов формирования глагольной и адъективной семантики, то есть в рамках нового направления в современной грамматике – семантического синтаксиса.

Наряду с термином «предикатные слова», другие авторы используют термин «признаковые слова» [9, 10, 11] или «признаковые имена» [4, с.33-35].

Термин «признаковые слова» представляется нам достаточно адекватным, так как он, во-первых, выявляет сущность семантической природы данного типа словесных знаков, действительно являющихся выразителями некоторого характеризующего признака (по сравнению хотя бы с понятием «предикатные слова», ставящим во главу угла выполняемую ими логико-синтаксическую функцию в предложении), а во-вторых, не стирает базовое, фундаментальное противопоставление имени и глагола. Однако, по нашему мнению, термин «признаковые

имена» (или «имена признаков») также является правомерным, если рассматривать его с семиотической точки зрения. Тогда термин «имя» не будет интерпретироваться как название узкого грамматического класса, в непосредственной или опосредованной связи с характеристикой предметности, «вещности». Скорее этот термин обозначает некий результат процесса наименования в широком смысле, то есть представления предметов, явлений, процессов, состояний окружающей действительности в виде языковых символов. В этом случае понятия «имя» и «словесный знак» становятся близкими по содержанию. Термин «признаковые имена» употребляется сейчас значительно чаще других, и в дальнейшем мы будем пользоваться именно им.

Н.Д. Арутюнова четко разграничивает область семантики признаков имен по сравнению с предметными и выделяет специфические черты обоих семиологических подклассов словесных знаков. Для предметных имен привычна функция идентификации, выделения объекта речи. Их значения «ориентированы на денотат и создаются общими чертами класса денотатов», то есть тем множеством объектов действительности, которые могут именоваться данной единицей [1, с.332]. Иными словами, предметное имя характеризуется очень широким объемом понятия.

Напротив, понятийное содержание признаков имен (далее ПИ) стремится к отрыву от объектов действительности, в сторону выражения их свойств и состояний. При этом происходит сужение объема понятия ПИ, что ведет к углублению содержания понятия и «все более тонкому дифференцированию значений предикатов» [1, с.337]. Классические ПИ – прилагательные и глаголы – имеют только понятийное содержание и не служат знаковым заместителем предмета [1, с.329].

Обладая глубоким, высокодифференцированным понятийным содержанием, имена признаков в процессе функционирования в речи часто дублируют или дополняют друг друга, характеризуя субстанцию с разных сторон. В рамках языковой системы этот факт находит свое отражение в большом количестве и разнообразии синонимических и антонимических рядов ПИ. «Именно о синонимах-предикатах утверждают, что они различаются между собой оттенками значения, т. е. небольшим сдвигом в семантике, обозначая как бы «то же, да не то,» - отмечает Н.Д. Арутюнова [1, с.34]. Она подчеркивает, что в целом признаковые имена в значительно большей степени, нежели предметные, способны создавать синонимико-антонимические связи.

Еще одно кардинальное различие между предметными и признаковыми именами, по Н.Д. Арутюновой, состоит в том, что первые, вызывая в сознании индивидуализированное, нестереотипное представление, подчиняются

крайне жестким семантическим нормам употребления, тогда как вторые, вызывая в сознании объективированное, в какой-то мере стереотипное представление, не следуют жестким правилам, а характеризуются «известной вольностью, субъективностью, индивидуальным варьированием употребления» [1, с.342].

С нашей точки зрения, из этого положения должен следовать вывод о том, что признаковые имена в целом, по сравнению с предметными, в значительно большей степени подвержены контекстуальной модификации, и следовательно, могут в своем значении накапливать дополнительные оттенки смысла, связанные с индивидуально-личностной интерпретацией признаков и свойств окружающих объектов автором речи.

Если справедливо утверждение Н.Д. Арутюновой о большей ориентированности, в целом, предметных имен «на объективный мир», а признаков – на «познающего субъекта» [1, с.343], то понятно, что в предложении последние могут быть связаны с гораздо большим объемом новой, нестандартной информации. По логике вещей это качество должно сохраняться признаковыми именами и в связном тексте как в структурном образовании более высокого порядка.

Вместе с тем, в конкретных текстах реальной отличительной чертой для ПИ, наверное, служат не столько описанные содержательные характеристики, сколько особенности функционирования. Признаковым именам присуще свойство «сказуемости», способность образовывать предикат (глаголы) или его часть (имена прилагательные, наречия, существительные с абстрактным значением).

Следует пояснить «сказуемость» имени прилагательного. Скорее всего, она носит потенциальный характер: прилагательные могут иметь синтаксическую функцию предикатива, а могут и не иметь таковой, употребляться в атрибутивной приименной конструкции. Однако если эта функция реализуется в конкретном высказывании, то адъективные ПИ становятся смысловым центром составного именного сказуемого. Речевое содержание такого предиката во многом определяется семантикой адъективного ПИ, так как глагол-связка обладает высокой степенью предсказуемости дистрибуции и может рассматриваться как формально-структурный элемент. Таким образом, сказуемость имен прилагательных, хотя она и не столь ярко выражена, как у глаголов, все же является очень важной характеристикой.

Необходимо добавить, что отнюдь не лишена основания связь свойства сказуемости как такового с грамматическим значением глагола, отраженном в категориях времени и склонения. Известно, что имя прилагательное этими категориями не обладает. В целом, его грам-

матическое значение соотносимо с идеей статичности по сравнению с динамичностью, процессуальностью значения глагольного [12]. Тем не менее, «недавние исследования показали, что динамичность/статичность обнаруживается в семантике и того и другого лексико-грамматического класса» [11, с.13]. Возможно, это говорит о том, что имя прилагательное в принципе способно обладать рядом зачаточных глагольных характеристик.

В конечном счете, можно утверждать, что свойство сказуемости, создающее основу для реализации коммуникативной функции предикации, характерно и для глагольных, и для адъективных ПИ. Признавая данное свойство основным для понимания не только специфики функционирования в речи, но и самой идеи изучаемой лексической категории, отметим даже здесь, что вряд ли имело бы смысл полностью отрываться от традиционных представлений о различном предикативном употреблении глаголов и прилагательных.

Какой же лексико-грамматический класс слов следует считать основным, наиболее характерным представителем лексической категории ПИ? С одной стороны, не вызывает сомнения, что функциональным ядром предикации в предложении является глагол. С другой стороны, с понятием признака предмета, в первую очередь, связана семантика имени прилагательного.

Ряд исследователей подчеркивают функциональную независимость глагола-сказуемого в предложении, его подчиненность только имени-подлежащему, в то время как имя прилагательное «находится по сравнению с именем существительным и глаголом функционально рангом ниже» [4, с.84-85]. Ученые признают, что традиционная трактовка семантики глаголов как обозначений процессов, действий, состояний, во многом связанная рамками грамматической парадигмы, - должна быть пересмотрена и заменена некоторым обобщающим лексическим признаком, который затрагивал бы объем значения и смысловую структуру глагольных слов. В этой связи, Е.С. Кубрякова предлагает «рассматривать [глаголы] ... как обозначения свернутых ситуаций, относящихся к описанию видов человеческой деятельности и положения дел» [10, с.74].

Развивая дальше эту концепцию, можно прийти к выводу об исключительной роли глагольных ПИ в плане выражения предикации и об особом месте категориальной семантики глагола в структуре общего, предельно абстрактного значения ПИ.

Другие исследователи, прежде всего сама Н.Д. Арутюнова, смещают центр тяжести в сторону имени прилагательного, даже по преимуществу качественного прилагательного. Они называют качественные прилагательные, во-первых, «основным типом предикатных

слов» [9, с.226], а во-вторых, «семантическим эталоном предикатов» [1, с.342], отмечая тот факт, что семантика глаголов далеко не элементарна и включает некоторые значения и свойства актантов и обстоятельственных слов, а значит не может строго характеризовать обобщенный признак [1, с.342, в сноске].

Тем не менее, с каких бы позиций не решалась проблема семантического центра лексической категории ПИ, исследователи не ставят знак равенства между глаголом и именем прилагательным. В целом, выделение этой новой, интегративной категории отнюдь не предполагает ее полную однородность.

Различные лексико-грамматические классы слов обладают целым рядом структурных и семантических особенностей, которые как бы накладываются на особенности актуализации признакового значения. Здесь мы подходим к вопросу о различном номинативном потенциале глагольной и адъективной семантики.

Различия в номинативном потенциале можно проследить, если обратиться не к предельно абстрактным семантическим признакам и базовому, фундаментальному значению ПИ, а к тонким, иногда периферийным оттенкам значения отдельных лексических единиц. В этом случае становится ясно, что компоненты предложенной Лакоффом «категории VERB» не всегда сходны друг с другом.

Нельзя не отметить разнокачественность информации, передаваемой такими лексическими единицами, как *to go, to come, to understand, to lunch* с одной стороны, и *nice, beautiful, law-abiding, serious* с другой. По-видимому, эта разнокачественность связана со спецификой наречения фрагментов окружающей действительности. Описанию этой специфики, по нашему мнению, содействуют точные, недвусмысленные термины, восходящие еще к Аристотелю – процесс и качество.

Номинативная специфика глагола определяется понятием процессуальности [2, с.97]. Процессуальность признака предполагает его понимание как протяженного во времени, а у прототипических глаголов («самых типичных представителей глагольной лексики», глаголов движения и действия [3, с.282]) – еще и как локализованного пространственно. Глагольный тип признака ориентируется на динамические, переменные характеристики предмета, отражающие «способы бытия объектов во времени и пространстве» [3, с.290].

Даже если отвлечься от пространственных характеристик объектов, которые не входят в семантическую структуру очень многих непрототипических глаголов (глаголов речи, мнения и др.), - нельзя не признать факт выражения подавляющим большинством глагольных ПИ характеристик темпоральных. В этом случае очевидно,

что глагол обозначает свойство предмета, соотносимое с известным временным периодом, то есть признак не собственный, ингерентно присущий, а ситуативный и легко отчуждаемый.

Ономасиологическая сущность имени прилагательного связана с понятием качества (в широком смысле слова) [11, с.37]. Качество есть существенная сторона предмета, рассматриваемая при сравнении с другими предметами как целостный признак, благодаря которому он и является именно этим, а не иным [11, с.9-10].

Можно сказать, что адъективное ПИ обозначает признак постоянный, ингерентно присущий, характеризующий. Будучи существенной стороной предмета, он гораздо больше содержательно привязан к нему, чем признак процессуальный. В языке выделение первого из двух, вероятно, происходит позднее второго и обусловлено необходимостью более тонкого противопоставления субстанции и ее свойств. Поэтому адъективный тип признака, с нашей точки зрения, представляет собой тип более высокой степени сложности, связанный с характеристикой субстанции не через внешние или непостоянные проявления, а через внутренние черты. Однако выбор этих внутренних черт предмета, его существенных сторон сопряжен с известной субъективностью, большей, чем при выборе внешних проявлений. Следовательно, в речевых высказываниях выделение признака качественного чаще может быть опосредовано отношением автора, чем выделение признака процессуального.

Представляется, что в целом содержательная основа прилагательного – понятие качества – является весьма благоприятной для развития в его семантике черт экспрессивности, а значит и широких коннотативных потенций. Безусловно, речь не идет о полном отсутствии таких черт у глагольной лексики. Тем не менее, исключительные возможности имени прилагательного в плане выражения экспрессии – субъективного отношения автора к содержанию речи – трудно поставить под сомнение, они отмечались и отмечаются многими исследователями [9, 13, 14]. Эти возможности заложены глубоко в системе языка и ярко выражены у ряда самых простых, производных адъективных ПИ: *good, right, clever, smart, bad, wrong, silly, dull* и т.п.

В конечном итоге, сказанное выше позволяет утверждать, что глаголом и именем прилагательным выражаются принципиально разные типы признаковых значений: признак ситуативный (протекающий во времени) и признак ингерентно присущий (описательный). Таким образом, уже в номинативном аспекте заметны черты несходства двух компонентов лексической категории ПИ.

Особый интерес представляет вопрос, наблюдаются ли подобные различия в коммуникативном аспекте семантики ПИ? Иными словами, весьма важно понять, образуют ли ПИ в коммуникативном аспекте семантически гомогенный класс, или они еще больше расходятся под влиянием контекстуальных факторов.

Обратимся к условиям литературной коммуникации. При ее анализе лингвист имеет дело с художественным текстом, законченным речевым произведением. При отсутствии обратной связи с читателем, характерной для литературной коммуникации, на передний план выходит структурация языковых средств, их взаимное соподчинение и даже своеобразная избыточность, - создающие условия для восприятия авторской интенции.

Важнейшим инструментом структурации языковых средств является традиционный синтаксис, при опоре на который осуществляется понимание текста. Создание и восприятие художественного текста идет лишь в одном направлении, а значит автор должен очень четко организовывать свое произведение, что было бы невозможно, если бы при соединении слов в предложения он пользовался только двумя их видами: именем и ГЛАГОЛОМ.

Не обнаруживают ли главные составляющие лексической категории – глагольные и адъективные ПИ – в художественном тексте, помимо общих, еще и различные свойства? Может быть, художественный текст с его логически упорядоченными, разветвленными синтаксическими конструкциями, создает условия для наиболее полной реализации глаголом общего значения процессуальности, а именем прилагательным – значения экспрессивного признака? Для ответа на такие вопросы необходимо проанализировать значительное количество ПИ в произведениях художественной речи, изучая тонкие, собственно смысловые критерии организации структуры значения. Только на этом материале можно проследить важные изменения в семной структуре слова при его текстовой реализации.

Нужно особо подчеркнуть, что, задавая подобный вопрос, мы ни в коем случае не отвергаем саму идею лексической категории, охватывающей все семантическое пространство ПИ. Категориальные признаки данного класса слов стали уже традиционным предметом рассмотрения в научной литературе. Однако полностью проникнуть в сущность этих признаков, с нашей точки зрения, позволит только соединение глобального семантико-синтаксического и более детального коммуникативно-семантического подхода, - которое, наверное, и сможет обеспечить диалектическое единство ономасиологического и семасиологического изучения признакового имени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М: Наука, 1976. – 383 с.
2. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М: Наука, 1978. – 115 с.
3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М: Наука, 1997. – 330 с.
4. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная)//Языковая номинация (виды наименований). – М: Наука, 1977. – С.5-85.
5. Lacoff G. Irregularity in Syntax. – NY, 1970. – 207 p.
6. Langacker R.W. Foundation of Cognitive Grammar. – Stanford CA: Stanford University Press, 1988. – 560 p.
7. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация (виды наименований). – М: Наука, 1977. – С.304-357.
8. Арутюнова Н.Д. К проблеме функционирования типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М: Наука, 1980, С.156-249.
9. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М: Наука, 1985. – 226 с.
10. Кубрякова Е.С. Коммуникативная лингвистика и проблемы семантика // «Коммуникативные единицы языка». Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. – М., 1984. – С.72-75.
11. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. – Минск: Высшая школа, 1986. – 93 с.
12. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке. // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С.7-85.
13. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. – М: Наука, 1978. – 199 с.
14. Черемисина Т.И. Экспрессивность английских прилагательных в номинативном и коммуникативном аспекте. // «Когнитивные и коммуникативные аспекты английской лексики». Сб. науч. тр. МГЛУ, 1990, вып. 357. – С.101-108.

© Голикова Татьяна Олеговна (tatianagolikova73@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации – РАНХиГС

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРЫ DEBER+INFINITIVO И NECESITAR+INFINITIVO (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА)

Денисова Оксана Игоревна

старший преподаватель, Международный Институт
Междисциплинарного образования и Иbero-американских
исследований;
аспирант, Южный Федеральный Университет
oidenisova@sfedu.ru

ON THE QUESTION OF THE FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF THE MODALITY OF OBLIGATION IN THE SPANISH LANGUAGE: DEBER+INFINITIVO AND NECESITAR+INFINITIVO (BASED ON THE SPANISH NEWSPAPER DISCOURSE)

O. Denisova

Summary: The category of modality is considered one of the most controversial, but at the same time multifaceted categories and is of interest for research in various fields, such as music, psychology, linguistics, law, etc. In the works of many domestic and also foreign scientists, one can observe an interest in the nature of modality, the means and methods of its expression, as well as the peculiarities of their implementation in speech. It can be assumed that an ambiguous approach to the study of types of modality from the point of view of the anthropocentric paradigm causes interest in this category. Speaking about the category of modality in Spanish, it should be noted that this category can be expressed by multi-level means, which allows us to apply a functional-semantic approach to the analysis of this category, which involves the reduction of all means of expression of this category into a single system using a field approach, implying the definition of the core and periphery of the category under study. The traditional construction of grammar has deep foundations: it allows you to reveal the features of forms and values within each of the allocated subsystems. At the same time, the «level» description of the structure of the language is associated with certain limitations. The analysis of meanings is concentrated within individual grammatical or lexical units, classes and categories. In this regard, a comprehensive consideration of similar values expressed by different structural means becomes possible only when going beyond the basic type of description at individual levels.

Keywords: modality, modality of obligation, multilevel means, functional-semantic approach, grammatical means.

Аннотация: Категория модальности считается одной из самых спорных, но в тоже самое время многогранных категорий и представляет интерес для исследований в разных областях, таких как музыка, психология, лингвистика, юриспруденция и др. В работах многих отечественных, а также и зарубежных учёных можно наблюдать интерес к вопросам природы модальности, средствам и способам её выражения, а также особенностям их реализации в речи. Можно предположить, что неоднозначный подход к изучению видов модальности с точки зрения антропоцентрической парадигмы обуславливает интерес к данной категории. Говоря о категории модальности в испанском языке, следует отметить, что данная категория может быть выражена равноуровневыми средствами, что позволяет применить функционально-семантический подход к анализу данной категории, который предполагает сведение всех средств выражения данной категории в единую систему с применением полевого подхода, подразумевающего определение ядра и периферии исследуемой категории. Традиционное построение грамматики имеет глубокие основания: оно позволяет раскрыть особенности форм и значений в рамках каждой из выделяемых подсистем. Вместе с тем «уровневое» описание строя языка связано с определенными ограничениями. Анализ значений концентрируется в пределах отдельных грамматических или лексических единиц, классов и категорий. В связи с этим комплексное рассмотрение сходных значений, выражаемых разноструктурными средствами, становится возможным лишь при выходе за рамки основного типа описания по отдельным уровням.

Ключевые слова: модальность, модальность долженствования, равноуровневые средства, функционально-семантический подход, грамматические средства.

Функционально-семантическая категория модальности определяется как «многоаспектное, многоуровневое образование, выраженное посредством морфологических, синтаксических и лексических элементов языка» [1].

Исследователи относят функционально-семантическое поле (далее ФСП) и функционально-семантическую категорию к числу «межуровневых единиц», которые формируются «на основе взаимодействия и взаимопроникновения различных подсистем внутри языка» [2, с. 3].

Согласно наблюдениям А.Ш. Кошевой, специфика универсальной функционально-семантической категории модальности во многих разнотипных и разнотипных языках состоит в том, что ее значение оказывается теснейшим образом связанным со значением лексических, грамматических и контекстуальных категорий, в связи с чем далеко не всегда представляется возможным разграничение модальной семантики и лексического значения конкретной глагольной единицы, а также определение того, какая именно единица в данном контексте является действительным носителем модального значения: конкретная форма времени, лица, наклонения глагола, вспомогательный глагол, синтаксическая конструкция, – кроме того, модальность играет важную роль в формировании семантической структуры высказывания и способствует реализации его коммуникативной стратегии [2, с. 3–4]. Отмечается, что «модальные значения долженствования, побуждения и желания тесно связаны между собой» [2, с. 14]. «Взаимосвязь модального значения долженствования и желания обусловлена двойственным характером самой категории модальности, ее субъективной и объективной сторонами. Часто то, что говорящий считает необходимым, обусловлено не объективными факторами, а субъективным собственным, его внутренним побуждением, его желанием» [2, с. 14]. Особенность семантической структуры данной категории состоит в том, что микрополя, которые в нее входят не исключают, но дополняют друг друга, имеют целый ряд зон взаимоналожения.

Что касается категории модальности долженствования в испанском языке, следует отметить, что данная категория может быть представлена при помощи лексических и грамматических средств. К лексическим средствам мы можем отнести модальные слова и выражения (*deber, necesidad, es preciso* и др.), к грамматическим – категорию наклонения и перифрастические конструкции (*tener que+infinitivo, hay que + infinitivo, haber de + infinitivo* и др.) Анализ средств выражения категории долженствования позволяет структурировать функционально-семантическое поле долженствования в испанском языке позволяет включить в ядро такие структуры как *deber + infinitivo, necesitar + infinitivo, tener que+ infinitivo u hay que+infinitivo*, которые часто используются в испанском языке и связаны одним модальным значением. При анализе фактологического материала нами было выявлено, что *deber + infinitivo* и *necesitar + infinitivo* являются самыми активными компонентами при реализации долженствования в испанском газетном дискурсе. Рассмотрим каждую структуру в отдельности.

Глагол *deber* в сочетании с инфинитивом обозначает обязательность или долженствование, связанное с желанием говорящего. Наиболее частотными семантическими значениями в конструкции по мнению испанского исследователя Г.Торрего являются значения так

называемого активного долженствования, как например *Vosotros debéis trabajar más – Вы должны больше работать*, и пассивного долженствования – *Los hijos deben ser amados por sus padres – Дети должны быть любимы своими родителями*, что может привести к значению необходимости [5; 196]. Таким образом, глагол *deber* в сочетании с инфинитивом способен указывать на долженствование, исходящее из желания говорящего о необходимости выполнения действия. По сути, речь идёт о значении необходимости, однако данную структуру а интерпретируется двояко, поскольку речь может идти не только об обязательности, но и о вероятности, несмотря на то, что долженствование, как правило, подчёркивает обязательный характер выполнения действия. Согласно *Nueva Gramática de la Lengua Española, deber + infinitivo* свойственно деонтическое значение, в отличие от структуры *deber de* с инфинитивом, для которой характерно эпистемологическое. Рассмотрим два примера: *Debes beber mucha agua* и *Debes de beber mucha agua*. В первом примере употребление большого количества воды выражает совет реципиенту, в то время как во втором *deber de + infinitivo* может передавать значение как необходимости, так и возможности. Однако контраст между этими двумя конструкциями не так очевиден, и *deber + infinitivo* также может обозначать вероятность.

В испанском газетном дискурсе к употреблению *deber + infinitivo* прибегают довольно часто желая дать совет или рекомендацию:

Quando tenemos en casa un volumen elevado de libros, es habitual que estén desordenados. Es por ello que de vez en cuando debemos dedicarle un tiempo a organizarlo y es bueno conocer algunos atajos para ello. (ABC, 28 Febrero, 2023)

Los libros que sabes que solo ocuparán hueco deben salir de tu casa. (ABC, 28 Febrero, 2023)

Todo el mundo debe poder alcanzar la excelencia educativa, y ningún alumno puede quedarse atrás. (ABC, 28 Febrero, 2023)

Однако, нередко можно встретить примеры, когда структура *deber + infinitivo* выражает долженствование согласно определённым правилам, нормам или закону:

La normativa establece que los niños en coche deben viajar en una silla infantil (SRI) adecuada a su peso y talla hasta que tengan una estatura superior a 1,35 metros. (ABC, 8 Febrero, 2023)

Глагол *necesitar*, согласно определению электронного словаря *Diccionario Actual*, с одной стороны, указывает на необходимость в чем-то или ком-то в какой-то определенный момент и в определенной ситуации. Таким образом, можно сказать, что люди могут нуждаться в большом количестве разных вещей в течение дня, но не из-за того, что они хотят иметь больше, а из-за возможной необходимости, которая может быть истолкована по-разному в зависимости от ситуации. С другой стороны, глагол содержит указание на то, что непосредственно связано с необходимостью

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ИХ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЭНСИ МИТФОРД «THE BLESSING»)

Иванов Николай Викторович

Доктор филологических наук, профессор, Военный
Университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
e-nickma@mail.ru

Черемисова Елена Анатольевна

Преподаватель, Военный Университет имени князя
Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации
7313150@gmail.com

FEATURES OF THE USE OF LEXICAL AND STYLISTIC MEANS IN A LITERARY TEXT AND THEIR ROLE IN CREATING A LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE EXAMPLE OF NANCY MITFORD'S WORK "THE BLESSING")

*N. Ivanov
E. Cheremisova*

Summary: This article is devoted to the study of lexical and stylistic means in Nancy Mitford's novel "The Blessing". Lexical and stylistic means carry certain information and serve for aesthetic impact on the reader. The conceptual categories of event, social, psychological and aesthetic reality reflecting the artistic reality created by the writer are considered. Theoretical and practical data are presented, proving that with the help of lexical and stylistic, the linguistic picture of the writer's world is realized, which is a certain way of conceptualizing reality. The author draws attention to the synthesis of artistic images by introducing, along with the translation of generally accepted images, an individual author's position.

Keywords: artistic text, Nancy Mitford, linguistic picture of the world, conceptual category, artistic image.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию лексических и стилистических средств в романе Нэнси Митфорд «The Blessing». Лексические и стилистические средства несут определенную информацию и служат для эстетического воздействия на читателя. Рассматриваются понятийные категории событийной, социальной, психологической и эстетической действительности, отражающие художественную действительность, созданную писательницей. Приводятся теоретические и практические данные, доказывающие, что с помощью лексических и стилистических реализуется языковая картина мира писательницы, которая представляет собой определенный способ концептуализации действительности. Автор обращает внимание на синтезирование художественных образов за счет введения наряду с трансляцией общепринятых образов, индивидуальной авторской позиции.

Ключевые слова: художественный текст, Нэнси Митфорд, языковая картина мира, понятийная категория, художественный образ.

Американский лингвист М. Вайнрайх отметил, что язык – это диалект, обладающий собственной армией и флотом. Нельзя познать писателя, не познав его язык. Изучению языка художественного произведения посвящено много статей и исследований. Основной задачей изучения языка художественного произведения является анализ лингвистических средств, с помощью которых выражается идейное и эмоциональное содержание произведения, т.к. язык художественного произведения является особой формой образного отражения картины мира автора, а также речевой деятельности, помогающей читателю осмыслить поступки героев [2, с.169]. Образы, созданные писателем, дают возможность читателю ощутить ту картину мира, которая заключена в тексте [1, с.114]. Под образами понимаются не только персонажи, но и описание пейзажа, пространства, времени, событий и т.д. В данной статье на примере романа английской писательницы Нэнси Митфорд «The Blessing» мы проанализировали лексические и синтаксические

стилистические средства и определили их роль в отражении языковой картины мира.

В последнее время интерес филологов к вопросам, связанным с анализом художественного текста, значительно возрос. Появляющиеся учебные пособия, статьи и монографии на данную тему посвящены типологическим, семиотическим, лингвопрагматическим и стилистическим аспектам художественного текста. К сожалению, приходится констатировать, что во многих работах отсутствует комплексное, синтетическое рассмотрение природы художественного текста, преодолевающее практику его поэтапного изучения, которое сводится к исследованию семантики в отрыве от сюжета, структуры и композиции; и наоборот, изолированному изучению строя текста в отрыве от анализа особенностей его языковой ткани. Сегодня общепризнанным является утверждение о том, что односторонний анализ художественного текста без объяснения его природы не может претендо-

вать на глубокое и всестороннее исследование.

Языковая картина мира – это важная составная часть модели мира в голове человека, т.е. совокупности представлений и знаний человека о мире. В. Гумбольдт считал, что язык – это не просто средство общения, но выражение мировидения говорящего. Исследованием языковой картины мира занимались многие лингвисты Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия и другие [3, с.397]. Носителем языковой картины мира является человек, т.е. автор произведения. Автор произведения познает объективный мир и выражает результаты своего познания в языке. Совокупность этих знаний в языковой форме и является языковая картина мира. Текст произведения рассматривается как результат речемыслительной деятельности автора. Благодаря анализу лексических, стилистических средств в определенном тексте, исследователь имеет возможность раскрыть представленные в речевом произведении знания об отражаемом в нем мире. Создавая художественный текст, автор отбирает те явления действительности, которые соответствуют его замыслу.

Для анализа художественного произведения, мы разделили типы информационной значимости на следующие группы [5, с.114]:

1. событийная (время, пространство, пейзаж, герои);
2. социальная (система принятых норм и традиций);
3. психологическая (мотив поступков);
4. эстетическая (присутствие фактора культуры и истории).

Мы проанализировали данные типы информации на наличие лексических и стилистических средств, которые помогли автору отразить языковую картину мира.

Первая группа «событийная» относится к описанию времени, пространства, пейзажа и образов героев. Художественное произведение не может существовать вне времени и пространства, таким образом данные категории сообщают читателю компоненты авторского художественного замысла [4, с.245]. Действие романа происходит во время Второй мировой войны и в послевоенное время. После свадьбы Грейс поселилась в доме своего отца в графстве Уилтшир вместе с сыном и там она живет в ожидании мужа: 'She lived in a dream of Charles-Edouard, so that as the years went on he turned, in her mind, into somebody quite divorced from all reality and quite different from the original. He came back for three hectic days in July 1940 and after that seemed to go father and father away, Fort Lamu, Ceylon, and finally Indo-China. When the war ended he was immediately demobilized, his return was announced again. It was more than seven years after their wedding when at last the telephone bell rang and Grace heard his voice speaking from Heath Row' [6, p.18]./ Она жила с мечтой о Чарльзе-Эдуарде, т.о. что когда

прошли годы, в ее голове он превратился в человека, который далек от реальности и который отличается от настоящего Чарльза-Эдуарда. Он вернулся на три беспоконных года в июле 1940 г и после этого казалось, что он отдаляется все дальше и дальше, Форт Лами, Цейлон и в конце концов Индо-Китай. Когда закончилась война, его сразу же демобилизовали и о его возвращении снова сообщили. Прошло более 7 лет с момента их свадьбы, когда в конце концов зазвонил телефон и Грейс услышала его голос. Он звонил из Хитроу.

Пространство тесно связано с категорией времени. По мнению М.М. Бахтина категория пространства имеет большое значение для жанровой природы текста и образа человека. Время раскрывается в пространстве, и пространство осмысливается временем. Мы связываем категорию пространства с жилым пространством и атмосферой, которая в нем присутствует [4, с.243]. Грейс впервые покидает родительский дом и переезжает с Чарльзом-Эдуардом во Францию к его родственникам: 'He held a door for her. Grace walked into a huge room, dark and paneled, with a painted ceiling. Furniture was dotted about in it; like shrubs in a desert pieces seemed to grow where they stood, following no plan of arrangement, and dotted about among them were human figures. There was an old man painting at an easel, an old lady at a piano playing the Chopin waltz, while another old lady in the embrasure of a window, was deep in conversation with an ancient priest' [6, p.24]. /Он подержал для нее дверь. Грейс вошла в огромную комнату, темную и обшитую панелями, с окрашенным потолком. Мебель была разбросана по комнате как кустарники в пустыне и казалось, что предметы мебели выросли из того места, где они стояли, не следуя определенному плану обстановки. И среди мебели были разбросаны человеческие фигуры. Там находилась пожилая человек, рисующий на мольберте, пожилая леди у пиано, играющая вальс Шопена, в то время как другая пожилая леди в проеме окна, была увлечена разговором со старым священником. Английский дом описывается так: 'The central block of the house having been requisitioned by soldiers, he and Grace occupied three rooms in one of the wings, and Charles-Edouard now set himself the task of filling these rooms with objects of art' [6, p.14]./ Центральная часть дома когда-то была занята солдатами, он и Грейс занимали три комнаты в одной из частей дома и Чарльз-Эдуард имел задачу обставить эти комнаты предметами искусства. Парижский дом описывается следующим образом: «The other rooms in her house, with their admirable decoration and gold-encrusted furniture, so rich that to enter one of them was like opening a jewellery box' [6, p.71]./ Другие комнаты в ее доме с очаровательной обстановкой и мебелью, инкрустированной золотом, были настолько богато обставлены, что входя в них, Вы как будто открывали шкатулку с драгоценностями.

Категория пейзажа связана с развитием чувства при-

роды у человека. Описание пейзажа в художественном произведении служит для усиления картин каких-либо событий, описания природы. По мнению И.В. Арнольд пейзаж может быть источником эмоций и гармонировать с состоянием героев или напротив контрастировать с ним [1, с.115]. Грейс переезжает с Чарльзом-Эдуардом во Францию и перед ее глазами открывается следующий пейзаж: 'The Provencal landscape, like that of Tuscany which it so much resembles, is marked by many little hills humping unexpectedly in the middle of vineyards. These often have a cluster of cottages round their lower slopes, overlooked by a castle, or the ruin of a castle, on the summit. Such was Bellandargues. The village lay at the foot of a hill, and above it, up in the blue sky, hung the castle, home, for many generations, of the Valhubert family' [6, p.23]. / Провансальский пейзаж, очень напоминающий пейзаж Тасканы, наполнен холмами, которые возникают перед очевидцем в центре виноградников. На них видно скопление коттеджей вокруг нижних склонов, над которыми на вершине возвышается замок или руины замка. Таким местом был Белландарг. Деревушка находилась у подножия холма и над ней, в голубом небе, виднелся замок, дом для многих поколений семьи Валуберт.

Художественный образ» - одна из самых многогранных и сложных эстетических категорий, которая используется в рамках ряда гуманитарных научных дисциплин; при этом в каждом случае меняются ракурс рассмотрения, понимание и определение данной категории. Исследование художественного образа заключается в анализе языковых средств (лексические, стилистические), которые используются при описании героев и которые направлены на создание определенного описания. Яркий образ основан на использовании сходства между двумя далекими друг от друга предметами или людьми. Рассмотрим несколько примеров образов главных героев: 'Grace and the child were tired after the night in the train, but Charles-Edouard and Nanny were made of sterner stuff. His sings and jokes flowed like a running river' [6, p.22]. / Грейс и ребенок устали после ночи, проведенной в поезде, но Чарльз-Эдуард и Няня были сделаны из крутого теста. Его песни и шуточки лились как река. 'But I don't like the idea of Grace marrying a frog, to tell the truth' [6, p.10]. / Сказать по правде, мне, что Грейс выходит замуж за «лягушку». 'But you know what it is with Nanny, I'm dreadfully under her thumb. She thinks M. l'Abbe is taxing her little brain' [6, p.48]. / Но ты знаешь, что это значить находится рядом с Няней. Я полностью от нее завишу. Она считает, что Лаббе дает ей сложные задачи. 'The fact is I was not quite sure. I married this foreign woman after a very short courtship, I was off to the war, perhaps for years, she was engaged to somebody else when I first met her, and might have- I didn't think so, but there was no proof- an unstable character. And she was a heathen. The English, you know, are nearly all heathens, like freemasonry' [6, p. 53]. / Дело в том, что я не был полностью уверен. Я женился

на иностранке после короткого периода ухаживаний. Я отправился на войну и возможно в течение многих лет она была помолвлена с кем-то, когда я ее впервые встретил и возможно, у меня нет доказательств, она была непостоянной натурой. И она была язычницей. Англичане, вы знаете, почти все язычники как масоны. 'I suppose Charles-Edouard must seem very English to you, dear child». English? Grace was amused and surprised. For her Charles-Edouard was the forty kings of France rolled into one, the French race in person walking and breathing' [6, p. 54]. / Я полагаю, что тебе кажется что у Чарльза-Эдуарда слишком английский нрав, мое дитя. Английский, Грейс была поражена и удивлена. Для нее Чарльз-Эдуард представлялся как 40 королей Франции в одном, вся французская раса в одном человеке гуляла и дышала в нем. 'Carolyn Broadman was a lifelong friend of Grace. Sir Conrad always called her Don Juan. She had certainly been one at school, coldly gathering up the poor little hearts laid at her feet and throwing them over her shoulder' [6, p. 63]. / Кэролайн Бродман была закадычной подругой Грейс. Сэр Конрад всегда называл ее Дон-Жуаном. В школе она была из тех, кто холоднокровно собирал бедные, маленькие сердца у своих ног и выбрасывала их через плечо.

Вторая группа «социальная» включает в себя общепринятые нормы и традиции, свойственные той или иной культуре. Мы рассмотрели данную группу в контексте, связанном с раутами высшего общества: их поведение, традиции. После переезда в Париж, Чарльз-Эдуард представляет Грейс парижскому высшему обществу: 'As soon as she had some presentable clothes Charles-Edouard began taking Grace to see his relations. The old ladies were covered with a curious assortment of jewellery. Prominent upon a black cardigan they generally wore the rosette of the Legion of Honour' [6, p. 68]. / Как только у нее появились презентабельных нарядов, Чарльз-Эдуард начал знакомить Грейс с его окружением. Пожилые леди имели интересный ассортимент украшений. Отдавая предпочтение черному кардигану, они обычно носили розетку Почетного легиона. 'They fired questions at her from all sides, wanting to know about English novelists, dramatists, country houses, boy scout, gardens, music, essayists, and the government of Britain. Their knowledge of England was quite astonishing, very much like the knowledge some astronomer might have of the moon after regarding it for many a long night through a telescope' [6, p.69]. / Они задавали ей вопросы со всех сторон, желая знать об английских романистах, драматургах, виллах, бойскауте, садах, музыке, эссеистах и правительстве Британии. Их знания об Англии были достаточно поразительны, похожи на знания какого-то астронома, который знает о луне, исходя из знаний, которые он получил, смотря ночью в телескоп. 'In France you are always in a witness box. You'll get used to it. But you must sharpen your wits a little, my dearest, if you want a favourable verdict' [6, p. 70]. / Во Франции ты всегда чувствуешь себя как в месте для дачи

свидетельских показаний. Ты привыкнешь к этому. Но ты должна немного напрягать свои мозги, моя дорогая, если ты хочешь получить желаемый вердикт.

Третья группа «психологическая» связана с мотивом, который в литературном произведении чаще всего понимается как часть, элемент сюжета. Любой сюжет представляет собой переплетение мотивов. Критерием мотива, в большинстве случаев, служит ключевое слово. Тётушка Чарльза-Эдуарда пытается убедить Грейс воссоединиться с Чарльзом-Эдуардом после их разрыва: 'Grace, my child, it is your duty to return to Paris and marry Charles-Edouard. He may find himself trapped into some perfectly incongruous marriage. Think of your little boy, brought up like this between the two of you, no continuity in his education. Grace dear, surely you must understand where it is that your duty lies' [6, p. 229-230]. / Грейс, дитя моё, это твой долг возвратиться в Париж и выйти замуж за Чарльза-Эдуарда. Возможно, он может быть пойманным в ловушку и иметь для себя совершенно неподходящий брак. Подумай о своем маленьком мальчике, который воспитывается таким образом, что он находится между Вами, без последовательности в его обучении. Грейс, дорогая, конечно, ты должна понимать, в чем состоит твой долг.

Четвёртая группа «эстетическая», которая относится к факторам культуры и истории. В романе можно встретить названия французских культурных мест, личностей. Например: 'In due course Nanny and Sigi arrived on the night train from Marseilles, and that afternoon Grace took them across the river to the Tuileries Gardens' [6, p.61]. / В надлежащее время Няня и Сиги прибыли на ночном поезде из Марселя и в тот день Грейс взяла их на прогулку вдоль реки в сады Тюильри. 'There is the old French nobility and that of the Holy Roman Empire. Then we have the titles created by Napoleon, at the Restoration, by the July monarchy and Napoleon III' [6, p. 75]. / Существует старая французская знать и знать Великой Римской империи. Затем у нас есть титулы, созданные Наполеоном во время Реставрации и июльской монархией и Наполеоном III. 'D' you know what, Mum- I rode on a cheval de Marly' [6, p.208]. / Мам, ты знаешь, что я катался на лошади Марли? Поведение французского высшего общества трактуется из гостей следующим образом: 'Please do not imagine that social life is easy here, as it is in England. It is very very different matter. I will explain why. In England. As we know, everybody has a number, so when you give a dinner it is perfectly easy to place your guests- you look up the numbers, seat them accordingly and they just dump down without any argument. Placement, such a terrible worry to us in France, never bothers you at all' [6, p. 75]. / Пожалуйста, не воображайте, что общественная жизнь здесь легкая как, например, в Англии. Здесь она очень очень сложная. Я объясню почему. В Англии, как мы знаем, все имеют номера, т. когда Вы даете обед, Вам легко расска-

дить Ваших гостей- Вы смотрите на номера, сажаете их согласно их номеру и для них это все является само собой разумеющимся, что они никогда не спорят. Рассадка гостей – ужасные хлопоты во Франции, которые Вас не так волнуют.

На основе приведенных примеров, иллюстрирующих лексические и стилистические средства, использованные в романе «Счастье», мы приводим следующую таблицу, в которой мы разбираем по категориям данные языковые средства:

Типы информации	Используемые языковые средства
Категория времени	числительные (three hectic days, in July 1940), время Past Simple (... as the years went on...), географические наименования (Fort Lamy, Ceylon, Indo-China)
Категория пространства	глаголы пространственного перемещения (to walk, to occupy, to fill, to enter); предлоги пространственного значения (into in); ключевые слова (house, furniture, window, door, piano, room, objects of art); стилистические средства (сравнение- аналогия... to enter one of them was like opening jewellery box)
Категория пейзажа	глаголы изобразительной семантики (to hump, to overlook, to lie); ключевые слова (hills, vineyards, cluster of cottages, castle, village, sky, home); стилистический прием (сравнение-соответствие: (... like that of Tuscany which it so much resembles...))
Категория образа	Идиомы (to be made of sterner stuff, to be under one's thumb, to tax one's brain); сравнение-тождество (... like a running river); сравнение-аналогия (... like freemasonry); метафора (... the forty kings of France rolled into one, Don Juan); ирония (to marry a frog)
Категория традиций и норм	лексика исторической коннотации (the rosette of the legion of Honour); сравнение соответствие (... like the knowledge some astronomer might have of the moon after regarding it for many a long night through a telescope); метафора (a witness box)
Категория мотива	Ключевые слова (a duty).
Категория культуры и истории	исторические личности (Napoleon, Napoleon III); исторические периоды (The Holy Roman Empire, the July Monarchy); исторические места (The Tuileries Gardens, le cheval de Marly)

Рассмотрев данные категории, мы пришли к выводу, что они являются неотъемлемой составляющей художественного произведения и непосредственно определяют структуру произведения, а с помощью лексических и стилистических средств можно познавать языковую картину мира. Каждая из этих категорий обладает своими собственными свойствами и характеристиками, что позволяет автору по-своему использовать эти свойства

в тексте. Используя те или иные лексические и стилистические средства, автор может замедлять или убыстрять ход времени, расширять границы пространства, наделять героев теми или иными характеристиками, делать героев хорошими или плохими, соединять их или различать, мотивировать героев на совершение поступков. Таким образом можно сделать вывод, что лексические и стилистические средства играют непосредственную роль в создании языковой картины мира.

Проведенное исследование показало, что с помощью

лексических и стилистических средств передается языковая картина мира писателя. Ключом к познанию языковой картины мира является анализ индивидуальной языковой системы. С помощью языковых средств английская писательница Нэнси Митфорд создала яркие образы героев, описала английский и французский пейзажи, провела нас через разные пространства и через призму произведения читатель познает английскую и французскую картину мира. Выявленные лексические и стилистические средства могут послужить основанием для дальнейшего исследования языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. - 5-е изд., испр. и доп.- М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.danefae.org/lib/vvv/ojaxl/iii/htm> (Дата обращения: 25.03.2023 г.).
3. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/yazykovaia-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (Дата обращения: 25.03.2023 г.).
4. Куперкина С.М. О средствах репрезентации текстовой картины мира в современном ирландском романе. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-sredstvakh-representatsii-tekstovoy-kartiny-mira-v-sovremennom-irlandskom-romane> (Дата обращения: 25.03.2023 г.).
5. Левина В.Н. Художественный текст как авторское отражение картины мира. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/hudozhestvennyy-tekst-kak-avtorskoe-otrazhenie-kartiny-mira> (Дата обращения: 25.03.2023 г.).
6. Mitford N. The Blessing.-Penguin Books, 2015– 247 p.

© Иванов Николай Викторович (e-nickma@mail.ru), Черемисова Елена Анатольевна (7313150@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военный Университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Кобякова Наталья Николаевна

учитель русского языка и литературы

МБОУ Школа № 16 (г. Саров)

Gorina-natasha91@mail.ru

LINGUOCOGNITIVE MODELS OF THE PHRASEOSEMANTIC FIELD "SPEECH ACTIVITY" IN MODERN RUSSIAN

N. Kobyakova

Summary: The article is devoted to the study of the phraseosemantic field in the modern Russian language. The aim of the study is to compile linguocognitive models. Cultural codes are described, the national specificity of phraseological units is revealed.

Keywords: phraseosemantic field, phraseological units, linguocognitive models, speech activity, culture codes.

Аннотация: Статья посвящена исследованию фразеосемантического поля в современном русском языке. Целью исследования является составление лингвокогнитивных моделей. Описаны культурные коды, выявлена национальная специфика фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеосемантическое поле, фразеологизмы, лингвокогнитивные модели, речевая деятельность, коды культуры.

Лингвокогнитивное моделирование, получившее распространение в работах исследователей сравнительно недавно (А.Е. Гусева, Р.М. Козлова), предлагает систематизацию языковых единиц, в том числе фразеологических, с помощью представления знаний, находящихся в их основании. Лингвокогнитивные модели подчиняют мысль определённой схеме и формируют, таким образом, категории, отражающие национально-культурную специфику.

«Фразеологизмы могут выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения или указывать на их символичный характер и в этом качестве выступают как языковые экспоненты культурных знаков» [4, с. 250].

В данной работе мы исследуем фразеосемантическое поле «Речевая деятельность» в современном русском языке. Методом сплошной выборки было выделено и проанализировано около 450 фразеологических единиц, в ходе исследования нами были выявлены лингвокогнитивные модели.

Следует отметить, что коды культуры наслаиваются друг на друга: один фразеологизм может отражать несколько культурных кодов, поэтому между ними нет чёткой границы и соотнесение с тем или иным кодом является условным, но вполне достаточным для построения лингвокогнитивных моделей, определения культурной специфики и отражения народных представлений о человеке, предмете, явлении, действии и т.п.

1. Лингвокогнитивные модели, отражающие **звуко-**

вой код русской культуры: *бить в барабан, гаркать во всё горло, долгая / длинная песня, дудеть в одну дудку, заводить / завести пластинку, заливаться соловьём, напеть на кривое веретено (1), натрубить в уши, петь дифирамбы (1), петь старую песню, петь с чужого голоса, повышать/повысить голос (2), повышать/повысить тон, прожужжать (прогудеть, протрубить) все уши, пусты леса звенеть, и др.*

Звуковой код является прямым отражением поля «Речевая деятельность», так как связан, собственно, с голосом, который является инструментом речи человека. В нашем исследовании данных фразеологизмов оказалось немного, одни из них отражают физиологический процесс – пение, другие содержат наименование музыкального инструмента (барабан, дудка, волюночка) или включают в себя другой код культуры, например, зооморфный (*заливаться соловьём*).

2. Лингвокогнитивные схемы, отражающие **числовой код** русской культуры: *в один голос (говорить, заявлять), двух слов связать не может, наврать с три короба, на пару слов, на два слова, перекинуться парой слов, отшелушить (распекать) на обе корки, с пятого на десятое, сказать пару ласковых и др.*

Число является универсальным концептом и имеет символическое значение. В разных языках числа наделяются своей символикой и приобретают дополнительный смысл в национальной культуре. Изначально число использовалось как инструмент счёта, измерения и т.п. Если анализировать глубже, то мы поймём, что число знаменует ещё и божественный порядок. Числам из-

давна приписывали магический смысл (так, например, число *три* в русских народных сказках является волшебным: было у отца три сына, искал он три дня и три ночи и т.п.)

Числовой код в данном фразеосемантическом поле представлен немногочисленными фразеологизмами. Чаще всего в составе фразеологизмов встречается числовой компонент *два* (*пара, обе*). Два – это символ дуализма (на два фронта), двойственности, противостояния (что часто встречается в славянской мифологии). С другой стороны, число два является символом парности, чётности (например, *два сапога пара*).

Так, фразеологические единицы *на два слова, на пару слов, перекинуться парой слов* имеют положительную коннотацию и являются символом быстрого разговора. Фразеологизм *двух слов связать не может* содержит в себе отрицательную коннотацию и является символом неумения чётко, грамотно и красноречиво излагать свои мысли.

3. Лингвокогнитивные модели, отражающие **религиозно-мифологический код** русской культуры: *во сне Бога молить, кимвальный звон, заводить / завести панихиду, метать перуны, чёрт дёрнул за язык, дать чертей (1), печать молчания, Христом Богом просить, мелким бесом рассыпаться, метать громы [и молнии]* и др.

В составе данных фразеологизмов встречаются компоненты, относящиеся к религиозному или мифологическому дискурсу (*Бог, Христос, чёрт, бес* и др.) Кроме этого, часть данных фразеологических единиц пришла к нам из библейских текстов (например, *кимвальный звон, мидасовы уши, метать бисер перед свиньями* и др.)

В основе образования фразеологических единиц лежит метафора и сравнение.

4. Лингвокогнитивные модели, отражающие **духовно-личный код** русской культуры: *в душу вить, заливать / излить душу, срывать / сорвать сердце* и др.

Духовный код ориентирован на нравственные ценности, которые являются ориентиром для каждого человека.

Концепты душа и сердце являются базовыми для русской культуры и представляют собой две стороны жизни человека: духовную (нематериальную) и материальную.

Так, в «Толковом словаре русского языка» В.И. Даль даёт следующее определение: «Душа – бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею... Душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутренне чувство и пр.» [3, с.226-227]. Таким образом, душа – это эталон, дающий оценку деятельности, поступ-

кам и поведению человека.

Фразеологизм *изливать / излить душу* образован с помощью метафоры, где чувства уподобляются воде. Кроме этого, компонент *изливать* связан с символикой воды и её свойствами, в данном случае: очищать, дать душе возможность освободиться от каких-либо дум и переживаний.

Сердце же нравственно рассматривается как проявление любви, воли, страсти [3, с.586]. Отсюда и стереотипное представление фразеологизма *срывать / сорвать сердце* как средоточия, хранилища эмоций и чувств, в данном случае негативных.

5. Лингвокогнитивные модели, отражающие **обрядовый код** русской культуры. Под обрядом также понимаются традиции, обычаи и ритуалы.

Обряд – «совокупность установленных обычаям действий, связанных с выполнением религиозных предписаний или с бытовыми традициями» [5]. Таким образом, все обряды можно разделить на две группы: **религиозные** (*звонить во все колокола (1), курить фимиам, петь дифирамбы, целовать крест* и др.) и **нерелигиозные** (*бабушка [ещё] надвое сказала, бросать слова на ветер, бросать / бросить камень в [чужой] огород, заговаривать зубы* и др.)

Фразеологизм *бабушка [ещё] надвое сказала* своими корнями уходит в прошлое и делает отсылку к ритуалу гадания, который направлен на то, чтобы узнать будущее. Гадание – это процесс, предназначенный для узкого круга лиц, поэтому чаще всего ритуалом руководила старая женщина, т.е. бабушка. В современном мире гадание утратило свою сакральность, поэтому молодые люди сомневаются в результатах ритуала, что усиливается благодаря компоненту *надвое* (подтверждает неопределённость) [2, с. 25].

6. Лингвокогнитивные модели, отражающие **зооморфный код** русской культуры. Фразеологизмы, входящие в эту группу, отражают представления человека о мире животных. Они связаны с существующими стереотипами (например, заяц отождествляется с трусостью, лиса – с хитростью, осёл – с глупостью и т.п.) и выполняют роль символов. В основе образа фразеологических единиц лежит метафора, сравнение и олицетворение: *гаркать во всё горло, надуть, что козий мех, садиться на своего любимого конька, сказать журавля на сосне, вешать собак, сказка про белого бычка, гладить против шерсти, как будто с цепи сорвался, как рыба (молчать) / нем как рыба, прикидываться / прикинуться лисой* и др.

Фразеологизм *нем как рыба* выступает в роли эталона молчания. Примечательно, что в греческом языке су-

ществовало выражение нем как статуя (типологическое сходство говорит о том, что мышление людей разных национальностей и рас может производить универсальные модели сравнения). Сам фразеологизм восходит к древнему поверью о том, что рыбы не слышат никаких звуков и не могут их издавать [2, с. 310].

7. Лингвокогнитивные модели, отражающие **пространственный код** культуры. Данный культурный код отражает членение пространства и пространственные представления человека и тесно связан с **соматическим кодом**, так как содержит соматизмы: рот, язык, уста, губы, ухо (*держать рот на замке, прикусить язык, брать / взять губы на замок, на ухо* и др.) Фразеологические единицы, входящие в эту группу, можно разделить на подгруппы в зависимости от расположения в пространстве. Приведём в пример некоторые из них:

1. Семантическая оппозиция верх / низ: *говорить о высоких материях, ползать на коленях, втапывать в грязь, попасть пальцем в небо* и др.
2. Семантическая оппозиция близко / далеко: *в упор (4), взад пятки* и др.
3. Семантическая оппозиция впереди / сзади: *выдвинуть на передний план* и др.
4. Семантическая оппозиция объёмное / сжатое пространство: *во весь голос (1), во всю пасть (1), пустые разговоры* и др.
5. Семантическая оппозиция прямо / криво: *не в бровь, а в глаз, бросать в лицо, кривая ложь, городить огород, городить / нести окоlesiцу* и др.
6. Семантическая оппозиция открыто / закрыто: *растегнуть рот, сыпать словами, заклеить рот, молчать в тряпочку, держать язык за зубами, держать рот на замке, сквозь зубы, заткнуть горло* и др.

Данная подгруппа является самой многочисленной, так как напрямую связана со способностью говорить или отсутствием речи, т.е. с молчанием.

8. Лингвокогнитивные модели, отражающие **предметный код** русской культуры: *снимать / снять стружку, ставить шпильки, сорить словами, чепуха на постном масле, пустить пушку, разводить бобы, плести кошело с лаптями, потоп в луже, проглотить пилюлю, проглотить слова, нести ерунду* и др.

Предметный код культуры связан с предметами, окружающими человека и находящимися в окружающем мире. Многие фразеологизмы сочетают в себе соматический код культуры, так как в их составе мы встречаем соматизмы (*водить за нос, враг дёрнул за язык, зубы (язык) чесать* и др.)

Фразеологизмы образованы с помощью метафоры, олицетворения и метонимии.

9. Лингвокогнитивные модели, отражающие **акциональный (деятельностный) код** русской культуры: *бросать / бросить в лицо, водить за нос, выворачивать наизнанку (1), держать язык за зубами, закусить губу, звонить во все колокола (1), катить бочку, коклюшки плести, напускать / напустить туману* и др.

В составе данных фразеологических единиц мы встречаем глаголы, которые соотносятся с антропо-деятельностным кодом культуры (петь, бросать, мазать, проглотить и др.)

10. Лингвокогнитивные модели, отражающие **антропный код** русской культуры.

Бесспорным является тот факт, что мир антропоцентричен и человек является центром Вселенной. Существовая в культуре, человек оставил свой след практически в каждом слове.

В данном исследовании к антропному коду культуры мы отнесли фразеологизмы, которые характеризуют человека с точки зрения его речевого поведения. И это одна из многочисленных сторон антропного кода, которая позволяет проанализировать концепт «человек».

Данные фразеологизмы можно разделить на следующие группы:

1. Семантическая оппозиция молчание / болтливость: *каменный гость, слова не вытянешь, скуп на слова, лёгкость в мыслях необыкновенная, ветряная мельница, небылица в лицах, мидасовы уши, длинный язык* и др.
2. Семантическая оппозиция открытость / скрытность: *душа нараспашку, крепкий орешек* и др.
3. Семантическая оппозиция богатство / бедность речи: *боек на слова, за словом в карман не лезет, язык хорошо подвешен, двух (трёх) слов связать не может* и др.

Данные фразеологические единицы можно отнести к антропо-аксиологическому коду культуры, так как они дают оценку человеку сквозь призму его речевого поведения.

11. Также во фразеосемантическом поле «Речевая деятельность» встречается **временной код** (*битый час*).

Время позволяет представить деятельность человека относительно временной оси. Оно может восприниматься человеком по-разному.

В образе фразеологизма *битый час* лежит метафора: час, под которым метонимически подразумевается время, подобно живому существу, в отношении которого можно совершать физические действия (тратить, находить, под-

гонять или даже убивать). Таким образом, время, проведённое впустую, является убитым временем [2, с. 37].

Фразеологизм передаёт стереотипное представление о длительном и безрезультатном времяпрепровождении.

12. Лингвокогнитивные модели, отражающие **цветовой код** русской культуры.

Цветовой код является одним из самых древних, он передаёт стереотипы человеческого мышления и позволяет проникнуть в глубь того или иного концепта, так как является не просто отвлечённым понятием, а символом.

Фразеологизм *для (ради) красного словца* содержит компонент красный, являющийся традиционным для русского народа. Издавна красный является синонимом слова красивый. Красный соотносится с оценочной областью культуры. В основе образа фразеологизма лежит метафора [2, с. 178]. В целом фразеологическая единица выступает эталоном красноречивости.

Фразеологизм *мазать / замазать розовой краской* сформировался в результате слияния фразеологических единиц: замазывать глаза (обманывать) и смотреть сквозь розовые очки (не замечать недостатков, идеализировать). Цветообозначение розовый может восприниматься носителями языка как оттенок красного, отсюда и метафора, лежащая в основе образа фразеологизма,

которая способствует формированию стереотипного представления о приукрашивании какого-либо явления действительности.

Фразеологизм *мазать / замазать чёрной краской* через компонент чёрный содержит отрицательную коннотацию. Если белый – это хорошее (белый свет), то чёрное – плохое. В русской культуре чёрный – это цвет траура, несчастья. В целом фразеологическая единица выступает эталоном клеветы.

Таким образом, исследуя лингвокогнитивные модели во фразеосемантическом поле «Речевая деятельность» в современном русском языке, мы пришли к следующим выводам:

1. Лингвокогнитивные модели, рассмотренные в контексте кодов культуры, позволяют раскрыть значение концепта «речевая деятельность» и выявить национально-культурную специфику.
2. Самым обширным в рамках данного фразеосемантического поля оказался пространственный код культуры, который тесно связан с соматическим кодом. Это обусловлено тем, что органы речи, прежде всего язык, метонимически уподобляются речевой деятельности человека.
3. Фразеологизмы имеют способность отражать несколько кодов культуры, что делает их изучение наиболее продуктивным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. 2007. [Эл.ресурс] <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/>
2. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – 784 с. – (Фундаментальные словари).
3. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 215 с.
5. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992. [Эл.ресурс] <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
6. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 2016. – 743 с.
7. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – 164 с.

© Кобякова Наталья Николаевна (Gorina-natasha91@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗНАЯ КОГЕЗИЯ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РАССКАЗЕ Д. ГОЛСУОРСИ «TIMBER»

FIGURATIVE COHESION AND LINGUISTIC STYLISTIC FEATURES OF ITS EXPRESSION IN D. GALSWORTHY'S SHORT STORY "TIMBER"

E. Kuchinskaya

Summary: The article is devoted to figurative cohesion which represents the internal logical and semantic structure of the text in its image representation – an extended comparison. The lexical and thematic grid consisting of linguistic and contextual synonyms makes it possible to identify stylistic means that represent the image of the forest as a natural phenomenon, an enemy of man, a subject of transaction, a living being in John Galsworthy's story "Timber". Extended comparisons, metaphors and epithets made it possible to represent the author's picture of the world of the English writer. Individual-author's metaphor timber is used inductively: from particular sense to general (trees → timber), combining the text into an integrated scope. Metaphor timber is always in the consciousness of the reader in the images of maidens, diseases, and enemy. Stylistics means are aimed at creating in the reader an emotional perception of the image of the forest as a living person who does not forgive betrayal.

Keywords: cohesion, lexical and thematic grid, image, extended comparisons, linguistic and contextual synonyms.

Кучинская Елизавета Александровна

*Доцент, Доктор филологических наук, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации» имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского»
kuchinskaya@list.ru*

Аннотация: Статья посвящена образной когезии, представляющей внутреннюю логико-семантическую структуру текста в ее образном представлении – развернутом сравнении. Лексико-тематическая сетка, состоящая из языковых и контекстуальных синонимов, позволяет выявить стилистические средства, актуализирующие образ леса как явления природы, врага человека, предмета сделки, живого существа в рассказе Джона Голсуорси «Timber». Развернутые сравнения, метафоры и эпитеты позволили представить авторскую картину мира английского писателя. Индивидуально-авторская метафора timber, разворачивается в текстовом пространстве индуктивно: от частного к общему (trees → timber), объединяя весь текст в единое целое. Метафора timber постоянно присутствует в сознании читателя в образе девушек, болезней, врага. Стилистические средства направлены на создание у читателя эмоционального восприятия образа леса как живого человека, который не прощает предательства.

Ключевые слова: когезия, лексико-тематическая сетка, образ, развернутые сравнения, языковые и контекстуальные синонимы.

Последнее время в лингвистических исследованиях уделяется большое внимание текстовым категориям, представленным различными лексическими и стилистическими средствами [2; 4; 5; 6; 7; 10].

В число основополагающих категорий текста, описанных И.Р. Гальпериным, относится связность текста. Из всех видов когезии наименее исследованными остаются образные виды когезии. В раскрытии образной когезии немаловажная роль принадлежит таким стилистическим приемам, как развернутое сравнение.

Настоящая статья посвящена категории связности художественного текста. Целью исследования является выявление лексических и стилистических средств связности текста в рассказе Джона Голсуорси «Timber». Язык и стиль Д. Голсуорси в таком жанре, как короткий рассказ, не подвергался исследованию и, соответственно, представляет научный интерес.

С первых строк рассказа читатель погружается в ат-

мосферу только что проведенной сделки – продажи леса. Голсуорси умело удалось воссоздать языковую картину мира посредством олицетворения такого абстрактного и неодушевленного предмета как лес.

Главный герой пребывает в положении предвкушения получения денег за продажу леса и будущего их инвестирования. Образ леса, пока еще невозмущенного его поступком предательства, создается радостным описанием его весеннего цветения и красоты.

He entered the home covert by a path leading through a group of pear trees just coming into blossom. But those pear trees impressed him, greenish white against blue sky and fleecy thick clouds which looked as if they had snow in them. They were deuced pretty, a promised a good year of fruit... [8, p. 583]

Повествование ведется от третьего лица. Но события разворачиваются таким образом, что лес не прощает предательства, и главный герой умирает под воздействием ополчившегося против него леса.

Голсуорси постоянно проводит параллель между «чувствами» леса и чувствами главного героя. Принцип аналогии и контраста лежит в основе структуризации образной когезии, для которой характерно то, что автор связывает воедино, в одно целое предметы и образы, которыми эти предметы изображаются с помощью лексических и стилистических средств.

Лексический повтор является одним из самых продуктивных средств связи в рамках всего литературного произведения и, соответственно, средств выражения когезии.

Согласимся с Е.Л. Донской, утверждающей, что лексико-семантические повторы, образующие лексико-тематическую сетку, являются теми самыми внутренними связями, на которых держится единство формы и содержания суперконтекстов [5]. Лексико-семантические повторы в рассказе не являются механическими, они развиваются индуктивно: от частных значений к общему значению, к приращению смысла.

Интерпретация текста проводится методом тематической сетки, идея которой первоначально была предложена Ван Дейком и подробно описана И.В. Арнольд [1] в стилистике декодирования.

Тематическая сетка рассматривается в нашем исследовании как средство связности художественного текста, как средство выражения эстетической оценки и как основа тематичности художественного текста.

Тематическая сетка представляет собой совокупность частотных слов художественного текста, отражающих тему произведения. Частотные слова образуют систему семантических повторов, в структуре которой имеется ядро и периферийные области. Ядро поля составляют имя сетки, синонимы, гипонимы и гипероним слова, называющего поле. К периферии относятся близкие по значению слова с общностью контекстуального значения и антонимы.

«Timber» – один из коротких рассказов Дж. Голсуорси, объединенных автором в сборник «Caravan», – написан в 1920 году [9]. Главным героем рассказа Артур Хиризз, владелец поместья, решил продать свой лес. Продажа леса была выгодна как для него, так и для страны, которая находилась в состоянии войны. Продав лес, он решил напоследок погулять в нем перед ужином. Но неожиданно для себя он заблудился в бывшем собственном лесу и, когда наступили сумерки, замерз.

Рассказ озаглавлен «Timber». Это слово подчеркивает товарную сторону леса и отношение героя к нему.

Sir Arthur Hiriess, Baronet, of Hiriess, in a northern country, came to the decision to sell his timber in that state of mind – common during the war – which may be called

patrio-profiteering. [8, p. 583]

'Here I am stuck in this damned wood!' he thought [8, p. 587].

Nobody knew he was on this damned wood. [8, p. 587]

But in this dark forest. [8, p. 591]

Смена синонимов связана с изменением восприятия леса героем, а также с прагматической установкой автора рассказа, формируя определенное отношение к герою и его сделке.

Начинается рассказ со слова timber, и в конце рассказа автор вновь использует слово timber. Рамочная конструкция текста является связующим звеном, интегрируя его в единое целое произведение.

Тезаурус Роже [10] классифицирует слова wood, timber, covert, forest, spinney, park, grove, undergrowth, trees как языковые синонимы.

Кроме перечисленных синонимов Голсуорси использует и контекстуальные синонимы: pretty, maidens, shapes, belts, growths, trunks, которые в основном имеют образную коннотацию.

Из ключевых слов построим лексико-тематическую сетку рассказа. Ключевое слово будет иметь в этой сетке две оси: горизонтальную и вертикальную. По горизонтальной – ключевое слово дается во всех словосочетаниях, выбранных методом сплошной выборки. По вертикальной оси – все слова, связанные одной темой, то есть все языковые синонимы. Они приводятся в таблице в порядке их следования в тексте. Цифрами обозначается частотность слова в данном рассказе (таблица 1).

Из таблицы видно, что тематическим словом всего произведения является слово timber. Его использование (отдельно и в словосочетаниях) составляет 32 случая.

Контекстуальные синонимы составляют одиннадцать образных метафор (таблица 2)

Контекстуальные синонимы: pretty, maidens, shapes, growths создают у читателя образы красивых полураздетых девушек (когда герой любит лесом) и чудовищных деревьев, лишенных свободы, стоящих как стена (когда герой ненавидит деревья, которые не дают ему возможность выйти из леса). Контекст дает возможность увидеть образ леса как живое существо, подчеркивая психологическое состояние главного героя рассказа и придавая выразительную окрашенность всему повествованию.

Голсуорси рассматривает л е с как явление природы и л е с как врага главного героя рассказа (timber / enemy), л е с как явление природы и л е с как живое существо (timber / alive thing), л е с как явление природы и л е с как деньги (timber / money).

Таблица 1.

Языковые синонимы

Ключевое слово (языковые синонимы)	Количество использования	Словосочетания с ключевым словом и количество использования
Timber	5	to sell the timber (5); the timber at Hirschugh (1); the timber (4); a faint creaking of timber (1); his timber (5); the character of timber (1); the timber stood in walls (1); mixed timber (1); walls of timber (1); to buy his timber (1); to sell his timber (1) to fight with his timber (1); cursed timber (2); prime timber (1); with the rest of the sold timber (1)
Wood	1	his woods (1); his wood (1); a dark and wistful wood (1); the damned wood (2); his own wood (1); to kindle the wet wood (1); this blasted wood (1)
Covert	0	The best coverts (1); the winding coverts (1); his fine coverts (1); the coverts (1); the home covert (3); his coverts (1); one's own coverts (1);
Trees	5	Pear trees (1); every kind of tree (1); strapping trees (1); the cursed trees (1); my blasted trees (1); nature of trees (1); a group of pear trees (1); pear trees (1); a heathery glen of birch trees (1); the confounded trees (1); each tree an enemy (1); leaning his back against a tree (1); in the trees (1); I sold — the trees... (1); a tall elm tree (1); that tall tree (1); among the tree trunks (1); the wind in the trees (1); trees had seemed to him like solid, tall diseases (1); to feel the trees (1)
Forest	0	This dark forest (1)
Spinney/s	2/1	
Park	1	
Undergrowth	1	The lack of undergrowth (1)

Таблица 2.

Контекстуальные синонимы

Ключевое слово (языковые синонимы)	Количество использования	Словосочетания с ключевым словом и количество использования
Timber	5	to sell the timber (5); the timber at Hirschugh (1); the timber (4); a faint creaking of timber (1); his timber (5); the character of timber (1); the timber stood in walls (1); mixed timber (1); walls of timber (1); to buy his timber (1); to sell his timber (1) to fight with his timber (1); cursed timber (2); prime timber (1); with the rest of the sold timber (1)
Wood	1	his woods (1); his wood (1); a dark and wistful wood (1); the damned wood (2); his own wood (1); to kindle the wet wood (1); this blasted wood (1)
Covert	0	The best coverts (1); the winding coverts (1); his fine coverts (1); the coverts (1); the home covert (3); his coverts (1); one's own coverts (1);
Trees	5	Pear trees (1); every kind of tree (1); strapping trees (1); the cursed trees (1); my blasted trees (1); nature of trees (1); a group of pear trees (1); pear trees (1); a heathery glen of birch trees (1); the confounded trees (1); each tree an enemy (1); leaning his back against a tree (1); in the trees (1); I sold — the trees... (1); a tall elm tree (1); that tall tree (1); among the tree trunks (1); the wind in the trees (1); trees had seemed to him like solid, tall diseases (1); to feel the trees (1)
Forest	0	This dark forest (1)
Spinney/s	2/1	
Park	1	
Undergrowth	1	The lack of undergrowth (1)

При описании леса как явления природы автором в основном используются эпитеты и развернутые сравнения:

They (woods) were deuced pretty? And promised a good year for fruit. P.584

Variety lay like colour on his woods. [8, p. 584]

He paused a moment at the wicket gate to glance back at them – like scantily – clothed maidens on the outskirts of his timber. [8, p. 584]

The trees were almost as young as ever... [8, p. 589]

Above him, the spindly top boughs of that tall tree were covered with green-gold clusters of tiny crinkled elm flowers, against a deep blue sky – gay as a song of perfect praise. [8, p. 593]

Контекст дает возможность увидеть этот образ не только как явление природы, но и как живое существо, которое может проявлять свои чувства, свой характер и свои действия.

the character of the timber changed, assuming greater girth and solidity. [8, p. 585]

The trees among which he was stumbling produced quite a sick feeling now in one who hitherto had never taken trees seriously. [8, p. 587]

The sleet stung his eyes, the winds fleered and whistled, the boughs sloughed and moaned. [8, p. 590]

Для раскрытия образа леса как врага человека используются образные эпитеты, в основном выраженные причастиями:

I am stuck in this damned wood. [8, p. 586]

The cursed trees seemed to have a down on me. [8, p. 587]

The wind in this blasted wood cut through this Norfolk jacket. [8, p. 588]

Голсуорси использует развернутые сравнения, представляя лес живым существом, каждое дерево противником, или видя в них различные болезни.

He was fighting with his timber now, as if the thing were alive and each tree as enemy. [8, p. 589]

He remembered that once, when his liver was out of order, trees had seemed to him like solid, tall diseases – bulbous, scared, cavernous, witch-armed, fungoid emanations of the earth. [8, p. 589]

Образ timber / enemy представлен большим количеством семантических повторов и развернутых сравнений, что усиливает смысловую и эмоциональную тональность речи.

Для раскрытия образа леса как предмета сделки используются образные эпитеты, в основном выраженные причастиями:

At the enhanced price, the timber at Hirriehugh would enfranchise him for the remainder of his days. [8, p. 583]

the Government wanted it at all costs. To let his shooting had been more profitable, till now, when a patriotic action and a stroke of business had been synonymous. [8, p. 583]

But the country was in need, and the price considerable. [8, p. 583]

Важной для интерпретации идейно-тематического содержания рассказа является семантика слов со значением timber – money. Тема money задается большим количеством слов, семантическая связь которых обеспечивается появлением семы money уже на первой или второй ступени лексической трансформации price, profit, cost, enhanced, business и так далее.

Таким образом, лексико-тематическая сетка проявляет связность на уровне поверхностной структуры текста. Прагматическая установка автора рассказа представляет глубинную структуру текста, что является тематическим ядром рассказа «Timber».

Развернутые сравнения создают метафорический образ леса, и Голсуорси использует индивидуально-авторскую метафору timber, которая имеет динамичный характер. В начале рассказа timber имеет положительную коннотацию (his timber, prime timber), в конце рассказа – отрицательную коннотацию (cursed timber).

Образ леса является центральным, стержневым в рассказе, на который нанизывается вся ткань произведения. Этот образ объединяет весь текст в целое, выполняя текстообразующую функцию.

Образная когезия рассказа реализуется на уровне стилистического приема развернутого сравнения. Стилистическая функция образной когезии, представленная развернутым сравнением, направлена на создание эмоционального настроения главного героя, на отрицательное отношение леса к предательству человека. Когезия выступает как внутренняя логико-семантическая структура текста в ее образном представлении (развернутом сравнении и метафоре).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973. 303 с.
2. Вербицкая О.М. Textoобразующий потенциал когезии в структурно-смысловой организации текста: на материале текстов произведений англоязычных авторов. Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. 2001. 182 с.

3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 137 с.
4. Гладкова К.Ю. Связность интеррогативных высказываний романа Г. Свифта «Waterland» на макроуровне / Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 44-51.
5. Донская Е.Л. Некоторые особенности и свойства лексико-семантической меж абзацной связи как способа организации суперконтекста // Проблемы стилистического анализа текста (на материале английского, немецкого, испанского языков). Иркутск, 1079. С. 21-27.
6. Нурлыева Г.А. Текстовые категории публицистического текста / Слово и текст: теория и практика коммуникации. Сборник научно-методических трудов. Армавир, 2021. С. 17-21.
7. Сутина О.Г. Специфика реализации текстовых категорий в текстах судебных решений (на материале решения Верховного суда по делу "Perry V Ralevs solicitors" / Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 167-175.
8. Galsworthy J. Timber / Caravan. The Assembled Tales. London. William Heinemann Ltd., 1925. P. 583-593.
9. Melnichuk T. Analysis of cohesion and coherence in the shadow of no towers: a graphic novel by Art Spiegelman / Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. 2013. № 19. P. 492-501.
10. Roget's international Thesaurus, London and Glasgow, 1972. 1258 p.

© Кучинская Елизавета Александровна (kuchinskaya@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации» имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского

ОСОБЕННОСТЬ СЕМАНТИКИ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОГА ВРЕМЕННОЙ ПРОТЯЖЕННОСТИ «В ТЕЧЕНИЕ» В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Ли Хуаньхуань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
lihuanmasha@mail.ru

THE PECULIARITY OF THE SEMANTICS AND USE OF THE PREPOSITION OF TEMPORAL EXTENSION "DURING" IN THE LINGUOCOGNITIVE ASPECT

Li Huanhuan

Summary: This article presents the results of a study devoted to identifying the features of the semantics and functioning of the preposition "During" in modern Russian. In this article, as an object of research, the prepositions of the time extension "during", which represents the length of time, are considered, we analyze its semantics and features of use from the point of view of cognitive linguistics.

Keywords: semantics, preposition of temporal extension, "during", linguocognitive aspect.

Аннотация: Настоящая статья представляет результаты исследования, посвященного выявлению особенностей семантики и функционирования предлога «в течение» в современном русском языке. В данной статье в качестве объекта исследования рассматривается предлог временной протяженности «в течение», который репрезентирует протяженность действия, события во времени, производится анализ его семантики и особенностей употребления с точки зрения когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: семантика, предлог временной протяженности, «в течение», лингвокогнитивный аспект.

Человеческое понимание вещей изначально было конкретным и осязаемым. С развитием способности человека к пониманию и увеличением социального опыта люди постепенно начали распознавать и воспринимать эти абстрактные и неосязаемые вещи. Таким образом, процесс человеческого понимания варьируется от осязаемого и конкретного до неосязаемого и абстрактного. В результате возникает проекция между двумя когнитивными областями - метафорическая проекция от конкретной физической концепции (исходная область) к абстрактной концепции (целевая область).

«В современном языке намечаются новые, более отвлеченные способы применения предлогов, переноса одних предлогов на место других, возникают новые предложно-синтаксические конструкции. Острее всего эти грамматические сдвиги дают себя знать в газетно-публицистических и научно-технических стилях современного русского языка. Характеристика этих процессов – смешения предлогов, изменения их функций, количественного роста предложных конструкций – должна быть предметом особого самостоятельного исследования» (Наумова Н.Г., 2019:44). В связи с этим актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить изменения в области функционирования предлогов (в частности предлога «в течение»), происходящие в русле современных языковых процессов.

Когнитивная лингвистика считает, что метафора яв-

ляется основной когнитивной деятельностью людей и важным средством познания ими мира. Большая часть метафоры исходит из концепции пространства.

Согласно структуре азимутальной теории, пространственные отношения и их значения являются самыми базовыми, вероятно, потому что первоначальное восприятие людей начинается с восприятия их собственного движения и пространственной среды. Судя по связи между развитием языка и тем фактом, что дети сначала учатся осознавать понятие пространства, а затем учатся осознавать понятие времени, можно сделать вывод, что в континууме когнитивного развития человека понятие пространства формируется раньше понятия времени.

«Вероятнее всего существенность понятия пространства и его бытийной сути приводят к тому, что пространственные значения пространственных (локативных) отношений проходят фактически по всем знаменательным частям речи и формируют также разные классы ориентиров (предлогов, наречий и местоимений)» (Кубрякова Е.С., 2004:469). В процессе познания и развития языка первоначально слова были использованы для обозначения пространственных отношений, а затем для обозначения абстрактных понятий, таких как время, состояние, процесс, взаимоотношения и т.д. Этот процесс является результатом влияния концептуального метафорического познания. При осмыслении различных параметров пространства, объектов, их местоположений и сложных

взаимосвязей в языковом сознании человека появился предлог как языковая единица для выражения обозначения отношения между объектом и субъектом.

Предлог *в течение* является производным предлогом, который состоит из предлога *в* и имени существительного *течение*. В ходе исследований мы обнаружили, что формирование семантики предлога *в течение* в определенной степени связано с человеческим восприятием водного потока в природе. Первоначально этот предлог имел форму *в течениии* и был связан с потоком воды, впоследствии его значение проецируется на временной континуум и появляется форма *в течение*. По данным национального корпуса русского языка распределение по годам в основном корпусе таково: появление именной группы «*в течениии*» зафиксировано в контексте в 1700г., что ранее, чем фиксация предлога «*в течение*» в контексте. Очевидно, что результаты концептуальной метафоры человека и взаимодействия человеческого опыта с окружающим миром влияют на формирование семантики предлога *в течение*. Человек сравнивает образ реального водного потока с временем на основании их общего признака «движение, течение». В поэтической речи и в обыденной речи может получиться так, что у времени есть свое течение. С помощью когнитивной обработки и пространственной метафоры в мыслях человека предлог *в течение* завершает проекцию из пространственной области со значением «*в течениии*» во временную область, приобретает темпоральное значение. В русском языке *время течет, жизнь течет, истекают минуты и часы, протекают годы* и т.п.

Многие учащиеся и даже некоторые учителя рассматривают использование и значение предлогов как секрет, который нельзя разгадать. Однако, если мы систематически изучаем синтаксическую среду таких ключевых предлогов, выявляются модели использования и концепции основного значения, которые могут помочь в объяснении и обучении.

Предлог временной протяженности «*в течение*» используются в русском языке для обозначения времени. Иногда выбор одного или другого предлога в конкретной фразе или предложении кажется произвольным. Однако, если мы проанализируем закономерности возникновения, мы сможем определить ключевые понятия по смыслу и употреблению, которые последовательно применяются и могут использоваться в качестве платформ для обучения.

Когнитивный анализ появления предлога временной протяженности «*в течение*» в его основном употреблении в качестве индикатора времени помогает нам установить некоторые ключевые понятия значения, которые помогут нам в определении и объяснении их значений:

— «*в течение*» — это механизм для обозначения

конкретного, обычно он относится к фиксированным отрезкам времени (например, трехлетие, 2 месяца, 5 дней, 3 недели, 2 часа и т.д.).

— «*в течение*» — это механизм, который придает значение «временный отрезок» словам со значением события, которые не имеют лексического значения времени в языке (например, урок, завтрак, доклад и т.д.)

Базовый пространственный концепт, который представляет «определенную точку пространства» «Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации» имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского образ, при вхождении во временную область может быть использован для репрезентации определенного периода времени на соответствующем временном отрезке, что способствует возникновению семантики «определенного отрезка времени» - схема, обозначающая временную протяженность в языке. Каждое реальное действие занимает определенный период времени, то есть характеризуется той или иной объективной длительностью на отрезке времени.

Хотя предлог сам по себе является служебной частью речи, он представляет собой взаимодействие между объектом и субъектом. С точки зрения познания предлоги загружены потенциальным содержанием и информацией, и их семантическая информация может быть конкретизирована в процессе сборки в именную группу. Анализируя процесс формирования предлога *в течение* в процессе когнитивной обработки человеком, видим, что он раскрывают свое конкретное временное значение только в конструкции *в течение + род. п.* Семантика предлога «*в течение*» сама по себе может проявлять временное значение событий и действий, которые непосредственно не представляют время, и могут быть поняты как события и действия, происходящие в определенный период времени.

Поскольку временной отрезок представляет собой одномерный отрезок, состоящий из бесчисленного множества последовательных точек, любой момент времени на отрезке можно рассматривать как совокупность точек, которые могут быть разделены на бесчисленное множество меньших единиц времени. Эта совокупность точек также рассматривается как отрезок времени, поэтому предлоги «*в течение + род. п.*» могут использоваться для обозначения концепта «временная протяженность какого времени / процесса действия».

Именная группа с конструкцией «*в течение + род. п.*» выражает определенный период времени во временной области. Когда именная группа используется в предложении, она может использоваться в качестве фона времени. Любое поведение или событие может произойти в

течение этого периода времени, то есть субъект в предложении может выполнить или завершить любое действие или участвовать в событии в течение этого периода времени. Эти действия и события все еще могут быть обработаны когнитивными паттернами и формировать временные периоды с помощью метафор.

Согласно М.В. Всеволодовой и Г.Б. Потаповой: «все случаи выражения времени можно разделить на два больших значения: прямое время (1) и относительное время (2)». (Всеволодова М.В., Потапова Г.Б., 1973:4) Выражения с конструкцией «*в течение + род. п.*» входят в группу прямого времени, которое относит все случаи, когда момент (или время) действия, обозначенного глаголом (или соответственно другими частями речи), находится в границах временного отрезка, названного конструкцией *в течение + род. п.* и охватывает два значения 1) время, полностью занятое действием; 2) время, не полностью занятое действием.

В случае выражения времени, которое занято действием, в группах «*в течение + род. п.*» для выражения времени употребляются почти все существительные со значением времени с или без определений (1,2), также возможно употребление всех слов, не имеющих лексического значения времени в ед.ч. с или без определения (3). Это значит, что потенциальное значение «времени» предлога «*в течение*» заставляет эти слова, не имеющие значения времени, появляться в концепции времени (3). Это также процесс концептуальной метафоры.

Например:

1. Я *в течение* 35—40 лет путешествовал по малоисследованным областям Африки.
2. *В течение* мая на востоке Сибири стояла холодная погода.
3. *В течение* лекции студенты внимательно слушали профессора и конспектировали.

В предложениях с группами «*в течение*» + глагол НСВ с наречием или без наречия часто передается значение, что субъект один или несколько раз совершает действие, либо продолжает одно или несколько действий. Это можно понять на основании образ-схемы «контейнер»: отрезок времени здесь является контейнером времени, внутри которого находится момент или отрезок времени, в которое происходит действие или событие.

А. Действие, занимающее время полностью без указания на завершённости, может быть:

1) кратковременным, т.е. занимать фактически какой-то момент. Время появления является произвольным на отрезке времени «контейнера»:

В январе *в течение короткого времени* наблюдалось необыкновенное потепление. Оказалось, что рентгенов-

ская светимость меняется *в течение года* от 2×10^{33} до 10^{35} эрг/с, при этом наблюдается быстрая (на временах менее 10 минут) переменность ядра Галактики.

2) может иметь протяженность во времени, которое полностью занимает период времени как единый, непрерывный процесс:

В течение нескольких дней болезни я не выходил из дому.

Отсутствие прививок против краснухи в РФ *в течение многих лет*, низкий охват прививками в последние годы не смогли не сказаться на эпидемиологической ситуации.

3) действие представляет собой совокупность повторяющихся действий:

Сын просил и рыдал *в течение полугода*, клялся и божился, что будет сидеть за ним не больше часа в день, по пятнадцать минут подряд с перерывами.

4) действие имеет определенное количество или циклическое действие:

Работы у населённого пункта Сутоки и в урочище Надевка бойцы «Долины» проводят ежегодно *в течение ряда последних лет*.

Б: Действие, занимающее время не полностью, может быть:

1) как единый процесс с границей завершённости в правом пределе отрезка времени, когда для выражения обязанности выполнения действия, в таких выражениях более заметно время, обозначаемое группой «*в течение + род. п.*»:

Позвоните мне, пожалуйста, *в течение дня*; если вы не согласны с нашим решением, то можете *в течение недели* подать заявление о пересмотре вашего дела.

2) как единый процесс с границей завершенности и подчеркиванием результата:

И в течение двух часов Никанор Иванович принял таких заявлений тридцать две штуки (М. Булгаков).

Количественно-темпоральные, процессные и событийные существительные, номинирующие какой-либо временной отрезок, являются высокочастотными единицами в анализируемой конструкции и обладают обширными комбинаторными возможностями, в связи с чем не имеют никакой зависимости от отношений «прошлое - настоящее - будущее». Предлог в данных условиях играет смыслоформирующую роль, т.е. наделяет обстоятельственную структуру определённой семантикой. Если подразумевается не количественное значение, а конкретное часовое время, которое может быть сведено к обозначению протекающего в этом времени события, то оно также способно выполнять функции определённо-фиксированного временного ориентира. Так, предлог

указывает на место события на определённом временном отрезке, выступает в роли ориентира и индикатора.

Таким образом, на основании теории пространственных метафор и образ-схемы в когнитивной лингвистике объясняется формирование семантики предлога временной протяженности *в течение* и его особенности употребления в предложениях, указывается на то, что на потенциальный процесс семантического формирования предлогов временной протяженности влияют пространственные метафоры. Особенность их употребления в предложении в значительной степени отражают схему проекции значения из области пространства в область времени. Это показывает, что процесс использования языка и его понимания является процессом когнитив-

ной обработки. Язык влияет на познание, а познание также влияет на язык. Наш мозг сам не может формировать абстрактные понятия, только формирует на основании образа пространственного и физического мира. Развитие языка и значения слов отражает метафорическую природу познания. Изучение когнитивных методов и структуры знаний, лежащих в основе лингвистических фактов о временных предлогах, может открыть новое окно для интерпретации языка и предоставить нам новую перспективу для изучения взаимосвязи между языком и мышлением. Теория диаграмм намерений и пространственных метафор в преподавании может позволить изучающим иностранный язык лучше понять структуру знаний и культурные особенности носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова М.В., Потапова Г.Б. Способы выражения временных отношений. Сб. упражнений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. -ст.4
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН ИЯ. М.: Языки славянской культуры, 2004. -ст. 469
3. Наумова Н.Г., Особенность семантики и функционирования предлога *по* в современном русском языке (на материале текстов научного и официально-делового стиля), Вестник Томского государственного университета. 2019. No 441. С. 44–53.

© Ли Хуаньхуань (lihuanmasha@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

СУБЪЕКТИВНАЯ И АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТИ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Лю Цинян

аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
liu.qy@yandex.ru

SUBJECTIVE AND AUTHORIAL MODALITY: THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS

Liu Qingyang

Summary: The article considers the theoretical consideration of the main approaches to the problem of the subjective and authorial modality; the categories of modality are considered; the position concerning the correlation of the authorial and subjective modality is expressed; the difference between the authorial and subjective modality is shown; the ways of realization of the subjective and authorial modality are defined; we substantiate that the authorial modality, as an expression of the author's personality in the text, realizes his own point of view and idea in the work.

Keywords: modality, textual modality, subjective modality, author's modality.

Аннотация: В статье рассматривается теоретическое осмысление основных подходов к проблеме субъективной и авторской модальностей; рассмотрены категории модальности; выражается позиция относительно соотносительности авторской модальности и субъективной модальности; показано, какая существует разница между авторской и субъективной модальностями; определены способы реализации субъективной и авторской модальностей; обосновано, что авторская модальность, в качестве выражения личности автора в тексте, реализует в произведении его собственную точку зрения и идейную направленность.

Ключевые слова: модальность, текстовая модальность, субъективная модальность, авторская модальность.

Модальность, как известно, является наиболее изучаемой категорией современной лингвистики. Бондарко А. В. подчеркивает, что изучение модальности непосредственно связано с исследованием текстовых и текстообразующих семантических категорий, "в числе их, наряду с категориями персональности, темпоральности, локальности как актуализационными признаками целостного текста, находится категория модальности" [5, с. 6].

Итак, существуют два понятия: "авторская модальность" и "субъективная модальность", которые уже стали ключевыми понятиями в категории модальности текста. Их функционально-структурная иерархия неоднозначна. Почему они представляют более сложную картину в данной категории? На наш взгляд, при интерпретации и дифференциации модальных значений в художественном тексте с точки зрения субъекта речи, границы и различие между ними часто стираются и размываются. Поэтому в данной работе нужно определить пересекаемость между ними.

В категории модальности принято противопоставлять объективную модальность субъективной модальности. В "Русской грамматике" субъективная модальность рассматривается как "отношение говорящего к сообщаемому" [14, с. 214]. В отличие от объективной модальности, субъективная модальность, в качестве факультативного признака высказывания, используется в содержании и построении текста, в отношении говорящего к описываемому объекту и

выражается в реализации категорий оценки, эмоции и экспрессивности. Согласно Г.В. Колшанскому, субъективность языка определяется как "результат индивидуального сознания человека", который воспринимается как "способность индивидуума переработать информацию в данный момент" [13, с. 58]. С точки зрения В.В. Химика, субъективность понимается как "разноаспектные представления говорящего в речевом произведении" [15, с. 3]. Как нам известно, на эгоцентризме, присущему языку в действии, основывается всеобщий характер субъективной модальности. И таким образом, мы можем сделать вывод: присутствие говорящего в высказывании в качестве факта говорения воспринимается не только как "говорящий", но и как "всякий говорящий".

Что касается подхода к определению "авторская модальность", разные ученые имеют разные мнения. Появление этого термина связано с именами таких исследователей, как Л.Г. Барлас, В.А. Кухаренко, М.И. Откупщикова. Термин до сих пор не имеет однозначного толкования. Но в своих исследованиях С.С. Ваулина и О.В. Девина подняли этот вопрос на другой уровень и свели все к двум подходам: узкому и широкому.

Согласно узкому подходу, авторская модальность рассматривается как "воплощение авторской интенции" [6, с. 14]. Но, по мнению Ваулиной, данный подход интерпретации авторской модальности является нехватка всех разновидностей оценочных смыслов текста, включающих не только "модальные (интенциональные

эмотивные смыслы в структуре образа автора)”, но также “диктальные (эмотивные смыслы в структуре образа персонажа)” и “экстенциональные (эмотивные смыслы, наведенные в сознание читателя содержанием текста)” [6, с. 14].

Второй подход признан более продуктивным и широким и понимается как “категория многоплановая, неограниченная лишь образом автора, но охватывающая также и образ персонажа и реализующаяся на всех уровнях текста, в том числе и на синтаксическом” [6, с. 14]. Именно поэтому некоторые ученые имеют мнение, что понятия “авторская модальность” и “субъективная модальность” являются равными, основываясь на данном принципе, и считают, что “разграничение авторской модальности и субъективной нивелируется” [11, с. 117]. Но на наш взгляд, эти два понятия не совсем тождественны, хотя их часто включают в один и то же предмет.

Какая разница между авторской и субъективной модальностями?

Говоря о субъективном начале, нельзя обойти вниманием такой концепт, как “образ автора”. Предложенная концепция “образ автора” В. В. Виноградовым определяется в его научном исследовании таким образом: ““Образ автора” – это не простой субъект речи, чаще всего его даже не называют в структуре художественного произведения. Это концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся “средоточием, фокусом целого”” [8, с. 118]. И для постижения сущности понятия “образа автора” Н. С. Валгина создает такую иерархическую структуру: “Производитель речи – субъект повествования – образ автора” [7, с. 65].

Для того чтобы выделить способы реализации субъективной и авторской модальностей, мы можем воспользоваться данной иерархией: субъект речи – производитель речи. Субъект речи рассматривается как единство действующих лиц (может быть сам автор, повествователь, рассказчик, различные персонажи), то есть, кем ведется речь, или кто действительно участвует в речи. И производитель речи это тот, кем пишется текст, то есть настоящий писатель. Авторская модальность – как модальность производителя речи, т. е. реального автора. Таким образом, стоит отметить, что под термином узкого подхода понимается авторская модальность, которая является воплощением образа автора. И при широком подходе, авторская модальность воспринимается как структурирование персонажа, т.е. она реализуется не только в рамках образа автора, но и в рамках структуры персонажа в

тексте с позиции реального автора.

Из вышесказанного мы уже знаем, что авторской модальностью по Н.С. Валгиной является “выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций” и таким образом, на наш взгляд, ее можно определять как смысловую структуру автора в тексте. Концепция субъективной модальности утверждается на основе типологии аспектов модальных отношений: “отношение говорящего к сообщаемому”. В отличие от авторской модальности, субъективная модальность “реализуется не только в тексте, но также может функционировать на уровне предложения-высказывания, раскрывая отношения субъекта (говорящего) к той или иной описываемой ситуации (ситуации возможности, вероятности, достоверности) с помощью определенного набора языковых средств (вводных слов и словосочетаний, вводных конструкций и т.п.)” [6, с. 15]. Таким образом, с точки зрения Ваулиной, особенность содержания авторской модальности заключается в видовом положении авторской модальности по отношению к родовому – субъективной модальности.

Таким образом, можно сделать вывод, что авторская модальность, в качестве выражения личности автора в тексте, реализует в произведении его собственную точку зрения и идейную направленность. В отличие от авторской, субъективная модальность, которая отражает отношение высказывания к действительности со стороны говорящего, имеет более широкое применение, и безусловно уже стала более часто используемой в лингвистической сфере, чем концепция авторской модальности. Кроме того, мы полагаем, что значение субъективной модальности может быть дополнено и расширено авторской модальностью в рамках исследования текстовых категорий. Это можно представить в виде следующей схемы (рис. 1):

Рис. 1. Схема отношения авторской и субъективной модальности.

То есть, авторская модальность включена в “поле” субъективной модальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Э.Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках (русском, английском, лезгинском): Автореф. дис. док. филол. наук – Э.Н.Алиева; М., 2010. – 50с.
2. Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч.тр. / Под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – С. 133 – 142.
3. Беличова-Кржижкова Е. О модальности предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, – 1984. – С. 49–77.
4. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В. Н. Бондаренко // Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 54 – 61.
5. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – Т.1. – С. 4 – 13.
6. Ваулина С.С., Девина О.В., Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2010. – Вып.8. – С. 13–21
7. Валгина, Н.С. Теория текста. Москва, Логос. 2003 – 173 с.
8. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. — 240 с.
9. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей Текст. / В. В. Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1961. — 614 с
10. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
11. Донцова Е.Ю. Модальность в художественном тексте: Система терминологических корреляций // НАУ. 2015. – №5-4. – С. 116–118
12. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 94–98.
13. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. – 230 с
14. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). — М.: Наука, 1980. — Т. 2: Синтаксис. – 714 с
15. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 184 с.
16. Широкова И.А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 23. – С. 103–106.

© Лю Цинян (liu.qy@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ФЕМИНИСТСКОЙ ПРОЗЫ

Мусаева Афет Горхмаз гызы

Доцент, Азербайджанский университет языков

afa-9@rambler.ru

THE PROBLEM OF ALIENATION AND SELF-IDENTIFICATION IN POST-COLONIAL FEMINIST PROSE

A. Musayeva

Summary: The article deals with the problems of alienation, hybridity, Islamic feminism and the search for identity in the post-colonial Anglo-Arab literature of writers living in Britain. Particular attention is paid to the problem of finding a new identity on the example of the main character of the novel "Translator" Sammar, written by Leila Aboulela. The paper studies the main reasons for the alienation and awareness of the new identity of a Muslim woman living in European society.

Keywords: postcolonial literature, multiculturalism, borderline prose, identity, alienation, Islamic feminism, hybridity.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы отчуждения, гибридности, исламского феминизма и поиск идентичности в постколониальной англо-арабской литературе писателей, живущих в Британии. Особое внимание уделяется проблематике поиска новой идентичности на примере главной героини романа «Переводчик» Лейлы Абулелы. Также предпринимаются попытки идентифицировать основные причины отчуждения и осознания новой идентичности мусульманки, живущей в европейском обществе.

Ключевые слова: постколониальная литература, мультикультурализм, пограничная проза, идентичность, отчуждение, исламский феминизм, гибридность.

Британская империя была самой большой империей в течении нескольких сотен лет, но после Второй мировой войны начались национально-освободительные движения как в Азии, так и в Африке. Порабощенные народы не хотели более терпеть насилие, что впоследствии привело к распаду империи. Этот процесс отразился и в мировом культурном наследии.

Во второй половине XX века в результате миграции в Великобританию из бывших колоний, происходила ассимиляция разных этнических систем; мигранты, с одной стороны усваивали традиционную английскую культуру, но с другой, привносили в нее новые, свои национально-культурные особенности. Этот процесс взаимовлияния и взаимопроникновения изменил отношение Запада к образу Востока, который в течение долгого времени ассоциировался с крылатой выражением Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и никогда им вместе не сойтись». Многие исследователи XIX - первой половины XX века определяли «Восток» и «Запад» как противоположность «Хаоса» и «Порядка», но постепенно эта оппозиция стала заменяться на «Я – Другой».

В XXI столетии одной из важнейших вех в литературном течении стала постколониальная литература, которая на всех уровнях сталкивается с западной культурой и предвосхищает альтернативные способы мышления и мировоззрения. Британский культуролог Р. Бромли отмечает: «Постколониальная литература вынуждена ютиться в «отраженном» вторичном пространстве» (182, с. 4). Дискурс «другого» не выходит из положения марги-

нальной культуры, его угнетают и терпят из милости. Но, несмотря на это, постколониальная литература, представляющая дискурс «другого», с каждым годом вызывает большой интерес. Ведь это взгляд извне, взгляд человека, травмированного миграцией, разрыва с родиной и переселенного на чужие территории. Это – литература «пограничья». С. Холл пишет, что «вопросы культуры и идентичности... составляют одну из наиболее серьезных проблем новых реалий XXI века» (6, 222). Ассимиляция мигранта, поиск его идентичности в современном мире, его становление представляет огромный интерес для исследователей постколониальной прозы. Авторы мультикультуральных произведений выстраивают «третье пространство», пытаясь пересмотреть иерархии дискурса, обновив таким образом устоявшие взгляды на сущность этнокультурной идентичности. Рассматривая постколониальную литературу, можно легко заметить, что для авторов основной темой становится неустойчивость и неопределённость существующего порядка, связанного с насильственным перемещением, изменением местоположения.

Анализируя идентичность героя, исследователи постколониальной литературы описывают пограничье не столько как нечто материальное, сколько как внутреннее: очень редко герою удаётся пересечь эту внутреннюю границу, так как другая сторона представляет собой маргинальное бесправное существование героя, его внутреннего мира.

Самая злободневная тема постколониальных про-

изведений – самоощущение героя, порывающего со своими корнями и находящегося в поисках нового пространства. В каждом мультикультуральном романе тем или иным способом раскрывается этнокультурная идентичность героев, их становление как личности, и в конце концов исцеление от травм, вызванных колониальным и постколониальным дискурсивным разрывом. При анализе этих произведений концепция «диалогического» М.М. Бахтина приобретает особую значимость для исследования постколониальной идентичности; опираясь на старое, она помогает открыть новое, включая интерактивный отклик (12, 138).

Следующим важным аспектом мультикультурального постколониального романа становятся лингвистические трансформации, которые продуцируют идентичность героя (мигранта). Анализируя лингвистические трансформации, автор пытается раскрыть проблему этнокультурной памяти и проникнуть в суть человеческой личности. В данных произведениях красной линией проходят постоянные скитания главного героя, его путешествие через всевозможные культурные, национальные, ментальные границы. Главный герой постоянно перемещается, не может найти своё место, сталкивается с враждебностью и поэтому чувствует отчуждение и невыносимую боль. И по сути, раскрытие идентичности ярче всего проявляется на границе – культур, языков, этносов, пола и гендера. Именно пограничная идентичность помогает понять феномен личности мигранта, раскрывая новые горизонты в мультикультуральном мире.

Современные исследователи постколониальной литературы, опираясь на теоретические работы Э. Саида, Г. Спивака, Х. Бхабхи обращают особое внимание на то, как мультикультуральная литература участвует в формировании новых культурных стратегий (гендера, класса, пола, этноса). Особое внимание авторы уделяют на пограничные нарративы – тексты, где раскрывается внутренняя борьба героев, их гибридность, отчуждение, изменение культурного, расового, гендерного сознания.

Главный герой как бы остается между домом, уютным очагом и улицей. И вот этот постоянный переход из одного состояния в другое становится главной проблемой и центральным конфликтом произведений. Авторы постколониального романа подчеркивают гибридность как новую данность и как следствие этого некую отчужденность. Персонаж кросскультурной литературы отражает диалектику бинарной оппозиции, обладая двойственной гибридной идентичностью.

Одной из главных отличительных черт мультикультуральной литературы является постколониальный феминизм, который возник как оппозиция на европоцентричный феминизм. Это привело к появлению новых теорий, отражающих проблему угнетения женщин в афро-ази-

атском мире. Гендерные процессы, происходившие на Востоке, заимствовали западные ценности и имитировали инородные формы развития. Долгое время создавался единственно правильный образ женщины – свободной, способной принимать решения самостоятельно, распоряжающейся своим телом по своему усмотрению. Опыт азиатско-африканских традиционных и пассивных женщин игнорировался, и они не могли быть представлены в феминистском движении. Но многие постколониальные теоретики, такие как Спивак, О. Немека, Л. Ганди, Ч. Моханти раскритиковали данную позицию, опираясь на мультикультуральность современного мира и демонстрируя, что не может быть единой правильной модели женщины, являющейся нормой современности.

С конца XX и первой половины XXI века вырос интерес исследователей к литературным произведениям английских писателей, имеющих арабские корни. Их произведения воспринимаются западной аудиторией как очень своеобразные, сложные, многоплановые, мозаичные; эти произведения принадлежат в основном перу женщин-писательниц, описывающих свои личные переживания, опыт, чувство отчужденности, гибридности и поиска своей идентичности. Данные произведения образуют англоязычный литературный дискурс, в который входят произведения Ахдар Суейф, Лейлы Абулелы, Фадии Факир и др.

В данной статье рассматриваются проблемы отчуждения, идентичности героя и исламского феминизма в постколониальной прозе на примере творчества Лейлы Абулелы.

Лейла Абулела родилась в мультикультуральной семье; отец был уроженцем Судана, а мать – египтянкой. Раннее детство будущей писательницы прошло в городе Каир, где она посещала школу, но затем семья переехала в Хартум, столицу Судана, и там Лейла Абулела окончила свое образование. Позже она переехала в Великобританию, где и началась ее литературная деятельность. Писательница очень часто меняла местожительство и работу, жила во многих странах Востока. Однако, в настоящее время она обосновалась в Великобритании. Ее творчество стало новой вехой в постколониальной литературе конца XX – начала XXI века. Наряду со многими другими писателями, она входит в круг авторов неанглосаксонской литературы, но пишущих на английском языке, ставшими новой вехой в постколониальной литературе конца XX – начала XXI века.

В статье объектом исследования становится роман «Переводчик», в котором Лейла Абулела рассказывает о жизни молодой женщины, Саммар, родившейся в Великобритании в семье с суданскими корнями. Главная героиня проводит раннее детство в Абердине, но затем семья возвращается в Судан, где девушка, впитавшая с

детства английскую культуру, пытается приобщиться к африкано-исламской культуре. Здесь девушка выходит замуж за своего двоюродного брата и возвращается в Абердин, так как ее муж решил продолжить образование в Великобритании. Но происходит страшная трагедия, муж Саммар погибает в автокатастрофе, вскоре после прибытия и она вынуждена с маленьким ребенком вернуться в Судан. Героиня романа не в состоянии оставаться на родине; она не принимает грубого жестокого отношения к себе и чувствует отчуждение, одиночество, давление со стороны родственников и близких – это уже не ее земля, она не чувствует себя частью этого мира, не может найти здесь гармонию с собой. Саммар уезжает в Абердин, оставив своего маленького сына свекрови, и устраивается в Университет работать переводчиком.

Главная героиня постоянно находится в пограничном состоянии - мечется между любовью к сыну и личной независимостью; пытается избавиться от пустоты, которая поглощает её после смерти мужа. Она влюбляется в преподавателя восточных языков Рэя Айлая. Но ничто не помогает ей избежать отчуждения и потерянности в мире без «жизненного фокуса». С первых строк романа главная героиня предстаёт перед читателем как гибридная личность, мечущаяся между Востоком и Западом, делая невероятные, но безуспешные попытки объединить их. Именно поэтому Саммар старается изо всех сил внушить Рэю, что принятие им ислама – единственный путь к их счастливой жизни. Однако, все её попытки тщетны, и они расстаются. Главная героиня возвращается на родину, где пытается сблизиться с сыном и надеется, что материнские чувства помогут ей избавиться от чувства потерянности и отчуждения, найти «жизненный фокус» и примириться с родиной. Но даже через любовь к сыну ей не удаётся достичь гармонии; она чувствует себя изгоем в восточном исламском обществе – это уже не её Родина, а чужая страна, и главная героиня не в состоянии следовать строгим и жестким социальным правилам по отношению к женщинам.

Одной из центральных тем в романе является профессия главной героини. Саммар – переводчик. Она не просто переводит тексты, а пытается самоидентифицироваться, построить мосты между двумя мирами, культурами, религиями. Героиня, посредством перевода объясняет своему возлюбленному суть ислама, стараясь тем самым избавиться от духовного отчуждения. Автор изображает главную героиню в постоянных поисках своей идентичности. Она – мать, но не испытывает радости материнства, не в состоянии себя реализовать. В мусульманском обществе, для матери не приемлемо оставлять ребенка, но Саммар, отчуждена от сына как от Родины, и не может находиться рядом с ним, хотя, будучи в Абердине постоянно тоскует и чувствует угрызения совести.

Главная героиня – влюбленная женщина, но её из-

бранник не мусульманин, что не позволяет ей быть счастливой с ним. Ею завладевает навязчивая идея – обратить своего любимого в ислам; полностью поглотившись этим, она пренебрегает заботой о сыне и выступает против устоев восточного общества. Символично описание внешности Саммар – она выглядит постоянно усталой, потерянной. Переводы текстов не доставляют ей удовольствие, как ожидалось, так как её помыслы направлены на завоевание возлюбленного.

Особую атмосферу в романе создаёт описание природы, а точнее постоянное сравнение мигрантом из Африки с природой Британии и Судана. Эти сравнения еще более усиливают ощущение отчужденности и потерянности. Саммар постоянно холодно, зябко в этой стране: «здесь дурацкий снег и дурацкая погода», но и в Хартуме она не может восхищаться природой, там ей слишком жарко. Она везде чужая – и это только усиливает чувство гибридности и отчужденности. В Абердине главная героиня чувствует себя мусульманской иммигранткой, пытающейся проникнуть, и растворится в «другом» западном мире. Саммар маргинализируется в Абердине из-за своей этнической принадлежности как африканки и мусульманки одновременно. Она чувствует свое одиночество и отчужденность среди светлых, голубоглазых европейцев, особенно после терактов 11-го ноября, совершившихся в Соединённых Штатах. Даже любовь к Рэю не избавляет её от чувства изгнания и отчуждения: «... когда я соблюдаю пост, он пьёт вино и ест индейку» (1, 56).

Любовь не может объединить два мира, разделённые религией, происхождением и расой. Но вернувшись на Родину, Саммар чувствует себя западной, современной эмансипированной женщиной из «другого» мира. Она потеряна и, поэтому героиня предпринимает отчаянную попытку найти себя посредством любви к Рэю, но это не помогает. В то же время Саммар старается найти гармонию, следуя строгим исламским правилам, но и это не помогает, а лишь усиливает отчуждение и изоляцию. Главная героиня не может найти твёрдую почву опоры; ни религиозная пристань, ни любовь не помогают ей избавиться от ощущения одиночества. Саммар постоянно мечется между двумя мирами. Как и в любом мультикультуральном романе, она скитается, пересекает границы в поисках своей идентичности, своего дома и семьи.

Лейла Абулела анализирует духовный поиск своей героини, задумываясь над вопросом самоидентификации без отрицания ислама, а, наоборот, в гармонии с ним. Автор отмечает: «Ислам сдерживает женщину, но это не угнетение, а границы, которые успокаивают и воспитывают. Свобода не всегда приносит счастье; и избиле выбора не означает, что мы сделали правильный выбор.» (2, 324) Автор романа вспоминает, что чувствует Бога внутри себя столько же, сколько помнит себя и религиозная идентичность является её неотъемлемой

частью, которую невозможно отделить и отбросить. За-трагивая тему ислама, писательница раскрывает устоявшийся образ Востока на Западе, и рассматривает это как ещё одну границу, которую невозможно переступить.

Лейла Абулела обращается к теме феминизма, но с другого ракурса, и раскрывает проблему исламского феминизма. Главная героиня носит хиджаб, являющейся ещё одной составляющей её идентичности, и она борется за право быть собой в чуждой ей стране, делая попытку заставить западное общество принять её исламскую идентичность.

Хиджаб в романе становится главным символом идентичности героини. Автор романа демонстрирует, что ислам может очень гармонично сосуществовать с образованием, современным укладом жизни и расширением прав и возможностей женщин. Но Саммар не идеальная модель благочестивой мусульманки, которая поступает правильно. Одно из самых важных предназначений женщин Востока – быть матерью, чего не удается Саммар; она не смогла стать полноценной матерью и желает, чтобы сын умер вместо мужа. В сердцах она восклицает: «Я бы хотела, чтобы это был ты. Я тебя ненавижу». (1, 98)

В следующем эпизоде мы видим, что Саммар на самом деле никогда искренне не желала, чтобы Рэй принял ислам ради самого себя; ей нужно было выйти замуж, чтобы не быть одной, и только поэтому он должен был стать правове́рным мусульманином. Таким образом, и здесь главная героиня не может найти гармонии, религия не дает ей успокоения и не помогает избежать отчужденности.

Во второй части романа Саммар возвращается в Хартум, и в этот раз Родина становится лекарством от отчуждения; героиня почувствовала тепло своего сына и своей семьи. Даже пейзаж в Судане стал живым и приветливым. Наконец, Саммар нашла свою идентичность, избавившись от отчуждения: «Она услышала звук колокольчика... и всё без ветра пахло; песок и жасмин и листья эвкалипта...» (1, 156) Амир, её сын, стал для неё центром вселенной, она училась быть матерью, и это новое чувство полностью поглощало её. Саммар больше никогда не будет одна; она пустила в своё сердце любовь. С другой стороны, возвращение главной героини стало прелюдией для переоценки ценностей Рэем, который от профессионального приобщения к восточной культуре погрузился в исламскую веру. Впервые в жизни Саммар поглощена своими собственными чувствами и получает удовольствие от всего, что делает: и от работы переводчика, и от роли матери. Материнство стало символом её самоидентификации и сейчас она готова к творческой реализации. Среди этой подлинной жизни происходит неожиданный поворотный момент. Рэй приезжает в Хартум, принимает ислам и предлагает Саммар выйти за него замуж. Она решает переехать в Шотландию, но в этот раз забирает своего сына с собой, тем самым замыкая круг отчуждения.

Таким образом, автор раскрывает многогранность портрета женщины с Востока, мусульманки, живущей на Западе, и признает гибридность своей героини как новую данность, поиски своей новой идентичности, прослеживающиеся в романе. Лейла Абулела показывает героиню в состоянии транзитности, обладающей двойственной, гибридной идентичностью, как новой данностью современного глобального мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aboulela L. *The Translator*. Johannesburg: Heinemann, 1999, p.45-143
2. Aboulela L. *And My Fate Was Scotland. Wish I Was Here: A Scottish Multicultural Anthology*. Eds. MacNeilKevin & Finlay Alec. Edinburgh: Polygon: 2000, p.75-92.
3. Bhabha H. Interview // *Stanford Humanities Review*. 3:1 (Winter 1993). 10 p.
4. Bromley R. *Narratives for New Belonging*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2000. 182 p.
5. Hall S. *Minimal selves* // *ICA Documents 6: Postmodernism and the Question of Identity*. London: ICA, 1987, p. 46-67.
6. Hall S. *Cultural identity and diaspora* // *Williams and Chrism.in (eds.). Colonial Discourse and Post-Colonial Theory*, Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1993. P. 222-237
7. Hooks B. *Feminist Theory: From Margin to Center*. Boston: South End Press, 1984, 210 p.
8. Rihani A.A. *Multiculturalism and Arab-American Literature*. Washington: Platform International., 2007. 38 p.
9. Said E. W. *Orientalism*. New York, 1979. 368 p.
10. Said E.W. *Reflections on Exile and Other Essays*. Cambridge: Harvard University Press., 2002, 156 p.
11. Sanga J. C. *Salman Rushdie's Postcolonial Metaphors*. L., 2001. 63 p.
12. Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском // *Эстетика словесного творчества*. М., 1979, 318 с.
13. Саид Э. Мысли об изгнании // *Иностранная литература*. 2003. № 1. С. 250-260.
14. Тлостанов М.В. *Проблема мультикультурализма и литература США*. М.: Наследие, 2000. 400 с.

© Мусаева Афет Горхмаз гызы (afa-9@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ – НОВАЯ ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Семенова Ольга Фиофановна

старший преподаватель, соискатель, Байкальский
государственный университет
SemOlg1971@rambler.ru

CANCELLATION CULTURE IS A NEW DISCOURSE PRACTICE: SOCIO-CULTURAL ASPECT

O. Semenova

Summary: The modern communicative space is characterized by the manifestation of a new form of speech behavior – the culture of cancellation, characterized by the manifestation of criticism and aggression. This speech practice functions thanks to the media and the Internet in various areas of modern speech: political and business communication, professional and everyday life. The relevance of the study is determined by the modern demand for the regulation and control of speech behavior in the public sphere within the framework of constructive criticism. The article implements research tasks – to describe the linguistic essence of the culture of cancellation and to characterize the latter as a phenomenon characteristic of the communicative behavior of representatives of the linguocultural community. The linguistic method of discourse analysis is used as the main tool for analyzing texts with functioning variants of lexical units representing the action of cancellation, which makes it possible to identify the features of the communicative and evaluative activity of speakers.

The purpose of this study is to identify the dominant critique of the phenomenon of cancellation culture as a sociolinguistic characteristic of a new discursive practice. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the phenomenon of cancellation culture is considered from the position of criticism in argumentation, with the isolation of all components of the argumentative field.

Keywords: cancellation culture, discursive practice, aggressive communication, criticism, attractors.

Аннотация: Для современного коммуникативного пространства характерно проявление новой формы речевого поведения – культуры отмены, характеризующейся проявлением критики и агрессии. Данная речевая практика функционирует благодаря СМИ и Интернету в различных сферах современной речи: политической и деловой коммуникации, профессиональной и повседневной жизни. **Актуальность** исследования определяется современным запросом на регуляцию и контроль речевого поведения в публичной сфере в рамках конструктивной критики. В статье реализуются исследовательские **задачи** – описать языковую сущность культуры отмены и охарактеризовать последнюю как явление, свойственное коммуникативному поведению представителей лингвокультурной общности. Лингвистический метод дискурсивного анализа используется как основной инструмент анализа текстов с функционирующими вариантами лексических единиц, репрезентирующих действие отмены, что позволяет выявить особенности коммуникативно-оценочной деятельности говорящих.

Цель данного исследования – выявить доминанту-критику феномена культуры отмены как социолингвистическую характеристику новой дискурсивной практики. **Научная новизна** исследования заключается в том, что феномен культуры отмены впервые рассматривается с позиции критики в аргументации, с вычленением всех составляющих аргументативного поля.

Ключевые слова: культура отмены, дискурсивная практика, агрессивная коммуникация, критика, аттракторы.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена активизацией функционирования разнообразных форм агрессивной коммуникации и выработки эффективных средств защиты от нее. Ярким примером проявления коммуникативной агрессии является культура отмены, особенностью которой является то, что непосредственно речевые действия лишь отчасти можно отнести к конфликтной коммуникации, тогда как само речевое поведение формирует новую этику, незаметно проникающую в лингвокультурное сообщество страны.

Поэтому в круг явлений при обсуждении культуры отмены входит область, выполняющая переходную

функцию, когда конфликтогенным фактором становится язык и даже непосредственно языковые единицы. Это утверждение, безусловно, носит пока гипотетический характер, однако, исследуемый феномен является продуктом западной культуры, что подтверждают данные корпусов: НКРЯ (Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>), BNC (British National Corpus URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>), COCA (Corpus of Contemporary American English. URL: <https://dataverse.harvard.edu/>).

В связи с этим были определены следующие исследовательские задачи:

1. проследить закономерность функционирования форм агрессивной коммуникации в различных сферах жизнедеятельности (политика, экономика, спорт и др.);

2. проанализировать тексты, эксплицирующие действие отмены с помощью лингвоаргументативного анализа;
3. выявить корреляцию динамики проявления агрессивной коммуникации с социальными и политическими изменениями в конкретной лингвокультурной общности.

Материалами исследования послужили единицы текстов со словами *запрет, отменить, исключить*, и их эквивалентами на английском языке *to cancel, to ban, to halt, to suspend*, взятые методом сплошной выборки из публикаций в электронных версиях ведущих издательств: «Аргументы и факты» (URL: <https://aif.ru/>), “Guardian” (URL: <https://www.theguardian.com/>), “New Retail” (URL: <https://newretail.ru/>) за 2019 – 2022 гг., а также в корпусах национальных языков (указаны ранее).

В работе использовались общенаучные **методы исследования** (обобщение, сравнение, анализ), а также частные – лингвистические методы (критический дискурс-анализ, контент-анализ).

Теоретической базой исследования послужили труды ученых разных научных направлений: философии языка (Кравченко 2021; Витгенштейн 2010, 2018), политической лингвистики (Чудинов, 2015; Баранов, 2001; Иссерс 2021; Быков, Ахмедова, 2021; Сидоров, 2018; Былевский, Цацкина, 2022; Федотова, Го Цзини, 2022), социальной философии (Ивин, 2018, Дашинимаев, 2021), теории аргументации (Еемерен, Гроотендорст, 2010; Васильев, 2015; Костюшкина, Баребина, Колмогорова, 2017), лингвокультурологии (Фефелов, 2022; Баребина, 2019) и др.

Практическая значимость работы определяется тем, что материалы исследования могут быть использованы в программах подготовки специалистов гуманитарного направления – «Международная журналистика», «Международные отношения» при изучении спецкурсов и спецсеминаров. Полученные результаты могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по межкультурной коммуникации, практике речевого общения, лингвокультурологии, конфликтологии и др.

Культура отмены как объект исследования в гуманитарном знании

Изменения в характере коммуникации затрагивают всё больше сфер человеческой жизни, включая профессиональное общение, общественное и деловое взаимодействие групп людей и организаций. Реалией современной жизни общества стала культура отмены (cancel culture, далее по тексту КО) как одна из форм

агрессивной коммуникации. Являясь новой формой дискурсивной практики, КО способна повлиять на поведение человека, его мышление, образ мыслей, действий. Привлекая внимание общества к существующей проблеме, данная практика призывает к ответственности субъекта (будь то отдельный человек, группа, организация и даже страна), являющегося непосредственно причиной проблемы.

КО – современная форма остракизма, трактуемого в историческом словаре (Исторический словарь. URL: <https://diclist.ru/slovar/>) как «народное голосование в Древней Греции с помощью глиняных черепков (остраконов) против граждан, чье влияние считалось опасным для государства. Позже институт остракизма превратился в средство политической борьбы и стал трактоваться как социально-политический термин.

Лингвистическим подспорьем для изучения практики отмены, безусловно, должно стать направление конфликтологии, так или иначе обсуждающее языковые механизмы такого модуса взаимодействия людей. Обратимся к данным из этой области. В настоящее время КО рассматривается как разновидность агрессивной коммуникации и, по словам Л.М. Гончаровой, характеризуется как «наступательное, активное общение, привлекающее внимание аудитории, <...> активизирующее аудиторию, эмоционально заставляющее принимать сторону одного из оппонентов, сопереживать событиям, активно включаясь в них» [7, с. 306]. Особого внимания заслуживают рассуждения В.А. Сидорова в статье «Коммуникативные агрессии XXI века: определение и анализ предпосылок». По мнению автора, целевые установки коммуникативных агрессий определяют информационное взаимодействие в социуме и за его пределами [12, с. 300]. О речевой агрессии также пишут Н.Л. Федотова и Го Цзини, указывая на то, что в лингвистике на данный момент отсутствует определение и классификация языковых средств, выражающих агрессию [14, с. 69]. Называя тактики нападения и провокации доминирующими в контексте обсуждения общественно-политических проблем, авторы не связывают их с психолого-лингвистическим аспектом речевой агрессии (выражение неприязни, враждебности) и, ссылаясь на Ю.В. Щербинину, определяют речевую агрессию как «намеренное оскорбление или причинение вреда человеку за счет разных речевых методов; грубое, оскорбительное, обидное общение и словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме: оскорбление, угроза, грубое требование, насмешка» [14, с. 71].

Феномен КО освещается учеными разных научных направлений. Так, в статье П.Г. Былевского и Е.П. Цацкиной дается подробный анализ данного явления в гу-

манитарном, социокультурном аспектах, обозначаются риски общественной критики в современном цифровом пространстве [4, с. 165]. Авторы ставят под сомнение корректность термина, поскольку он не несет в себе созидательный характер, присущий культуре как таковой, и далее отмечают его двусмысленность, что в результате может привести к неправильному пониманию самого явления. Кроме того, проведенный содержательный анализ позволяет авторам сделать вывод о том, что КО не имеет ничего общего с конструктивной критикой, а напротив, ее конечным результатом выступает формирование устойчивой негативной оценки. Эта мысль подкрепляется перечислением таких особенностей обсуждаемого феномена, как: использование новых массовых средств информации (преимущественно социальных сетей), произвольный и спонтанный характер, анонимность и вынесение отрицательной оценки.

Содержательная сторона феномена КО обсуждается в статье А.Ф. Фелелова, в которой ставится акцент на том, что в рассмотрении КО речь идет не о норме или идеологии, а скорее о шаблоне действий [15, с. 130]. Так, в США, пишет автор, культура отмены является попыткой повлиять на обновление прежних культурных и социальных кодов, находящихся под защитой консервативной части общества, в то время как в России культура отмены возникла в качестве нового метода воздействия и политического давления.

О свободе выражения мнения и об ограничении права на выражение мнения личности рассуждают в своей статье Г.С. Стрекалов и Ю.С. Филиппович. Современные технологии позволяют достаточно много времени проводить в социальных сетях, смело выражать свое мнение, порой не задумываясь и не подозревая о возможности нанести вред другому человеку. Определяя интернет-пространство как мир с расплывчатыми понятиями об этике поведения, авторы обозначают необходимость рассмотреть феномен «культура отмены» как некий инструмент, через который становится возможным определить термин «толерантность», и ставят задачу переосмысления моральных подходов и политических обязательств, давая свои агрессивные комментарии чему-либо [13, с. 39].

Следует отметить, что КО функционирует в большей степени в медиадискурсе, поскольку последний наиболее ярко отражает общественно-политические настроения в обществе и оказывает непосредственное влияние на формирование общественного мнения. И.А. Быков и Ю.Д. Ахмедова, используя критический дискурс-анализ наряду с другими исследовательскими методами, описывают ситуации оскорбительных поступков, высказываний знаменитостей, с указанием вины последних и последствий для них [3, с. 19].

Обзор научных трудов, посвященных исследованию культуры отмены показал, что данное явление носит междисциплинарный характер и представляет научный интерес с точки зрения разных аспектов.

Обратимся непосредственно к анализу материала с функционированием культуры отмены.

Следует заметить, что, для русского языка лексемы *отмена, запрет, отказ* в рассматриваемом значении являются семантической новацией. Для английского языка данный концепт не новость, он появился задолго до политических событий, способствовавших распространению соответствующей культуры. Это выражено лексемами: *called for the cancellations, to be banned, it would halt, were also suspended.*

Важно отметить, что традиционно в контекстах с функционированием практики отмены доминирующим топосом является угроза и требование наказания. Подтверждением тому являются следующие примеры.

Пример 1. State broadcasters from countries including Iceland, Finland, Norway and the Netherlands had called for Russia to be banned from the contest, which takes place in Turin in May <... > The Rotterdam Philharmonic also threatened to cancel its longstanding annual Gergiev festival this year, Switzerland's Verbier festival has asked Gergiev to resign his position as music director of the Verbier Festival Orchestra, and in New York, he was replaced for performances with the Vienna Philharmonic at Carnegie Hall (Khomami N. The show can't go on: Russian arts cancelled worldwide / N. Khomami // Guardian. 2022. Tue 1 Mar. URL : <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/01/the-show-cant-go-on-russian-arts-cancelled-worldwide>)

(пер.) Государственные телерадиокомпании стран, включая Исландию, Финляндию, Норвегию и Нидерланды, призвали запретить России участвовать в конкурсе, который проходит в Турине в мае <... > Роттердамская филармония также пригрозила отменить свой давний ежегодный фестиваль Гергиева в этом году, швейцарский фестиваль Вербье попросил Гергиева оставить должность музыкального директора оркестра фестиваля Вербье, а в Нью-Йорке его заменили для выступлений с Венской филармонией в Карнеги-холле. (перевод здесь и далее выполнен автором статьи. – О. С.)

При этом наказание, как видно из следующих примеров, как правило, вполне реально:

Пример 2. This is the story of the two New York Times reporters, Megan Twohey and Jodi Kantor, and their battle to write the story about the now disgraced and imprisoned movie producer Harvey Weinstein and his decades-long practice of intimidation, harassment and rape of young female actors and junior staff, hushing them up with threats and NDA payoffs, enabled by a vast male superstructure of silence (Brad-

shaw P. *She Said* review – breaking the male silence around Harvey Weinstein / P. Bradshaw // *Guardian*. 2022. Thu 24 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/film/2022/nov/24/she-said-review-breaking-the-male-silence-around-harvey-weinstein>

(пер.) Это история о двух репортерах из *New York Times*, Меган Твохи и Джоди Кантор, и их борьбе за написание истории о ныне опальном и находящемся в заключении кинопродюсере Харви Вайнштейне, о его практике запугивания, домогательства и изнасилования молодых актрис, младшего персонала, обеспечивая сокрытие преступных деяний значительными суммами и подписанием соглашения о неразглашении.

Экспликация семы принудительности и неизбежности демонстрируется в следующем примере:

Пример 3. В текущем году весь мир столкнулся с **навязыванием феномена отмены** русской культуры, когда ведущие театры мира отказывались от классических постановок русских классиков, а университеты исключали из программы произведения Достоевского, Бунина и Толстого

(Tate G. 'Too big to cancel': can we still listen to Michael Jackson? / G. Tate, A. Petridis, L. Winship, P. Elan, Ch. Klosterman, L. Snapes and S. Hans // *Guardian*. 2019. Fri 1 Mar. URL: <https://www.theguardian.com/music/2019/mar/01/leaving-neverland-is-it-still-ok-to-listen-to-michael-jackson>)

Анализ контекстов с функционирующими вариантами лексических единиц, репрезентирующих действие отмены, позволил выявить особенности коммуникативно-оценочной деятельности говорящих с элементами критики. Обратим внимание на следующие примеры. Всегда имеются два актора такого взаимодействия – субъект и объект отмены:

Пример 4. **Всё чаще звучат призывы к устройству международных трибуналов одних стран («праведных») над другими («греховодными»)**

(Алдухов Е. Не паниковать и заполнять возникающие ниши! Управление продажами на маркетплейсах в «новой реальности» / Е. Алдухов // *New Retail*. 2022. 10 марта. URL: https://new-retail.ru/tag/efim_aldukhov/).

При этом субъект отмены имеет некоторое моральное **право критиковать**.

Объект же, как правило, демонизируется и стигматизируется:

Пример 5. *The guilty verdict on some of the most serious charges in the Los Angeles case, including forcible rape, seals the downfall of the former Hollywood powerbroker in the town where he once operated as a “king”* (Bradshaw P. *She Said* review – breaking the male silence around Harvey Weinstein / P. Bradshaw // *Guardian*. 2022. Thu 24 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/film/2022/nov/24/she-said-review-breaking-the-male-silence-around-harvey-weinstein>).

review-breaking-the-male-silence-around-harvey-weinstein).

(пер.) Обвинительный вердикт по некоторым наиболее серьезным обвинениям в деле (Лос-Анджелес), включая изнасилование, демонстрирует крах бывшего авторитетного там, где он когда-то действовал как «король»

Примечательно, что «праведные» стороны имеют аргументацию своей критики. Вот как руководитель песенного конкурса объясняет свое нелегкое решение:

Пример 6. *Speaking to Abba's Björn Ulvaeus on BBC Radio 4's Today programme, for which the Swedish songwriter was acting as guest editor, Eurovision's executive supervisor, Martin Österdahl, was asked if the **decision to exclude Russia** had been hard to make. He said: "It was, and it still is. How Europe feels very much affects the contest. "It is also that when you look back in time, you see that the Eurovision song contest is like a logbook of what has happened in Europe, what the trends have been in Europe. "But, also, what is the kind of mood and sentiment of Europe, and what is the social context of Europe at the time. When we say we are not political, what we always should stand up for are the basic and ultimate values of democracy. Everyone is right to be who they are"*

(Grierson J. Eurovision chief says Russia ban stands for 'ultimate values of democracy' / J. Grierson // *Guardian*. 2022. Fri 30 Dec. URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2022/dec/30/eurovisionchief-russia-ban-stands-for-ultimate-values-democracy>).

(пер.) Выступая перед Бьорном Ульвеусом из Abba в программе BBC Radio 4's Today, для которой шведский автор песен выступал в качестве приглашенного редактора, исполнительный руководитель Евровидения Мартин Эстердаль спросил, было ли трудно принять решение об исключении России. Он сказал: «Так и было, и так есть до сих пор. То, как Европа себя чувствует, очень влияет на конкурс. «Оглядываясь назад, мы видим, что конкурс песни» Евровидение «- это как журнал того, что произошло в Европе, какие были тенденции. «Кроме того, каковы настроения Европы в целом, каков социальный контекст Европы в то время. Когда мы говорим, что мы не политические, мы должны отстаивать основные и ценности демократии. Каждый человек имеет право быть тем, кто он есть».

В примере есть акциональный тезис: *Мы всегда должны отстаивать основные и высшие ценности демократии*. Речение *Каждый имеет право быть тем, кто он есть* выступает в функции аргумента. Также аналитически выявляется имплицитный тезис *Если не исключить Россию, то конкурс будет испорчен*. Аргумент: *Никто не хотел бы, чтобы в бортовом журнале Евровидения была такая запись*.

Интерес представляет то, как чувствуют себя отменяемые. Следующий пример показывает то, что объект

хорошо понимает, что происходит:

Пример 7. Каждый четвертый россиянин чувствует себя «отмененным» из-за ухода зарубежных брендов. И около 30% готовы отказаться, а 10% уже отказались от услуг или продуктов зарубежных компаний, которые ушли (Каждый третий россиянин потерял доверие к брендам // New Retail. 2022.17 ноября. URL: https://newretail.ru/novosti/retail/kazhdyy_tretyy_rossiyandin_poteryal_doverie_k_brendam/).

Показательна негативная трактовка этого действия, приведем слова М. Захаровой:

*Пример 8. «Та лёгкость, с которой **практикуется «культура отмены» в отношении целых народов** (русские, китайцы, венесуэльцы, иранцы...) создала питательную почву и для роста антисемитизма», — написала она Telegram. Немаловажную роль в этом сыграли и двойные стандарты, «не оставившие нетронутыми ни одной аксиомы или догмы **и извратившие всё»**, добавила она (Захарова назвала основную причину роста антисемитизма в США // АиФ. 2022.25.12. URL: https://aif.ru/society/mo_rf_vsu_prodolzhayut_obstrely_nesmotrya_na_prikrashchenie_ognya_sostroyoniy_vs).*

Примеры, как правило, содержат описание действия отмены с другими лексемами негативной коннотации:

*Пример 9. Украинские законы об **отмене русского языка и культуры** являются проявлением **национализма**, считает обозреватель National Review Майкл Дохерти (В США назвали украинские законы об отмене русского языка национализмом // АиФ. 2022. 21.12. URL: https://aif.ru/society/v_ssha_nazvali_ukrainskie_zakony_ob_otmene_russkogo_yazyka_nacionalizmom).*

Однако есть и элемент сплочения:

*Пример 10. **Закрываются** как такового нет. Есть попытка **отменить вклад** России в мировое наследие. Надо этому противопоставить нормальную, активную культурную жизнь у себя в стране — и все подобные попытки просто отсохнут. Нас так просто не возьмешь: как говорится — «не дождетесь»*

(Дианов В. Михаил Пиотровский об отмене культуры и коллекционерах: выдержки из интервью директора Государственного Эрмитажа Михаила Пиотровского «Аргументам и фактам» / В. Дианов // Dianov-Art.ru. 2022. 05.08. URL: <http://dianov-art.ru/2022/08/05/mikhail-piotrovskij-ob-otmene-kultury-i-kollekcionerax/>).

Проведенный анализ языкового материала демонстрирует функционирование практики культуры отмены в различных сферах жизнедеятельности современного общества: в политике, культуре, экономике, спорте и др. Геополитические изменения в мировом масштабе оказывают самое непосредственное влияние

на частную жизнь граждан и жизнь общества в целом. Язык выступает главным действующим механизмом в урегулировании разного рода вопросов. В рамках данного исследования, мы говорим о речевой практике как форме агрессивной коммуникации и механизме деструктивной критик.

Заключение

Рассмотрев примеры функционирования культуры отмены, и проанализировав имеющийся контекст, представляется целесообразным сделать следующие **выводы**:

1. Культура отмены как новая дискурсивная практика имеет тематическую и семиотическую доминанту в виде критики.
2. Всегда имеются латентные последователи, которые прямо или косвенно способствуют распространению обсуждения поступков и высказываний, не согласующимися с нормами, принятыми в обществе. Довольно часто обсуждения и комментарии принимают форму критики. В результате, агрессивная коммуникация поддерживается, а обсуждаемая коммуникативная ситуация накаляется.
3. Культура отмены проявляется в разных сферах общества, поэтому можно говорить о важности влияния данной дискурсивной практики на речевую деятельность общества в целом.
4. Культура отмены участвует в формировании общественного мнения, в котором проявляется отношение граждан к событиям и процессам, происходящим в жизни общества. Формирование и развитие общественного мнения, опираясь на представленный материал, может происходить под влиянием различных обстоятельств, а также может носить целенаправленный характер, подтверждением чему, является культура отмены.

Подводя итог, следует отметить, что в статье представлена попытка локализовать новые языковые факты в системе лингвистических координат.

Полученные результаты показали, что критика является тематической и семиотической доминантой рассматриваемой практики, что в свою очередь расширяет возможности исследовать новое речевое явление в контексте язык – среда.

Перспективы дальнейшего исследования представляются в более детальном исследовании влияния постглобальных факторов на речевое поведение граждан в лингвокультурном коммуникативном пространстве и за его пределами. Кроме того, отдельным и главным аспектом исследования феномена культуры отмены остается задача изучить новую дискурсивную практику по выявленным аттракторам критики и агрессивной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбина, Н.С. Моделирование категории рациональности критики в культуре отмены // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № : 2.
2. Барбина Н.С. Лингвоаргументологии Критика и контраргументация в лингвистической науке (приглашение к размышлению) // . – Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. – 154 с
3. Быков, И.А. Культура отмены в политическом дискурсе современной России/ И.А. Быков, Ю.Д. Ахмедова – Текст: непосредственный // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 14-26. – DOI 10.24334/KBSU.2021.1.1.002
4. Былевский П.Г., Цацкина Е.П. Феноменологический анализ явления «культура отмены»// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162–169. DOI: 10.52070/25422197_2022_2_857_162
5. Васильев Л.Г. Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход. Калуга: Калуж. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2014
6. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М.: Аст. 2010
7. Гончарова Л.М. Агрессивная коммуникация: новые языковые реалии в современном мире / Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. Том 7 (4), 2018. – с. 305-308 [Электронный ресурс]
8. Дашинамаев Г.Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурят. гос. ун-та. Серия: Философия. 2021. № 1. С. 19–24.]
9. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.; ВЛАДОС, 1997
10. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: ЛЕНАНД, 2021
11. Кравченко, А.В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) / А.В. Кравченко // Слово. Ру: Балтийский акцент. — 2022. — Том 13. — № 3. — С. 7–24.
12. Сидоров В.А. Коммуникативные агрессии XXI века: определение и анализ предпосылок // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 300–311. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.212>
13. Стрекалов Г.С., Филиппович Ю.С. О некоторых особенностях феномена «культура отмены». Электронный научный журнал. №1 (26) – 2021 г. www.j-chr.com
14. Федотова, Н.Л. Речевая агрессия и тактики противодействия в общественнополитических интервью (на материале радиопрограмм «Эха Москвы») / Н.Л. Федотова, Го Цзини. — Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 69-77. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_07.
15. Фелелов А.Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного анализа. Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1, с. 126-143 .

© Семенова Ольга Фиофановна (SemOlG1971@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЭТЕМА» ПРИ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Серебренникова Надежда Геннадиевна

Кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина»
Nadegda_korrespondensija@mail.ru

THE USE OF THE CONCEPT OF "POETEME" IN THE ANALYSIS OF A LITERARY TEXT

N. Serebrennikova

Summary: The article analyzes the meaning of the term «poeteme» used in scientific literature when describing the semantics of a literary text. The author offers his own interpretation of this term. The poeteme is considered as a textual structure least reflecting the work of logical thinking and most reflecting the work of imaginative thinking.

Keywords: poetess, poetic information, context, poetic image, unanalyzed forms, analyzed forms.

Аннотация: В статье анализируется значение термина «поэтема», используемого в научной литературе при описании семантики художественного текста. Предлагается собственная трактовка данного термина. Поэтема рассматривается как текстовая структура в наименьшей степени, отражающая работу логического мышления и в наибольшей – работу образного мышления.

Ключевые слова: поэтема, поэтическая информация, контекст, поэтический образ, непроанализированные формы, проанализированные формы.

Анализируя смысл художественного текста, а также его формальную, выразительную сторону, исследователи иногда прибегают к термину «поэтема», который, не являясь общеупотребительным, тем не менее, довольно часто встречается в научных работах. Значение этого термина понимается авторами по-разному, либо – в узком, либо – в широком смысле. Поэтема может быть отнесена либо к изобразительно-выразительным средствам, либо понимается как текстовая структура, особым образом организованный участок поэтического текста.

Термин «поэтема» был использован профессором В.Г. Руделёвым в работе «Принципы сегментации поэтической речи», которая вошла в собрание сочинений ученого [1, с. 85-91]. В этой работе, по сути, и был предложен этот термин, точнее, выдвигалась идея о существовании особого сигнала словесно-художественной информации, который был назван «поэтемой». Этот сигнал выражен в особо рода организованной речевой композиции, которая имеет новое значение, отличное от других подобных значимых форм. Эти речевые композиции не членимы на какие-либо отрезки, фрагменты: «Ни поэмы, ни их реальные воплощения в конкретных художественных текстах не членимы, не делимы на куски» [1, с. 88-89]. Особо интересной в этом случае является мысль В.Г. Руделёва, выраженная в данном предложении: поэтему, оказывается, нельзя полностью отождествлять с самим фрагментом художественного текста, поэтема «не соотносится ни с одним языковым уровнем» [1, с. 88]. В.Г. Руделёв говорит о выделении в художественном тексте, некоторым образом, значимых компонентов, «которые не сводятся к элементам обычной коммуникации и по-

зволяют предполагать особые сигналы эстетической информации» [1, с. 87]. Воплощаясь в поэтическом тексте, поэтема становится знаком, который имеет и содержание, и выражение. Такие особого рода организованные участки текста содержат различные дифференциальные признаки, например, это могут быть ритм, рифма, образность, элементы композиции [1, с. 88]. Таким образом, В.Г. Руделёв понимает материальную сторону поэтемы, ее частную реализацию как особым образом организованный участок художественного текста, выражающий поэтическое значение в наиболее концентрированном виде. Весьма интересной представляется мысль о том, что есть возможность выделить определенный сигнал, который будет содержать художественную информацию, и по этой причине термин «поэтема» использовали некоторые авторы в своих работах.

Однако исследователей в большей степени интересовало именно конкретное воплощение поэтемы в литературном тексте [2, 3]. В данный термин вкладывается уже иное значение, отличное от того, которое описывается в работе В.Г. Руделёва. «Поэтема» начинает рассматриваться в узком смысле, иногда как особая поэтическая фраза, как изобразительно-выразительное средство.

Наиболее широко, на наш взгляд, термин трактует А.Л. Шарандин:

1. Поэтема – это текстовая структура, равноуровневые элементы которой направлены на создание поэтического (художественного) образа, являющегося отличительной чертой поэтического (художественного) текста и способствующего пониманию концептуально значимого смысла текста.

2. Поэтема – это актуализированный в поэтическом (художественном) смысле знак коммуникативной системы человека, состоящий из двух частей: поэтической темы (названия) и поэтической ремы (поэтической информации).
3. Поэтема – это текстовый знак, имеющий уникальную авторскую реализацию и выступающий в качестве реноминанта в речи других носителей языка» [4, с. 129-130].

Поэтема таким образом не связывается с какими-либо особыми дифференциальными признаками и может быть выражена в тексте разноуровневыми элементами. Мы в целом согласны с этой позицией, но нам хотелось бы уточнить некоторые моменты и предложить свою трактовку понимания этого термина.

Мы считаем, что поэтема представляет собой единицу поэтического языка, функция которой сосредоточена на создании поэтического образа, при этом поэтема в наименьшей степени тяготеет к строгим логическим формам мышления и в наибольшей – к поэтическим формам мышления. Такие участки текста являются реализацией поэтического смысла, воплощением нечеткого по своей структуре поэтического образа. Если художественный образ по своей природе сложен, многогранен, то и его формальная сторона, выраженная вербально, будет либо столь же сложна, либо столь же неопределенна и расплывчата. Иными словами, поэтема узнается в тексте по нечеткой или сложной структуре, призванной передавать столь же многоплановый или неясный поэтический образ. При этом поэтема может обладать разными дифференциальными признаками, значение поэтического образа может передаваться с помощью изобразительно-выразительных средств, рифмы, ритма, в широком смысле – с помощью особым образом организованного поэтического контекста. Но каковы в подобном случае критерии разграничения тех участков текста, которые мы предлагаем называть поэтемами и, так называемых, «обычных» художественных участков текста? В данном случае, как мы считаем, следует прибегать к помощи трансформационного метода, когда отдельно взятый фрагмент текста видоизменяется, трансформируется, иными словами, объясняется с помощью приведения к более сложному, аналитическому виду. В связи с этим весьма полезным нам кажется использование понятий «проанализированные» и «непроанализированные формы», которые были позаимствованы нами у Л. Витгенштейна [5]. Известно, что любой поэтический текст не равен простой сумме составляющих его частей, но в данном случае речь идет о разной возможности совпадения первоначальной «непроанализированной» («синтетической») формы и формы, разложенной на части, «проанализированной» («аналитической»). Если проанализировать, так сказать, «обычные» фрагменты текста, то проанализированная и непроанализированная

формы будут отличаться несущественно, а в том случае, если же это поэтема, то разница будет весьма значительной, или для адекватного анализа необходимо будет представить несколько проанализированных форм, или соответствующая проанализированная форма так и не будет найдена. В качестве подтверждения можно взять следующий пример:

«Я ещё никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость –
Все любя, ничего не желать.» [6, с. 114]

Описывая радость, возникающую от чувства единения с природой, поэт прибегает к помощи сравнений и метафор, но если отвлечься от привычного рассмотрения использования выразительных приемов в тексте и попытаться выделить смысловые участки текста по иному принципу, а именно – определить наиболее концентрированные с точки зрения образности фрагменты, то можно сказать, что в приведенном примере присутствует необычный по-своему содержание и форме участок, выделяющийся среди общего фона. Это следующие строки: «Хорошо бы, на стог улыбаясь, / Мордой месяца сено жевать...» [6, с. 114]. Попробуем объяснить эту синтетическую, непроанализированную форму с помощью аналитической, проанализированной. Сразу возникнет трудность, связанная с неопределенностью и некоторой неясностью данного художественного образа. Но сразу скажем, что когда речь идет о «неопределенности», то имеется в виду неясность логическая, т.е. строки не ясны, если их оценивать с позиции нехудожественного мышления. А как раз с позиции мышления поэтического, образ очень ярок и точен. Иными словами, мы можем постичь его только при помощи образного мышления, участие же логической формы мышления в данном случае сводится к минимуму. Попробуем использовать для объяснения такую проанализированную форму: «Поэт видит месяц над стогом, месяц, как кажется поэту, жуёт сено, и поэт улыбается, глядя на это». Однако можно предложить и другую форму, если слово «улыбаясь» относится к месяцу, а не поэту: «Поэт видит месяц над стогом, месяц будто улыбается и, как кажется поэту, жуёт сено». Но данные объяснения не содержат сравнения. Возможно, месяц сравнивается с лошадей или коровой, которая жуёт мордой сено? Но для читателя месяц, к тому же, может представлять не в виде животного, а некоего необыкновенного существа. Таким образом, предполагается, что все эти аналитические формы имеют право на существование, но ни об одной из них нельзя сказать, что она удовлетворяет основным требованиям – просто пояснить, прояснить художе-

ственный образ, прибегая к минимуму дополнительных средств. Подобного рода анализ ничего не проясняет, а напротив, – при попытке объяснить данные строки, необычный, яркий образ словно ускользает, распадается, хотя в той форме, в которой он передан в есенинских строках, – ясен и интуитивно понятен. Таким образом, невозможность подвергнуть анализу и объяснить подобные строки с помощью проанализированной, аналитической формы, является подтверждением того, что перед нами фактически неразложимый текстовый участок. «Мы видим составные части чего-то сложного... Мы также видим целое, которое изменяется (разрушается), в то время как его составные части остаются неизменными. Все это материалы, из которых конструируем <...> картину реальности... Мы рассуждаем примерно так: располагая лишь проанализированной формой, испытываешь нехватку анализа. Зная же аналитическую форму, тем самым обладаешь всем. – Но разве нельзя сказать, что и в этом, и в том случае теряется из виду та или иная сторона дела?» [5, с. 108, 110]. Поэтема, выражающая в текстовой структуре именно работу образ-

ного мышления, не может быть объяснена с помощью аналитической, проанализированной формы. Анализ в данном случае может проводиться только с целью выявления подобных текстовых участков, а для пояснения смысла поэтического образа он не является нужным. Так, Л. Витгенштейн пишет: «Всегда ли целесообразно заменять нечёткое изображение чётким? Разве нечёткое не является часто как раз тем, что нам нужно? <...> Степень возможного сходства отчётливого и размытого изображений зависит от степени неопределенности последнего» [5, с. 113].

Таким образом, анализируя художественные произведения, читатель может попытаться объяснить неразложимые на составные части текстовые участки. Если возникают сложности с заменой данных смысловых участков проанализированной формой, тогда можно сделать вывод, что такой участок текста представляет собой поэтему, непосредственно передающую художественную информацию, отражающую особенности работы образного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руделёв, В.Г. Принципы сегментации поэтической речи / В.Г. Руделёв // Собрание сочинений в шести томах. Том шестой. Друг мой – язык. Часть вторая. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 85-91.
2. Новиков, Л.А. Поэтема / Л.А. Новиков // Вестник РУДН. – 2003. – № 4. – С. 119-127.
3. Подольская, И.В. Языковые средства создания художественного образа (на материале поэтических текстов Евгения Харланова) / И.В. Подольская. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – 216 с.
4. Шарандин, А.Л. Ведь что-то значат слов сплетенья: к вопросу о поэтическом языке / А.Л. Шарандин // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2002. – Вып. 3(27). – С. 125-130.
5. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 80-322.
6. Есенин, С. Собрание сочинений в двух томах. Том 1. Стихотворения, поэмы. – М.: Русская книга, 1992. – 478 с.

© Серебренникова Надежда Геннадиевна (Nadegda_korrespondensija@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВИРТУАЛЬНО-ИГРОВЫЕ РЕАЛИИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ «ROME: TOTAL WAR» И «TOTAL WAR: MEDIEVAL 2»

VIRTUAL GAMING REALIAS IN COMPUTER GAMES "ROME: TOTAL WAR" AND "TOTAL WAR: MEDIEVAL 2"

D. Solopii

Yu. Bogoyavlenskaya

Summary: In this article the authors consider realias of "Rome: Total War" and "Total War: Medieval 2". The concept of "virtual gaming realia" is introduced, which is understood as a word or a phrase, that names artifacts or mentefacts of the virtual world, created by the imagination of computer game developers. It is made clear that realias of this kind might be borrowed from real or fantasy worlds (in which case they are reimagined, often acquiring new meanings) or created by the developers to describe in-game objects or concepts. It is discovered that together realias create virtual-gaming realicon – a unified intentional-aesthetic complex, necessary to depict virtual reality and used to create local, temporal and socio-cultural coloring of computer games.

Keywords: realia, realicon, virtual, computer games, videogames.

Солопий Дмитрий Константинович

Аспирант, Сургутский государственный университет

solopij_dk@surgu.ru

Богоявленская Юлия Валерьевна

Доктор филологических наук, Уральский федеральный

университет

jvbog@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются реалии компьютерных игр «Rome: Total War» и «Total War: Medieval 2». Вводится понятие «виртуально-игровая реалья», под которой понимается слово или словосочетание, называющее артефакты и ментефакты виртуального мира, созданного воображением разработчиков компьютерной игры. Установлено, что реалии данного типа могут быть заимствованы из реального и фантастического миров (в этом случае они переосмысливаются, часто наделяются новыми значениями) или изобретаются разработчиком для описания внутриигрового объекта или понятия. Выявлено, что в своей совокупности реалии образуют виртуально-игровой реаликон – единое интенционально-эстетический комплекс, необходимый для изображения виртуальной действительности, создания локального, темпорального, социально-культурного колорита компьютерной игры.

Ключевые слова: реалья, реаликон, виртуально-игровой, компьютерные игры, видеоигры.

Введение

В наше время компьютерные игры получили огромную популярность. Все больше и больше людей играют в них на самых различных устройствах, начиная от мобильных устройств и до суперкомпьютеров. Индустрия компьютерных игр, их разработка, издание и продвижение — одна из самых быстроразвивающихся отраслей компьютерных технологий и глобального сектора развлечений. Игры становятся культурными феноменами и признаются произведениями искусства. Количество потребителей компьютерных игр (геймеров) растет, а сам процесс игры (гейминг) становится настоящей профессией. Это порождает интерес исследователей разных областей наук и ставит перед ними новые проблемы. Компьютерные игры насыщены самыми разнообразными реалиями, которые вместе с фразеологическими единицами, именами собственными, обращениями, просторечиями, диалектизмами и лакунами относятся к группе непереводаемых элементов языка, передающих особый национальный и исторический колорит. Несмотря на то, что проблемы реалий рассматривались с различных направлений науки о языке, остается нерешенным вопрос о комплексном исследовании реалий, употребляемых в текстах компьютерных игр.

Рассмотрим основные подходы к изучению реалий.

1. Переводческий подход

Одной из наиболее известных теорий была предложена болгарскими исследователями С.И. Влаховым и С.П. Флориным, связывающих понятие реалии с национальным колоритом. Реалии понимались авторами как «объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому». Поскольку реалии – носители национального и / или исторического колорита, они относятся к непереводаемой лексике и требуют особого подхода в переводе [3]. Н.А. Фененко и А.А. Кретов предлагают теорию реноминации. Авторы понимают реалию как языковой знак, который означает свойственный одной культуре и отсутствующий в другой культуре натурфакт или артефакт, отличающийся вещностью денотата, а также ментефакт определяющий моральные художественные ценности нации и черты ее национального менталитета. Лингвисты выделяют три типа реалий, соотносимые с предметами реальной действительности (R-реалии), с идеальными эквивалентами среды обитания социума (C-реалии) и средствами номинации культурного концепта (L-реалии) [7]. Н. А. Фененко, С.Ю. Бурякова выдвинули и обосновали гипотезу, что в художественном

тексте с высоким уровнем национального колорита реалии образуют в своей совокупности художественный реаликон. [10]

2. Сопоставительный подход

С позиций сопоставительной лингвистики реалии рассматриваются в работе В.Г. Гака как важная составляющая «пространства культуры» (предметы, функции, обычаи, факты поведения). При таком подходе реализия представляет собой совокупность определенных признаков – культурем – языковых выражений реалий. Культуремы есть формальные и содержательные знаки, которые соотносятся с определенными элементами действительности для выражения и обозначения некоторой реалии – предмета или ситуации [4].

3. Лингвокультурологический подход

Узкое понимание реалии свойственно работам, выполненным в русле лингвокогнитивного подхода. В частности, В.В. Красных, давая системное описание ментефактов русского языкового сознания, делит их на несколько рангов. Из них только второй наиболее тесным образом связан с проблемой реалий: в него включены прецедентные феномены, артефакты, духи или бестиарии и стереотипы, которые разграничиваются на основе критерия, формируемого двумя основополагающими признаками: единичность / множественность, прототипичность / отсутствие таковой. Автор употребляет термин «реалия» только по отношению к артефактам. Реалия понимается как предмет действительности, на котором основывается «изначальный образ артефакта». [6] Одно из первых системных описаний реалий было проведено Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Ученые отмечали, что анализ реалий при лингвострановедческом подходе должен базироваться «на кумулятивной функции языка, связанной с отражением, фиксацией и сохранением в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности». Значение слова, согласно лингвострановедческой теории, является «вместилищем» знаний о неязыковой действительности и состоит из лексического понятия и лексического фона, который представляет собой «активный инструмент просеивания, отбора и хранения коллективного опыта» [2]. Реалии обладают ярким национально-культурным фоном, т.е. «набором дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем носителям данного языка» [9]. Нам близок именно такой подход для анализа реалий компьютерных игр, поскольку он не связывает реализию одной лингвокультуры с другой.

Мир компьютерных игр имеет существенную специфику. Как показал анализ, его реалии могут быть заимствованы из реального мира или фантастического

(литературных произведений в жанре фантастики, мифологии, фольклора). Такие реалии в играх переосмысливаются, их значения часто трансформируются, образуют новыми смыслами. К этому массиву необходимо добавить слова-реалии, изобретенные разработчиками игр. Последние не имеют основы в реальном мире.

Следующий вопрос, который необходимо уточнить, это вопрос терминологии. Говоря о специальной лексике, которая появляется в различных фантастических и научно-фантастических произведениях, исследователи предлагают использовать термины «квазиреалия», «оказионализм», «псевдореалия» и «псевдономинация».

Квазиреалии представляют «слова (словосочетания), связанные с тематикой научно-фантастических произведений, с описанием теоретически возможных, но не осуществленных в настоящее время, решений научных или технических проблем, с описанием элементов окружающей среды вымышленного мира» [1].

Псевдореалия понимается Х.Х. Черниковой как реалия, созданная «по образцу известных читателю явлений, фактов, лиц, имен, с которыми сохраняется ассоциативная связь» [11].

Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова рассматривают окказионализм, как индивидуально-авторский неологизм, созданный поэтом или писателем, согласно существующим в языке словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста, как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры. Окказионализмы обычно не получают широкого распространения и не входят в словарный состав языка [8]

Анализ представленных выше определений обнаруживает недостаток, заключающийся в том, что они не в полной мере отражают специфику реалий компьютерных игр, что обуславливает необходимость введение в качестве рабочего термина виртуально-игровой реалии.

Под виртуально-игровой реалией (далее ВИР) понимаем слово или словосочетание, называющее артефакты и ментефакты, определяющие колорит виртуального мира, созданного воображением разработчиков компьютерной игры. ВИР может быть заимствована из реального, художественного, мифологического миров или быть изобретена разработчиком для описания внутриигрового объекта или понятия.

В своей совокупности виртуально-игровые реалии образуют виртуально-игровой реаликон, под которым мы понимаем единый интенционально-эстетический комплекс реалий, необходимый для изображения виртуальной действительности, создания локального, тем-

порального, этнического и социально-культурного колорита компьютерной игры.

Методы и материалы

Материалом исследования послужили внутриигровые тексты компьютерных игр «Rome: Total War»[15] и «Medieval 2: Total War»[18], разработанные компанией Creative Assembly, а также дополнения к ним: «Rome: Total War Barbarian Invasion»[16], «Rome: Total War Alexander»[17], «Medieval 2: Total War Kingdoms»[19].

«Rome: Total War» относится к жанру глобальной стратегии с элементами тактических боев в реальном времени. Авторы помещают действие игры во времена поздней Римской республики и ранней Римской империи (270 г. д.н.э. – 14 г. н.э.). Игрок управляет одной из 21 фракций с целью завоевать определенное количество территорий и фракций. Изначально открыты только римские фракции *Julii*, *Scipii* и *Brutii*. Доступ к остальным 8 фракциям открывается по ходу игры. Дополнение «Rome: Total War Barbarian Invasion» переносит игрока в период первого переселения народов, а «Rome: Total War Alexander» позволяет повторить завоевание Александра Македонского.

Игра «Medieval 2: Total War» реализована в жанре пошаговой стратегии с элементами тактических боев в реальном времени. Действие игры разворачивается в своеобразном пространственно-временном континууме: средневековой Европе, Ближнем Востоке и Северной Африке в период с 1080 по 1530 гг. Ближе к концу игры игрокам открывается доступ к побережью Америки. В дополнении «Medieval 2: Total War Kingdoms» игрокам предлагаются на выбор 4 компании: 1) *Americas Campaign*, посвященная испанскому завоеванию Америки, 2) *Teutonic Campaign*, посвященная крестовым походам тевтонского ордена 3) *Crusades Campaign*, посвященная третьему и четвертому крестовым походам 4) *Britannia Campaign*, посвященная войнам на британских островах в период с 1258 г.

Сбор текстового материала осуществлялся методом сплошной выборки. Анализ эмпирического материала проводился при помощи метода контекстуального анализа, метода анализа словарных дефиниций, общенаучных методов: индукции и дедукции, анализа и синтеза, определения, обоснования, обобщения, классификации и сравнения.

Основная часть

ВИР участвуют в описании и характеристике внутриигровых объектов и персонажей, передают информацию, связанную с обычаями, нравами, традициями и верованиями того или иного народа в ту или иную виртуально-

историческую эпоху. Включаясь в виртуально-игровой реалитон, они функционируют как комплекс, имеющий системную организацию. В рамках данной статьи мы решаем вопрос классификации реалий, входящих в его состав, для того чтобы систематизировать выявленные в ходе отбора материала единицы.

В рамках компьютерной игры виртуально-игровой реалитон можно охарактеризовать и описать на нескольких уровнях:

1. игровом,
2. сверхфракционном,
3. фракционном.

На **игровом уровне** функционирует виртуально-игровой реалитон одной игры, объединяющий все реалии сконструированного мира по признакам локального, темпорального и (или) этнического колорита. Например, в компьютерной игре «Rome: Total War» реалии ограничены средиземноморским регионом и периодом классической античности: *Hoplites*, *Bastarnae*, *Nile Cavalry*, *Nubian Spearmen*, *Legionary Cohort*, *Poeni Infantry* и т.д. Действия дополнения к игре «Rome: Total War» происходит в период великого переселения народов, но в том же географическом регионе. Можно встретить такие реалии как: *Gallowglasses*, *Hounds of Culann*, *Saxon keel*, *Goths*, *Lombardi*, *Foederati Infantry* и т.д. Действие игры «Medieval 2: Total War» содержит реалии уже не классической античности, а средневековья. Поэтому они отличаются от игры «Rome: Total War» по темпоральному признаку: *Gallowglasses*, *Irish Kerns*, *Norman Knights*, *Landsknecht pikemen*, *Reitar*, *Knights Templar*, *Tercio Pikemen* и т.д. Однако, рассматривая события в дополнении «Medieval 2: Total War Kingdoms», которые разворачиваются в другой местности, но в тот же временной период, можно отметить, что часть реалий с темпоральной окраской совпадают, но отличаются по этническим характеристикам. Например, дополнение «Americas» переносит действие игры на территорию Центральной и Северной Америки. Соответственно, в этом дополнении мы встречаем реалии, связанные с американскими племенами индейцев и колониальными силами: *Conquistadores*, *Tercio Pikemen*, *Cuachicqueh*, *Jaguar Warriors*, *Eagle Warriors*, *Braves*, *Priests of KuKulcan*, *Holkans*, *Koitsenko* и т.д.

Реалитон **сверхфракционного уровня** включает деление на фракции по некоему локальному, этническому или религиозному признаку. Часто внутригрупповое деление стоит рассматривать с точки зрения внутриигровой механики. Так, например, в «Rome: Total War» все фракции делятся на «культуры»: *Римская (Roman)*, *Греческая (Greek)*, *Египетская (Egyptian)*, *Восточная (Eastern)*, *Варварская (Barbarian)* и *Африканская (African)*. Каждая из них имеет особый набор боевых единиц, построек, названий, связанных с регионом.

Таблица 1.

Реалии виртуально-игрового мира «Rome: Total War».

Название культуры	Название фракции	Реалии культуры / фракции
Roman	Julii, Brutii, Scipii	Hastati, Principi, Triarii,
Greek	Greek Cities, Macedon, Seleucid Empire, Thrace	Hoplites, Phalanx, Odeon
Egyptian	Egypt	Pharaoh's Guards, Nile Cavalry, Nubian Spearmen
Eastern	Armenia, Pontus, Parthia	Hillmen, Persian cavalry, Cataphracts
Barbarian	Britannia, Dacia, Gaul, Germania, Scythia, Spain	Berserkers, Woad Warriors, Naked Fanatics, Druids
African	Numidia, Carthage	Poeni Infantry

В игре «Medieval 2: Total War» также присутствует деление на культуры: *Североевропейская (Northern European)*, *Южноевропейская (Southern European)*, *Восточноевропейская (East European)*, *Средневозточная (Middle Eastern)*, *Греческая (Greek)* и *Мезоамериканская (Mesoamerican)*. Кроме того, в игре все фракции делятся на различные религии: *Католицизм (Catholicism)*, *Ислам (Islam)*, *Православие (Orthodoxy)*, *Язычество (Paganism)* и *Ересь (Heresy)*. Разные религиозные и культурные группы открывают доступ к разным уникальным боевым единицам и механикам. (Таб. 2).

Подобный тренд можно заметить не только в играх серии «Total War». Так, в игре «Age of Empires 2» все фракции делятся на Западноевропейскую (West European), Центральноевропейскую (Central European), Средневозточную (Middle Eastern), Дальневосточную (Far Eastern).

Сравнительный анализ реаликонов игр «Rome: Total War» и «Medieval 2: Total War», входящих в одну серию, позволил установить, что каждая игра имеет свой уникальный виртуальный реаликон. В игре «Medieval 2: Total War» используется лишь несколько единиц, встречающихся в первой игре, «Rome: Total War». Этот факт можно объяснить соотношением игр с условными временными континуумами, в которые их вписывают разработчики.

Номинации фракций, как и названия империй, республик, племен, домов патрициев или прочего, могут быть заимствованы из реального мира (*SPQR*), фантастического мира (*Amazons*) или создано воображением авторов компьютерной игры (*Romano-British*).

Отдельно стоит отметить так называемые мятежные фракции, отмеченные в игре как фракция *Slave*, однако в самой игре каждая такая фракция имеет свое уникальное название и культуру в зависимости от местности, в которой появилась. Например: *Cretan Rebels*, *Norse Rebels*, *Swiss Rebels*, *Island Rebels*, *Iberian Rebels*.

Религия в компьютерных играх – это механика, которая открывает доступ к юнитам, дает бонусы в зависимости от внутриигрового параметра и открывает новые возможности для игрока. Поэтому элементы мировых религий и культов можно встретить среди боевых единиц (*Druids*, *Pilgrims*, *Mutatawii*), построек (*Masjid*, *Temple of Artemis*, *Christian Basilica*) и других внутриигровых механик (*Crusade*, *Jihad*, *Catholic*, *Muslim*, *Orthodox*, *Heretic*).

В рамках отдельно взятых культур можно выделить **фракционные реалии**. Фракция объединяет под собой понятие определенной нации, а потому реалии в рамках фракции имеют особенную ярко-выраженную окраску. Например, в «Medieval 2: Total War» фракция France имеет боевые единицы *Voulgier*, *Gendarme*, *Aventurier*, в то время как фракция England имеет такие боевые единицы, как *Billmen*, *Yeoman Archers*, *Sherwood Archers*.

Реалии можно встретить среди наименований боевых единиц, построек, титулов, обращений и т.д. В «Rome: Total War» можно среди однообразных боевых единиц Варварских фракций у фракции Germania выделяются юниты *Berserkers*, у фракции Hispania выделяются *Bull Warriors*, у фракции Britannia выделяются *Woad Warriors*. Подобное можно увидеть и в других компьютерных играх. Например, в играх серии «Sid Meier's Civilization» реалии используются для разделения цивилизаций: Russia – *Cossacks*, America – *Navy Seal*, Aztecs – *Jaguars* и т.д.

В целом, на фракционном уровне можно выделить следующие группы виртуально-игровых реалий:

Таблица 2.

Реалии виртуально-игрового мира «Medieval 2: Total War».

Религия	Культура	Фракции	Реалии культуры / религии / фракции
Catholicism	Southern European, Northern European, East European	England, France, HRE, Venice, Milan, Sicily, Denmark, Poland, Hungary, Spain, Portugal	Crusade, Abbey, Cathedral, Crusaders, Pope, Teutonic Knights, Hospitaller Knights
Islam	Middle Eastern	Moors, Egypt, Turks	Jihad, Imam, Ghazi, Mutatawii, Hashashim
Orthodox	East European, Greek	Rus, Byzantium	Ikoner's Studio, Patriarch
Heresy	Зависит от региона	Rebel	Heretic, Witch
Paganism	Mesoamerican	Aztecs	Coyote Priests, Pagan High Temple

1) Боевые единицы (юниты): *Velites, Principes, Triarii, Praetorian, Equites, Ballistae, Arcani, Peltasts, Phalanx, Hoplites* и т.д.

Названия боевых единиц в компьютерных играх жанра стратегия имеют большое значение. Их используют в битвах для достижения целей игровой компании. По этой причине боевые единицы должны быть привлекательными не только визуально, но и иметь точное «цепляющее» название. В подробное описание включаются не только известные реалии (*Legion, Gladiator*), но и неизвестные или малознакомые реалии: *Hastati, Velites*.

Номинация боевой единицы может представлять собой однокомпонентную реалию или быть составной, включать этнографическую реалию, выраженную прилагательным (*Arcanii, Berserks, Equites, Balearic Slingers, Creatan Archers, Amazon Chariots*). Многокомпонентные реалии вызывают особый интерес, поскольку такие словосочетания имеют важное историческое значение. Ярким примером может послужить реалия *Balearic Slingers*. *Балеарские пращники* были известными легкими пехотинцами в армиях Карфагена и Рима. Диодор Сицилийский писал о них: «... туземцы и римляне называют их Балиаридами, поскольку жители их лучше всех на свете метают (βάλλειν) из пращи крупные камни <...>. Оружие островитян составляют три пращи, одну из которых они обматывают вокруг головы, другую – вокруг туловища, а третью держат в руках. <...> при штурме крепостных стен они поражают воинов, стоящих между зубцами, нанося им тяжелые раны, а в сражениях в поле пробивают щиты, шлемы и любой доспех. Стреляют они так метко, что почти никогда не бьют мимо цели» [5]. Таким образом, оба компонента словосочетания *balearic slingers*, функционируя в едином комплексе, несомненно, представляют собой реалии (историческую и этнографическую соответственно). Однако встречаются двухкомпонентные реалии, в которых только одна составляющая

имеет локальный колорит. Примером может послужить *Iberian Infantry*, где слово *Iberia* является реалией, обозначающей территорию Иберийского полуострова, а второй компонент – *Infantry* – обозначает пехоту, а потому не имеет ни временного, ни этнографического колорита. Понимание значения реалии не представляет затруднения для игроков, поскольку она визуализирована и имеет подробное описание (рис. 1).

2) Постройки: *Hippodrome, Circus Maximus, Scriptorium, Amphitheatre Coliseum, Curia, Forum, Latifundia, Ludus Magna, Pantheon, Bazaar* и т.д.

Постройки в стратегиях участвуют во внутриигровых механиках и подразделяются на экономические (*Bazaar, Curia*), военные (*Legionary Barracks, Hippodrome*), религиозные (*Pantheon, Temple of Jupiter*), политические (*Pro-Consul's Palace, Governor's Palace*) и развлекательные (*Circus Maximus, Coliseum*). В названиях построек также присутствуют реалии, хоть и не в таком количестве как среди боевых единиц. Например *Aqueduct*. Из *Encyclopedia Britannica*: «*Aqueduct, (from Latin aqua + ducere, "to lead water"), conduit built to convey water... The elaborate system that served the capital of the Roman Empire remains a major engineering achievement. Over a period of 500 years—from 312 BCE to 226 CE—11 aqueducts were built to bring water to Rome from as far away as 92 km (57 miles)*». [13]

Уникальные постройки связаны с фракцией, культурой или религией. Например, в «*Medieval 2: Total War*» у фракции *Spain* есть *Plaza Del Toro*, у арабских фракций – *Bismaristan*, у фракций *Rus* и *Byzantium* – *Ikoner's Studio*.

3) Чудеса света: *Colossus of Rhodes, Pharos of Alexandria, Great Pyramid and Sphinx of Giza, Mausoleum at Halicarnassus, Statue of Zeus at Olympia* и т.д.

Чудеса света формируют отдельную группу реалий,

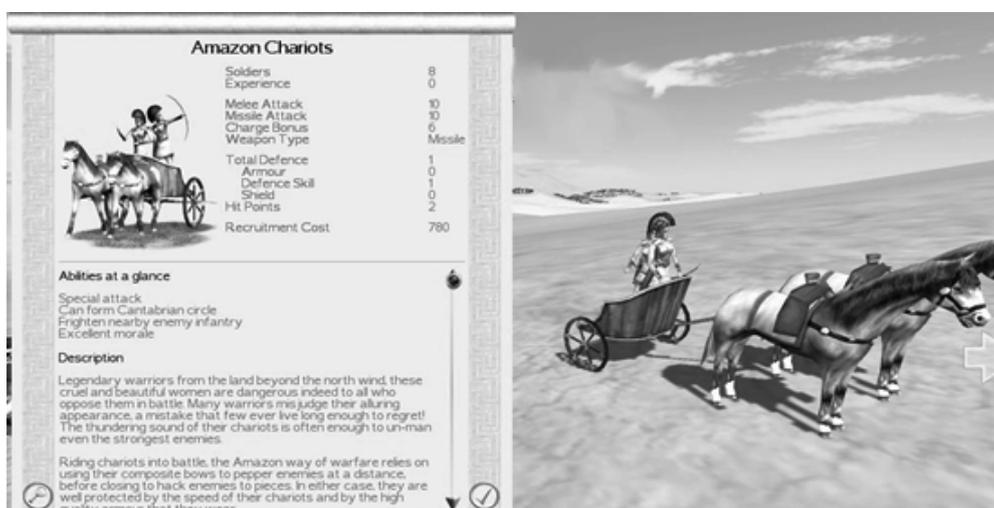

Рис. 1. Пример боевой единицы *Amazon Chariots* с описанием

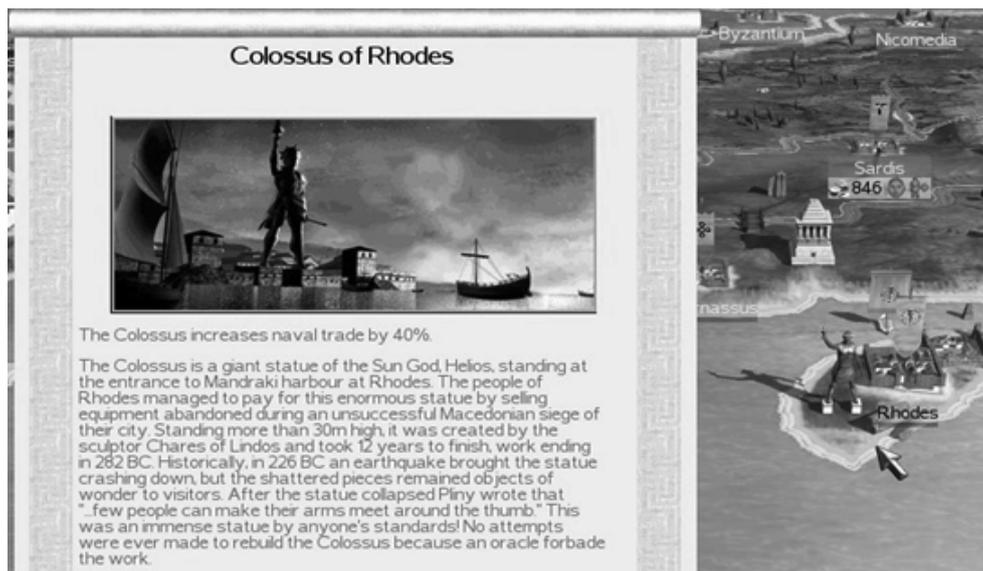

Рис. 2. Чудо света *Colossus of Rhodes* с описанием

которая соотносится с реальными чудесами света. Из *Encyclopedia Britannica*: «*Colossus of Rhodes*, colossal statue of the sun god Helios that stood in the ancient Greek city of Rhodes and was one of the *Seven Wonders of the World*.» [14] В рамках компьютерной игры они выполняют не только эстетическую функцию, но и дают полезные бонусы игрокам. Чудеса света отражены на глобальной карте при помощи трехмерной модели (см. рис. 2).

4) События и исследования: *lex aebutia*, *lex papira*, *de rerum natura*, *lex pompeia*, *de materia medica*, *trouble in judea*, *lex fufia caninia*, *Lex Adulteris Coercendis* и т.д.

События в «*Rome: Total War*» и «*Medieval 2: Total War*» имеют особое значение. Они происходят в зависимости от определенных условий: важных дат, достижений каких-либо количественных характеристик и т.д.

Разработчики игры ввели во внутриигровые тексты также реалии, не имеющие исторической основы. К ним можно отнести, например, название города *Domus Dulcis Domus* (лат. Дом, милый дом) и *Yubtseb Elephants*. С одной стороны, последняя реалия – это название-палиндром для слонов-наемников, которые появляются при введении консольной команды. С другой стороны, консольная команда *Oliphant* и размер слонов в игре является отсылкой к слонам из «Властелина Колец». Такие отсылки называются «пасхальными яйцами». В «*Medieval 2: Total War*» можно найти такие консольные команды как *vindaloo* и *madras*, которые также добавляют слонов. *Vindaloo* относится к популярному индийскому блюду, а *Madras* – к старому названию города Ченнай. Команда *houston* добавляет *Mercenary Rocket Launcher*, что создает отсылку к американскому городу Хьюстон, в котором расположен Космический центр Линдона Джонсона, центр управления и контроля за космическими полетами.

Во внутриигровых текстах в небольшом количестве присутствуют также мифологические реалии. Например, в «*Rome: Total War*» мы можем найти боевые единицы *Amazons* (рис. 2), расположенные в городе *Themyscira*. Из словаря Merriam-Webster: *amazon* - noun: 1. a member of a race of female warriors of Greek mythology. [12]

Вывод

Анализ внутриигровых текстов компьютерных игр «*Rome: Total War*» и «*Medieval 2: Total War*» позволяет заключить, что для описания выявленных реалий необходимо введение термина «виртуально-игровая реалия», под которым мы понимаем слово или словосочетание, называющее артефакты и ментефакты виртуального мира, созданного воображением разработчиков компьютерной игры. Реалии данного типа могут быть заимствованы из реального и фантастического миров (в этом случае они переосмысляются, часто наделяются новыми значениями) или изобретаются разработчиком для описания внутриигрового объекта или понятия. Виртуально-игровые реалии объединяются в виртуально-игровой реаликон – совокупность реалий, функционирующих как единый интенционально-эстетический комплекс, необходимый для изображения виртуальной действительности, создания локального, темпорального и социально-культурного колорита компьютерной игры.

Виртуально-игровой реаликон может быть описан на трех уровнях: игровом, сверхфракционном и фракционном. Реаликон собственно игрового уровня – это совокупность реалий, функционирующих в виртуальном мире одной игры и имеющих соответствующий локальный, темпоральный и (или) этнический колорит. Реалии сверхфракционного уровня – артефакты и ментефакты

локального, этнического и религиозного характера, значимые для конкретной культуры / религии / фракции. На фракционном уровне выделяются множество со-

цио-культурных реалий, распределяющихся по четырем группам: боевые единицы (юниты), постройки, чудеса света, события и исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева, Е.В. Замятинский текст как лингвокультурный феномен // Вестник ННГУ. 2011. No 6–2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zamyatinskiy-tekst-kak-lingvokulturnyy-fenomen>. – 18.01.2021
2. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
3. Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: «Р. Валент», 2006. – 448 с.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с
5. Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека). М., Лабиринт, 2000
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
7. Кретов А.А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-teoriya-realii> (дата обращения: 10.03.2023)
8. Розенталь Д.Э. и Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1976. 543 с.
9. Россия: большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 736 с
10. Фененко Н.А., Бурякова С.Ю. Художественный реалитон как категория переводоведения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – №. 2. – С. 39-50.
11. Черникова, Г.О. О некоторых особенностях философской проблематики романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» [Текст] / Г.О. Черникова. – Analele Univ. din Timișoara. Ser. sti. filol. Timișoara, 1971.– Vol. 9. – P. 213–229.
12. Amazon. Merriam-Webster.com Dictionary, Merriam-Webster, [электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/amazon> (дата обращения 12.03.2023)
13. Britannica, The Editors of Encyclopaedia. «aqueduct». Encyclopedia Britannica, [электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/technology/aqueduct-engineering> (дата обращения 10.01.2023).
14. Britannica, The Editors of Encyclopaedia. «Colossus of Rhodes». Encyclopedia Britannica, [электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/Colossus-of-Rhodes> (дата обращения 12.03.2023).

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

15. Rome: Total War / The Creative Assembly, Activision, Sega, Feral Interactive, 2004. - Компьютерная игра: официальный сайт - <https://www.totalwar.com/>
16. Rome: Total War - Barbarian Invasion / The Creative Assembly, Sega, Feral Interactive, 2005. - Компьютерная игра: официальный сайт - <https://www.totalwar.com/>
17. Rome: Total War - Alexander / The Creative Assembly, Sega, Feral Interactive, 2006. - Компьютерная игра: официальный сайт - <https://www.totalwar.com/>
18. Medieval II: Total War. / The Creative Assembly, Sega, Feral Interactive, 2006. - Компьютерная игра: официальный сайт - <https://www.totalwar.com/>
19. Medieval II: Total War: Kingdoms. / The Creative Assembly, Sega, 2007. - Компьютерная игра: официальный сайт - <https://www.totalwar.com/>

© Солопий Дмитрий Константинович (solopij_dk@surgu.ru), Богоявленская Юлия Валерьевна (jvbog@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЮЗ «ВСЕ РАВНО КАК» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ху Сяюсюй

аспирант, Дальневосточный федеральный университет
hu_xiaoxu@mail.ruCONJUNCTION "VSE RAVNO KAK"
IN THE LEXICOGRAPHIC ASPECT

Hu Xiaoxu

Summary: The article examines the issue of lexicographic description of service words, special attention is paid to the study of the interpretation of the union, all the same as in the dictionaries of the Russian language. Methods of analysis of scientific literature on the problem under study, structural analysis of dictionary entries, comparison, generalization, synthesis are used. As a result of the analysis of the current state of the dictionary description of the union, it is the same as in the Explanatory Dictionaries of the Russian Language, in many publications there is a lack of interpretation of this union. On the other hand, the available dictionary entries do not fully reflect all the necessary information about the union anyway. At the end of the article, the need to develop a complete lexicographic description of the union is noted, regardless of the methodological approach proposed by representatives of the Far Eastern syntactic school.

Keywords: conjunction, vse ravno kak, lexicography, dictionary description, lexicographic description of conjunction, Far Eastern syntactic school.

Аннотация: В статье изучается вопрос лексикографического описания служебных слов, особое внимание уделено изучению толкования союза *все равно как* в словарях русского языка. Используются методы анализа научной литературы по изучаемой проблеме, структурного анализа словарных статей, сравнения, обобщения, синтеза. В результате анализа текущего состояния словарного описания союза *все равно как* в Толковых словарях русского языка, во многих изданиях обнаружено отсутствие толкования данного союза. С другой стороны, имеющиеся словарные статьи не в полной мере отражают всю необходимую информацию о союзе *все равно как*. В заключении статьи отмечена необходимость разработки полного лексикографического описания союза *все равно как* с учетом методического подхода, предложенного представителями Дальневосточной синтаксической школы.

Ключевые слова: союз, все равно как, лексикография, словарное описание, лексикографическое описание союзов, Дальневосточная синтаксическая школа.

Служебные слова – один ведущих элементов языка, как языковая единица формирующий высказывание, а также обеспечивающий необходимый уровень коммуникативности и прагматичности [10, с. 8]. Традиционно данные единицы остаются на периферии исследовательских интересов, а поэтому в настоящее время в языкознании многие их аспекты изучены недостаточно глубоко.

В современной лексикографии продолжает оставаться актуальной проблема лексикографического описания служебных слов, включая союзы. При этом не вызывает сомнения, что союзы выступают в качестве полноправного объекта лексикографического описания. Как существительные, глаголы, прилагательные и иные лексические единицы, они являются такими же автономными единицами толковых словарей.

В настоящее время во многих словарях представлена в основном интерпретация производных служебных слов, в то время как большинство производных и составных союзов вовсе не содержатся или их лексикографическое описание не отражает особенностей современного состояния языка [5]. Многие союзы до сих пор не представлены в словарях, а уже представленные в своем словарном описании не дают пользователю достаточно

полный объем информации, который бы позволил удовлетворить все необходимые потребности, в том числе в изучении русского языка. Все это обусловило актуальность темы статьи.

Цель статьи – изучить особенности лексикографического описания союза *все равно как*. В соответствии с целью, в работе представляется необходимым изучить состояние описания союза *все равно как* в русскоязычных толковых словарях, а также предложить рекомендации по лексикографическому описанию данного союза.

Вопрос описания союзов в толковых словарях привлекает внимание все более широкого круга исследователей. Среди них можно выделить две группы авторов. Первая занимается изучением общих вопросов лексикографического описания служебных слов (М.В. Всеволодова, Ю.И. Леденева, Е.А. Стародумова, Е.Т. Черкасова, Д.Н. Шмелев, А.С. Цой). В их работах исследуются проблемы теории служебных слов, особенности их лексикографического описания. Вторая группа авторов изучает проблемы представления только союзов в толковых словарях (Т.Н. Пермьякова, И.В. Ковтуненко, Ван Инъин, А.Ф. Пряткина и другие). В работе Т.Н. Пермьяковой изучены принципы лексикографического описания союзной скрепы *коль скоро* и сделан вывод о необхо-

димости применения словоцентрического подхода при описании незнаменательного слова, который сводится к использованию описательного компонентного способа в качестве основного, в то время как синонимический способ должен быть дополнительным, отражения в словарной статье сочетания союза и коррелятов, а также рациональности включения прагматической информации [5]. Ван Инъин в своей диссертации изучает лексикографическое описание союза *да и*, при этом свое исследование она строит на методологическом подходе Дальневосточной синтаксической школы, который сводится к разноаспектному описанию служебных слов [2]. О.И. Ткачева в своей статье подробно описывает подход к лексикографическому описанию служебных частей речи на основе принципа системности [8]. Отдельно отметим введение к словарю А.Ф. Пряткиной, в которой подробно раскрываются особенности лексикографического описания союзов и описывается методический подход Дальневосточной синтаксической школы.

Методология исследования основывается на принципах комплексности и междисциплинарности. Методы исследования включают компонентный анализ лексикографического описания союза *все равно как* в современных толковых словарях, сравнительный анализ структуры словарных статей служебных слов в словарях, синтез, обобщение.

Анализ толковых словарей русского языка позволил обнаружить отсутствие самостоятельного толкования союза *все равно как* во многих словарях. Исключением является лишь словарь Т.Ф. Ефремовой. В нем словарное описание содержит вокабулу, произношение, значение в описательной форме, стилистическую помету: «всё равно как союз разг. 1. Употребляется при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения со значением достоверного сравнения или уподобления, соответствуя по значению сл.: словно, как будто. 2. Употребляется при выражении сравнения, сопоставления» [9].

В Малом академическом словаре А.П. Евгеньевой (здесь встречается отдельное толкование союзов *все, как*, а также в словарной статье весь среди толкования возможных словосочетаний представлено сочетание *всё равно*, одним из значений которого является (с союзами „что“, „как“) выражает усиление сравнения с кем-, чем-л. — *Кружок — все равно как школа, там все* [4]. Отдельно для *всё равно* дается значение «несмотря ни на что», которое на наш взгляд ближе к семантике изучаемого союза *всё равно как*.

В Большом академическом словаре толкование союза *всё равно как* дается в рамках словарной статьи *весь*,

при этом указывается лишь значение слова, иллюстрация его использования: «**Всё равно что, как.** Как если бы, словно бы. *Оставаться дома Александра Васильевна после всего случившегося не могла ни в коем случае: она все равно что умерла для этого дома.* Мам.-Сиб. Соломен. Девочка» [1].

Отсутствует толкование союза *всё равно как* в словарях С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова. Не было обнаружено толкования союза *всё равно как* и в Словаре служебных слова русского языка [7].

Следовательно, современное состояние лексикографического описания союза *всё равно как* в словарях русского языка позволило обнаружить, что очень редко данный союз имеет самостоятельную словарную статью. В тех словарях, где все же представлена таковая статья, ее структура достаточно лаконична, но не раскрывает множественных аспектов этого служебного слова, не представляет прагматическую информацию. Информация о союзе представлена в словарях достаточно фрагментировано и в крайней степени сжато, что негативно влияет на качество словарного описания.

Изучая лексикографический аспект союза *все равно как*, прежде всего отметим, что цель любого словаря – толкование слова, которое сводится к раскрытию его значения. При этом, достигая данную цель составители словарей могут разными способами, что обуславливает различия в формах и внутреннем содержании словарных статей. Это подтверждается выводами анализа описания союза *все равно как* в толковых словарях.

При составлении словарной статьи союза *все равно как* основная информация может быть представлена по-разному – в зависимости от типа словаря, для которого составляется данная статья, исходя из потребностей пользователей словарей и также по другим причинам. Тем не менее, при определении структуры словарной статьи союза *все равно как* важно придерживаться общих принципов описания служебных слов и учитывать проблемы, существующие в лексикографии союзов.

Среди основных проблем, существующих в описании союзов в современных словарях, И.В. Ковтуненко выделяет неполное раскрытие или вовсе отсутствие интерпретации особенностей функционирования союзов [3, с. 122]. По мнению И.О. Ткачевой при лексикографическом описании служебных слов исследователь сталкивается с проблемами определения частеречной принадлежности и определения, какие служебные слова могут выступать в качестве целостного союза, являясь эквивалентом слова, а какие нельзя отнести к таковым [8, с. 158].

Соглашаясь с мнением Е.А. Стародумовой, А.Ф. Прияткиной и других авторов «Словаря служебных слов русского языка», мы также отмечаем невозможность единого стандарта в отношении описания разных типов служебных слов [6, с. 6]. В связи с этим, создавая словарную статью для союза *все равно как* крайне важно учитывать особенности типа служебной частицы и в рамках словарной статьи отразить ту информацию о союзе, которая была бы наиболее полезна для пользователя словаря и в максимальной степени полно раскрывала сущность союза.

Обращаясь к вопросу о методике лексикографического описания служебных слов, следует отметить подход, представленный Дальневосточной синтаксической школой [7]. На наш взгляд, подход, который предложил коллектив исследователей отличается особой полнотой изложения, раскрывает всю необходимую информацию о союзе, устраняет все пробелы и проблемы, которые традиционно отмечаются исследователями лексикографии служебных слов.

Союз – это особое служебное слово, он выполняет функцию выражения отношений частей предложения и способствует образованию единой конструкции из отдельных компонентов. Исходя из функций союзов, А.Ф. Прияткина указывает на необходимость представления в словарной статье о союзе информации о семантике и синтаксисе [7, с. 135]. В частности, семантика союза сводится к определению типа смысловых отношений компонентов конструкции, частью которой является союз. Синтаксис же определяется необходимостью описания специфики компонентов, являющихся частями союзного целого, и определяющих семантику союза. В словарной статье должны быть отражены возможности союзов, учитывающие их синтаксис и конструктивные особенности.

В монографии «Служебные слова в лексикографическом аспекте» структура словарной статьи союзов определяется следующими параметрами:

- вокабула, произношение, которое представлено в транскрипции;
- значение;
- типы употребления, учитывающие основные значения и функции союза, где примеры представлены двух видов – примеры-модели или речения и реальные факты (прагматический аспект);
- омонимы – функционально отличные от союза наречия, частицы и другие слова с примерами их употребления;
- состав союза (одноэлементный / двухэлементный / многоэлементный), постоянность / варьируемость порядка следования элементов;
- отнесенность союза к разряду сочинительных или

подчинительных;

- указание семантической группы союза;
- значение союза в описательной форме, с отсутствием специальной терминологической лексики;
- синтаксические свойства союза, а также конструктивные возможности союза, конкретно указывается в каких типах конструкций возможно употребление союза;
- раздел текст, в котором указываются возможные варианты участия определяемого союза в организации текста;
- синонимия – возможные синонимы союза;
- фразеология – вхождение описываемого союза в состав фразеологизмов и устойчивых выражений, а также снабжение соответствующими примерами употребления;
- стилистические возможности – раскрытие стилистической характеристики союза;
- норма употребления союза в предложениях русского языка;
- иллюстрации включают примеры употребления союза в текстах разных стилей, при этом употребления представляются в упорядоченном виде по таким принципам, как семантические различия, синтаксические условия, типы конструкций, стилистические различия.

Подобная структура словарной статьи, на наш взгляд, представляется определено полной, поскольку учитывает все необходимые для словарного описания союза аспекты. В их числе фонетическая, лексическая, грамматическая и синтаксическая информация, сведения о стилистике, функционировании в составе устойчивых единиц. Иллюстрации в словарной статье позволяют более подробно раскрыть аспекты функционирования союза в русском языке. В целом, можно сделать вывод, что применение этого методического подхода к составлению лексикографического описания союза *все равно как* представляется определено перспективным и позволило бы устранить проблемы отсутствия полного толкования союза *все равно как* в современных словарях русского языка.

Таким образом, вопросы лексикографического описания служебных слов русского языка продолжают оставаться актуальными. В рамках настоящей статьи автор предпринял попытку анализа словарного описания союза в современных толковых словарях на примере *все равно как*. В результате было обнаружено, что союз *все равно как* вошел в лексический корпус не всех словарных изданий. Также выявлено, что имеющиеся в некоторых толковых словарях описания данного союза характеризуются крайней степенью сжатости и лаконичности и не в полном объеме раскрывают сущностные аспекты данного союза, включая функциональный (прагматиче-

ский) аспект, вопросы омонимии и синонимии, фразеологии и другие.

Изучив подходы к описанию служебных слов в словарях, автор обнаружил, что наиболее полное описание союзов предлагает словарь, составленный учеными Дальневосточной синтаксической школы. Проведя подробный анализ, автор выявил, что данный подход

предполагает многокомпонентное описание союза, учитывающее различные параметры, в том числе фонетические, лексические, синтаксические, фразеологические, функциональные, прагматические. Представляется перспективным использование подхода Дальневосточной синтаксической школы для составления лексикографического описания союза *все равно как*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка. Том 2. Благо—Внять [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iling.spb.ru/publications/352> (дата обращения: 17.03.2023).
2. Ван Инъинь. Союз ДА И в лексикографическом аспекте: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. фил. наук: 10.02.01 / Ван Инъинь. – Владивосток, 2019. – 25 с.
3. Ковтуненко И.В. Описание синтаксической семантики союза «и» в словарях и специальных научных исследованиях русского и французского языков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №3 (105). С. 117-123.
4. Малый академический словарь А.П. Евгеньевой (МАС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/mas/v/весь> (дата обращения: 17.03.2023).
5. Пермьякова Т.Н. Принципы описания союзов и союзных скреп в отечественной лексикографии (на примере союзной скрепы *коль скоро*) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №3 (45). С. 260-263.
6. Словарь служебных слов русского языка / А.Ф. Прияткина и др. Отв. ред.: Е.А. Стародумова. Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
7. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс]: монография / Е.А. Стародумова и др.; [отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, П.М. Тюрин]. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – Режим доступа: <https://disk.yandex.ru/i/cB5KS7aM3JYdJS> (дата обращения: 20.03.2023).
8. Ткачева И.О. Системное описание союзов в толковом словаре: основные проблемы и пути их решения // Вопр. лексикографии. 2020. №18. С. 150-166.
9. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 16.03.2023).
10. Цой А.С. Лексикография русских служебных слов: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. фил. наук: 10.02.01 / Александр Сергеевич Цой. – Москва, 2008. – 34 с.

© Ху Сююсю (hu_xiaoxu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

МОНГОЛЬСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Цыбенкова Ольга Аюровна

канд. фил. наук, доцент, Литературный институт им.
А.М. Горького, г. Москва, Россия,
tabu_olga@mail.ru

THE MONGOLIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AND CERTAIN DIFFICULTIES IN TRANSLATING A SOCIO-POLITICAL TEXT

O. Tsybenova

Summary: The article is devoted to the translation problems that are associated with the peculiarities of the Mongolian language picture of the world. The purpose of the study is to analyse the main problems of interpreting the linguistic picture of the Mongols' world, to present ways and means of their translation into the Russian language. To achieve this purpose, we used the following research methods: comparative, distributive analysis, analysis of dictionary definitions. The research results presented in the article show that during transmission of the Mongolian language picture of the world, a translator faces such difficulties as mismatch of the pictures of the world of the source and target languages, the discrepancy of the differentiation of semantics and the specificity of the meaning of the lexical units, the lack of information about any aspects of an event in the source language, which causes certain ambiguity. For an adequate translation, a translator, as a mediator of intercultural communication, must penetrate deeply into another national world, national way of thinking and consciousness, understand clearly the differences in their own and others' linguistic picture of the world.

Keywords: linguistic picture of the world, euphemisms, national-specific realities, phraseological units.

Статья посвящена проблеме перевода, которая связана с особенностями монгольской языковой картины мира. Актуальность исследования объясняется, во-первых, необходимостью фундаментальных исследований по теории и практике перевода с монгольского языка на русский. Во-вторых, в обстановке текущего противостояния России и Запада, руководство страны проводит курс переориентации на Восток, в том числе и на Монголию. Для плодотворного налаживания взаимоотношений и сотрудничества с Монголией требуются квалифицированные специалисты, в том числе и переводчики с монгольского языка на русский.

Цель исследования – проанализировать основные проблемы интерпретации языковой картины мира монголов, представить способы и пути их перевода на

Аннотация: Статья посвящена проблеме перевода, которая связана с особенностями монгольской языковой картины мира. Цель исследования – проанализировать основные проблемы интерпретации языковой картины мира монголов, представить способы и пути их перевода на русский язык. Для достижения поставленной цели нами были следующие методы исследования: сопоставительный, дистрибутивный анализ, анализ словарных дефиниций. Результаты исследования показывают, что при передаче монгольской языковой картины мира переводчик сталкивается с такими трудностями, как несовпадение картин мира исходного и переводимого языков, несоответствие и противоречие значений слов, отсутствие или нехватка информации о некоторых нюансах событий, происходящих в языке оригинала, вызывающие некоторые недопустимые неточности и двусмысленность. Для адекватного перевода переводчик, как посредник межкультурной коммуникации, должен глубоко проникнуть в другой национальный мир, национальное мышление и сознание, четко понимать различия в своей и чужой языковой картине мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, эвфемизмы, национально-специфические реалии, фразеологизмы.

русский язык. Объектом исследования является общественно-политические статьи на монгольском языке и их переводы на русский язык. Для достижения поставленной цели нами были использованы следующие методы исследования: сопоставительный, дистрибутивный анализ, анализ словарных дефиниций.

Результаты исследования показывают, что при передаче монгольской языковой картины мира переводчик сталкивается с такими трудностями:

1. несовпадение картин мира исходного и переводимого языков;
2. несовпадение дифференциации семантики и специфичность значения лексических единиц,
3. отсутствие информации о каких-либо аспектах событий, происходящих в языке оригинала, порождающее некоторую неясность.

Для адекватного перевода переводчик, как посредник межкультурной коммуникации, должен глубоко проникнуть в другой национальный мир, национальное мышление и сознание, четко понимать различия в своей и чужой языковой картине мира.

Теоретическая значимость нашего исследования заключается в том, что оно вносит вклад в изучение проблем теории и практики перевода с монгольского языка на русский язык, лингвокультурологии. Практическая ценность состоит в том, что результаты исследования можно использовать как базу для дальнейших исследований, при написании учебных пособий, учебников по современному монгольскому языку, страноведению, по теории и практике перевода. Результатами исследования могут воспользоваться переводчики в своей профессиональной деятельности и студенты, изучающий монгольский язык.

Несмотря на то, что в настоящее время в отечественной лингвистике очень много различных методов изучения языковой картины мира (ЯКМ), но нет общепринятого определения этому термину. Опираясь на существующие точки зрения и определения [1, 4, 6, 7, 8], попробуем резюмировать все определения и дать свое определение. Языковая картина мира – лексические единицы, отражающие весь накопленный общественно-исторический опыт, знание, систему взглядов определенного этноса об окружающем мире, образующие национальные образы, систему концептов языка.

Язык, являясь универсальным инструментом изображения действительности, фиксирует и передает представление о мире, о языковой картине мира. О.А. Корнилов утверждает, что «любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что для нас особенно важно, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Такое универсальное, глобальное знание – результат работы коллективного сознания – зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе. Но существуют разные виды человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания» [4, С.4].

Языковая картина мира представляет интерес не только для лингвистов, но и для переводчиков. Но в отличие от лингвистов, переводчики должны приобщиться концептуальной системе чужого лингвосоциума, «постоянно вынуждены находиться (ощущать себя) в измерениях двух различных социокультурных общностей»

[2, С.58]. Переводчики, перенося текст и замысел автора на иностранный язык, должны правильно передать читателям понятия чужой культуры и стереотипы коммуникативного поведения ее носителей.

Так, например, монгольский глагол *тойглох* имеет два значения:

1. придавливать коленом;
2. уговаривать овцу принять ягнёнка, не подпускаемого ею.

Важно отметить, что феномены инокультуры могут пониматься и трактоваться по-разному. Монголы как скотоводческий народ выработали множество терминов по уходу за скотом. Глагол *тойглох* применяется тогда, когда некая верблюдица или овца после окота отказывается подпускать к себе для подсоса своего детеныша, и тогда чабан действительно начинает петь ей жалостливые песни, постепенно начинают слезы капать из глаз животного, и он принимает своего верблюжонка или ягненка. Переводчик, зная такие подробности жизни монгольского скотовода, сможет в полной мере оценить острое перо журналиста.

Цаашдын үйл явц нь харин яаж өрнөх бол. ЗХУ хүчирхэг байх үед тэд Европыг тойглож байсан бол одоо БНХАУ-ыг хазаарлахын тулд ОХУ-ыг тойглох нь [10] – Как будет развиваться дальнейший процесс? Когда Советский Союз был сильным, они **обхаживали** Европу, а теперь обхаживают Россию, чтобы сдержать Китай.

Ерөнхийлөгч У.Хүрэлсүх тангараг өргөхтэй зэрэгцээд эрх баригч МАН дотор дараагийн Элчин сайдад горилогчид ч экс намын даргаа тойглох болжээ [11] – После принесения президентом У.Хурэлсухом присяги кандидаты на должность послов из состава правящей МНП начали **подбиваться** к экс-лидеру своей партии.

Магадгүй түүний хувьд Ц.Элбэгдоржийг шүүхэд өгсөн нь ч тойглох аргын нь нэг байж мэдэх юм [12] – Возможно, для него подать в суд на Ц.Элбэгдоржа – один из способов **давления** на него.

Надад аавыгаа асарч тойглох боломж байгаагүй, бас би аавдаа баяртай ч гэж хэлж чадаагүй [13] – У меня не было возможности **позаботиться** о своем отце, и я даже не успел с ним попрощаться.

На примере этих предложений, видно, что при переводе предложений с монгольского языка на русский язык надо учитывать не только денотативное значение слова, но и коннотативное значение. Так, в 1-м предложении автор статьи «Дональд Трамп и конец мирового порядка» использует положительный оценочный компонент коннотативного значения глагола *тойглох* – заискивать, обхаживать Журналист, рассуждая о возможных измене-

ниях во внешней политике США с избранием Дональда Трампа на пост президента, допускает сближение Америки с Россией для противостояния Китаю. Во 2-м предложении автор статьи «Послы, которые будут отозваны в этом году с истечением их срока полномочий» с критикой и иронией сообщает читателю кандидатуры на пост послов и использует отрицательный оценочный компонент глагола *тойглох* – подбиваться.

В монгольском языке огромное количество эвфемизмов. В частности, нейтральное слово *үхэх* «умереть» можно заменить следующими эвфемизмами: *мөнхжих* «увекочиться», *нөгчих* «скончаться, почить», *нас барах* «скончаться», *эгэх* и *эчих* «уйти», *таалал барих* «обрести покой», *наран болох* «стать солнцем», *од болох* «стать звездой», *тэнгэр болох* «стать небом», *бурхан болох* «стать бурханом», *сайн төрлөө олох* «найти лучшее перерождение», *мордох* «отправляться в путь», *бурхандаа явах* «уйти к бурхану», *хад гэртээ очих* «уйти к скальному дому» и др. [9, С.156]. Следует отметить, что использование этих эвфемистических замен вместо табуированного *үхэх* «умереть» зависит от социального положения того, к кому они относятся, возраста объекта, о котором идет речь, и отношения к нему говорящего. Например, в монгольском языке *таалал болох* «достичь желания», *амьсгал хураах* «лишиться дыхания», *агсрах* «уволиться, уйти в отставку» и т.д. использовались для передачи понятия о высокопоставленных лиц, государственных чиновников, общественных деятелей. О кончине ламы (буддийского священника) в монгольском языке принято было говорить *таалал төгсөх*, *наран болох* «стать солнцем», *тэнгэр болох* «стать небом», *бурхан болох* «стать богом», в отношении пожилых людей и близких – *нас барах* «завершить годы», *мордох* «отправиться (на коне)», *нүд аних* «закрыть глаза» и т.д. И, наоборот, монголы не использовали табуирование, или употребляли пренебрежительные, грубые эвфемизмы, если речь шла о кончине животных, незнакомых людей и, естественно, врагов. Например: *мажийх* «сдохнуть», *гүзээ шороодох* «замарать живот (брюхо) земли, т.е. «отдать концы».

Например, *Ж.Оджаргал юуны учир ингэж цочирдон сандрав, С.Баярцогт юу хэлчихсэн болоод Монголын тэргүүн баян мажийх дөхсөн бэ хэмээн судалтал С.Баярцогт нь АТГ-ын мөрдөгчдөд өгсөн мэдүүлэгтээ «Би MCS-ийн захирал Ж.Оджаргалын Зайсан толгойн хажууд барьсан өндөр зэрэглэлийн «Белла Виста» орон сууцнаас нэг байр болон «АСЕМ вилла» хотхоноос нэг байшин бэлгэнд авсан нь үнэн* [14] - Почему Ж.Оджаргал так запаниковал? Все думали и размышляли, что же такое сказал С.Баярцогт, что самый богатый человек Монголии едва **не скончался**?! А в это время С. Баярцогт в своем заявлении следователям Управления по борьбе с коррупцией сообщил о **получении подарка** от директора «MCS» Ж.Оджаргал одну квартиру в элитном доме «Белла Виста» и один дом в городке «АСЕМ вилла».

В этом предложении кроме эвфемизма *мажийх* (вместо умереть) есть эвфемизм *бэлэг авсан* (вместо получил взятку), который ослабляя резкость выражения *мажийх*, сообщает завуалированно о случаи получении взятки министром финансов С. Баярцогтом.

В монгольском языке в начале 2000-х годов появилась общественно-политический термин *давхар дээл* (дословно двойная одежда), обозначающий чиновника, занимающего две высшие государственные должности. В частности, члены монгольского парламента назначаются членами правительства с сохранением должности и зарплаты члена Великого Государственного Хурала (ВГХ). В обществе это явление вызывает недовольство, возмущение народа, не раз этот вопрос поднимался и на заседаниях ВГХ, и на уровне правительства.

По указанным выше причинам, случаи совместительства двух государственных должностей стало нежелательным и неприятным явлением в современном монгольском обществе, поэтому в СМИ встречается много статей на эту проблему. В основном эти статьи имеют отрицательную коннотацию, которую можно понять по названиям статей. Например: «*Давхар дээл*»-*тэй дараагийн сайд хэн бэ?*, «*Давхар дээл*»-*ээсээ салвал гишүүд «даарна», «Давхар дээл»-гүй бол сайн, өмсвөл бүр сайн, Дандаа асуудал гаргадаг «давхар дээл»* [15-18]. Перед переводчиком встает вопрос, как перевести это термин? Дословно, как двойная одежда, оставить термин на монгольском языке и дать пояснение или дать смысловой перевод? При переводе вышеуказанных названий статей можно применить все эти способы. Например, «Кто будет следующим министром в двойном дэли?», «Члены ВГХ замерзнут без «двойной одежды», «Хорошо без «двойного дэли», а в нем – еще лучше», «Будоражающий всех вопрос о совместении должностей».

Таким образом, отсутствие или недостаточность информации о некоторых нюансах событий, происходящих в языке оригинала, вызывает недопустимые неточности, двусмысленность при переводе текстов на русский язык.

Большую трудность для перевода представляют национальные реалии, характерные для одного народа, но несвойственные другой нации, не имеющие полных эквивалентов в другом языке. К примеру, концепт *овоо* буквально означает кучу, груды камней или каменную насыпь, которая обычно сооружалась на месте отправления религиозного обряда, посвященного «хозяину» местности или другому божеству (духу умершего шамана, могущественному предку какого-нибудь рода или другой этнической группы, мифологическому персонажу и т.д. Этот древний обычай был широко распространен среди всех народов Центральной Азии (монголов, тибетцев, тюрков и др.) [3, С.4]. Поэтому при работе с текстами на темы культуры, религии переводчики обя-

зательно должны искать функциональный эквивалент данному слову, *овоо* не переводили бы как **груда камней**, а переводили сочетанием **священные высоты** или же **жертвенники**, т.е. давая такой смысловой перевод, переводчик должен постараться передать читателю национальный колорит.

В монгольском языке есть очень много слов, подчеркивающих характерные особенности окружающей среды, быт и вид хозяйства, традиции, характерные только для монголов. Например, слово монгольское слово *зуд* означает голод и бескормицу у животных и людей, вызванный из-за природных явлений. В зависимости от этих природных явлений зуд может быть *цагаан зуд* (белый зуд – бескормица, вызванная, обильным снегопадом, из-за которого животные не могут достать корм через снежный покров), *хар зуд* (черный зуд – голод, вызванный из-за нехватки питьевой воды холодной бесснежной зимой), *зуд туурай* (голод из-за чрезмерно быстрого увеличения поголовья скота и нехватки пастбищ), *ган зуд* (голод из-за засухи). В данном случае монгольский термин зуд транскрибируется на русский язык как зуд или дзуд, но сопровождается пояснением в сносках или самом тексте: *Тус хүрэлэнгээс мэдээлснээр бол өдгөө найман аймгийн 13 сумд цагаан зуд болж байна* – По информации комитета сейчас в 13 сомонах восьми аймаков наблюдается **белый зуд** (бескормица, вызванная, обильным снегопадом, из-за которого животные не могут достать корм через снежный покров).

Для перевода реалий языка используется чаще всего слово, обозначающее что-либо близкое к иноязычной реалии: *хийд* – буддийский монастырь, *Цагаан сар* – Новый год (по лунному календарю), *лама* – буддийский монах. При уподобляющем переводе реалий языка подбираются функциональные эквиваленты, не имеющие в языке перевода точных соответствий или развернутые словосочетания, которые частично раскрывают национальный колорит: *ээзгий* – сушеный творог (творог, который сушился в естественных условиях на солнце и на ветру), *сармидаг* – летний сухой помёт.

При передаче ономастических реалий монгольского языка на русский язык чаще всего используется транслитерация. Алфавит современного монгольского языка основан на кириллице, поэтому транслитерация происходит практически в «чистом» виде. Специфические гласные звуки монгольского языка *ү* и *ө* передаются на русский язык буквами **у** и **о**, иногда долгие гласные – краткими гласными, но под ударением. Например: *Ухнаагийн Хүрэлсүх* – Ухнаагийн Хурэлсүх (имя президента Монголии), *Чингис хаан* – Чингис-хан, *Улаан* – Баатар – Улан-Батор.

Монгольский язык богат фразеологизмами. Фразеологизмы, являясь неотъемлемой частью языка, наи-

более глубоко позволяют прочувствовать особенности, национальное сознание и культуру народа. Фразеологизмы, раскрывая и передавая из поколения в поколение культурные и нравственные ценности, особенности национального характера, позволяют глубоко проникнуть в самобытность народа и имеют важное значение в создании языковой картины мира.

При переводе фразеологизмов переводчики также могут столкнуться с трудностями, вызванными из-за значительных различий монгольской и русской культуры. Здесь снова нужно подчеркнуть, что переводчик должен обладать специальными знаниями в области истории, культуры, географии народа, которому принадлежит переводимый язык.

При переводе монгольских фразеологизмов используются разные приемы перевода:

1. находят адекватные к ним фразеологизмы и другие устойчивые выражения русского языка. Так, например, на вопрос журналиста о предложении внести поправку в Конституцию, чтобы увеличить число депутатов парламента до 99 (вместо 76), бывший префект Восточного аймака Л. Сухбатор ответил: «76-ийн гайг дарж чадаагүй байхад 99 мангас амилбал монголчууд харин нэг хэсэг **өөд нар харахгүй шүү**» – Не смогли подавить зло от 76. Если оживут 99 монстров, то часть монголов не **увидит белого света**. [19].
2. дают дословный перевод и добавляют добавляю к оригиналу слова, поясняющие смысл идиомы. Например, *Одоогоор Украин золиос болж энэ улсын тусгаар тогтнол будаа болж байна* [20] – Украина на данный момент стала заложником, её независимость **превращается в кашу, стирается в пыль**. В «Большом толковом словаре монгольского языка» есть два значения фразеологизма *будаа болж* [24]: 1. Разрушить, сломать что-либо; 2. Благополучно закончить начатое дело, достичь желаемого. При переводе данного предложения монгольский фразеологизм переводим дословно превращаться в кашу, корректно будет пояснить фразеологизм словосочетанием **стирается в пыль**.
3. дают смысловой перевод.

В монгольском языке есть фразеологизм *гаднаа гяланцаг, дотроо паланцаг* (снаружи глянec, внутри грязь). Используя этот фразеологизм, журналисты метко и остро затрагивают злободневные общественные темы, в монгольской периодике за последние 20 лет много статей, в названиях которых используется этот фразеологизм. Например, «*Гаднаа гяланцаг, дотроо паланцаг*»-ын үлгэр буюу Монгол амьдрал» [21] – Сказка о вороне в павлиньих перьях или монгольская жизнь), «*Монгол Улс гаднаа гяланцаг, дотроо паланцаг болчихжээ*» [22] – В

Монголии снаружи все хорошо, а внутри все плохо стало», «Гаднаа гяланцаг, дотроо паланцаг зочид буудлын үнэ» [23] – «Цены в отелях, где снаружи – лоск, а внутри – грязь». По названию статей можно понять, какие острые вопросы поднимают журналисты в своих статьях: нелегкая жизнь простых монголов во время кризиса, о бюрократии и коррупции и т.д. В зависимости от контекста статьи, переводчик дает смысловой перевод названия статьи.

Подводя итог всему выше сказанному, можно заключить, что языковая картина мира монголов представляет собой своеобразную «монокультурную» систему, отражающую особенности народного быта, среды проживания, обычаев, культуры, мышления, сложившуюся в результате тысячелетнего развития, с помощью различных языковых средств, слов и выражений с национальным колоритом, т.е. национально-специфические реалии, фразеологизмов, эвфемизмов и т.д. Но знание одного лексического фонда и грамматики иностранного языка

отдельно от культуры не дает её полную языковую картину мира. В процессе перевода с иностранного языка происходит активное взаимодействие двух разных культур. Переводчик должен разбираться и ориентироваться в культурных различиях двух языков, знание и понимание которых способствует понять мировосприятие и поведение носителей языковой картины мира.

Как заметила В.А. Маслова, «язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности» [5, С.62]. Способность перестроиться размышлять с одного языка на другой, перестраивать родную картину мира по чужому образцу и представляет собой одну из главных трудностей овладения иностранным языком. Важно подчеркнуть, что процедура перевода – это не только поиск адекватных языковых средств, но и функциональная замена элементов культуры, истории, быта и нрава своего и другого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006 – 912с.
2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя - М.: АРКТИ, 2000, с. 58.
3. Дондокова Д.Д. Лексика духовной культуры монгольских народов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003, с.134.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003, с. 4.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология, М.: Академия, 2001, с. 62.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. - М., 2007. - 296 с.
7. Стернин И.А., Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / И.А. Стернин, З.Д. Попова. - М.: «АСТ - Восток - Запад», 2007. - 314 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. - М.: «Языки русской культуры», 1996. - С. 18.
9. Цыбикова И.А. Некоторые проблемы развития семантики слов в монгольских языках // Актуальные проблемы востоковедения. Материалы конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.-Д. Бадараева. - Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. - с. 156.
10. Дональд Трамп ба дэлхийн дэг журмын төгсгөл // Ikon.mn –URL: <https://ikon.mn/n/xum> (дата обращения 18/02/2023)
11. Бүрэн эрх нь дуусч, энэ жил эгүүлэн татагдах Элчин сайд нар // news.mn –URL: <https://news.mn/r/2447544/> (дата обращения 18/02/2023)
12. Дахиад нэг «62-ын бүлэг» төрөх юм биш биз // gogo.mn –URL: <https://gogo.mn/r/11957?i=> (дата обращения 18/02/2023)
13. Д. Одонтуяа: Сэтгэл санааны хайр халамж заримдаа морфиноос ч чухал нөлөөтэй // itoim.mn –URL: <https://itoim.mn/article/9470> (дата обращения 18/02/2023)
14. Ж. Оджаргал яагаад бичлэгээ дэлгэв ээ? // news.mn –URL: <https://news.mn/r/779442/> (дата обращения 18/02/2023)
15. «Давхар дээл»-тэй дараагийн сайд хэн бэ? // shuud.mn –URL: <http://www.shuud.mn/a/501593> (дата обращения 18/02/2023)
16. «Давхар дээл»-ээсээ салвал гишүүд «даарна» // sonin.mn –URL: <https://sonin.mn/news/politics-economy/23604> (дата обращения 18/02/2023)
17. Давхар дээл»-гүй бол сайн, өмсвөл бүр сайн // itoim.mn –URL: <https://media.itoim.mn/article/OuBE1/31315> (дата обращения 18/02/2023)
18. Дандаа асуудал гаргадаг «давхар дээл» // unuudur.mn –URL: <https://www.unuudur.mn/a/248224> (дата обращения 18/02/2023)
19. «Үндсэн хууль» гэдэг бол даруухан хэр нь хамгийн оновчтой, зарчимтай нэр // montsame.mn –URL: <https://montsame.mn/ru/read/7933> (дата обращения 18/02/2023)
20. Давааны цаадах даваа буюу «Дайн ба Монгол» // medee.mn –URL: <https://medee.mn/p/167906> (дата обращения 18/02/2023)
21. Гаднаа гяланцаг, дотроо паланцаг»-ын үлгэр буюу Монгол амьдрал // fact.mn –URL: <http://www.fact.mn/295846.html> (дата обращения 18/02/2023)
22. Монгол Улс гаднаа гяланцаг, дотроо паланцаг болчихжээ // olooo.mn –URL: <http://olooo.mn/n/8133.html> (дата обращения 18/02/2023)
23. Гаднаа гяланцаг, дотроо паланцаг зочид буудлын үнэ // dorgio.mn –URL: <https://dorgio.mn/index.php/p/83935> (дата обращения 18/02/2023)
24. Монгол толь: [Электронный ресурс]. URL: <https://mongoltoli.mn/>

© Цыбенцова Ольга Аюровна (tabu_olga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АУДИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF LISTENING TO FOREIGN SPEECH IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

S. Chizhikova

Summary: In this article we consider a range of tasks related to the psycholinguistic aspects of teaching foreign language listening comprehension. The paper provides a brief overview of three theories of speech perception – acoustic, motor and the theory of «analysis through synthesis». At the same time, the theory of «analysis through synthesis» is recognized as optimal, since it includes the first two, complements and enriches them. This theory allows you to quite systematically combine the main points that you should pay attention to when teaching listening.

Keywords: listening, psycholinguistics, foreign language, learning, synthesis.

Чижикова Светлана Николаевна

к. филол. наук, доцент, Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева
arlana.rus@gmail.com

Аннотация: В данной статье мы рассматриваем круг задач, связанных с психолингвистическими аспектами обучения аудированию иноязычной речи. В работе дается краткий обзор трех теорий восприятия речи – акустической, моторной и теории «анализа через синтез». При этом оптимальной признается теория «анализа через синтез», так как она включает первые две, дополняет и обогащает их. Данная теория позволяет довольно системно объединить основные моменты, на которые следует обратить внимание при обучении аудированию.

Ключевые слова: аудирование, психолингвистика, иностранный язык, обучение, синтез.

Итак, остановимся на некоторых психологических аспектах обучения. Известны три теории восприятия речи – акустическая, моторная (артикуляционная) и теория анализа через синтез [5].

Сторонники акустической трактовки восприятия звучащей речи (Р. Якобсон) полагают, что речь воспринимается посегментно, при этом каждый шаг (сегмент) в восприятии приводится в соответствие в долговременной памяти слуховыми образами.

Последователи моторной или артикуляционной теории восприятия (А. Либерман, Л.А. Чистович) считают, что слуховые сигналы вызывают встречную моторную реакцию у слушающего.

По теории анализа через синтез (М. Халле, К. Стивенс, Дж. Миллер, С. Айзарт и др.) предполагают, что слушающий воспринимает высказывание тогда, когда может вызвать у себя внутреннее представление о структуре его компонентов (т.е. представить синтаксическую и фонологическую характеристики этого высказывания), а затем сопоставить воображаемое и слышимое. При этом слушающий руководствуется тремя видами правил – грамматическими (правила построения предложений), семантическими (наполненность моделей соответствующей лексики) и прагматическими (соотнесенность высказывания с определенной речевой ситуацией).

Психологи и лингводидакторы полагают, что оптимальной следует признать теорию «анализа через син-

тез». Акустическая теория имеет дело с имитативной речью, а более высокий речевой темп – восприятие спонтанной речи – этой теорией уже не объясняется. Моторная теория ограничивает свои предположения существованием встречной моторной активности органов речи у слушающего. Теория же «анализа через синтез» включает первые две, дополняет и обогащает их [1, 2].

Данная теория позволяет довольно системно объединить основные моменты, на которые следует обратить внимание при обучении аудированию (это касается необходимости развития навыков имитации, предвосхищения, анализа и синтеза, тренировки слуховой речевой памяти, навыков восприятия речевого высказывания, а также навыков переработки информации). Восприятие связного текста начинается с первичного синтеза. В долговременной памяти хранятся не только слова, но и образы сочетания слов друг с другом в речи. Услышав какое-либо слово, слушатель «вспомнит» это слово, которое связано в его сознании, в его долговременной памяти с предыдущим (или он «вспомнит» не конкретное слово, а его модель, структуру, например, услышав глагол to watch, он «вспомнит», что следующее слово, каким бы оно не было, будет употребляться без предлога). Это уже предвосхищение языкового материала, который должен следовать за услышанным. Следовательно, предвосхищение имеет как психологические, так и лингвистические основы. Предвосхищение будет способствовать и более скорому появлению моторной реакции и сыграет большую роль при необходимости проанализировать и синтезировать услышанное.

При восприятии родного языка навыки анализа (умение слышать и различать звуки внутри слова, слова в предложении и т.д.) и синтеза (умение воссоздавать звуковую форму слова, словосочетания, предложения) во многом непосредственно связаны с внутренней речью, которая помогает предельно сократить воспринимаемое сообщение до основных синтаксических узлов. Развитие внутренней речи благотворно влияет как на свернутое внешнее проговаривание, так и на развернутое, потому что при прослушивании для полного понимания сообщения необходимо уметь правильно воспроизводить услышанное во внутренней речи. Последнее способствует и запоминанию, и ассоциированию услышанного с прежним слухоречевым опытом.

При восприятии сообщения на иностранном языке навыки анализа и синтеза, без сомнения, должны быть более усложненными по структуре, так как внутренняя речь обучающегося еще не сформирована на столько, чтобы говорить о ее полноправном участии в процессе восприятия.

Таким образом, восприятие речи на иностранном языке можно представить как процесс, первым компонентом которого является предвосхищение воспринимаемого на слух сообщения на основе хранящейся в долговременной памяти слов, моделей и словосочетаний. Предвосхищение или антиципация немедленно сопровождается анализом поступающей по слуховому каналу информации.

При анализе речевого потока на первое место выступают факторы количества и качества информации. Человеческий организм обладает ограниченными возможностями для переработки информации, существуют максимальные пределы скорости и объема ее восприятия. Поэтому важно не только сообщить определенное количество информации, но и сочетать в высказывании высоко информационные и низко информационные элементы.

Выявление различных потенциальных факторов (типичная последовательность звуков, устойчивые сочетания, синтаксические отношения) позволит установить определенные закономерности и дает аудитору возможность сокращать количество воспринимаемой информации. Последнее необходимо для получения некоторого резерва времени, за которое происходит осмысливание и синтезирование воспринятого сообщения.

Взаимосвязь количества и качества информации оказывает непосредственное влияние на способность предугадывать ход высказывания. Предположим, что имеется избыток информации, относящейся к какому-либо «моменту» сообщения. В таком случае определить этот «момент» не представит особых затруднений даже тогда, когда в начале сообщения было не вполне ясно, о

чем идет речь. Точно так же легко будет предположить вероятность его появления в речевой цепи. Поэтому иностранцу, который не обладает высокоавтоматизированным навыком употребления слов и синтаксических конструкций на неродном языке и развитой способностью их предвосхищения, следует на первых шагах в целях обучения предлагать тексты с информацией, избыточной количественно, даже в ущерб ее качеству [4].

Осмысление полученной информации и ее анализ тесно связаны с синтезом. Осмысление подготавливается анализом, но в самый момент его возникновения является всегда синтезом. Это существенно для методики преподавания, так как в практике обучения прослушивание текста традиционно сопровождается его контролем в форме пересказа или ответа на последовательный ряд вопросов.

Какой же синтез предпочтителен, исходя из его психологической сущности? Процессы синтеза включают несколько актов, наиболее существенным из которых является процесс составления плана, возможный лишь на этапе компрессии принятого сообщения. Однако операциями компрессии процесс синтеза не завершается, в нем существенное место (наряду с планом) занимает элемент интерпретации, т.е. соотнесение нового с ранее известным, присвоение вновь полученной информации, нахождение ее места в системе знаний и опыта, составление собственного суждения по поводу услышанного.

С одной стороны, от обучающегося требуется не традиционный пересказ услышанного, а определенное выстраивание собственного сообщения в подтверждение понятой главной мысли; с другой стороны, пересказ не должен быть бесстрастной констатацией событий, а в обязательном порядке включать оценочный элемент услышанных событий.

Также отметим, что, отбирая аудиоматериал, необходимо учитывать его информативную и содержательную сторону, а также цель использования в учебном процессе. В учебном процессе аутентичные аудиоматериалы могут быть использованы в качестве способа введения языкового материала, средства обучения другим видам речевой деятельности и средства контроля. При выборе и подготовке аутентичного аудиоматериала, к основной задаче преподавателя можно отнести следующее: разделить материал на логически завершенные части, подготовить скрипт текста, составить лексический минимум и задания к тексту [3].

Следовательно, аудирование представляет собой важный аспект обучения иностранному языку в вузе и для эффективного осуществления аудирования необходима адекватная и слаженная работа целого комплекса психологических механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галькова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Academia. 2004. С. 161-165.
2. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение 1991. С. 121-123.
3. Науменко Н.П. Требования к отбору аудиоматериала и этапы работы с ним / Н.П. Науменко, С.Н. Чижикова // Теоретический и практический потенциал современной науки: сборник научных статей. Том Часть V. Москва: Издательство «Перо», 2019. С. 171-175.
4. Нуждина М.А. К вопросу управления процессом восприятия речевого высказывания // Иностранные языки в школе. 2002, №2. С. 21-23.
5. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. М.: Просвещение. 2002. С. 67-70.

© Чижикова Светлана Николаевна (arlana.rus@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный аграрный университет –
Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФЕМИНИТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ян Лэй

Аспирант, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина
tonicayam123@163.com

THE FUNCTIONING OF FEMINITIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Yang Lei

Summary: The article is devoted to the study of nouns denoting females by profession or occupation. In Russian language they are usually formed with the help of suffixes, containing the modification meaning of femininity. The article deals with the problems of asymmetry in gender-relevant names of persons. Polysemy and stylistic features of suffixes with the meaning of femininity, which form the names of females, are revealed. And also discusses new types of women's names, which are widely used in the media.

Keywords: the names of females, gender linguistics, suffixes with the meaning of femininity, asymmetry in gender-relevant names of persons.

Аннотация: Статья посвящена изучению существительных женского рода, образованных от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих профессиональную принадлежность, род занятий. В русском языке они чаще всего образованы при помощи суффиксов с модификационным значением женскости. В работе рассматривается проблематика асимметрии в гендерно релевантных наименованиях лиц. Выявляются многозначность и стилистическая окрашенность суффиксов со значением женскости, рассматриваются феминитивы, которые широко используются в языке СМИ.

Ключевые слова: наименования лиц женского пола, гендерная лингвистика, суффиксы со значением женскости, асимметрия в гендерно релевантных наименованиях лиц.

Современная лингвистика характеризуется усилением роли междисциплинарных исследований в постижении динамической сущности языка. Эта тенденция обнаруживается в ряде исследований, посвященных установлению взаимосвязи языка и человеческого факторов, в том числе и в гендерной лингвистике, которая берет свое начало в Европе в начале XX века. Центральной задачей гендерной лингвистики является изучение взаимосвязи языка и гендера. Исследование данной проблематики начинается с развития теории биологического детерминизма, базирующего на аспекте бинарной оппозиции. В последнее тридцатилетие с развитием теории конструирования гендера в гендерной лингвистике наметился переход от поиска доказательств языковой маркированности гендерных различий к рассмотрению языка как способа конструирования гендера. Согласно теории конструирования гендера, гендер конструируется обществом. Язык играет важную роль в этом процессе.

Исследования, посвященные конструированию гендера в лингвистике, могут быть разделены на две группы [3]. Внимание первой группы сосредоточено на выявлении причин гендерно специфичного отбора языковых средств. Вторая изучает репрезентацию в системе языка таких гендерных факторов, как гендерные асимметрии в лексике, гендерные стереотипы в поговорках, номинации лиц женского и мужского пола и т.п. Особое внимание обращено на проблематику гендерно маркированных номинаций, что обусловлено следующими причинами: во-первых, в гендерно релевантных номинациях обнаружена проблема асимметрии, которая находится в тесной связи с проблемой соотносительности семантики пола и грамматической категории рода,

а также с многозначностью и стилистической окрашенностью суффиксов со значением женскости; во-вторых, номинации, отражающие гендерные представления, являются важными ресурсами для изучения конструирования гендера.

Интерес лингвистов к проблематике взаимосвязи пола и рода имеет глубокие корни. В статье О.Н. Зюзиной, Д.В. Ильиной и И.Е. Кима указано, что «по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, закрепление в морфологической категории рода делает различие мужского и женского в сознании носителей индоевропейских языков постоянно воспроизводимым и чрезвычайно устойчивым» [5, с. 48]. Авторы изложили это явление следующим образом: «морфологическая семантика, равно как и устройство морфологических категорий, очень удобна для соотносительности с понятийно-ценностными рядами и прежде всего с бинарными ценностными оппозициями, поскольку в морфологии в качестве единицы фигурирует не атомарное явление, а ряд-оппозиция или более сложно устроенное неопозитивное различие» [5, с. 48]. Дихотомия «мужское/женское» имеет глубокую биологическую основу, на которой создалось представление о гендере. Так, по причине существования тесной связи между грамматическим родом и биологическим полом сформирована и ассоциация между существительными мужского и женского рода и гендерной принадлежностью референтов. Такая ассоциация привела к мнению о том, что существительные мужского рода должны применяться для называния лиц мужского пола, а слова женского рода — для номинации лиц женского пола. Однако ряд наименований профессий может использоваться для обозначения как мужчин, так и женщин. Слово мужского рода сохраняется в кодифицированной речи даже в тех

случаях, когда существуют соотносительные с ним существительные для номинации профессий женского пола. Согласно мнению В.В. Виноградова, «формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека» [2, с. 62]. Такое явление вызвало бурную дискуссию о андроцентричности языка в рамках феминистской лингвистики. С точки зрения последователей феминистского критицизма, неравномерная представленность в системе номинации лиц является одним из признаков гендерной асимметрии, которая отражает закрепленный в языке андроцентризм. «Доказывая ее андроцентричность, — отметила А.В. Кирилина, — феминистская лингвистика строила свою аргументацию в значительной мере на критике номинативной системы языка» [7, с. 102]. Однако следует отметить, что неравномерная представленность в наименованиях лиц разного пола существует и в ряде языков, где отсутствует грамматическая категория рода.

Кроме того, многозначность и стилистическая окрашенность суффиксов со значением женскости тоже считаются признаком асимметрии. Многие феминитивы имеют стилистически сниженную окраску (пренебрежительную), так как указывают на более низкий профессиональный статус женщины по сравнению с мужчинами или используются для обозначения жены соответствующего лица мужского пола, что привело к асимметрии в гендерно релевантных наименованиях лиц. Например, *астрономичка* обозначает «учительница астрономии», а не «специалист по астрономии». А *медичка*, *филологичка* — это «студентка медицинского учебного заведения», «студентка филологического факультета», а не «специалист» в области медицины и филологии. Кроме того, некоторые суффиксы используются для определения семейной роли, имеют значение «жена лица, названного мотивирующим словом» [12, с. 197]. Например, суффиксы *-ш(а)*, *-их(а)*, *-иц(а)*: *чиновница* (устар.), *исправница* (устар.), *дьяконица* (устар.); *купчиха*, *городничиха* (устар.), *старостиха*, *мельничиха*; *секретарша*, *докторша*, *профессорша*, *министерша*, *директорша* и др. В связи с многозначностью этих наименований, нам трудно определить их семантику без четкого указания или контекста, ср.: (1) *Помню, как Рита К., студентка-«филологиня», была уличена в интимных отношениях со студентом юридического факультета* (Владимир Санников. Юность. Несколько мгновений счастья. 2003); *«Вот выйдешь за него замуж, будешь профессоршей»*, — вставила я и свою реплику, когда подруга наконец-то примолкла (Олег Рой. Зеленая тетрадь. 2021); *А. Пойди ляг на мою кровать, отдохни. В. Потом, мам. Потом. С. Ну что, мам, что сказала докторша? А. Все то же. Нервы, говорит* (Юлий Райзман, Евгений Габрилович. Странная женщина. 1977); (2) *Личных не было. То есть однажды я с ней встретилась в одном частном доме. Нет, не пишите. У одной докторши, которая жила в отдельной квартирке, у которой была*

ванная комнатка, и она, докторша, и Анна Андреевна ходила к ней мыться (Е.Л. Тархова. Беседа В.Ф. Тейдер с Е.Л. Тарховой. 1970–1980).

Следовательно, в официально-деловой речи применяются существительные мужского рода, обозначающие лиц по профессиональной принадлежности и роду деятельности, вместо соответствующих им и деривационно связанных с ними существительных женского рода с целью избегания семантической неопределенности и стилистической окрашенности. Однако в разговорной речи нами обнаружено широкое использование стилистически окрашенных номинаций, имеющих экспрессивные оттенки [8]. В ряде работ отмечено, что к наиболее продуктивному типу образования феминитивов относятся словообразовательные модели с суффиксами *-ш(а)*, *-есс(а)*, *-ин(я)*, *-их(а)*, *-иц(а)*, имеющие сниженный или шуточный характер [1, 4, 6, 12]: *А. Извини, я тороплюсь, у меня редсовет. В. До свидания. А. Привет! В. Критикесса! Мерзавец! Скотина! О господи... (Глеб Панфилов, Александров Червинский. Тема. 1979); Представьте московскую филологиню, нервную, острую, подвижную, с резкими чертами лица, с высокой башенкой черных волос, с прокуренным хриловатым голосом, всегда возбужденную, будто она торопится не опоздать на поезд, с живыми близорукими глазками — они смотрели на вас, на мир с чуть неестественной напряженностью, может быть, оттого, что она упрямо не носила очков. (Леонид Зорин. Сюжеты. 2020); Я глядел на нее и думал: странно. Вот она, моя тонкая умом и талией филологиня. Чем старше становится, тем почему-то грубее, презрительнее, что ли, по отношению и к себе, и к другим — а сейчас и вовсе похожа на подпившую мясо-молочную продавщицу, пришедшую излить матерные обиды своему хахалю (Алексей Славовский. Висельник). С. В. Ильясова представила особую ситуацию, когда существительные мужского рода и женского рода использованы в одном контексте с целью построения словообразовательной игры на основе их стилистического противопоставления. Существительное мужского рода *музыкант* используется для названия профессии женщины в официально-деловом стиле, а существительное женского рода *музыкантша* носит разговорный характер. *Спросим себя: родит ли умение юной музыкантши ее хотение послужить людям? Едва ли. За шесть лет ее уже приучили к мысли, что она учится для себя. Нетрудно предположить, что, став и профессиональным музыкантом, она не потянется выступить просто так, для удовольствия людям. Она станет выступать только «платно»* [6, с. 91]. В данном случае, суффикс *-ш(а)* служит не только признаком разговорной стилистики, но и указателем сниженной оценки. В сочетании с прилагательным «юный», существительное *музыкантша* имеет значение «музыкант малоквалифицированный» и выражает негативную оценку способностей референта.*

При особых условиях эти суффиксы отражают фамилярно-просторечную окраску, например: *Я никогда не забуду, как я там пришёл... ну в какую-то поликлинику мы ходили, там сидела какая-то такая старенькая **врачиха**, которая мне сказала: «Ну вот поступите в университет...»* (А.А. Богданов, Т.В. Богатова. Беседа Т.В. Богатовой с А.А. Богдановым. 2012) [10]; *Я на седьмом месяце. Позавчера была на УЗИ, молоденькая **врачиха** как-то уж чересчур с удовольствием натурала мой живот какой-то мазью и все это время громко и тяжело дышала* (Игорь Корниенко. Точка. Зрения — Lito.ru. Современная русская литература в Интернете) [9]; *Меня направили в рентгеновский кабинет, где молодая симпатичная **докторша** уложила меня на стол и сделала множество снимков, поворачивая меня то на бок, то на спину, то на живот.* (Сергей Бондарчук, Михаил Шолохов. Они сражались за родину. 1975)[9]. Экспрессивный оттенок суффиксов со значением женскости находится в большой зависимости от контекста. В указанных случаях в сочетании с прилагательными «старенькая» и «молоденькая», «симпатичная», слова *врачиха*, *докторша* имеют положительный характер.

Отмечено, что многозначность и стилистическая окрашенность наименований профессий лиц женского пола обусловлены экстралингвистическим фактором. В.В. Виноградов указал, что одной из причин использования существительных мужского рода для обозначения женщин является «преобладание мужского труда в кругу соответствующих должностей и профессий, особенно в дореволюционную эпоху» [2, с. 66]. В работе А.С. Васильевой рассмотрена динамика наименований профессий лиц женского пола в XX–XXI вв. Автор отметила, что «в начале XX в. в наименованиях женского рода по профессиональной принадлежности преобладали названия неквалифицированных или малоквалифицированных профессий, что отражало реальную ситуацию, в которой женщины, как правило, имели более низкий профессиональный статус по сравнению с мужчинами <...> в конце XX — начале XXI вв. почти для каждого наименования мужского рода появляется коррелятивная пара женского, что находит отражение в разговорной речи и языке СМИ» [2, с. 37]. В этих наименованиях лиц нами обнаружены социальные представления о положении и роли женщин, обусловленные социально-историческими изменениями, происходящими в обществе.

Стоит упомянуть, что изменение социальных представлений о женщинах в современном обществе обусловили появление в русском языке новых слов женского рода, называющих профессии, образованных при помощи суффиксов *-к(а)* (*юристоконсультка, тележурналистка*), *-ниц(а)* (*образовательница*), *-есс(а)* (*агентесса, драматургесса*), *-ш(а)* (*экспериментаторша, администраторша*) и др. С. П. Хижняк отметила, что «ориентация современного феминизма на “утверждение гендерных различий” особенно сильна в современной России, но скорее не в силу радикализма политических взглядов, а как дополнительное средство утверждения равноправия полов в профессиональной сфере» [11, с. 28]. Об этом свидетельствует широкое использование стилистически нейтральных феминитивов в языке СМИ, где они чаще всего встречаются в текстах, посвященных темам о женщинах (*тренерка, публицистка, адвокатесса, соосновательница, публицистка* и др.): *В это время к нам подходит **тренерка** Татьяна* (Как мы тренировались со «Здольнай». URL: <https://citydog.io/post/grass-zdolnaja/>); *Брянская **адвокатесса** потеряла статус защитника из-за черного нала* (Брянская адвокатесса потеряла статус защитника из-за черного нала. URL: <https://gorod-tv.com/news/obschestvo/140092/>); *Валерия Новодворская — диссидентка, **правозащитница**, либеральная **деятельница**, соосновательница партии «Демократический союз», **публицистка*** (10 Важнейших российских правозащитниц, посвятивших жизнь борьбе за правду. URL: <https://playboyrussia.com/>).

Итак, асимметрия в гендерно релевантных наименованиях лиц в русском языке определяется многозначностью и стилистической окрашенностью суффиксов со значением женскости, обусловленных историко-социальными условиями. Она привела к тенденции применения наименований мужского рода для обозначения женщин, которая «в русском языке долгое время сохранялась и сохраняется» [1, с. 139]. Тем не менее под влиянием идеи гендерного равенства в последние годы во многих языках появилось явление феминизации, в том числе и в русском языке. Явление феминизации особенно очевидно отражено в новых наименованиях профессии женщин в языке СМИ, где суффиксы со значением женскости используются для образования стилистически нейтральных параллельных названий для обозначения женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, А.С. Наименования лиц женского пола в русском языке конца XX — начала XXI вв.: семантика, структура, функционирование: дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 2016. — 199 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове: учеб. пособие для вузов. — М.; Л.: Учпедгиз, 1947. — 784 с.
3. Гриценко, Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук. — Н. Новгород, 2005. — 405 с.
4. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. — М.: Наука, 1981. — 276 с.

5. Зюзина, О.Н., Категория рода в русском языке и понятийно-ценностный ряд «мужское/женское»: от этносемантики к новой гендерной семантике / О.Н. Зюзина, Д.В. Ильина, И.Е. Ким // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 473 (декабрь).
6. Ильясова, С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ: дис. ... д-ра филол. наук. — Ростов н/Д, 2002. — 432 с.
7. Кирилина, А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. — Москва, 2000. — 369 с.
8. Колесников, Н.П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц / Н.П. Колесников. — Москва: Издательство АСТ; Издательство Астрель, 2002. — 608 с.
9. РКСШ — Русские корпуса на сайте Сергея Шарова (Лидс) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>
10. 1Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Москва, 2003–2023. — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
11. Хижняк, С.П. Феминитивы vs гендерно нейтральные слова со значением профессий в русском и английском языках / С.П. Хижняк // Язык науки и профессиональная коммуникация. — 2020. — № 2 (3). — С. 24–37.
12. Шведова, Н.Ю. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — Москва: Наука, 1980. — 788 с.

© Ян Лэй (monicayam123@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Наши авторы

Abdullayeva Z. – Senior Lecturer, Moscow Institute of Steel and Alloys

Abdullina L. – candidate of Philology, Associate professor, Kazan (Volga region) Federal University

Antipov O. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Bakumenko O. – Assistant professor, Kuban State University

Baldin P. – Cand. Sci. (History), State University of Education

Belenkova Yu. – lecturer, Samara State Technical University

Bogdanova Yu. – Cand. of philological sciences, associate professor, FSBEI HE Northern Trans-Ural SAU

Bogoyavlenskaya Yu. – Doctor of Philology, Ural Federal University

Bulakh K. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Nevinomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Cheremisova E. – Teacher, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Chizhikova S. – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Denisova O. – Senior Lecturer, Department of Ibero-American Studies in Language, Translation and Intercultural Communication; PhD Student, International Institute for Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, South Federal University

Derzyan V. – South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

Dineikina E. – Assistant Professor, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, branch of the Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of Russia.

Dvorkovaya M. – Cand. Sci. (History), State University of Education

Fadeeva N. – PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk Rail Transport Institute, a branch of Irkutsk State Transport University

Fayzrakhmanov R. – Independent researchers, Kazan

Galeyeva N. – employee of the Center for genealogical research "Seven generations", Kazan

Our authors

Gerasimenko T. – Senior lecturer, Plekhanov Russian University of Economics

Gezha R. – Lecturer, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Golikova T. – Candidate of Philology, assistant professor in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration – RANEPA, Russia, Moscow

Grigorieva N. – Doctor of Science, Professor, Peoples' Friendship University of Russia»

Hu Xiaoxu – Postgraduate Student, Far Easter Federal University

Ivanov N. – Doctor of Philology, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Karimov T. – Candidate of historical Sciences, Institute of History. Sh. Marjani AS RT (Kazan)

Karseka L. – Art. Lecturer, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Kazambieva P. – Assistant to the Vice-Rector for Academic Affairs, Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russia

Kelazeva E. – Penza State University

Kobyakova N. – teacher of Russian language and literature School № 16 (Sarov city)

Kuchinskaya E. – Associate Professor, Doctor of Philology, Federal State State-owned Military Educational Institution of Higher Education "Military Academy of Military Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation" named after Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky"

Kurenkova E. – Cand. Sci. (History), Assoc. Professor, State University of Education

Kurklinskaya E. – Lecturer, Voronezh State University.

Li Huanhuan – Postgraduate student, St. Petersburg State University

Li YaJuan – PhD.studen, RUDN University

Liu Qingyang – PhD student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Logacheva N. – PhD Assosiate Professor, Peoples' Friendship University of Russia

Lukina M. – candidate of Philology, Associate professor, Kazan (Volga region) Federal University

Meier L. – PhD in Sociology, Assistant Professor, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, branch of the Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of Russia.

Mironova A. – senior lecturer, Moscow City University

Mukhamadiyeva D. – Cand. of Philological Sciences, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal Proshlyakov

Musayeva A. – Associate Professor, University of Foreign Languages

Pankova T. – Ph.D. in Philology, Associate Professor, Voronezh State University.

Petkov V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Kuban State University (Krasnodar)

Piskova D. – associate professor, Penza State Technological University

Rakhmatov A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, NRU MGSU – Moscow State University of Civil Engineering (SVAO)

Rodionova A. – associate professor, Penza State University

Rykova E. – senior lecturer, Moscow City University

Semenova O. – senior lecturer, applicant, Baikal state university

Serebrennikova N. – Candidate of Philological Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Sergeeva M. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, RUDN University

Shlyakhov A. – Applicant, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Shulzhenko A. – Senior lecturer, Plekhanov Russian University of Economics

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University, (Barnaul)

Slepak E. – postgraduate student Plekhanov Russian University of Economics

Solopii D. – Postgraduate student, Surgut State University

Stepanov E. – Altai State Pedagogical University, (Barnaul)

Tartysheva A. – Head of the Department for the Implementation of Youth Initiatives of the Youth Policy Center (Stavropol)

Tartysheva N. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Tsybenova O. – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, The Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia

Wang Yu. – Postgraduate Student, South Ural State University (Chelyabinsk)

Yang Lei – Postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute

Yartsev S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Tula State Lev Tostoy Pedagogical University

Yusupova T. – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor State University of Humanities and Technology, Orechovo-Zuevo

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).